

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 9 2019 (СЕНТЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
А.В. Романов

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

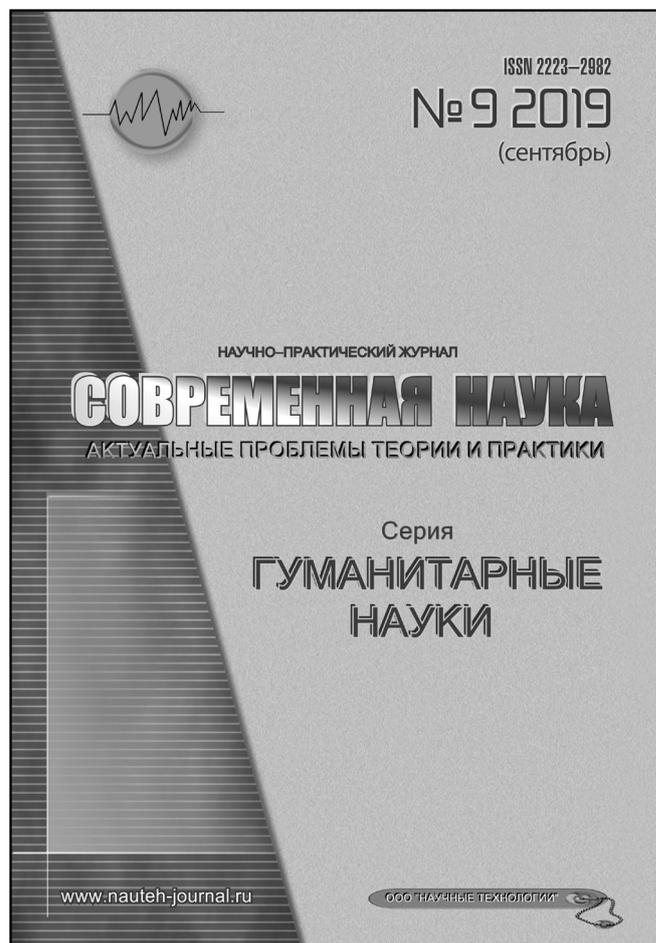
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 9 (сентябрь 2019 г)

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 20.09.2019 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор,
Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины и
биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор,
Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н., доцент,
независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им.
М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр
Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный
университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н.,
профессор, Московский государственный областной
университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения
детства, семьи и воспитания Российской академии
образования (ИИДСВ РАО), г.н.с.

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-
Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-
Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор,
Северный (Арктический) Федеральный университет им.
М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н.,
профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор,
Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н.,
профессор, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский
государственный университет

Пушкарёва Наталья Львовна — д.и.н., профессор,
Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный
университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор,
Московский педагогический государственный
университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт
экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор,
Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор,
Московский Государственный Областной Университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО
МИД России, ст. преподаватель

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор,
Владимирский филиал Финансового университета при
Правительстве РФ, ректор

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Борисевич С. П. — Подготовка АНЗАК: что делали австралийско-новозеландские солдаты у турецких берегов
Borisevich S. — Anzac training: what did Australian-New Zealand soldiers do by the Turkish coast. 6

Бурдина Г. М. — Театр в пространстве российского провинциального города во второй половине XIX – начале XX вв
Burdina G. — Theater in the space of a Russian provincial city in the second half of the XIX beginning of the XX century 11

Васина И. И., Запарий В. В., Симонов М. А. — Формирование промышленной базы бронекорпусного производства на Урале в 1941 г. (на примере завода № 200 НКТП в г. Челябинск)
Vasina I., Zapariy V., Simonov M. — Formation of the industrial basis of armored products in the Urals in 1941 (at the example of plant № 200 NKTP in Chelyabinsk) 16

Ишбулдина К. Р. — Усилия Турции в деле «наведения мостов» между Афганистаном и Пакистаном
Ishbuldina K. — Turkey's efforts in "building bridges" between Afghanistan and Pakistan 21

Мизеров И. И. — Позиционный кризис в ходе Ржевской и Верденской битв мировых войн: общее и особенное
Mizerov I. — The positional crisis during Rzev and Verdun battles of world wars: general and special 26

Николаев Д. А., Хвостова И. А. — Страницы истории нижегородского ополчения 1812 г.: проблема «лишнего» оружия
Nikolaev D., Khvostova I. — Pages of history of the Nizhny Novgorod militia in 1812: the problem of "excess" weapons 35

Текуева М. А., Нальчикова Е. А., Гугова М. Х. — Наказания смертью в традициях Северного Кавказа и их отголоски в современности
Tekueva M., Nalchikova E., Gugova M. — Punishments by death in the traditions of the Northern Caucasus and their echo in the present 38

Педагогика

Гарипова Ю. М. — Социальный интеллект и интуитивные способности будущих педагогов
Garipova Yu. — Social intelligence and intuitive abilities of future teachers 44

Гончарова А. В. — Модели реализации обучения иностранным языкам на основе составления диалогических контентов (на материале английского языка)
Goncharova A. — Models of implementation of teaching foreign languages based on drawing up dialogical contents (on the material of the English language) 49

Григорьева Ю. Г., Мец М. Е. — Could в современном научно-техническом дискурсе
Grigorieva Yu., Mets M. — Could in Modern scientific and Technical Discourse 56

Давыденко В. В., Яшин С. М., Рейтель Р. П. — Освоение манипуляций в профессиональной подготовке хирурга. Цель старая, возможности новые
Davydenko V., Yashin S., Reitel R. — Development of manipulations with the training of the surgeon. The purpose of the old opportunities a new 61

Жирков Д. Д. — Нравственно-этическое оценивание поступка литературного героя (А. П. Чехов в старшей школе)
Zhirkov D. — Moral and ethical evaluation of the act of the literary hero (A. P. Chekhov in high school) 66

Зинятов А. Н. — Актуальность инновационных технологий в современном образовательном процессе
Zinyatov A. — The relevance of innovative technologies in modern educational process 69

Илакавичус М. Р. — Моделирование сетей образовательных событий для разновозрастных сообществ как объект педагогического исследования <i>Ilakavichus M.</i> — Modeling networks of educational events for communities of different ages as an object of pedagogical research 72	Сенюгноева Н. А., Романова О. В. — Критерии формирования функциональной грамотности и ключевые компетенции XXI века <i>Senognoeva N., Romanova O.</i> — Criteria for forming functional literacy and key competences of the XXI century..... 99
Козыдуб О. В. — Современные подходы к физической подготовке и профилактике травматизма в плавании <i>Kozydub O.</i> — Modern approaches to physical training and injury prevention in swimming 77	Ши Хуэй — Приёмы и методы изучения категорий глагольного вида на занятиях по русскому языку с китайскими студентами <i>Shi Hui</i> — Methods and techniques of studying the categories of verbal form in the classroom in the Russian language with Chinese students 105
Малова Е. Н., Шубович В. Г. — Формирование творческой активности учащихся в системе дополнительного образования технической направленности <i>Malova E., Shubovich V.</i> — Formation of creative activity of students in the system of additional education of technical direction 80	Филология
Мулявина Э. А. — Особенности организации учебного процесса в вузе культуры с учетом требований национальных проектов <i>Mulyavina E.</i> — The organization's features of the educational process in the university of culture taking into account the requirements of national projects 84	Абаева Е. С. — Условия передачи юмористического эффекта при переводе <i>Abaeva E.</i> — The conditions for the transfer of humorous effect in the translation 109
Овсяницкая С. С. — Культура этноtolерантности – основа нравственного воспитания подрастающего поколения <i>Ovsyanitskaya S.</i> — Culture of ethno-tolerance – the basis of moral education of the younger generation..... 87	Алтухова О. И. — «Автор» и «читатель» как участники коммуникативного акта, моделируемого метафорами с областью источника «текст» <i>Altukhova O.</i> — The roles of «author» and «reader» in the communicative act modelled by metaphors with «text» as a source domain 112
Покровская Е. М., Раитина М. Ю., Приходкина Н. В. — Учебные мигранты: особенности восприятия и адаптации (на примере Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники) <i>Pokrovskaya E., Raitina M., Prihodkina N.</i> — Educational migrants: perception peculiarities and adaptation (on the example of Tomsk state university of control systems and radio electronics) 90	Волкова И. А. — Окказионализмы. Их образование и цели использования в современных художественных текстах и СМИ <i>Volkova I.</i> — Occasionalisms. Their education and purposes of use in modern literary texts and mass media..... 117
Полупан Е. Б. — Формирование навыков делового общения на занятиях с иностранными студентами <i>Polupan E.</i> — Formation of business communication skills in the classroom in Russian as a foreign language..... 93	Газиева И. А. — Аланкары в вариантах перевода прозы и поэзии на хинди <i>Gazieva I.</i> — Alankaras in Saddridin Aini Russian and Hindi novel translation 126
	Гусейнова Э. Ш. — Концепт «Бог» в английской языковой картине мира <i>Huseynova E.</i> — The concept “God” in the English language picture of the world 132
	Едличко А. И. — Некоторые аспекты политкорректной номинации <i>Edlichko A.</i> — Some aspects of politically correct nomination..... 137
	Зырянова С. А. — Когнитивная стратегия как основа интерпретации художественного текста <i>Zyryanova S.</i> — Cognitive strategy as a basis for the interpretation of a literary text..... 143

<i>Ле Ань Ван, Чан Май Тъи</i> — К вопросу о заимствовании в русской военной терминологии (на материале текстов СМИ)	
<i>Le Anh Van, Tran Mai Chi</i> — To the question of borrowing in Russian military terminology (on the material of media texts)	146
<i>Ма Мэнфэй</i> — Глаголы, указывающие на наименьшую интенсивность осмеяния в русском языке (в сопоставлении с китайским)	
<i>Ma Mengfei</i> — Verbs indicating the least intensity of derision in the Russian language (in comparison with Chinese)	151
<i>Максимова О. Б.</i> — Средства выражения категории культуроспецифичности в интернет-дискурсе (на примере российской блогосферы)	
<i>Maximova O.</i> — Means of cultural specificity category representation in internet discourse (a case study of Russian blogosphere)	156
<i>Омелаенко Н. В.</i> — Концептуальный анализ текста новеллы Стефана Цвейга „Amokläufer“	
<i>Omelaenko N.</i> — Conceptual analysis of text of novella by Stefan Zweig „Amokläufer“	161
<i>Попова Е. А., Игнашина З. Н.</i> — Культурообусловленное использование некоторых прецедентных имен в устойчивых выражениях кубинского национального варианта испанского языка	
<i>Popova E., Ignashina Z.</i> — Culture-based use of certain precedent names in set expressions of the Cuban national variation of Spanish	167
<i>Смирнова Ю. В.</i> — Афроамериканский диалект английского языка и семантическая инверсия (на материале романов Тони Моррисон „The Bluest Eye“, „Song of Solomon“, „Beloved“)	
<i>Smirnova Yu.</i> — African American vernacular English and semantic inversion (based on Toni Morrison’s novels „The Bluest Eye“, „Song of Solomon“, „Beloved“)	171
<i>Сяо Юе, Чан Ин</i> — Сравнительное изучение китайских и русских названий международных организаций	
<i>Guo Rui Hong, Chang Ying</i> — A comparative study of Chinese and Russian names of international organizations	175
<i>Тарасова О. Н.</i> — Специфика выражения согласия в мультимодальной коммуникации в политическом дискурсе	
<i>Tarasova O.</i> — Characteristic aspects of expressing agreement in multimodal communication in political debates	179
<i>Труфанова И. В.</i> — Сиреневый цвет и его оттенки в лирике В. В. Набокова	
<i>Trufanova I.</i> — Lilac color and his shades in lyric by V.V. Nabokova	183
<i>Червоный А. М., Павленко А. Е.</i> — Функции и формы выражения семантического субъекта в конструкциях с каузативным значением (на материале французского и русского языков)	
<i>Chervony A., Pavlenko A.</i> — Functions and forms of expression of the semantic subject in constructions with causative meaning (the evidence of French and Russian)	190
<i>Щербак И. В.</i> — Языковые средства выражения оценки в публичных выступлениях американских политических деятелей	
<i>Shcherbak I.</i> — Linguistic means of evaluation in American politicians’ public speeches	196
Информация	
Наши авторы. Our Authors	200
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале	202

ПОДГОТОВКА АНЗАК: ЧТО ДЕЛАЛИ АВСТРАЛИЙСКО-НОВОЗЕЛАНДСКИЕ СОЛДАТЫ У ТУРЕЦКИХ БЕРЕГОВ

Борисевич Сергей Петрович

К.и.н., доцент, Филиал Сочинского государственного университета в г. Анапе
borisevich555@mail.ru

ANZAC TRAINING: WHAT DID AUSTRALIAN-NEW ZEALAND SOLDIERS DO BY THE TURKISH COAST

S. Borisevich

Summary. The article is devoted to the key stages of the creation of the Australian-New Zealand Army Corps, about which it is little known in Russia. However, in the countries that formed it, as you know, the volunteers who fought as part of the corps are national heroes, and the day the corps entered the fighting on April 25, 1915, is significant for the peoples of Australia and New Zealand as well as for the Russians Victory Day. The article discusses the features of the formation and preparation for military operations of ANZAK, the reasons and the nature of its use in the Gallipoli operation.

Keywords: ANZAC, World War I, Australian-New Zealand volunteers, breakthrough in the Dardanelles..

Аннотация. Статья посвящена ключевым этапам создания Австралийско-новозеландского армейского корпуса, о которых мало известно в России. Однако, в формировавших его странах добровольцы, воевавшие в составе корпуса, являются национальными героями, а день вступления корпуса в боевые действия — 25 апреля 1915 г., значим для народов Австралии и Новой Зеландии так же, как для россиян День Победы. В статье рассмотрены особенности формирования и подготовки к боевым действиям АНЗАК, причины и характер его использования в Галлиполийской операции.

Ключевые слова: АНЗАК, Первая мировая война, австралийско-новозеландские добровольцы, прорыв в Дарданеллах.

Аббревиатура Австралийско-новозеландского армейского корпуса (ANZAC — Australian and New Zealand Army Corps) мало кому известна в нашей стране. Корпус в обеих мировых войнах XX века действовал на вспомогательных направлениях и решающего влияния на ход боевых действий не оказал. Таких армейских единиц в составе войск Антанты было много, и интерес к действиям корпуса отечественного исследователя объяснялся только с точки зрения проведения десантной операции на побережье противника в сложных условиях. Впервые по горячим следам действия корпуса были описаны в работах Г. Веселаго и А. А. Коленковского, и только в 1927 г. РККА была издана небольшая брошюра, полностью посвящённая АНЗАК. [1]

В современной России интерес к «белым пятнам» Первой мировой войны возрос, и действия АНЗАК были частично описаны в работах А. Г. Больных, Ю. А. Петросяна, Н. С. Скоробогатых и других авторов [2]. Их книги имели ограниченный тираж и были интересны узкому кругу специалистов. Более широкой публике в России АНЗАКИ (так называют солдат, воевавших в корпусе) стали известны благодаря деятельности посольства Австралии в России, которое в 2015 году к 100-летию АНЗАК организовало ряд мероприятий и публикаций о героическом участии своих граждан в событиях Первой мировой войны. Кроме того, россияне из ма-

териалов книги австралийского историка русского происхождения Елены Говор «Русские Анзаки в австралийской истории» с интересом узнали, что в составе корпуса доблестно воевало около 150 выходцев из России. [3]

Другое дело страны, непосредственно в формировании корпуса. «День АНЗАК» — всенародный праздник в Австралии и Новой Зеландии сродни нашему дню Победы. Участие граждан далеких островов в мировом столкновении, проявленные ими мужество и героизм, отданные жизни ради победы стали важной частью идентичности народов Австралии и Новой Зеландии и сформировали их национальное самосознание, определили путь развития в настоящем и будущем. Научная и художественная литература, кино и театр, музеи и мемориальные комплексы прославили воинов АНЗАКа, сделали их национальными героями, создали миф непокорённого духа, превратили в символ свободы Австралии и Новой Зеландии. Одним из главных вдохновителей кампании по популяризации подвигов анзаковцев стал военный журналист и писатель Алан Мурхед. Его книга «Gallipoli», вышедшая в 1956 году (русское издание «Борьба за Дарданеллы») и получившая первую премию и золотую медаль Даффа-Купера, стала для жителей Австралии одним из главных военно-патриотических трудов. [4]

История создания армейского корпуса изобилует рядом необычных для военно-политического руководства Великобритании и ее доминионов решений, которые легли в основу возникновения будущих мифов об анзаках.

Во-первых, военный министр фельдмаршал лорд Г. Китченер рекомендовал не привлекать малочисленные регулярные войска Австралии и Новой Зеландии, а осуществить комплектование новых войск за счет набора добровольцев. Предполагалось сформировать дивизию численностью до 20 тыс. человек из австралийцев и 8 тыс. из числа новозеландцев. Такой подход был ненадежен в том плане, что никто из руководителей стран не мог гарантировать набора необходимого числа личного состава.

Во-вторых, корпус предполагалось использовать на французском фронте, и переброска его в Европу была рискованной из-за повышенной активности германского флота на морских коммуникациях. Кроме того, были необходимы океанские суда для перевозки войск в количестве 25–30 единиц и конвой из боевых судов.

В-третьих, комплектование, вооружение и обеспечение войск ложилось тяжелым бременем на местные бюджеты, что могло вызвать недовольство населения. Для смягчения ситуации и повышения всеобщей ответственности за судьбу Отечества в военное время было решено комплектовать подразделения по территориальному (земляческому) принципу, а само соединение, по предложению генерального инспектора ВС Австралии генерала Уильяма Бриджеса, назначенного в дальнейшем руководителем комплектования, требовалось использовать как самостоятельную национальную армейскую единицу, что и определило в последующем бум патриотизма в Австралии. По требованию генерала даже форма корпуса была простой и свободной, традиционного горохового цвета с национальными нашивками.

В-четвертых, предстояло решить проблему обеспечения корпуса достойным офицерским составом, способным в короткий срок организовать и провести подготовку солдат и боевое слаживание подразделений и частей.

Призыв правительства о наборе добровольцев, прозвучавший уже в первые дни войны, нашел неожиданный отклик у значительного числа населения. Толпы желающих записаться в корпус осаждали призывные комиссии штатов. Фермеры и лесорубы, золотодобытчики и банковские служащие, овцеводы и шахтеры выстроились в очереди, желая быстрее попасть в состав формируемых войск, пока не закончилась война. Патриотический порыв романтиков соседствовал с жадой

приключений авантюристов и желанием заработать нуждающихся (для привлечения добровольцев была установлена самая высокая в мире оплата за службу). Предпочтение отдавали имеющим опыт военной службы, физически крепким и здоровым призывникам от 20 до 40 лет. Те, кто не проходили комиссию в своем штате, ехали в другие; кто не попадал на офицерские, вербовались на другие предлагаемые должности. Эти люди не думали, что могут погибнуть. Эти патриотически настроенные любители путешествий шли напролом к своей цели, став основой первых 12 батальонов 1-й дивизии австралийцев общим числом 12 тыс. человек. 2-я дивизия новозеландцев должна была набрать 8 тыс. пехоты. [5 С. 74–78., Ch. III]

В дальнейшем, когда количество желающих участвовать в войне превысило необходимость, по предложению Военного совета империи стали комплектоваться новые части, которые составили вторую очередь экспедиционных формирований. В сельской местности почти не осталось молодежи. По качеству контингента и его обученности они значительно отличались от первого набора, но именно они составили ближайший резерв корпуса и восполнили первые боевые потери.

Следующей задачей, которую необходимо было выполнить в кратчайшие сроки, стала подготовка войск к боевым действиям. Даже в первом комплектовании число новобранцев составило более трети от общего количества солдат. Помогло то, что большинство мужчин, даже городских, с детства имели навыки выживания в суровом австралийском буше. Уже с первых дней обучения стало ясно — подготовку можно провести за месяц и продолжить во время переброски войск на судах, а также в лагере на территории Англии. Для успешного процесса обучения был подготовлен напряженный план занятий, назначены имеющие опыт офицеры и сержанты, за новичками закреплялись опытные наставники. Однако, очень быстро выяснилось, что менталитет свободного австралийца не приемлет слепого подчинения британской военной системе. Добровольцы желали подчиняться только компетентным и авторитетным командирам, которые уважали бы в них личность и были готовы считаться с мнением подчиненных. В процессе подготовки некоторые командиры были вынуждены уступить свои должности другим добровольцам.

Кроме боевой подготовки интенсивно проводилась и подготовка материального обеспечения войск — вооружения, снаряжения, вещевого довольствия и многого другого — от отвёрток до конных повозок. Правительство не жалело средств, командование ежедневно вело мониторинг выполненных поручений, работники тыла падали от усталости, а получившие военные подряды частники умоляли рабочих выполнить заказы в срок.

Принятые меры дали свои плоды. С опережением графика, уже к 20 сентября, первая очередь войск была готова к отправке, а 23-го началась погрузка на корабли материальных средств. Войска прощались с родными и готовились к погрузке, но череда случайностей, вполне естественных для войны, изменила планы. Угроза нападения германских кораблей, недостаток своих, нерешенный Имперским военным советом вопрос об использовании корпуса на театре военных действий, вплоть до переброски в Индию для замены английских регулярных частей, нервировали войска. Только в последних числах октября началась массовая погрузка войск первой волны, а ранним утром 1 ноября первые корабли отошли от пирсов и стали выстраиваться в кильватерные колонны каравана.

Движение конвоя прошло в целом спокойно, благодаря принятым мерам по защите и маскировке. В соответствии с учебным планом войска продолжали заниматься боевой подготовкой и слушали лекции, офицеры повышали теоретическую подготовку. Только во время стоянки в Адене анзаки впервые почувствовали близкое дыхание войны — в кабаках и клубах, в газетных статьях и из рассказов очевидцев они узнавали об ожесточенных боях и ужасных потерях на фронте. После таких известий вторая новость — конвой вместо Англии направляется для доподготовки в Египет. Она стала для многих не только «хорошей новостью», но и отрезвляющей. Военный министр решил не морозить южан в суровых условиях переполненных английских военных лагерей, к тому же началось наступление турецких войск в Египте, и корпус становился резервом английского командования в средиземноморье.

Кроме того, Лорд Китченер известил генерала Бриджеса, что командующим австралийско-новозеландскими войсками назначен генерал Уильям Бидвуд, который вскоре прибудет со штабом в Каир и вступит в должность. Назначение Бидвуда не было случайным. Во время участия в англо-бурской войне судьба свела его с Китченером, который стал для него протеей в военной карьере. Это был удачный выбор. 49-летний генерал имел прекрасный послужной список и боевой опыт, был храбр и честен, проявляя требовательность к подчиненным, всегда видел в них людей, которые, выполняя приказ, должны знать, что они делают это ради великой цели и всеобщего блага. Он мог говорить и с солдатом, и с офицером, он вызывал доверие, ему готовы были подчиняться, безоговорочно признавая в нем лидера. Именно такой командир и был нужен добровольцам-анзакам. [6. С 62–63]

Поход закончился 3 декабря швартовкой кораблей в Александрии. Многие смогли обнять своих друзей после долгой разлуки, пройтись по твердой земле. За-

тем путешествие продолжилось к месту расположения частей в пустыне под Каиром. Английское командование в Египте, поставленное Китченером перед фактом прибытия корпуса, оказалось совершенно не готово расквартировать и снабдить всем необходимым 30-тысячный контингент. Были брошены все силы и ресурсы для обеспечения жильем (в основном палатки) и водой. Анзаки к возникшим трудностям были готовы, и очень быстро лагерь частей, к удивлению англичан, приобрели воинский вид и своеобразный комфорт.

21 декабря генерал Бидвуд со штабом приступил к командованию. Он уже разработал план первоочередных мероприятий, но пока не знал главного — где и когда войска вступят в бой. В первую очередь необходимо было решить две задачи — провести реорганизацию соединений и организовать обучение войск. По сути дела, в Египте корпус, как военная единица, был сформирован Бидвудом в составе двух дивизий, 1-й австралийской и 2-й новозеландской, в составе которой половину составили австралийские части. Это решение вызвало недовольство австралийцев. Страсти улеглись, а генерал получил две боеспособные единицы, с которыми он в любой момент мог вступить в бой. Вторая очередь добровольцев, готовящаяся к отправке в Египет, должна была превратить корпус в полноценную армейскую единицу установленного штата. Они благополучно прибыли в конце января, доведя численность корпуса до 40 тыс. человек.

Что касается организации боевой подготовки, то генерал Бидвуд отнесся к этому вопросу с максимальной скрупулезностью. Все дни кроме воскресений были заняты учебным процессом не менее восьми часов. Дневные учения сменялись ночными, холостая стрельба — боевой, пешие переходы — марш-бросками. Максимально использовался опыт прибывающих в Египет фронтовых офицеров, которые высоко оценили подготовку и организованность корпуса. Профессионализм офицеров и солдат стал главным критерием оценки дальнейшей пригодности и использования на должностях. Те, кто не соглашался с установленными правилами или не соответствовал должности, переводились на другие или возвращались в Австралию.

Другое дело с дезертирами и преступниками. Еще генерал Бриджес решил не применять к ним крайние меры, они же добровольцы. Он предложил правительству отправлять преступников в Австралию с публикацией описания их проступков в газетах, как нарушителей гражданского долга перед страной. Принятые меры весьма существенно повлияли на уровень дисциплины в частях, хотя и не были одобрены солдатами. Большинство рядового состава считали их унижительными — лучше расстрел, но правительство согласилось с команди-

ром — пьяницы, насильники и грабители должны были знать, что дорога домой для них закрыта. [7. Ch, VII]

Ко времени прибытия второй очереди добровольцев проблемы с воинской дисциплиной были решены, а уровень подготовки, по мнению представителей имперского штаба в Египте, оценивался похвально, что позволило реформировать организацию корпуса и быстро ввести пополнение в строй.

Кроме того, новозеландской пехотной бригаде довелось получить небольшой боевой опыт в отражении попытки «Египетской армии» Джемаль-паши неожиданным ударом прорваться в Египет через Суэцкий канал. Корпус был приведен в полную боевую готовность, а бригада по тревоге была выведена на берег канала и заняла оборону. Новозеландцы были полны решимости сражаться, но главный удар приняли индийские дивизии, враг ретировался, понеся значительные потери.

В это же время в Лондоне принимались судьбоносные для анзаковцев решения, которые создавали новое периферическое направление действий для свободных от борьбы на Западном фронте сил в Средиземноморье. Автором идеи был первый лорд Адмиралтейства У. Черчилль. Именно он способствовал продвижению проекта использования морских сил для захвата Константинополя. Члены Военного Совета империи видели в предложении Черчилля возможность выйти из зависимо-го от Франции положения и, в случае успеха, удержать Ближний Восток в сфере своего влияния.

Штурм Дарданелл был назначен на 19 февраля, но еще за три дня до начала операции Военный Совет согласился с необходимостью оказать флоту помощь сухопутным войскам. Именно с этого момента определилось место будущих действий АНЗАКа. 26 февраля генерал Бердвуд получил приказ лорда Китченера о подготовке действий в Дарданеллах. Он немедленно отправился к адмиралу Кардену для определения плана совместной операции. Военачальники пришли к выводу о необходимости быстрых и решительных совместных действий. Это было своевременное решение, сулившее очевидные выгоды и успех. Но военная машина раскручивалась медленно, а турецкое руководство спешно предпринимало меры по защите проливов. [8. С. 34–38]

Отмечу, с началом морской операции дипломатия всей Европы лихорадочно искала пути решения турецкой проблемы. Главным препятствием в самостоятельности действий стали союзники — Франция и Россия. Ради сохранения влияния в Ливанте, французский МИД был готов на все, т.к. «Константинополь был сердцем империи, опутанной сетью французских политических интересов и финансовых инвестиций, достигших сум-

мы в 3 млрд. франков» — отмечает Готтлиб. [9. С. 137.]. Французское правительство, даже в ущерб германскому фронту, тут же предложило свою 18-тысячную дивизию под командованием генерала Альбера д'Амада. В то же время Россия применила метод «стремительного натиска» — 3 марта Николай II заявил французскому посланнику Палеологу: «Город Константинополь и Южная Фракия должны быть присоединены к моей империи». [10. С. 365–366] Россия начинает срочно готовить военный контингент для захвата Босфора.

Китченер первоначально предполагал, что десантные силы возглавит Бидвуд, но постепенно разрастающийся по количеству и составу сухопутный состав сил, по мнению премьер-министра Асквита, требовал более авторитетного военачальника. Сошлись на кандидатуре весьма известного британского генерала сэра Йена Гамильтона. Силы союзников, которые можно было направить против Константинополя, военный министр оценивал в 130 тыс. человек при 300 орудиях. При условии посылки Россией армейского корпуса в полном составе, силы противника достигали 60 тыс. у Дарданелл и около 120 тыс. в Константинополе. [11 С. 182]

Генерал Бидвуд полагал, что основные силы корпуса будут использованы на правой стороне пролива для наступления на Константинополь. Соответственно, вся дальнейшая подготовка частей получила упор на слаженность действий полков, бригад и даже дивизий. К сожалению, серьезной предварительной подготовки по действию в морских десантах войска не получили, хотя уже 28 февраля на остров Лемнос была отправлена 3-я австралийская бригада для участия в первой волне десанта. Там они получили тяжелый, но очень полезный опыт в морском десантировании, став наиболее подготовленной бригадой корпуса.

22 марта новый командующий эскадры в Дарданеллах адмирал де Робек и генерал Гамильтон приняли решение провести комбинированную операцию по прорыву через пролив. Захватив Галлиполи, армия должна была обеспечить безопасное форсирование Дарданелл силами флота. Именно с этого момента не подготовленные к действиям на морском побережье сухопутные контингенты превращались в крупный военный десант. Войска, подчиненные Гамильтону, получили название «Средиземноморского экспедиционного корпуса».

Для формирования десантных групп пришлось создать базу в Александрии. Туда же стал перебрасываться и АНЗАК, который оказался в довольно пестрой и шумной военной компании. Переформирование отсрочило начало операции почти на месяц. Оценив возможности, Гамильтон назначил дату начала на 19 апреля, а в середине апреля первые транспорты с войсками взяли курс

на Дарданеллы. К сожалению, беспечность, с которой проводились смотры войск, съемки будущих героев, газетные статьи с описанием количества и целей использования войск, мало способствовали секретности предполагаемой высадки. Как пишет Пулестон, ни военно-политическое руководство Англии, ни командование в Дарданеллах не провело эффективных мероприятий по дезинформации противника относительно своих планов. Виной тому является, как он считает, «чрезвычайная недооценка сил турецкой армии». Но даже в таких условиях характер будущих действий Гамильтон определил короткой фразой: «Взять быка за рога». Разработку планов высадки на отдельных направлениях командующий отдал в руки тех начальников, которые этой высадкой руководили. [12. С. 166]

Таким образом, brave добровольцы АНЗАКа, отплывая в неизвестность, были довольны тем, что после семимесячного ожидания, после опустылевшей пустыни Египта, они займутся делом, ради которого покинули землю государств, которые стали их Родиной. Они были хорошо подготовлены и уверены в своих силах. Они обладали уникальными возможностями выживать в труднейших условиях австралийского буша. Они, пожертвовав свободой, приняли даже особый шик дисциплины английских частей. Они знали, что по оценке командования каждый третий из десантников погибнет в первых боях, но каждый надеялся — судьба будет милостива именно к нему. Но это уже другая история, с которой можно будет познакомиться в следующих статьях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселаго Г. Техника десантных операций у Дарданелл. — Пг.: 1915.;
2. Больных А. Г. Дарданеллы 1915. Самое кровавое поражение Черчилля. — М.: Яуза, Эксмо, 2014.;
3. Elena Govor. Russian Anzacs in Australian History. Sydney, UNSW Press, 2005. — 310 p.
4. Мурхед А. Борьба за Дарданеллы. Решающее сражение между Турцией и Антантой. М., 2004. // http://militera.lib.ru/h/moorehead_a/index.html.
5. Скоробогатых Н. С. История Австралии. XX век / Отв. ред. В. П. Николаев; Институт востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2015. — 452 с.;
6. Залесский К. А. Кто был кто в Первой мировой войне. — М.: АСТ; Астрель, 2003. — 894 с.
7. В. С. Е. Woodrow. The 12-volume Official History of Australia in the War of 1914–1918. Angus & Robertson Ltd, 1920–1942. Vol. I.
8. Дарданелльская комиссия. // Морской сборник. 1920. — № 12.
9. Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. — М.: 1960–603 с.
10. Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба в годы Первой мировой войны. — М.: АН СССР, 1947. — 628 с.
11. Гельмерсен П. В. Операции на западных театрах. — М.: 1927. — 309 с.
12. Пулестон В. Д. Верховное командование в Мировую войну. — Самарканд: 1943. — 306 с.
13. Петросян Ю. А. Османская империя: могущество и гибель. — СПб: 1999.;
14. Скоробогатых Н. С. История Австралии. XX век / Отв. ред. В. П. Николаев; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2015.
15. Коленковский А. К. Дарданелльская операция. — М-Л.: Гиз, 1930.;
16. «АНЗАКа»: австралийско-новозеландский корпус в составе англо-французских войск. — Л.: 1927.

© Борисевич Сергей Петрович (borisevich555@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕАТР В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Бурдина Гульнара Мансуровна

К.и.н., Елабужский институт (филиал) Казанского
(Приволжского) федерального университета
burdinagm@yandex.ru

THEATER IN THE SPACE OF A RUSSIAN PROVINCIAL CITY IN THE SECOND HALF OF THE XIX BEGINNING OF THE XX CENTURY

G. Burdina

Summary. The article on the materials of the Vyatka province reveals the role of professional and amateur theaters as a significant element of culture in the space of a provincial city in the second half of the 19th and early 20th centuries. The conditions necessary for the formation and successful operation of these forms of theater are revealed. Particular attention is paid to the process of becoming a theater part of the leisure of citizens, performing a number of the most important socio-cultural functions: aesthetic, educational, ideological. Despite the censorship restrictions and the need to take into account the preferences of the public, theatrical productions raised problems that were relevant in the period under study, which contributed to the development of public consciousness of citizens.

Keywords: Russian Empire, leisure, theater, provincial city, socio-cultural space of the city, Vyatka province.

Аннотация. В статье на материалах Вятской губернии раскрывается роль профессионального и любительского театров как значительный элемент культуры в пространстве провинциального города второй половины XIX — начала XX вв. Выявляются условия необходимые для формирования и успешной деятельности данных форм театра. Особое внимание уделяется процессу становления театра частью досуга горожан, выполняющего ряд важнейших социокультурных функций: эстетической, воспитательной, мировоззренческой. Несмотря на цензурные ограничения и необходимость учитывать предпочтения публики, театральные постановки поднимали актуальные в исследуемый период проблемы, что способствовало развитию общественного сознания горожан.

Ключевые слова: Российская империя, досуг, театр, провинциальный город, социокультурное пространство города, Вятская губерния.

Со второй половины XIX в. ускорение процесса урбанизации и либерализации общественной жизни в российской провинции повлекли значительные изменения в повседневной жизни городов и городского населения. Начавшееся разделение сферы труда и отдыха горожан привело к выделению досуга как одного из важнейших элементов социокультурного пространства города. С этого времени сфера досуга не только быстро коммерциализируется, но и становится предметом жёсткого контроля со стороны государства. Однако появление новых форм развлечений делало отдых горожан более качественным и разнообразным.

«Досугом» в повседневной жизни горожан обозначалось свободное от работы время, а также развлечения, то есть занятие, времяпрепровождение, доставляющее удовольствие, или праздник — торжественный день, религиозный или в честь памяти события [18, с. 68]. Источников, характеризующих досуговые практики горожан,

сохранилось немного, и в основном существовавшие формы развлечений отражены в описаниях общественного и семейного быта горожан в прессе и мемуарной литературе.

Важное место в повседневной жизни горожан занимали публичные формы досуга, к которым исследователи относят культурно-просветительные и зрелищно-развлекательные заведения города [10, с. 306–307]. Особый интерес представляет анализ роли театра в социокультурном пространстве российских провинциальных городов, его влияния на культурный уровень населения и формирование самосознания горожан в процессе взаимодействия публики и театра. В данном контексте развитие театрального искусства как формы досуга и его влияние на общественное сознание горожан рассматривается на примере губернского города Вятки и уездных городов Вятской губернии, которые в силу своей удаленности от столичных центров и разнообразия нацио-

нально-конфессионального состава населения имели специфическое социокультурное пространство.

Театр как неотъемлемая часть досуга в повседневной жизни всех социальных групп представлен в работах Е. А. Вишленковой, С. Ю. Малышевой, А. А. Сальниковой [2], И. В. Масловой [11]. Исследователи отмечают, что театр являлся важным элементом культуры городского пространства, который гармонично вошёл в повседневную жизнь горожан.

В рассматриваемый период театральная жизнь Вятской губернии была представлена профессиональным театром, который был образован в губернском городе Вятка, любительскими театрами, сложившимися в уездных городах и рабочих посёлках. Позже широко распространились так называемые «народные театры», создававшиеся с целью просвещения населения и отвлечения его от питейных заведений.

Первые театральные постановки в Вятской губернии, организованные отдельными любителями известны с конца XVIII века. Краеведы отмечают, что первый спектакль в Вятке, положивший начало развития театральной жизни города, состоялся 25 октября 1815 г., при активном участии вятского почтмейстера Алексея Ивановича Казимирского [12, с. 167]. Он сам и его семья, а также чиновники, учителя и купцы стали актёрами в драме немецкого писателя Августа Коцебу («Ненависть к людям и раскаяние»), произведения которого пользовались в России большой популярностью. Определённого помещения у вятского театра в этот период не было, спектакли ставились в училищных залах, частных домах, зданиях городских учреждений. В 1840-е гг. вятский купец Я. А. Прозоров передал городскому театру свой двухэтажный дом, перестроив его под театральную площадку [5, д. 209, л. 3]. С этого времени начался новый этап развития театральной жизни в Вятке. Однако постоянной профессиональной труппы актёров в театре не было, что отражалось на качестве театральных постановок. Так, например, в рапорте Вятского полицмейстера от января 1871 г. отмечено, что из всей театральной труппы «только антрепренёр Мерянский порядочный актёр, остальные же плохи» [5, д. 209, л. 3 об.]. Ярким событием в культурной жизни горожан были театральные постановки приезжих актёрских трупп. Даваемые ими спектакли долго обсуждались в городском обществе и широко освещались на страницах местной печати. В январе 1863 г. в Вятке проходили гастроли труппы казанских актёров под руководством Лисицына. Репертуар труппы был разнообразным, однако, как сообщалось в прессе, из-за отсутствия средств для постановки драм давали лишь водевили. Были сыграны водевили: «Актёр», «Взаимное обучение», «Ямщики» и пьесы: «Комедия без названия»,

«Тайна женщины», «Гамлет Сидорыч и Офелия Кузьминична» [16, с. 27].

Следующий этап развития театральной жизни в Вятке связан с открытием 23 октября 1877 г. Вятского концертного зала, построенного на пожертвования горожан и жителей губернии, в котором разместился городской театр, и проходили гастроли столичных трупп. Многочисленным гостям, собравшимся на открытие Вятского концертного зала, губернский архитектор И. В. Нефедьев провёл показ внутреннего устройства здания и продемонстрировал технические приспособления сцены, которая могла при необходимости принимать наклонное положение при помощи двух винтов в полу. Сохранилось описание нового здания театра, которое стало архитектурным украшением города. Внутренняя отделка зала также была сделана оригинально — высокие потолки, украшенные резьбой, с огромной люстрой, резные ложи, стулья, сделанные в русском стиле, спинки которых разрисованы под русские кружевные полотенца, а подушки обиты красными ситцевыми платками. В здании имелся буфет, костюмерная, подсобные помещения, топка с печью, водопровод [19, с. 4]. На строительство здания театра была затрачена огромная сумма — 19~<645 рублей [4, д. 171, л. 5 об.]. Наряду с театральными постановками концертный зал использовался для проведения торжеств, лекций, собраний, концертов и т.д.

Деятельность актёрской труппы во многом зависела от управления театром. В 1890—1891 гг. антрепренёром вятского театра стала жена присяжного поверенного А. А. Прозорова Ольга Павловна Прозорова, которая с помощью мужа собрала актёрскую труппу. Для этого Александр Прозоров выезжал в Москву на актёрскую биржу [13, с. 162]. Ольга Павловна обновила сцену, декорации, театр преобразился. В местной газете журналисты отмечали, что «... уже месяц, как мы имеем удовольствие видеть игру артистов и артисток труппы, которая по составу своему, должна быть признана одною из хороших провинциальных драматических трупп» [3, с. 3]. Были поставлены пьесы «Без вины виноватые», «Татьяна Репина», «Ошибки молодости», «Медея», о которых в газете писали: «Спектакли вполне увлекают зрителей своей прекрасной игрой и доставляют им истинное эстетическое наслаждение...» [3, с. 3]. Первоначально спектакли ставились четыре раза в неделю, затем — почти каждый день, что отразилось на качестве постановок и вызвало недовольство публики. В театральном сезоне 1898 г. усилила состав труппы актриса Александринского театра Софья Милич [22, с. 3]. В целом отзывы о театральных постановках и игре актёров регулярно помещались на страницы местной печати, что позволяло жителям губернии не только следить за репертуаром театра, но и увеличивало посещаемость театра.

Репертуар профессиональных театров отличался жанровым разнообразием, однако при выборе постановок необходимо было учитывать не только вкусовые предпочтения публики, но и требования театральной цензуры и личное мнение губернатора. В записке обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева о театрах отмечалось, что «влияние театральных представлений на нравы и умы народные не подлежит никакому сомнению» и предписывалось, что репертуар театров должен быть одобрен местным губернатором [20, д. 67, л. 1]. Так, в московском Русском драматическом театре, одобренные театральной цензурой пьесы русского писателя Н. А. Чаева «Царь Василий Иванович Шуйский» и публициста И. А. Крылова «Около денег», были запрещены после их просмотра московским генерал-губернатором. В письме Министру Внутренних Дел генерал-губернатор подробно изложил свои впечатления от просмотра спектаклей. По поводу пьесы «Царь Василий Иванович Шуйский» он отмечал, что некоторые сцены спектакля «рисующие скорбные события отечественной истории, способны затронуть чувствительную струну русского народного самолюбия» [20, д. 67, л. 4]. Обращаясь к пьесе И. А. Крылова «Около денег» генерал-губернатор обращает внимание на то, что пьеса была запрещена циркуляром от 16 ноября 1883 г. во всех театрах. В театральной конторе ему сообщили, что эта пьеса разрешена к постановке не более одного раза в неделю [20, д. 67, л. 5]. Несомненно, такая уловка театра ещё более привлекала внимание зрителей к данной постановке. Репертуар вятского городского театра также проходил театральную цензуру и получал разрешение губернатора. Наиболее популярными жанрами вятских театров были комедии и водевили, реже драмы.

Работавшие в Вятке антрепренёры выезжали на гастроли в уездные города губернии [5, д. 209, л. 8]. Постановки вятского театра имели большой успех в уездах, что способствовало формированию интереса населения к театральному искусству. Отсутствие профессионального театра в уездных городах способствовало созданию и успешному функционированию любительского театра, который делал досуг горожан более разнообразным и восполнял потребность в развивающих формах развлечений. В качестве актёров в любительских театрах выступали служащие, учителя, врачи, которые не получали оплату за работу. Первые сведения о постановке любительского театра в уездном городе Елабуга появляются в местной печати в 1863 г. [14, с. 6]. Определённого помещения для театральных представлений в городе не было, поэтому спектакли ставили в зале благородного собрания, частных домах, залах училищ. Только в 1903 г. для театральных постановок было выделено отдельное здание, которое раньше использовалось под склад для соли, и совершенно не было приспособлено для театра. Однако появление отдельного театрального

помещения стало важным этапом в развитии культурной жизни города и уезда. Сложившаяся в городе профессиональная труппа актёров периодически выезжала на гастроли по уезду, так называемые «выездные сессии» елабужского театра, которые вызвали неизменный успех у местного населения, не имевшего возможности посещать спектакли в городских театрах. Например, в 1914 г. артисты елабужского театра поставили спектакль в Бондюжском заводе, вызвавший большое внимание местных жителей. Особый успех у провинциальной публики имели такие театральные постановки как комедия А. И. Крылова «Сорванец», водевиль «Крепость взята», драма А. П. Чехова «Иванов» [16, с. 3; с. 4]. В небольших провинциальных обществах развлечений было немного, поэтому каждая театральная постановка в уездном городе вызвала огромный интерес у жителей и долго обсуждалась в городском обществе.

Любительские театральные постановки организовывались с целью помощи общественным и учебным заведениям либо нуждавшемуся населению. В 1864 г. в Сарапуле был поставлен любительский спектакль в пользу пострадавших в пожаре жителей Симбирска, сбор от которого составил 100 руб. Корреспондентом особо было отмечено, что на спектакле присутствовало сарапульское купечество, что было в этот период редким явлением в театральной жизни города. Всего в Сарапуле за 1864–1865 гг. было дано 12 любительских благотворительных спектаклей. Общая выручка от любительских спектаклей составила 1283 руб. 80 коп., с учётом вычета расходов на постановки — 480 руб., 73 коп., оставшаяся сумма была отдана на благотворительные цели [15, с. 31].

Большим событием для уездов были гастроли столичных актёрских трупп. 20 апреля 1886 г. в Елабуге с большим успехом прошли гастроли актёров Вятского городского театра. В состав труппы входили актёры С. Г. Бабош-Королёв, В. А. Немиров, А. И. Бабош-Королева и А. П. Ламонова-Немирова. Была представлена драма Д. В. Гарина «Сейчас мой выход». Спектакль сопровождал оркестр под управлением Е. М. Курского [6, д. 161, л. 30]. В мае 1886 г., в городе проходили гастроли Казанского театра. Горожанам были представлены комедия А. Н. Островского «Светит да не греет», водевиль «Откликнулось сердечко», комедия Л. Н. Антропова «Блуждающие огни» и шутка Д. А. Мансфельда «Не зная броду — не суйся в воду» [6, д. 161, лл. 34–35]. Осенью 1898 г. в Котельниче с огромным успехом прошло выступление хора Д. А. Славянского, который направлялся с гастрольями в Вятку, как отметил местный корреспондент: «билеты на постановку были распроданы за два дня» [1, с. 8]. Концерты столичных знаменитостей были редким явлением для культурной жизни жителей уездных городов, и каждый их приезд был событием для города, широко освещаясь в местной печати.

Для привлечения на спектакли как можно большего количества зрителей в театрах использовалась гибкая ценовая политика, однако большинство горожан могли позволить себе приобрести билет только в галерее. Стоимость мест в партере варьировалась в зависимости от удалённости от сцены и составляла от 1,5–2 руб. до 30–40 коп., самыми дешёвыми были места в галерее, стоимость которых не превышала 20 коп. Несколько дешевле были билеты на любительские спектакли в уездах: кресла первого и второго ряда стоили 1 руб., третьего и четвертого — 75 коп., пятого и шестого — 50 коп., седьмого и восьмого — 35 коп., остальные — 20 коп. [7, д. 19, л. 1311]. С ценами на билеты тесно связан и социальный состав зрителей в театре. Дорогие билеты в ложи и портеры вблизи сцены приобретали городская элита — чиновники, купечество; билеты средней ценовой категории — интеллигенция, служащие; самые дешёвые билеты приобретались крестьянами и рабочими. Билеты на спектакли профессиональных актёров были дороже, их могли себе позволить купить городская элита и средние слои населения.

Понимание горожанами назначения театра как сильнейшего воспитательного средства, нашло отражение в распространении детских театральных постановок. При учебных заведениях создавались театральные кружки, в которых воспитанники не только учились актёрскому мастерству, но и изучали историю театрального искусства. Детскими любительскими театрами ставились в основном произведения российских авторов, басни и комедийные пьесы: «Кошка вон, мышки в дом. Пьеса для домашнего театра», «Яблоки Никифора Ива-

нова», «Процесс разведения пчел» и другие [8, с. 3]. В 1867 г. был издан сборник произведений для детского чтения «Сорок четыре повести для детей», многие рассказы которого стали популярными и часто использовались для детских театральных постановок [21]. В 1896 г. в санатории, в нескольких километрах от Вятки, в селе Филейском был организован детский праздник, привлекая большой интерес горожан. В программу праздника кроме популярных детских развлечений, музыки, танцев, хорового пения, фейерверка входил и детский спектакль. Спектакль имел огромный успех. Были поставлены две детские пьесы: «Проучили», водевиль К. А. Михайлова в одном действии и «Жестокий доктор», шутка В. А. Поплавского в одном действии. Исполнителями были как взрослые, так и дети, отдохнувшие в санатории, которые, по словам прессы, «держали себя на сцене довольно естественно и провели свои роли очень мило» [9, с. 48–49].

В заключении необходимо отметить, что, на протяжении рассматриваемого периода, несмотря на формирование и активное развитие профессиональных театров, которые, несомненно, обогащали социокультурное пространство провинциальных городов и способствовали повышению интереса к театральному искусству, значительный вклад в общественное развитие российской провинции внесли любительские театры, которые были более доступны для населения, их репертуар подбирался в соответствии с вкусовыми предпочтениями местной публики, однако помимо развлекательных целей любительские театры также прививали публике эстетический вкус и выполняли важнейшую воспитательную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вести из уездов. Котельнич // Вятские губернские ведомости. 1898. № 46. 13 июня.
2. Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Культура повседневности провинциального города: Казань и казанцы в XIX — XX вв. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 452 с.
3. Вятский театр // Вятские губернские ведомости. 1890. № 81. 10 октября.
4. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 170. Оп. 1.
5. ГАКО. Ф. 582. Оп. 26.
6. ГАКО. Ф. 582. Оп. 33.
7. ГАКО. Ф. 582. Оп. 164.
8. Детский театр в Сарапуле // Вятские губернские ведомости. 1870. № 43. 29 мая.
9. Из провинции // Театрал. 1896. № 81.
10. Малышева С. Ю. Досуговое пространство провинциального города: Казань во второй половине XIX — начале XX вв. // Диалог со временем. М.: Аквион, 2010. Вып. 30. С. 306–336.
11. Маслова И. В. Менталитет купечества уездных городов Вятской губернии XIX — начала XX вв. М.: Флинта-Наука, 2010. 352 с.
12. Николаева Т. К. К истории вятского театра: (строительство знаменитого деревянного зрительного зала) // Одиннадцатые Петряевские чтения: материалы Всерос. науч. конф. (28 февраля 2013 г.). Киров, 2013. С. 164–179.
13. Николаева Т. К. К истории театрального дела на Вятке // Сквозь границы. Вып. 6. Киров: ВятГГУ, 2007. С. 260–268.
14. Новости из уездов. Из Елабуги // Вятские губернские ведомости. 1863. № 10. 9 марта.
15. Новости из уездов. Из Сарапула // Вятские губернские ведомости. 1864. № 45. 10 ноября.
16. Новости из уездов // Вятские губернские ведомости. 1897. № 3. 14 марта; 1899. № 3. 22 марта.

17. О приезде в Вятку труппы актёров // Вятские губернские ведомости. 1863. № 1. 5 января.
18. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд. перераб. М.: Мир и образование; Оникс, 2012. 1376 с.
19. Осмотр зрительного зала // Вятские губернские ведомости. 1877. № 86. 26 октября.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1574. Оп. 2.
21. Сорок четыре повести для детей // Под ред. Е. Н. Ахматова. СПб, 1867. 479 с. // [Электронный ресурс], URL: https://нэб.рф/catalog/000199_000009_003578270/ (дата обращения 23.05.2019).
22. Театр // Вятские губернские ведомости. 1898. № 76. 26 сентября.

© Бурдина Гульнара Мансуровна (burdinagm@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Казань

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ БАЗЫ БРОНЕКОРПУСНОГО ПРОИЗВОДСТВА НА УРАЛЕ В 1941 Г. (НА ПРИМЕРЕ ЗАВОДА № 200 НКТП В Г. ЧЕЛЯБИНСК)

FORMATION OF THE INDUSTRIAL BASIS OF ARMORED PRODUCTS IN THE URALS IN 1941 (AT THE EXAMPLE OF PLANT NO. 200 NKTP IN CHELYABINSK)

**I. Vasina
V. Zapariy
M. Simonov**

Summary. The application is devoted to the main problems of the formation of plant № 200 in the city of Chelyabinsk as a base for armored corps production by the Chelyabinsk Kirov Plant (ChKP) in late 1941 and early 1942. Was given the analysis of the industrial equipment and machine tools range, allocated to the plant № 200. As well, the paper analyzes the relationship of plant productivity indicators and the quality of its machinery. The basic prerequisites for the formation of armored corps production in the Urals at the initial stage of the Great Patriotic War are shown.

Keywords: World War II, military economy, tank industry, People's Commissariat of the tank industry, Urals, Chelyabinsk

Васина Ирина Ивановна

К.и.н., старший преподаватель, Екатеринбургский институт физической культуры (филиал) ФГБОУ ВО «Уральский государственный университет физической культуры» (Екатеринбург)
vasina_irina@mail.ru

Запарий Василий Владимирович

К.и.н., н.с., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)
pantera.zap@gmail.com

Симонов Максим Анатольевич

Н.с., Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)
m.a.simonov1@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования завода № 200 в г. Челябинске как базы бронекорпусного производства для Челябинского Кировского завода (ЧКЗ) в конце 1941 — начале 1942 гг. В ней дан анализ станочного парка и промышленного оборудования, выделенного заводу № 200 в ходе формирования, проанализирована взаимосвязь показателей производительности завода и качества его станочного парка, показаны основные предпосылки формирования бронекорпусного производства на Урале на начальном этапе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная экономика, танковая промышленность, Наркомат танковой промышленности, Урал, Челябинск.

Важным фактором успешного завершения процесса развертывания полномасштабного танкового производства в Уральском регионе в конце 1941 — начале 1942 гг., стали шаги правительства по созданию собственной бронекорпусной базы в рамках «Большого Урала». Этому способствовала эвакуация танковых и смежных с ним производств из довоенных центров, расположенных в западном (Харьков-Мариуполь) и центральном (Москва, Ленинград) регионах СССР. Начало танковому производству на Урале было положено во второй половине 1940 г., когда на базе Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) была предпринята попытка развернуть выпуск тяжелых танков серии «КВ», по чертежам и спецификациям Кировского завода в Ленинграде. Параллельно шла подготовка Сталинградского тракторного завода (СТЗ) для освоения в серии Т-34, как своеобразного «дублера» для харьковского предприятия.

Уже к началу 1941 г. все подготовительные работы в Челябинске должны были завершиться. Однако недостаточная квалификация рабочих тракторного завода и постоянные доработки ненадежной конструкции «КВ» инженерами Кировского завода осложнили оперативное взаимодействие двух площадок. Возникли сложности со строительством новых помещений под сборочное производство, перемещение промышленного оборудования отставало от графика. Кроме того, большую часть компонентов, составлявших изделие (танк), челябинцы были вынуждены получать из центральных районов страны: корпуса, радиостанции, вооружение, двигатели, топливную аппаратуру, поскольку на Урале они не выпускались. Такое длинное «плечо подвоза» лишало нарождающуюся уральскую танковую промышленность возможности в короткие сроки значительно увеличить выпуск боевых машин. В результате план на первую

половину 1941 г. выполнен не был, несмотря на то, что прежний директор ЧТЗ И.Д. Соломонович за его невыполнение был смещен со своего поста [2, с. 48].

Начало Великой Отечественной войны заставило партийно-государственное руководство СССР очень быстро предпринять широкий спектр мобилизационных мероприятий, подключив к выпуску оборонной продукции ряд крупных гражданских предприятий, обладавших подходящим парком станков и оборудования. Требовалось как можно быстрее локализовать на Урале выпуск танковых бронекорпусов и моторов. Из всех местных «гигантов индустрии» только Уралмашзавод (УЗТМ) мог немедленно приступить к сборке бронекорпусов для «КВ», опираясь на металлургические и механические цеха. Поэтому УЗТМ получил это задание согласно постановлению СНК СССР от 29 июня 1941 г. Поставщиками бронепроката для него назначались Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) и Кузнецкий металлургический комбинат (КМК) [4, л. 182]. Однако эти три предприятия не имели довоенного опыта броневых производств.

Задачу снабжения ЧТЗ дизель-моторами В-2 попытались решить путем мобилизации недавно пущенного Уральского турбинного завода и за счет переброски на Урал (с 29 июня по 10 августа 1941 г.) кадров авиационного цеха Кировского завода и группы специалистов с завода № 75 НКСМ (Харьков). Уралмаш вынужден был снабжать создаваемое моторное производство литьем, поковками и штамповкой, проводить термообработку деталей. Сам же УЗТМ испытывал острую нехватку штамповочного оборудования. Не было здесь и специальных печей для термической обработки брони и прессов для правки этой брони [5, л. 89–90]. Спешно организованный сварочный участок, не имевший должного количества обученных людей и подходящих аппаратов, своей неритмичной работой вносил дополнительные трудности. Неудивительно, что первые пять комплектов бронекорпусов, присланных с Ижорского завода, УЗТМ собрал с трудом, провалив план по корпусам в III кв. 1941 г., что ставило под угрозу ритмичность сборки «КВ» в Челябинске. В результате неравномерности поставок ЧТЗ также не выполнил свой квартальный план по выпуску танков.

Эти обстоятельства заставили руководство страны принять решение о включении в кооперацию с ЧТЗ нового контрагента — челябинского завода № 78, подчиненного Народному комиссариату боеприпасов (НКБ). Правда, в отличие от УЗТМ, завод обладал значительно меньшим для выполнения подобных задач потенциалом, но находился очень близко к тракторному заводу. Недостаток термических печей здесь усугублялся отсутствием правильно-гибочного оборудования. Завод не мог начать изготовление отдельных гнутых броневых

деталей корпуса танка, таких как башня, корма и нос. НКБ, которому официально подчинялся данный завод, не принимал необходимых мер по доукомплектованию производственных участков, не решал проблем, которые препятствовали реализации поставленных заводу задач. Частые корректировки планов развертывания танкового производства в регионе и нехватка нужного оборудования привели к «затягиванию» процесса перехода завода № 78 к бронекорпусному производству до конца ноября 1941 г.

Ухудшение военно-политической ситуации осенью 1941 г. привело к новым территориальным потерям и началу эвакуации основных мощностей танковой промышленности СССР в восточные регионы страны. Потеря Мариуполя, Харькова, блокада Ленинграда привели к тому, что Поволжье (Горький, Сталинград) и Урал (Свердловск, Челябинск), стали выходить на первый план как производители бронетехники. Несмотря на отсутствие должного опыта в делах танкового производства, их машиностроительные предприятия были усилены за счет кадров и оборудования, сохраненных в результате эвакуации. Всеобщая трудовая мобилизация населения была призвана заменить значительную часть потерянных в ходе эвакуации высококвалифицированных кадров.

В судьбе всего челябинского и уральского танкового производства начального периода Великой Отечественной войны ведущую роль сыграла эвакуация ленинградского «куста» предприятий, согласно постановлению ГКО № 734сс [6, л. 169–171] от 4 октября 1941 г. Оборудование и кадры Кировского, Ижорского заводов и завода № 174 планировалось вывозить через Ладожское озеро. Наиболее ценные специалисты доставлялись с помощью транспортной авиации. Причем, Ижорский завод перемещался в Свердловск с целью усилить потенциал «Уралмаша», но часть своего оборудования передавал заводу № 78 НКБ. Это же постановление переименовывало УЗТМ в «Ижорский завод в г. Свердловске», а ЧТЗ в «Кировский завод» в г. Челябинске (или Челябинский Кировский завод — ЧКЗ).

В III квартале 1941 г. наблюдалась общая консолидация танковой промышленности в регионе в рамках «Уральского комбината тяжелых танков» (УКТТ, он же «Танкоград»). Руководящий костяк кировского завода во главе с директором И.М. Зальцманом, инженеры и наиболее квалифицированные работники танковых цехов (всего до ноября 1941 г. было вывезено не менее 11 тыс. человек) заняли лидирующие посты в этом объединении [3, с. 309]. В качестве отдельной структуры в состав «Танкограда» интегрировали коллектив и оборудование харьковского завода № 75 — головного производителя и разработчика дизель-мотора В-2. Ресурсы более мелких эвакуированных производств («Красный

пролетарий», завод шлифовальных станков № 7 и др.) были влиты в состав ЧКЗ без особых прав. Поскольку танковое производство развивалось на ЧТЗ в течение всего 1941 г., то решение о переброске сюда Кировского завода оказалось совершенно верным, что позволило достаточно быстро увеличить объем продукции в начале следующего года.

Именно в это момент партийно-государственное руководство страны принимает решение довести до конца создание бронекорпусного завода в Челябинске. На основании постановления ГКО в структуре Наркомата танковой промышленности (НКТП) 22 ноября 1941 г. был образован бронекорпусной завод № 200. Прежний завод № 78 НКБ сохранялся, но лишился части территории, четырех мартеновских печей и прочего оборудования, был обязан снабжать завод № 200 электроэнергией и отоплением. К концу 1941 г. новая производственная единица была доукомплектована преимущественно на основе оборудования и кадров, вывезенных с Ижорского завода [1, с. 85]. Однако имевшиеся ресурсы (специалисты, промышленное оборудование, здания) требовалось еще превратить в дееспособный организм, способный успешно выполнять поставленные государством задачи. В ходе формирования завод № 200 получил большое количество производственного, металлургического, энергетического оборудования, а также зданий и производственных площадей. Новый завод перешел в прямое подчинение аппарата НКТП и получил недостающее оборудование, чтобы, наконец, в декабре 1941 г. приступить к выпуску первых бронекорпусов.

Одной из главных проблем в процессе производства бронекорпусов на заводе № 200 стала адаптация имевшегося станочного парка к новому технологическому процессу. Из 222 единиц металлообрабатывающих станков, которыми располагал завод № 200 на конец декабря 1941 г., более половины из них могли быть использованы на бронекорпусной программе крайне ограниченно, а именно: токарные (20,6%), сверлильные (20%), шлифовальные (6,7%), расточные (4,5%), специальные (6,3%). Эти группы станков были малоприменимыми для нужд бронекорпусного производства танков «КВ», где требовалось проводить сложную механическую обработку кромок броневых листов [7]. Только фрезерные (11,2%), строгально-зуборезные (12%) и зуборезные станки (6,3%), могли быть относительно эффективно использованы для обработки деталей танковых корпусов и башен [7]. Такой станочный парк хорошо вписывался в технологическую цепочку предприятия по выпуску артиллерийских боеприпасов. Можно предположить, что большинство станков иностранных фирм было получено из Ленинграда (и ранее использовалось в бронекорпусном производстве Ижорского завода) в ходе эвакуации,

однако в документах не было выявлено прямого подтверждения этого факта.

Оценка имевшегося металлургического оборудования также подтверждает недостаточность мощностей для выполнения поставленных перед заводом производственных задач. Помимо четырех мартеновских печей, унаследованных от завода № 78 НКБ, «двухсотый» мог рассчитывать на одну плавильную электропечь производительностью 0,25 т ОМПК-025 (изготовитель Урал-Электромаш), а также шесть нагревательных электропечей малой мощности. Обеспеченность металлургическим оборудованием для нужд бронекорпусной программы была недостаточной, и это неудивительно, поскольку завод создавался совершенно для других нужд. Тем не менее, в экстренных условиях эвакуации и осознания жизненной необходимости восстановления танковой промышленности было принято решение расположить корпусное производство для нужд Кировского завода именно на этой площадке, усилив имеющиеся ресурсы кадрами и оборудованием с Ижорского завода. Проработав чуть более 1 месяца, в 1941 г. завод № 200 выплавил около 26139 т углеродистой стали [7, л. 5–7].

Стоит отметить, что имевшееся в наличии на начало 1942 г. кузнечно-прессовое и подъемно-крановое оборудование в целом уже позволяло проводить гибку толстых броневых листов и осуществлять перемещение тяжелых элементов в броне конструкциях, используемых для изготовления тяжелых танков «КВ». Два прессы на 20~<000 т и на 3~<000 т были достаточно мощными, чтобы справиться с бронедетальными корпусов «КВ» (катаная броня толщиной около 75 мм), но, очевидно, были сильно загружены. Необходимость использования тяжелых прессов для сгибания (нос и корма корпуса, элементы башни) деталей танковых бронекорпусов на начальном этапе формирования танковой промышленности Урала была связана с особенностью использовавшихся технологий. Танковую броню для тяжелых и средних танков в довоенный период проектировали и производили заводы, специализировавшиеся на изготовлении корабельной брони (Ижорский завод, завод им. Ильича).

Еще одним «узким местом» стало отсутствие в достаточном количестве установок газовой резки брони и недостаток сварочных агрегатов. На начало 1942 г. завод № 200 получил сварочных аппаратов и машин в количестве 41 единицы. Руководство наркомата пыталось, по мере возможного, передать заводу дополнительные ресурсы. Приказ НКТП СССР № 157 от 30 декабря 1941 г. обязывал дирекцию завода № 183 в пятидневный срок передать заводу № 200~<50 сварочных трансформаторов СТЭ-23 или СТЭ-32 на 380 вольт [8, л.115]. Данный факт также подтверждает недостаток сварочных мощностей, даже с условием пополнения с Ижорского завода.

Таблица 1. Выполнение заводом № 200 производственной программы за 1941 г. [7, Л.5]

Продукция	ед.	план	Фактическое выполнение плана за декабрь месяц/за 1941 г.
Корпус и башня «КВ»	шт.	75	31
Литье чугунное	шт.	45	141
Слитки легированной стали	шт.	270	962
Слитки углеродистой стали	шт.	3750	2614
Товарный выпуск	тыс. руб.	12100	5830

Это неудивительно, поскольку для выпуска боеприпасов такое количество сварочных аппаратов и установок обычно не требовалось.

Несмотря на эти сложности в формировании станочного парка, до конца 1941 г. завод № 200 сумел начать сборку бронекорпусов. В течение декабря месяца этого года завод сумел выполнить программу корпусного производства менее чем на половину от плановых назначений (см. таблицу № 1). Однако и этот результат в условиях выявленной нехватки станков и оборудования можно считать достижением. Несколько лучше выглядели результаты работы завода по выпуску чугуна, углеродистой и легированной стали. Таблица № 1 иллюстрирует результаты основной деятельности предприятия за 1941 г.

На начало января 1942 г. завод № 200 в Челябинске в целом завершил принятие эвакуированного промышленного оборудования из Ленинграда с Ижорского завода. В этом году он приступил к серийной сборке бронекорпусов танков «КВ» для нужд Кировского завода в Челябинске, но так и не смог добиться ритмичной и стабильной работы. Производственный план, спускаемый НКТП «двухсотому», оставался на достаточно низком уровне, порядка 70–90 единиц бронекорпусов в месяц. Например, УЗТМ выпускал в то же время более 240 корпусов [2, с. 155]. В сравнении результатов двух заводов видны качественные различия между ними в уровне организации производства и обеспечении станочным парком. УЗТМ оказался на порядок более подготовленным к решению задач снабжения Кировского завода бронекорпусами для тяжелых танков «КВ», хотя и этот «гигант тяжелого машиностроения» Урала испытывал большие трудности на протяжении всей войны.

Выявленная на уровне оснащения производства слабая оснащенность завода № 200 продолжала и далее доставлять руководству НКТП проблемы в ходе управления отраслью. Так, провалилась предпринятая весной 1942 г. попытка загрузить завод заданием по ремонту поврежденных на фронте танков «КВ». Дирекция «двухсотого», испытывая сильные трудности в рамках основной программы изготовления бронекорпусов, не смогла организовать выделение нужного количества рабочей силы, инструментов и материалов еще и для ремонта танков. На протяжении своей деятельности в 1941–1943 гг. продукция завода № 200 вызывала значительные нарекания заказчиков относительно качества изготавливаемых бронекорпусов, ввиду недостаточной квалификации кадров, инфраструктурных проблем и сложностей в оснащении производства необходимыми станками и агрегатами [9, л. 364].

Все попытки центрального аппарата НКТП оказывать административное давление на руководство завода № 200 (кадровые перестановки, выделение фондов для премирования отличившихся работников) не приводили к видимому улучшению ситуации. Только осознание необходимости оказания кадровой и материальной помощи заводу № 200, со стороны партийно-государственного руководства, привели к позитивным сдвигам, достигнутым в 1943–1944 гг. Именно тогда была проведена коренная реорганизация технологического процесса и модернизация производственной оснастки, были внедрены принципы поточно-конвейерной технологии, ранее успешно реализованные ведущими танковыми заводами отрасли.

Таким образом, создание завода № 200 в г. Челябинске помогло диверсифицировать поставки бронекорпусов на Кировский завод, что, в итоге, наряду с продукцией УЗТМ, обеспечило броней выпуск тяжелых танков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермолов А. Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Литера-С, 2009. 310 с.
2. Мельников Н. Н. Модернизация танковой промышленности СССР в условиях Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Издательство Сократ, 2017. 416 с.
3. Свирин М. Н. Броневои шит Сталина. История советского танка 1937–1943. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 448 с.
4. Государственный архив Свердловской Области (далее — ГАСО). Ф. Р-262. Оп.1. Д. 17.
5. ГАСО. Ф. Р-262. Оп.1. Д. 67.
6. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 11.
7. Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф.8752. Оп. 4. Д. 44.
8. РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 3.
9. ГАСО. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 38.

© Васина Ирина Ивановна (vasina_irina@mail.ru),

Запарий Василий Владимирович (pantera.zap@gmail.com), Симонов Максим Анатольевич (m.a.simonov1@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Екатеринбург

УСИЛИЯ ТУРЦИИ В ДЕЛЕ «НАВЕДЕНИЯ МОСТОВ» МЕЖДУ АФГАНИСТАНОМ И ПАКИСТАНОМ

TURKEY'S EFFORTS IN "BUILDING BRIDGES" BETWEEN AFGHANISTAN AND PAKISTAN

K. Ishbuldina

Summary. This article reveals the role of Turkey as a mediator in normalization of Afghanistan-Pakistan relations to establish peace and security in the region. Turkey-Afghanistan-Pakistan Trilateral Summit process started in 2007. The issues of economic cooperation, education and interparliamentary cooperation, as well as security situation, are on the agenda of the annual summits. The deterioration of relations between Pakistan and Turkey with the United States, and the U.S. South Asia strategy change have adjusted the work of this format. Since 2015, regular meetings have been discontinued, however Ankara still hopes to resume the work of the process.

Keywords: Afghanistan, Turkey, Pakistan, Trilateral Summit, interregional cooperation.

Ишбулдина Ксения Ринатовна

*Соискатель, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
kseniya.ishbuldina@mail.ru*

Аннотация. Данная статья раскрывает роль Турецкой Республики в качестве посредника в нормализации афгано-пакистанских отношений для установления мира и безопасности в регионе. В 2007 г. стартовало первое заседание постоянного трехстороннего форума (Турция, Афганистан и Пакистан), на повестке дня ежегодных саммитов которого — вопросы экономического взаимодействия, образования и межпарламентского сотрудничества, а также ситуация в области безопасности. При этом ухудшение отношений Пакистана и Турции с США, изменение американской стратегии в Южной Азии внесло свои коррективы в работу формата. С 2015 г. регулярные встречи были прекращены, но Турция не оставляет надежд возобновить работу в рамках процесса.

Ключевые слова: Афганистан, Турция, Пакистан, трехсторонний саммит, межрегиональное сотрудничество.

С конца XX в. Турецкая Республика (ТР) все активней выступает в роли посредника в конфликтах. Распад Советского Союза, события арабской весны, а также внутривосточные реформы предопределили изменение векторов внешней политики и активизацию страны на мировой арене. С приходом к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) внешнеполитическая стратегия Анкары изменилась. Из винтика западного блока, форпоста на южных рубежах НАТО Турция стала превращаться в активного актора международных отношений, регионального лидера. В статье посреднические усилия Турции рассмотрены на примере разрешения вопросов урегулирования афгано-пакистанских противоречий. Турция, расположенная в центре Евразии, обеспокоена опасностью угроз, исходящих от Афганистана, основной из которых является международный терроризм. Анкара заинтересована в сохранении стабильности в регионе, противодействии терроризму и экстремизму, борьбе с наркоугрозой. В ключе нового направления, делая ставку на превентивную дипломатию¹, Турция старается взять на себя роль посредника в отношениях региональных стран.

¹ Понятие превентивной дипломатии связано с именем бывшего Генерального секретаря ООН Б. Бутроса-Гали, который в своем докладе «Повестка дня для мира» в 1992 г. дал определение превентивной дипломатии как «политики, направленной на предотвращение споров между сторонами, которые могут перерасти в конфликты».

Подход ТР к нормализации афгано-пакистанских отношений характеризуется четырьмя основными факторами [14]. Первый базируется на формировании Анкарой новой внешнеполитической концепции, согласно которой Турция стремится играть все более заметную роль в региональных делах. Сотрудничество и с Пакистаном, и с Афганистаном важно с точки зрения поддержания имиджа регионального лидера. Второй — борьба с терроризмом. Турецкая Республика заинтересована в том, чтобы ни Афганистан, ни Пакистан не становились убежищем для террористов. Третий фактор основан на активизации политических и экономических отношений с обеими странами. Четвертый — Турция связана с Афганистаном историческими и культурными корнями. Дипломатические отношения между государствами были установлены в 1921 г. С тех пор Турция регулярно предоставляла техническую помощь, направляла своих специалистов, реализовывала гуманитарные проекты. В 1960-е годы темпы сотрудничества снизились, однако вновь набрали обороты уже в начале 1990-х [1, с. 83]. Основой дружественных двусторонних отношений является отсутствие общих границ, что исключает территориальные споры; Турция не испытывает по отношению к Афганистану имперских амбиций; и, наконец, религиозная и культурная общность [11].

При этом Исламская Республика Афганистан (ИРА) и Исламская Республика Пакистан (ИРП) также облада-

ют исторической, культурной, этнической, лингвистической и религиозной близостью. Пакистан является крупнейшим соседом с самой протяженной границей. Тем не менее, отношения государств на протяжении XX–XXI вв. складываются непросто. Так называемая «линия Дюранда»^{1*} — постоянный источник проблем и нестабильности в регионе. Истоки конфликта кроются в распаде Дурранийской державы и захвате британскими завоевателями части афганских земель, населенных пуштунами и ныне входящих в состав Пакистана [7, с. 177]. Обеспокоенность судьбой пуштунов, оставшихся на пакистанской территории, и продвижение идеи создания независимого Пуштунистана стали причиной того, что Афганистан 30 сентября 1947 г. проголосовал против принятия Пакистана в ООН. Хотя вскоре афганская сторона и изменила свое решение, напряженность в отношениях двух стран сохранилась. После провозглашения в 1949 г. представителями племен образования Пуштунистан на территории Пакистана конфликтный характер отношений двух стран стал нормой. Критического уровня он достиг в 1961 г., когда была закрыта граница и прекращены дипломатические отношения. Разморозка произошла лишь в 1963 г. Несмотря на различия в подходе к контролю над пуштунской зоной племен, существуют экономические связи, обуславливающие взаимозависимость между этими двумя странами. Афганистан не имеет выхода к морю и сильно зависит от условий транзита экспорта и импорта через территорию Пакистана. Последний, помимо своей выгоды в торговле, заинтересован в стране-соседе также для налаживания торгово-экономических связей с центральноазиатскими странами и доступа к их ресурсам. Кроме того, Пакистан, испытывая недостаток пресной воды при демографическом росте, опасается реализации программы строительства новых водохранилищ на территории Афганистана, запущенной Индией [5, с. 108]. После признания Исламабадом правительства Движения талибов (ДТ) Пакистан фактически оказался в международной изоляции. Военная и финансовая помощь, а также вербовка добровольцев в ряды боевиков осуществлялись при участии Исламабада [6, с. 125]. Поддержку ДТ со стороны Пакистана можно объяснить двумя факторами: попыткой смягчить собственный пуштунский вопрос (Исламабад пытается предотвратить всплеск пуштунского национализма на своей территории) и возможностью использовать талибов для предотвращения роста влияния Индии в Афганистане. Здесь необходимо отметить, что турецко-пакистанские

отношения носили дружественный характер с момента образования в 1947 г. Пакистана. Однако, после того как ИРП признала правительство талибов, наступил кризис в двусторонних отношениях [3, с. 213]. Ситуация изменилась после прихода к власти в 1999 г. П. Мушараффа, который долгое время жил и учился в Турции и с глубоким уважением относился к основателю Республики М. К. Ататюрку. После событий 11 сентября 2001 г. и присоединения ИРП к международной антитеррористической коалиции, турецко-пакистанские отношения вышли на новый уровень. Произошла стабилизация и в отношениях между Исламабадом и Кабулом. Однако противоречия, имеющие исторические корни, часто выливаются в приграничные конфликты. Слишком значительным остается влияние Пакистана на деятельность ДТ, а самостоятельные шаги Кабула в переговорном процессе с лидерами талибов встречают жесткое сопротивление Исламабада, претендующего на роль обязательного посредника в этом вопросе. Пакистан не оставляет попыток ослабить влияние Индии в Исламской Республике Афганистан, более того, формирование в Афганистане лояльного правительства помогло бы в решении индийско-пакистанского конфликта [9].

Турция, претендующая на роль лидера исламского мира, обладая историческими и культурными связями с Афганистаном и Пакистаном, прикладывает все усилия для стабилизации ситуации в ИРА, развития диалога и улучшения афгано-пакистанских отношений. С учетом того, что Исламабад выступает в роли покровителя пуштунского этноса, Турция могла бы получить доверие пуштунской элиты при помощи Пакистана. Таким образом, Анкара сумела бы преодолеть антипатию между севером (туркмены и узбеки) и пуштунами, что само по себе явилось бы катализатором в достижении мира в ИРА [4, с. 185]. Если рассматривать в исторической перспективе, Турция неоднократно предпринимала попытки улучшения афгано-пакистанских отношений. Иран, Турция и Саудовская Аравия приложили значительные усилия по сближению двух стран во время афгано-пакистанского кризиса 1955 г. В результате в 1956 г. состоялся визит президента Пакистана генерала С. Мирзы в Кабул. В этом же году премьер-министр Афганистана М. Дауд посетил Карачи. В 1974 г. министр иностранных дел Турции И. С. Чалайангыл поддержал предложение своего иранского коллеги начать любой, пусть даже неофициальный диалог между Афганистаном и Пакистаном для предотвращения дальнейшего ухудшения отношений. Встреча двух высокопоставленных дипломатов была запланирована на март 1975 г., но взрыв в университете Пешавара в феврале того же года, во время которого погиб Х. М. Хан Шерпао, министр внутренних дел Пакистана и личный друг премьер-министра Пакистана З. А. Бхутто, последовавшее за этим

¹ Линия Дюранда — 2640 километровая граница между Афганистаном и Британской Индией, установленная в 1893 г. по итогам переговоров между эмиром Абдурахманом и секретарем индийской колониальной администрации Мортимером Дюрандом. В 1949 г. афганские власти приняли решение о денонсации афгано-британских соглашений и о непризнании линии Дюранда.

запрещение Национальной партии Авами^{1*} и арест ее членов, обвиненных в произошедшем убийстве, помешал реализации этой договоренности [12, с. 122]. Лишь в июне 1976 г. благодаря стараниям Ирана и Турции состоялся визит пакистанского премьер-министра в Кабул. Далее во время гражданской войны в Афганистане позиции Анкары и Исламабада разошлись. Последний поддерживал талибов, в то время как Турция — Северный альянс. Однако именно после прихода к власти в Турции ПСР ее посреднические усилия в вопросе урегулирования афгано-пакистанских отношений активизировались.

Так, в 2007 г. был сформирован Тройственный форум Турции, Афганистана и Пакистана (Анкарский процесс), целью которого стало укрепление отношений между этими странами, решение вопросов сотрудничества в противодействии терроризму, борьба с наркоторговлей и налаживание атмосферы взаимного доверия, а также создание политической платформы для стабилизации ситуации в Афганистане в целом [10, с. 7]. Расширение регионального сотрудничества является основной темой трехсторонних саммитов. С момента образования форума встречи лидеров стран проходили ежегодно. Данный механизм в первую очередь был направлен на укрепление взаимодействия в сфере безопасности, но в то же время активизировал усилия сторон по налаживанию торгово-экономического сотрудничества и продвижению товаров. [2, с. 214].

На первом саммите (29–30 апреля 2007 г.) основное внимание было уделено нормализации диалога между ИРА и ИРП. Состоявшееся в турецкой столице мероприятие завершилось принятием совместной Декларации о многоплановом взаимодействии. Итогом встречи также стала договоренность о создании Совместной группы для координации усилий по укреплению мер доверия². В июле 2007 г. в Анкаре прошло первое заседание группы. Второй саммит в Стамбуле в декабре 2008 г. был посвящен вопросам межрегионального торгово-экономического сотрудничества. Итогом трехсторонней встречи на высшем уровне в апреле 2009 г. в Анкаре стало совместное заявление, в котором подчеркивалось, что лидеры трех стран будут содействовать установлению мира, стабильности и безопасности в регионе (на третьем саммите присутствовали также представители разведведомств трех стран). Стороны пришли к консенсусу в вопросе координации усилий

¹ Национальная партия Авами отстаивала идею пуштунского национализма.

² 7 July 2007, Joint Declaration Regarding the First Meeting of the Joint Working Group Established by Turkey, Pakistan, and Afghanistan (Unofficial Translation). Available at: http://www.mfa.gov.tr/7-july-2007_-joint-declaration-regarding-the-first-meeting-of-the-joint-working-group-established-by-turkey_-pakistan_-and-afgha.en.mfa (accessed:20.01.2018).

по борьбе с терроризмом и экстремизмом. В январе 2010 г. главной темой четвертой встречи стало взаимодействие в сферах здравоохранения, образования, подготовки военнослужащих и обмена разведданными. В декабре того же года состоялся пятый саммит, на повестке дня которого были проблемы региональной безопасности. На встрече также обсуждались вопросы поддержки Анкарой переговоров с руководством талибов, в частности, возможность открытия на своей территории представительства ДТ³. Позднее турецкие лидеры дистанцировались от этой идеи, и открытие офиса состоялось в Катаре в июне 2013 г. Подчас переговоры, организованные Турцией в рамках трехстороннего саммита, позволяют решать острые вопросы афгано-пакистанских отношений. Дипломатическим прорывом завершился шестой саммит, проходивший в Стамбуле в ноябре 2011 г., который помог возобновить диалог между Исламабадом и Кабулом, приостановленный после убийства экс-президента Афганистана Б. Раббани. По инициативе Анкары была создана трехсторонняя комиссия по расследованию инцидента. Состоявшийся саммит позволил ослабить напряженность в афгано-пакистанских отношениях и двигаться дальше в переговорном процессе с лидерами ДТ. В декабре 2012 г. состоялась седьмая встреча на высшем уровне, посвященная сотрудничеству в торгово-экономической сфере, в области безопасности и национального примирения. В ходе переговоров обсуждался вопрос причастности Пакистана к покушению на жизнь начальника Главного управления национальной безопасности (ГУНБ) ИРА А. Халида, что привело к очередному обострению в двусторонних отношениях. Тема восьмой трехсторонней встречи была обозначена как «Устойчивый мир в регионе Сердце Азии». На прошедшем в Анкаре в феврале 2014 г. саммите звучали призывы к лидерам ДТ о примирении. В частности, вступивший в должность президента Афганистана в сентябре 2014 г. А. Гани выступил с предложением к руководству талибов присоединиться к мирному процессу.

Трехсторонние встречи являются уникальной платформой для содействия политическому диалогу на высшем уровне, сотрудничества в сфере безопасности, борьбы с терроризмом и развития партнерских отношений вовлеченных стран. «За кулисами» прошедших восьми саммитов были организованы отдельные сессии с участием министров иностранных дел, военных, чиновников и бизнес-элиты трех стран. Также проходили переговоры между Союзом торговых палат и товарных бирж Турции, Торгово-промышленной палатой (ТПП) Афганистана и ТПП Пакистана. Была сформирована платформа

³ Pakistan would back Taliban office in Turkey: official. Available at: <http://defence.pk/threads/pakistan-would-back-taliban-office-in-turkey-official.103593/#ixzz4X4wKAqAK> (accessed: 18.01.2018).

для экономического сотрудничества, в которой смогли принять участие представители ТПП трех стран [13, с.72].

Стоит отметить, что помимо трехсторонних встреч, было начато сотрудничество в рамках Стамбульского процесса (СП), запущенного Турцией в ноябре 2011 г. и призванного оказать содействие в деле обеспечения стабильности и безопасности в Афганистане и его интеграции в жизнь региона и мирового сообщества. 14 стран-участниц СП, среди которых Турция, Афганистан и Пакистан, работают в направлении создания единой платформы государств (ближних и дальних соседей ИРА) для решения региональных проблем и борьбы с общими угрозами¹.

Под влиянием этих процессов после выборов 2014 г. в Афганистане пакистанское руководство демонстрирует расположенность к расширению отношений с Кабулом. В ноябре 2014 г. в Исламабаде состоялись переговоры президента ИРА А. Гани с официальными лицами ИРП, в результате которых власти Пакистана пообещали оказать давление на лидеров ДТ и привлечь их за стол переговоров, способствовать мирному урегулированию афганского конфликта, координировать действия против террористов по обе стороны «линии Дюранда». Этот визит также помог укреплению военного сотрудничества двух стран. В мае 2015 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании с целью усиления борьбы с терроризмом между Главным управлением национальной безопасности Афганистана и пакистанской межведомственной разведкой. Исламабад выразил желание принять участие в подготовке афганских военных и оказать содействие в финансовом оснащении ведомства.

Афгано-пакистанское сближение носит неустойчивый характер и весьма скептически воспринимается как экс-президентом Исламской Республики Афганистан Х. Карзаем, так и многими афганскими парламентариями. Бывший глава ГУНБ ИРА А. Халид охарактеризовал подписание афгано-пакистанского Меморандума как «постыдное и непростительное деяние», а бывший министр иностранных дел Афганистана Р.Д. Спанта назвал политику президента А. Гани унизительным «умиротворением враждебной силы»².

Необходимо констатировать, что во втором полугодии 2015 г. с момента нападения боевиков на здание

¹ Страны-участницы Стамбульского процесса (помимо Афганистана, Пакистана и Турции): Азербайджан, Китай, Индия, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Саудовская Аравия, Таджикистан, Туркменистан, ОАЭ.

² Hamid Karzai: Afghanistan in danger of sliding 'under thumb' of Pakistan. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2015/mar/09/hamid-karzai-if-we-give-up-control-of-our-foreign-policy-pakistan-taliban-ashraf-ghani-india> (accessed: 25.09.2018).

Парламента ИРА, снова отмечается рост напряженности в афгано-пакистанских отношениях.

В августе 2016 г. министр иностранных дел Турции М. Чавушоглу посетил Пакистан с официальным визитом. В ходе его переговоров с руководством страны были затронуты вопросы дальнейшего сотрудничества по Афганистану. В виду того, что Турецкой Республике приходится считаться с активным политическим и экономическим проникновением Китая в Пакистан и попытками Пекина самостоятельно наладить афгано-пакистанский диалог, Турция, с одной стороны, выразила готовность поддержать китайские инициативы, с другой стороны, М. Чавушоглу заявил о решимости Турции провести девятый трехсторонний саммит (в надежде укрепить собственные позиции в переговорном процессе между Исламабадом и Кабулом).

На сегодняшний день противоречия между ИРА и ИРП сохраняются, что нередко выливается в приграничные конфликты, закрытие погранпереходов и обстрел территорий. В этой связи крайне важно содействие третьей стороны для урегулирования кризиса в афгано-пакистанских отношениях.

Бывший специальный посланник Турецкой Республики по Афганистану А. Эрман утверждает, что благодаря историческим отношениям в регионе и глубокому пониманию местных ценностей и культур, Турция является единственной страной, способной сблизить Афганистан и Пакистан, несмотря на их различия [13, с. 102].

Следует отметить, что турецкая внешняя политика направлена на развитие добрососедских отношений со странами региона, а также сохранение единства и территориальной целостности Афганистана. Анкара стремится быть гарантом того, что другие региональные игроки будут воздерживаться от проведения разрушительной односторонней политики в отношении Исламской Республики Афганистан. Настойчивость Турции на пути построения транспарентных отношений между Афганистаном и Пакистаном, уважение и учет их национальных интересов и проблем помогли Анкаре взять на себя роль доверенной стороны и организовать работу трехстороннего процесса [9, с. 7]. Однако не всегда усилия Турции в преодолении региональных разногласий оказываются успешными. Кроме того, она вынуждена сохранять баланс в отношениях между Индией и Пакистаном с учетом их давнего соперничества в регионе. Нью-Дели выражает недовольство неучастием в трехсторонних встречах на высшем уровне, интерпретируя это как знак неуважения законных интересов Индии в Афганистане. Привлечение индийских дипломатов к работе по турецким инициативам относительно Афганистана вызывает возмущение в Пакистане. Неко-

торые пакистанские аналитики обвиняют турецкие власти в дистанцировании себя от интересов Исламабада в Афганистане, чтобы понравиться Вашингтону «за счет Пакистана» [13, с. 107]. Впрочем, подобные заявления становятся все менее актуальными на фоне сохранения напряженности в турецко-американских отноше-

ниях и усиления антинаатовских настроений в турецком обществе [8, с. 58]. Способность Турции поддерживать связь с обеими странами, демонстрируя соперничество и придерживаясь этической позиции в отношениях со сторонами конфликта, имеет значение для успеха превентивной дипломатии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева А. И. Афганская стратегия Турции: содействие безопасности и развитию // Вестник МГИМО. 2016. № 2 (47). — С. 80–90.
2. Замараева Н. А. Пакистано-турецкие отношения на современном этапе (2011–2013 гг.) // Турция на пути к региональному лидерству. — М., 2015. — С. 213–226.
3. Иванова И. И. Отношения Турции с Афганистаном и Пакистаном // Турция в условиях новых внутренних реалий / Отв. редакторы: Н. Ю. Ульченко, Е. И. Уразова. — М.: ИВ РАН, 2010. — С. 213–227.
4. Иванова И. И. Турецко-афганские отношения на современном этапе // Афганистан 2010 / Отв. ред. У. З. Шарипов. — М.: ИВ РАН, 2010. — С. 175–196.
5. Искандаров К. Фактор Пакистана в афганском конфликте // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Том 16. № 3. — С. 96–111.
6. Москаленко В. Н. Пакистан и Афганистан: смена курса // Афганистан в начале XXI века. — М., 2004. — С. 125–142.
7. Паничкин Ю. Н. Пакистано-афганские отношения: истоки конфликтности // Афганистан в начале XXI века. — М.: ИИИиБВ, 2004. — С. 176–182.
8. Свистунова И. А. В поисках новой модели: отношения Турции и США в сфере безопасности // Вестник МГИМО. 2016. № 2 (47). — С. 53–59.
9. Afghanistan: Post-War Governance, Security, and U. S. Policy, 2006.
10. Aras B. Turkey's Mediation and Friends of Mediation Initiative. SAM Papers. Dec.2012. No.4. — 11p.
11. Erman A. How Turkey's Soft Power can Aid NATO in Afghanistan / New Perspectives Quarterly. 2010. Vol. 27. No.2. — Pp. 39–41.
12. Ghaus A. S. The Fall of Afghanistan an Insider's Account. — New York, 1988.
13. Çubuk C. B. Turkey's role in Afghanistan in the post 9/11 era. M. S. Department of International Relations, Middle East Technical University, 2014. — 147p.
14. Karacasulu N. Reconstruction of Afghanistan and the Role of Turkey / Orta Asya ve Kafkasya Araştırmaları Dergisi (OAKA). Cilt:5, Sayı: 10, 2010. — Ss. 40–58.

© Ишбулдина Ксения Ринатовна (kseniya.ishbuldina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный институт международных отношений

ПОЗИЦИОННЫЙ КРИЗИС В ХОДЕ РЖЕВСКОЙ И ВЕРДЕНСКОЙ БИТВ МИРОВЫХ ВОЙН: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

THE POSITIONAL CRISIS DURING RZEV AND VERDUN BATTLES OF WORLD WARS: GENERAL AND SPECIAL

I. Mizerov

Summary. The article addresses the issue of similarities and differences between the two largest positional battles in world history, the Verdun battle of the First World War and the Battle of Rzhev in World War II, attempts to isolate the essential manifestations of a positional crisis that are common at different stages of the development of technology and tactics. A comparative analysis of the characteristics of the Verdun battle and Battle of Rzhev highlights at the tactical, operational and strategic levels factors that in the two very dissimilar theaters of military operations, in different military and political conditions, under the different influence of the personal characteristics of the generals leading the units and formations involved, led to close final results, poured into similar forms. It was proposed to develop the theme of parallelism between the Verdun and Rzhev battles as part of an independent full-scale study of the phenomenon of a positional crisis in its early and new versions.

Keywords: military history; positional crisis; comparative studies; World War I; The Second World War; statistics; Rzhev battle; Battle of Verdun.

Мизеров Иван Игоревич

Аспирант, Российский Университет Дружбы Народов
mizerchuk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о сходствах и различиях двух крупнейших позиционных сражений мировой истории, Верденской битвы Первой мировой и Ржевской битвы Второй мировой войн, производится попытка вычленить сущностные проявления позиционного кризиса, единые на разных этапах развития техники и тактики. Путём сравнительного анализа характерных особенностей Верденской и Ржевской битв выделяются на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях факторы, которые в рамках двух весьма несходных театров военных действий, в различных военных и политических условиях, под разного рода влиянием личных особенностей полководцев, руководящих задействованными частями и соединениями, вели к близким итоговым результатам, выливались в сходные формы. Предложено развить тему параллелизма между Верденской и Ржевской битвами в рамках самостоятельного полномасштабного исследования феномена позиционного кризиса в раннем и новом его вариантах.

Ключевые слова: военная история; позиционный кризис; компаративистика; Первая мировая война; Вторая мировая война; статистика; Ржевская битва; Битва при Вердене.

Первая и Вторая мировые войны — крупнейшие в истории человеческой цивилизации, беспрецедентные по количеству вовлечённых в них участников, вне всяких сомнений оказали решающее влияние на историю XX века, из которой логически и хронологически вытекает XXI век. Политические границы, роль и место в системе международных отношений тех или иных государств, международные договоры и организации, национальная идеология и мифология огромного количества народов, вовлечённых некогда в мировые конфликты, долгосрочные демографические и экономические последствия — всё это в настоящее время во многом определяется наследием 1914–1918 и 1939–1945. Уже этого факта достаточно, чтобы практически любая работа, кроме посвящённой крайне узкой и локальной проблематике, раскрывающая историю указанных выше периодов, была небесполезной и актуальной, если только она не повторяет выводы и развитие мысли ранее выполненных исследований. Автор данной небольшой статьи, не претендуя на то, что им заявлено новое слово в науке, должен, однако, отметить, что до настоящего времени работа монографического характера, или даже

статейного формата, где производилось бы вдумчивое аналитическое сопоставления Верденской и Ржевской битв, не была создана.

Этот факт нельзя назвать иначе, чем странным, ведь даже на уровне архетипов массовой психологии, образы “Верденской мясорубки” и “Ржевской бойни” несут печать сходства. При этом оно не ограничивается одним только фактом больших потерь, понесённых в сражении — в конце концов, других эпизодов в военной истории мира, или даже только Франции и России/СССР, сопровождавшихся массовыми человеческими жертвами, не так уж мало. Нет, суть лежит в несколько иной плоскости.

Как Первая, так и Вторая мировая, помимо перечисленных ранее многообразных форм влияния на большую часть сфер, составляющих историю рода людского, к которым можно добавлять по необходимости и другие звенья (культура, философия и мировосприятие, искусство и т.д.), вне всяких сомнений перевернули понятия в военном деле. Мало кто усомнится, что “наука побеж-

дать” при Суворове, или даже, к примеру, во времена генерала Ли и генерал-фельдмаршала фон Мольтке Старшего, была такой же, как после двух мировых войн. Военная теория обогатилась и изменилась за первую половину XX века радикально. И одним из важных понятий, появившихся в ней, стало понятие позиционного кризиса.

Позиционный кризис есть ситуация, при которой на значительной (большей) части фронта и на длительный период оборона получает решающее преимущество перед наступлением, причём в равной мере для той и другой стороны. Почему такое положение считается кризисом?

Выдающийся военный теоретик Карл фон Клаузевиц говорил, что “Война есть продолжение политики иными средствами” [11, с 25]. В этой связи, с его точки зрения, “войну порождает не нападение, а сопротивление” [11, с 16–17]. В самом деле, если в виду силового, экономического, или иного давления, либо каких-нибудь ещё факторов, одна сторона соглашается уступить требованиям, другой, какими бы невыгодными, или даже унижительными они не были, то вооружённая борьба попросту не состоится. Если же та и другая сторона продолжает стоять на своём, то единственный способ понудить неприятеля к заключению мира на своих условиях (тем более — к капитуляции), есть активные действия, читай наступление. Оно же, это важно подчеркнуть, оптимальный вариант и для стороны, подвергшейся агрессии. Не всегда возможное в конкретных данных условиях, но, тем не менее, постоянно подразумеваемое как оптимум: перенести борьбу со своей территории на территорию нападавшего, разрушить его системы управления, мобилизации, производства, лишит его возможности в дальнейшем угрожать новым нападением. В 1812 году, после изгнания Наполеона из пределов России, равно как и в 1944 году, после достижения на основной её протяжённости линии государственной границы, боевые действия не прекратились, но завершились только по итогам серии широкомасштабных наступлений во взятой столице противника, хотя и в первом, и во втором случае Российская Империя и Советский Союз изначально оказались под ударом захватчика.

Превалирование обороны над наступлением создаёт условия не для мира, но для затягивания конфликта и борьбы на истощение. Оперативное искусство уступает место калькуляции ресурсов и стремлению заставить противника растрачивать их более интенсивно, чем расходуешь их сам. Основной формой достижения превосходства над врагом становится ввод в сражения максимально количества живой силы и техники, использование насколько возможно большего количества боеприпасов. На выходе получаем многомесячные бои “за

избушку лесника” и потери до полумиллиона человеческих жизней за продвижение на расстояние 1,5–2 километров, как в упоминавшемся выше случае сражения при Пашендейле. О последнем генерал Зайончковский в своей фундаментальной книге “Первая мировая война” пишет следующее: “...главная причина неудачи заключалась все-таки в трудности современной атаки, которая требует сосредоточения атакующим такого количества боевых средств и такого методического и связного расходования их, которое радикально отличает бои позиционной войны от маневренной” [8, с 594–595].

Механика процесса на оперативном уровне — в возможности осуществить прорыв обороны прежде, чем неприятель успеет перебросить на соответствующий участок резервы достаточные для того, чтобы надёжно его запечатать. Далее может начаться взаимная гонка количественного усиления, когда командиры той и другой стороны будут вводить в дело всё новые и новые полки, или дивизии в расчёте на то, что склонить чашу весов на ту или другую сторону может единственный “последний батальон”, что в действительности является иллюзией. Именно так и запускается процесс самоподдерживающейся “мясорубки”, завершающейся, как правило, только тогда, когда у одной, или обеих сторон не остаётся ни одного достаточно свежего и боеспособного “последнего батальона”, который можно бросить в бой. Подобные обострения в борьбе перемежаются длительными периодами сравнительного бездействия, на самом деле представляющего собой подобие долготочной осады: минимальное количество манёвров и довольно скромное количество людей на передовой линии разветвлённых и состоящей из многих полос оборонительных позиций компенсируется упорством действий “бога войны” — артиллерии, и тем колоссальным количеством боеприпасов, которые за дни и даже недели почти непрерывных обстрелов она тратит, засеивая металлом занятую врагом территорию, в попытках уничтожить множество блиндажей и ДОТов, сорвать с кольев метры и метры колючей проволоки в тщетной надежде увеличить скорость, с которой оборону неприятеля сумеют преодолеть в ходе нового удара штурмующие пехотинцы.

Первая мировая породила два выхода из тупика — технический и тактический. Первый — это авиация, которая в принципе не ограничена в возможностях по нанесению ударов, в том числе и по глубокому тылу врага, ничем, кроме радиуса действия самолётов тех или иных типов, а главное — бронетехника, танки и иные моторизованные средства, которые, стоит только пробиться через насыщенную инженерными преградами зону защиты, способна резко наращивать темп продвижения вперёд, на порядок перекрывая всё, что мог бы продемонстрировать пехотинец, а также обладающая куда

большими ударными и защитными возможностями, нежели кавалерия. Второй — штурмовые группы пехоты, представляющие собой спаянные соединения обладающих широким спектром ручного и лёгкого возимого оружия тренированных бойцов, чья цель — пробивание брешей в обороне, нарушение системы огня, позволяющее через возникшие окна основной массе солдат пройти, не залегая, наиболее опасную зону предполья, непосредственно вклиниться в построения противника.

Решив задачи в 1917–1918 годах эти методы, с одной стороны, развивались, с другой — с течением времени против них появился ряд контрприёмов. В первую очередь то же техническое развитие, которое породило танк, привело к возникновению и специализированной противотанковой артиллерии. Развитие артиллерии зенитной, а также появления радиолокационного способа обнаружения самолётов способствовало укреплению противовоздушной обороны. В целом к 1939 году обновлённые и усовершенствованные, инструменты преодоления позиционного кризиса сохранили свою действенность. В силу этого мы в основном знаем Вторую Мировую и Великую Отечественную как маневренные войны, насыщенные прорывами, глубокими рейдами, охватами, окружениями и суточными темпами продвижения на 50, 100 и даже более километров в сутки. Однако, в случае Ржевской битвы, мы, вне всяких сомнений, имеем пример возобновившегося на новом витке военной истории позиционного тупика.

Представляет несомненный научный интерес понять, почему это произошло, вычленив частные и общие, принципиальные, сущностные моменты. Сделать это будет легче, а результат получится нагляднее, если воспользоваться методом исторической компаративистики и задать Ржевской битве в качестве лекала близкое по размаху, протяжённости и роли в общем военном контексте сражение эпохи классического позиционного фронта. Автору представляется, что Верденская битва будет оптимальным выбором. В основной части работы мы на целом ряде позиций увидим это.

Прежде, чем начать делать какие-либо выводы, стоит ещё раз убедиться, что мы не пытаемся сопоставить несравнимое.

Во-первых, необходимо взглянуть, на протяжённость Верденской и Ржевской битв во времени и пространстве. В историографии приняты соответствующие даты для начала и окончания той и другой баталии, а именно 21 февраля — 18 декабря 1916 и 8 января 1942–31 марта 1943. И там, и там остаётся пространство для исторической критики — например, в случае с Ржевской битвой само название города Ржев впервые звучит в военных документах Калининского фронта в записях от 06.01.42.,

а 9 января Ржев впервые появляется в боевой задаче 29-й армии: подготовить наступление на Ржев. При этом командующие РККА всех уровней, ведущие бои, не отделяли от общего хода Контрнаступления под Москвой. Но, давайте здесь, для простоты и краткости примиримся с возможными погрешностями как незначительными. В этом случае мы получим продолжительность Верденской битвы в 301 сутки, а Ржевской — в 447 суток. Это весьма крупные временные отрезки в контексте Первой и Второй мировых войн соответственно. Безусловно, при такой длине битв имелись периоды относительного затишья. Однако, чередование наступлений и пауз между ними не приводит к разрыву, поскольку наличествует единство оперативно-стратегической значимости соответствующего участка (район Вердена, либо район Ржева) на всём протяжении соответствующей битвы, общность принципиальных задач и целей сторон. Обозначаясь, мы имеем серию подходов к одному и тому же снаряду.

Если говорить о географической протяжённости, то здесь задача несколько усложняется. Промер километража линии фронта едва ли будет корректным, да и вообще возможным с учётом того, что, к примеру, внутри Ржевского выступа длительное время существовало глубокое вклинение войск Калининского фронта, на котором находились части 39-й армии и 11-го кавалерийского корпуса. В ходе операции Зейдлиц немецкой 9-й армии удалось ликвидировать его. Как Ржев, так и Верден находились на оконечности выступов, выдающихся из общей линии Западного, или Советско-германского фронтов. В этих условиях наиболее разумным параметром сравнения станет расстояние между крайними фланговыми точками этого выступа. В случае с Верденом мы получаем примерно 39 км между Клермон-он-Аргон и Ле Парошем, в случае с Ржевом — 132,5 км. между Белым и Гжатском (последний ныне переименован в Гагарин).

Наконец, имеет смысл сказать о наряде привлекаемых сил. Безусловно, в какой-то степени он изменялся — прибывали и убывали соединения до дивизий включительно, тем не менее, в общих чертах вычленив его вполне возможно. Под Верденом были задействованы 2-я и 3-я французские армии с одной и 5-я германская армия с другой стороны. В случае Ржевской битвы это 9-я и отдельные части 3-й танковой армий у вермахта и Калининский и Западный фронты (тот и другой без нескольких армий, располагавшихся севернее, либо южнее Выступа).

Сравнение данных двух битв даёт возможность выявить, что географическая скученность зоны действия при Вердене задаёт для этого сражения Первой мировой большие плотности войск, чем при Ржевской битве.

		Потери безвозвратные	Потери общие	Потери сумма	Протяжённость в датах и количестве суток	Средне-суточные потери
Верденская битва	Франция	162 000	377 000	714000	с 21 февраля 1916 по 18 декабря 1916, итого 301 день	1252
	Германия	143 000	337 000			1120
Ржевская битва	СССР	392 554	1160787	1828797	с 8 января 1942 по 31 марта 1943, итого 447 дней	2597
	Германия	198363	668010			1494

[4, с 176, с 235, с 251],[9]

Ширина и объём Ржевского выступа объясняются как существенным превышением протяжённости Восточного фронта Второй Мировой войны над таковой Западного фронта Первой Мировой, так и определёнными изменениями в технике и тактике, которые позволили резервам, располагающимся у основания и выступа, и, в зависимости от зоны возникновения кризиса, отправляющимся на ликвидацию возможного прорыва, проходить за то же время большие дистанции. То же касается в известной мере и хронологии — Верден короче и плотнее забит событиями, что позволяло исторической науке сразу и более уверенно говорить о нём, как о едином эпизоде в рамках противоборства на Западном фронте. Имелись, безусловно, крупные несходства на стадии формирования одного и второго выступов, где в случае с Ржевом процесс был куда более хаотичным и чреватым для обороняющейся стороны (т.е. Германии) мгновенным его коллапсом ещё до того, как будет полноценно выстроена система обороны. Но уже к концу февраля 1942 эта стадия окажется позади. Под Ржевом достигшая большого прогресса по сравнению с 1916 годом авиация сражалась в ранге отдельного фактора, выходящего за пределы позиционного фронта по самим особенностям своего применения.

Различия естественны, с учётом прогресса техники и военного искусства, но они не отменяют принципиальной близости. В чём выражается эта близость? Самое простое, но, в то же время, существенное, что, если представить ту и другую битву в виде схемы, то они будут почти идентичными — это попытки сперва “расколоть” атакой в направлении вершины (где находится важный с точки зрения логистики населённый пункт), а затем срезать фланговыми ударами выступ. При этом роль данного выступа — своеобразный краеугольный камень фронта в целом, от стойкости которого зависит способность атакующей стороны перехватить, либо не перехватить стратегическую инициативу. В самом деле, в 1916-м под Верденом Германия силилась вырвать её у начавших проводить крупномасштабные наступательные операции за то время, что она по большей части была обращена к Восточному фронту, союзников по Антанте. В октябре 1915 франко-английские силы организовали

крупную атаку в Артуа, а непосредственно в 1916 после длительной подготовки предприняли генеральное наступление на Сомме. На Советско-германском фронте Ржевская битва началась как новый этап контрнаступления под Москвой, ликвидировавшего последствия немецких успехов сентября-ноября 1941 в ходе операции Тайфун, а затем с конца июня 1942 проходила в контексте широкомасштабной наступательной кампании вермахта на Кавказ и Сталинград. Иными словами, то и другое сражение развернулись в период стратегической неопределённости, когда отсутствовала однозначная ясность в вопросе о том, какая сторона будет реализовывать свои планы, а какая — по большей части лишь парировать возникающие угрозы. И в том, и в другом случае внезапность как фактор, хотя, скажем, в случае Вердена её пытались достигнуть [12, с 134], была утрачена атакующими на самой ранней стадии битвы, но данный факт не привёл ни к её остановке, ни к существенной смене в замысле.

Если мы попытаемся в построении нашей схемы спуститься на уровень иерархии ниже, то достаточно легко обнаружим и единство по тактическому рисунку, где ключевую роль играет артиллерия, особенно у обороняющейся стороны, где система огня строится таким образом, чтобы основным приоритетом была способность любым способом и, невзирая на контрбатарею борьбу, заставить противника замедлять своё продвижение в попытках обойти узлы сопротивления, либо сконцентрировать достаточно мощную группировку для их уничтожения. За это время в угрожаемую точку должны были прибыть резервы, достаточные для купирования кризиса. В том случае, если риск прорыва фронта становился особенно велик, как французы при Вердене, так и части вермахта подо Ржевом устраивали кровопролитные, безуспешные с точки зрения выигрыша контроля над территорией, но, опять же, дающие дополнительное время для подхода подкреплений контратаки. Этому можно найти много примеров в любых детальных описаниях Верденской и Ржевской битв, а такой ценный источник, как советские журналы боевых действий фронтового и армейского уровня, просто пестрит ими.

В свете вышеизложенного, наконец, мы получаем законное право перейти не просто к сравнению битв, но делать на этой основе обобщения. Здесь нам поможет таблица, в которой систематизированы ключевые числовые показатели для Верденской и Ржевской битв в разбивке по противостоящим сторонам там, где это необходимо (см. таблицу).

Хорошо видно, что Ржевская битва в целом несколько более масштабна. Даже с учётом большей её продолжительности среднесуточный уровень потерь и для обороняющейся, и, особенно, для наступающей стороны выше, нежели таковой в случае с Верденом. Это позволяет констатировать сразу два важных положения:

1. Позиционный кризис нового типа по своей глубине и последствиям, в тех случаях, когда он возникает, не только не уступает, но превосходит классический.
2. Масштаб и особенности боевых действий на Советско-германском фронте в 1942 были таковы, что ни одна из сторон не ставила данный кризис в центр своего внимания и не рассматривала как сущность и основу борьбы. Маневренные операции на Сталинградском и Кавказском направлениях отделили для военных теоретиков происходящее. В то же время в Первую мировую осмысление началось практически немедленно. Тот же Эрих фон Фалькенгайн уже на стадии разработки атаки на Верден исходил из того, что оно будет происходить в условиях позиционного кризиса. Вполне сознавали это сразу после начала боёв маршал Жоффр и командующий 2-й французской армией Петэн. Можно предполагать, что большая длительность и большие потери сторон подо Ржевом есть следствие отсутствия столь же ясного понимания — во всяком случае у атакующей стороны.

Последнее утверждение можно дополнительно обосновать и подкрепить тем фактом, что опыт Западного фронта Первой мировой был по понятным причинам значительно лучше адаптирован вермахтом, где подавляющее большинство офицерского состава так или иначе непосредственно прошли через это горнило (даже те, кто бился до заключения Брестского мира на Восточном фронте, после этого отправились на Запад, чтобы принять участие в финальной попытке перехватить инициативу у Антанты в ходе Весеннего наступления 1918 года), нежели РККА, которая опиралась в большей мере на наследие Гражданской и Советско-польской войн. Даже освоение наследия сражений на Русско-германском и Русско-австрийском фронтах не могло вполне компенсировать этой разницы, поскольку характерные особенности позиционной войны проявлялись там в заметно меньшей степени, чем при Вердене, или на Сом-

ме. Тот же Вальтер Модель, командовавший 9-й армией в ходе Ржевской битвы, всю Первую мировую провёл в боях во Франции [2, с 31–74]. Все командиры армейских корпусов 9-й армии имели за спиной опыт Первой мировой. В то же время на аналогичном уровне у РККА командующие армий Калининского и Западного фронтов далеко не всегда успели побыть на фронтах “Первой империалистической”.

Помимо опыта, можно говорить и о его трансформации в определённые принципы организации. В частности, в самой основе немецкой тактики лежала идея о так называемом “шверпункте”. Впервые возникшая на теоретическом уровне ещё у Клаузевица, по-настоящему она была осознана и адаптирована вооружёнными силами Германии именно во второй половине Первой мировой войны. В чём она заключается? В необходимости в любой позиции находить ключевой пункт, контроль которого если не гарантирует, то делает наиболее вероятным её удержание (в случае обороны), либо падения (в случае атаки на неё). Казалось бы, при сплошном позиционном фронте данная идея лишена смысла. В действительности — прямо наоборот. Исходя из шверпункта и возможности его сохранения (в том числе в условиях охвата, или даже полного окружения), выстраивалась система огня, распределялись тактические резервы, возводились полевые укрепления. Что есть шверпункт в битве, подобной Ржевской (и Вердену)? Это такая точка, которая в максимально возможной степени препятствует ускорению в развитии наступления, не позволяет развиться до степени оперативного даже уже достигнутому прорыву. Хороший пример мы видим в ходе операции Марс и действий в ней 20-й армии на реке Вазуза. Там прорыв введённого в бой 6-го танкового корпуса Армана к важнейшей железнодорожной ветке Ржев-Сычевка удался лишь частично и с большими потерями, так как противник продолжал упорно удерживать опорные пункты перед занятым советскими войсками плацдармом за Вазузой — в тылу корпуса, а некоторые вернул с контратаками после его продвижения вперёд и продолжал держаться даже в условиях окружения в надежде на деблокаду прибывающими резервами. Пара блокированных деревень с достаточно скромными, но хорошо подготовленными гарнизонами не допускала создания действительно широкой и безопасной переправы через реку, ввиду чего на подходах к Вазузе образовался вечный затор из советских войск, который подвергался непрерывному воздействию дальнобойной артиллерии и авиации немцев. Попытка протолкнуть через бутылочное горлышко максимальное количество войск привела к тому, что очень небольшое число подразделений сумело форсировать водную преграду в полном составе, произошло нарушение взаимодействия между пехотой (по большей части уже очутившейся на плацдарме) и артиллерией (в основном оставшейся позади). Непрерыв-

но воздействовал на дальнейшее развитие наступления ограниченный объём снабжения — особенно самым роковым образом сказавшееся в дальнейшем малое количество топлива у танков 6-го танкового корпуса.

Принятое в этих условиях командованием фронта и армии решение, не дожидаясь расширения плацдарма и взятия опорных пунктов противника Никоново, Бол. и Мал. Кропотово в ночное время перебросить в походном порядке (верхом) части 2-го кавкорпуса генерала Крюкова вперёд на соединение с 6-м т.к. окончилось катастрофически. Только небольшая часть первого эшелона бойцов смогла на полном скаку миновать линию огня, а остальные были вскрыты противником при помощи прожекторов и осветительных ракет, а затем подвергнуты уничтожающему обстрелу. Значительное количество кавалеристов погибло, часть была вынуждена спешиться и принять бой, некоторые из них были окружены и уничтожены, отдельные подразделения в темноте и спешке потеряли ориентирование и вместо позиций 6-го тк вышли в области, занятые противником, где так же были уничтожены. К исходу 28-го ноября 1942 года 2-й кавалерийский корпус оказался разделён практически надвое и очень серьёзно ослаблен. Конно-механизированная группа прорыва 20-й армии фактически оказалась в тяжёлом положении, была неспособна самостоятельно продолжать наступление, тем более в темпах, предписываемых планом операции Марс. Таким образом, попытка поспешить с углублением прорыва завершилась разгромом эшелона развития успеха и вообще наиболее маневренных соединений в полосе наступления 20-й армии Западного фронта. В то же время планомерная зачистка Никоново, Большого и Малого Кропотово и нескольких других населённых пунктов вела к фатальной потере времени, за которое в зоне боёв успели появиться части сразу двух свежих танковых дивизий вермахта.

Откуда взялась подобная система? Из собственных ошибок 1916, когда сперва во время атак на Верден периода 21–25 февраля был избран вариант с предельно узким фронтом наступления (чтобы артиллерия могла с гарантией расчистить путь продвигающейся вперёд пехоте), а потом, с началом марта немцы обнаружили, что при таком варианте почти невозможно адекватно развивать прорыв и даже полноценно закрепиться на занятой территории под непрерывными контратаками французов и фланкирующим обстрелом. Затягивание времени привело к тому, что Петэн сумел наладить непрерывную ротацию резервов. Лиддел-Гарт пишет об этом так: «Дороги уже не выдерживали напряжения беспрестанного движения. Поэтому были подброшены отряды территориальников, которые должны были чинить дорогу, поддерживать ее в исправности и прокладывать параллельные пути. С этого времени поток сообщений возрос до 6000 грузовиков в сутки. Впереди Петэн разделял

фронт на определенные секторы, каждый со своей тяжелой артиллерией, и развивал повторные контратаки. Хотя контратаки эти почти не приводили к выигрышу местности, они смущали атакующих германцев и являлись для них помехой. Другим фактором, помогавшим французам, было то, что чем дальше германцы продвигались вперед по восточному берегу реки, тем больше они подставляли себя под фланкирующий огонь французской артиллерии, развиваемый через реку.

Время было упущено. Наступление потеряло свой порыв, стало затихать, и, как рассказывает нам Цвель, на германской стороне уже стал «проявляться мрачный пессимизм».

Теперь германское командование с опозданием пыталось расширить фронт атаки. 6 марта, после двух дней артиллерийской подготовки, кронпринц повел атаку на западном берегу реки Маас, а 8 марта к этому последнему и решающему усилию примкнули и войска на восточном берегу. Успех не оправдал потерь: на западе усилия атаковавших разбивались о высоту Морт-Ом, а на востоке — о высоту Пуавр. Все надежды на прорыв померкли, так как оборона была теперь укреплена и силы уравновешены» [12, с. 136].

В то же время, казалось бы, ситуацию с развитием прорыва в 1916 и 1942 должны принципиально отличать танки, наличие или отсутствие такого важного средства борьбы. Бронетехнику невозможно заставить залечь сколь бы то ни было массивным обстрелом. Непрерывный манёвр должен помогать ей постоянно уходить из тех секторов, где противнику удаётся удерживать острова и утёсы обороны посреди волны наступления, обтекать их, чтобы стремиться вперёд в максимальном темпе. В реальности очень быстро выяснилось, что без пехотной компоненты танковые подразделения оказываются неспособны на полноценное развитие успеха. Чисто танковое подразделение не может создать устойчивого фронта ни при охвате, ни при окружении, неспособно обеспечить собственные фланги при прорыве. Окопать танк, сделать его стационарным средством обороны — значит превратить его в не слишком удачной конструкции бронеколпак, в который непонятно зачем засунули ещё и дизельный мотор, лишить его ключевого преимущества. Танковая бригада в 45–50 машин способна при благоприятных обстоятельствах за несколько суток преодолеть не один десяток километров, но совершенно не может решать самостоятельно задачи по контролю, пусть даже в виде слабой завесы, всей этой территории. Первый же контрудар — и окружавший оказывается окружённым, а отсекавший — отсечённым. У этой проблемы есть три решения. Первое — максимально стремительные действия в глубине у противника, фактически рейды по его тылам и систе-

ме управления, где риск оказаться в конечном итоге блокированным и уничтоженным на таком расстоянии от ближайших своих соединений, что никто не сможет подать руку помощи, заведомо принимается. Второе — создание мощной и специальным образом подготовленной моторизованной, а лучше механизированной пехоты, структурно вводимой в состав маневренных соединений, которая тесно взаимодействуя с танками, будет по необходимости разворачиваться и оборонять ключевые точки по пути движения в прорыве. Наконец, третье — на начальной стадии обеспечить достаточную ширину прорыва, чтобы любые контрудары не могли угрожать одномоментным срезанием движущейся вперёд ударной группировки.

Из этих трёх парадигм прямое отношение к нашему исследованию имеет третья: коридор, по которому общались 6-й танковый корпус и 20-я армия, изначально оказался узким, а после того, как начавшие появляться как раз на флангах свежие немецкие части (пускай изначально и небольшие) сумели контратаками сжать его до того, что свободное продвижение подкреплений и припасов по нему оказалось невозможным — оно гарантированно засекалось, после чего по маршруту движения наносился артиллерийский удар и активизировались контрвыпады. И — либо разворачивайся и, де факто, пробивайся заново, раздвигая стенки коридора, либо пытайся проскочить — и тогда имей шанс повторить судьбу конников 2-го кавкорпуса.

Некогда под Верденом французы вернули большую часть того, что немцы брали у них в тяжёлых и широко-масштабных ударах, например форт Дуомон, сериями очень маленьких, но настойчивых, как долбящий дерево клювом дятел, атак, постепенно всё более сужавших зону, связующую основные силы армии кронпринца Вильгельма с выдвинутыми вперёд укрепленными пунктами. Иными словами, сами по себе, как таковые, достаточно прочные, она заставляли очень многое тратить на свою поддержку и сохранение устойчивого контакта. На Восточном фронте в 1942 всё, как правило, происходило заметно быстрее — но это понятно и естественно — скорости Второй мировой в целом были во всех отношениях выше, нежели у Первой. В основах своих, однако, процесс сохранял прежнюю суть.

В некоторых случаях снабжение передовых подразделений, либо изолированных гарнизонов, в отличие от периода Первой мировой, стало возможным осуществлять по воздуху. Однако, здесь для успеха настоятельно требовался прочно контролируемый аэродром, а также развитая и многочисленная транспортная авиация, которой обеспечена безопасность её действий (т.е. необходимое условие — как минимум частичное господство в воздухе в зоне операции). Несоблюдение хотя бы од-

ного из этих требований быстро вело к самым плачевным последствиям, что хорошо видно на примере судьбы 6-й немецкой армии в Сталинградском котле. В целом вплоть до 1945 года воздушное снабжение продолжало оставаться или экзотикой, или риском, сравнимым с хождением по лезвию бритвы. В этом смысле авиация как новое техническое средство (хотя ВВС, безусловно, существовали у борющихся сторон и в 1916, но к 1942 прогресс в военном авиастроении был очень значительным), не смогла оказать решающего влияния на преодоление позиционного кризиса нового типа. На стадии же непосредственно прорыва обороны ВВС, как правило, имели возможность действовать только в качестве «летающей артиллерии». Превентивные удары по районам сосредоточения резервов противника, хотя и ставились в качестве боевой задачи, редко когда были по-настоящему эффективны, ввиду ограниченности информации о точном месторасположении врага в конкретный момент времени. Так в Отчёте о боевых действиях 1-й воздушной армии, сражавшейся в небе над Ржевским выступом, за август 1942 (начало Ржевско-Сычёвской наступательной операции) говорится: «В основу организации первого штурмового и бомбового удара в 1-й день операции на фронте 61-й армии были положены принципы внезапности и максимальной авиационной плотности на узком участке фронта, имея основной задачей первым ударом подавить всю систему огня противника непосредственно на переднем крае обороны в направлении главного удара». Только после этого предполагалось «...последующими вылетами, перенося удары в глубину обороны, не допустить подхода резервов к полю боя». Даже при подавляющем преимуществе в воздухе и качественной работе разведки, как, например, у союзников в Нормандии летом 1944 года, полностью парализовать переброску мобильных резервов немцев к угрожаемым участкам англо-американцам так и не удалось.

Непосредственно же штурмовые действия ВВС могли быть более или менее эффективными, но лишь дополняли артиллерийскую обработку позиций врага. Причём, если, даже ведя контрбатареиную борьбу, до момента прямого поражения орудия, или вывода из строя его расчёта, в условиях Второй мировой не было никакой возможности перехватить или остановить выпущенный им снаряд, то ключевые узлы в системе обороны (читай шверпункты) можно было прикрыть средствами ПВО достаточно сильно, чтобы сама попытка подобраться к ним с воздуха для бомбометания была чревата тяжёлыми потерями. И всё это — если абстрагироваться от активного противодействия истребительной авиации, а о нём тоже забывать нельзя.

Иными словами, приходится признать, что с появлением в 1930-х новых качественных средств ПВО и ПТО технические средства, которые сами по себе предлага-

лись в период Первой мировой как способы разрешения позиционного кризиса, перестали быть таковыми. Эффективные механизмы для этого к 1942 году лежали исключительно в тактической области.

Так, на стадии подготовки Погорело-Городищенской наступательной операции, наиболее успешной у РККА в ходе Ржевской битвы, особое внимание было уделено подготовке штурмовых групп:

“В соединениях армии на направлении главного удара были сформированы и обучены штурмовые отряды, отряды заграждения, блокировочные и подвижные группы, сыгравшие большую роль при прорыве обороны противника и в период преследования”.

Сам автор Журнала Боевых Действий 20-й армии в Погорело-Городищенской операции пишет, что данные формирования сыграли большую роль в наступлении. К этому необходимо добавить, что всё это — целенаправленная попытка противостоять выявленной немецкой тактике. Развитие нашего прорыва и его последствия должны были, во что бы то ни стало, упредить организованный контрудар врага. Стоит добавить, что в рамках Погорело-Городищенской операции ярко высветилась и критическая важность маневренного резерва, а также готовность и способность Вальтера Моделя, командующего 9-й немецкой армии, своевременно и в должном масштабе их концентрировать. Так, на финальной стадии боёв на противодействие 20-й армии бросается три танковые дивизии: 1-я, 2-я и 5-я тд вермахта. Если на начальной стадии численное преимущество было на стороне атакующего, то на конечной — обороняющегося.

То же самое, только в большем — по времени и численности войск — масштабе мы видим в феврале-апреле 1916 года под Верденом. Если изначально немцы имели превосходство, то позднее против 50 германских дивизий действовало до 75 французских...

Завершая данную статью, вместе с тем, автор ни в коей мере не считает исчерпанной её тему, напротив, даже подчёркивает обратное. Проблема поставлена — вычленение при компаративном анализе неизменных в рамках двух мировых войн тактических, оперативных и стратегических форм, определение непреходящих (во всяком случае, в рамках XX столетия) положений военной те-

рии и подкрепление их историческими примерами и доказательствами. Верден и Ржев — лишь одна из возможных пар сопоставления. Несомненный интерес вызывает, скажем, сравнительный анализ Галипполийской операции и операции Оверлорд — крупнейших морских десантов Первой и Второй мировых войн соответственно. Но, всё же, вернёмся именно к вопросу о позиционном кризисе, средствах его преодоления, причинах, по которым они оказывались более или менее эффективными. Данная тема вполне заслуживает самостоятельной монографии — хотя бы даже отталкивающейся от предложенного автором сопоставления Верденской и Ржевской битв, либо включающая в себя и другие примеры, которые позволят придать выводам более полный, законченный, фундаментальный характер.

В настоящей работе проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам:

1. Верденская и Ржевская битва являются не просто сопоставимыми, но родственными, как выдающиеся образчики позиционного кризиса старого и нового типов.
2. Само возникновение позиционного кризиса нового типа во многом связано с немецкой тактикой шверпункта (в её приложении к обороне), которая в свою очередь была освоена вооруженными силами Германии под большим влиянием опыта Вердена.
3. В свою очередь в рамках РККА в силу как объективных, так и субъективных причин опыт Западного фронта Первой мировой оказался менее освоен и востребован, что сказалось в ряде случаев на принимаемых командованием в ходе Ржевской битвы решениях.
4. Роль техники (танков, авиации), как средств разрешения кризиса, оказалась преходящей, равно как и ряд других особенностей Верденской и Ржевской битв, связанных с большим или меньшим общим темпом боевых действий, обеспечиваемых новыми техническими средствами у второй и первой соответственно. В то же время ключевые оперативно-тактически установки, характерные для позиционного фронта, оказались устойчивыми и лишь эволюционировали: как то ротация при помощи ж/д и автотранспорта резервов у Петэна и мобильный танково-механизированный резерв у Моделя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Verdun et les batailles pour sa possession. Clermont Ferrand: Michelin and Cie. 1919.
2. Стивен Ньютон. Hitler's Commander. Field Marshal Walther Model — Hitler's Favorite General, в России издана как «Пожарник» Гитлера. Фельдмаршал Модель, М., АСТ, 2007.
3. Гланц Д. Крупнейшее поражение Жукова, катастрофа Красной армии в операции Марс 1942 г., М., Астрель, 2006.

4. Кривошеев Г. Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил: Статистическое исследование. — М.: Олма-Пресс, 2001.
5. Герасимова С. А. "Я убит подо Ржевом". Трагедия Мончаловского котла, серия "Война и мы" — М.: Яуза-каталог, Эксмо, 2016.
6. Герасимова С. А. Ржев 42. Позиционная бойня. — М.: Яуза, Эксмо, 2007.
7. Герасимова С. А. Ржевская бойня. Потерянная победа Жукова — М.: Яуза, Эксмо, 2009.
8. Зайончковский А. М. Первая мировая война. — СПб.: Полигон, 2000. — 878 с.
9. Исаев А. В. К вопросу о потерях советских войск в боях за Ржевский выступ. Журнал «Актуальная история»
10. История Первой мировой войны 1914–1918 гг. / под ред. И. И. Ростунова. — М.: Наука, 1975.
11. Клаузевиц К. О войне. — М.: Эксмо, Мидгард, 2007.
12. Лиддел Гарт Б. 1914. Правда о Первой мировой. — М.: Эксмо, 2009.
13. Петэн А. Ф. Оборона Вердена. Пер. с франц. — М., 1937.
14. Попов В. Т. Бои за Верден. — М., 1939.
15. Фалькенхайн Э. Верховное командование 1914–1916 в его важнейших решениях. — М.: Высший Военный Редакционный Совет, 1923.
16. ЦАМО, фонд 1-й воздушной армии, опись 3284, дело 53.
17. ЦАМО, фонд оперотдела штаба 20-й армии, опись 6631, дело 53.

© Мизеров Иван Игоревич (mizerchuk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ НИЖЕГОРОДСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ 1812 Г.: ПРОБЛЕМА «ЛИШНЕГО» ОРУЖИЯ

PAGES OF HISTORY OF THE NIZHNY NOVGOROD MILITIA IN 1812: THE PROBLEM OF "EXCESS" WEAPONS

**D. Nikolaev
I. Khvostova**

Summary. This article discusses the results of the arms of the Nizhny Novgorod militia in 1812 and the process of putting unnecessary weapons. Special attention is paid to the process of delivery of excess weapons and their further use. On the basis of this material we can conclude that the Nizhny Novgorod militia was quite effectively armed with modern weapons and left on the ground obsolete weapons.

Keywords: Patriotic War of 1812, Nizhny Novgorod militia in 1812, weapon, equipment, ammunition.

Николаев Дмитрий Андреевич

К.и.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
dmnikolaeff@mail.ru

Хвостова Ирина Алексеевна

К.и.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
iri-khv@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются итоги вооружения нижегородского ополчения 1812 г. и процесс сдачи ненужного вооружения. Обращается особое внимание на процесс сдачи лишнего оружия и его дальнейшего использования. На основе данного материала можно сделать выводы о том, что нижегородское ополчение было достаточно эффективно вооружено современным оружием и оставляло на местах оружие устаревшее.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., нижегородское ополчение 1812 г., оружие, снаряжение, амуниция.

Проблема т.н. «лишнего» вооружения в губернских ополчениях 1812 г., несмотря на достаточную информацию о действиях местных ополчений в данную эпоху, еще не подвергалась самостоятельному изучению, хотя является достаточно значимой для понимания многих аспектов не только военной, но и социально-экономической истории. Более понятной и объяснимой для исследователей этой эпохи были проблемы обратного свойства — нехватки вооружения в связи с огромным комплексом мобилизационных мероприятий, масштабом задействованных сил и средств. Тем более актуальным объектом исследования выглядит типичная локализованная ситуация со сбором местного (нижегородского) ополчения и странной, на первый взгляд, проблемой «лишнего» вооружения; типичная, поскольку во многих «ополчающихся» губерниях (мобилизационные мероприятия, в которых проходили по единому образцу) происходили сходные явления.

1 сентября 1812 г., в связи с известными событиями Отечественной войны, начался сбор нижегородского ополчения [3, с. 95]. По утвержденной разрядке, всего в Нижегородской губернии надлежало собрать 12928 «ратников» (12275 пеших и 653 конных) [5, с. 95] для 5-ти пехотных и 1-го конного полков [6, с. 67]. Среди полномочных структур, созданных специально для этой цели [1, с. 116], особо выделялись, по своему значению и функциям, комитеты пожертвований [4, с. 95] и вооружения [2, с. 129]. Обмундирование, снаряжение [9, с. 345] и даже вооружение ополчений той поры осуществлялось за счет «отдатчиков ратников», т.е. помещиков

[7, с. 96], либо мещанских сообществ [10, с. 39]. Нижегородское ополчение входило в состав так называемого III ополченного округа (вместе с ополчениями казанским, вятским, симбирским, пензенским и костромским) [13, с. 98] под предводительством генерал-лейтенанта П. А. Толстого; начальником нижегородского ополчения являлся князь Г. А. Грузинский [14, с. 115].

Среди многочисленных проблем, выявившихся в период сбора ополчения, одной из наиболее острых являлась проблема обеспечения качественным вооружением и первоначально для решения этой задачи предполагалось обеспечение ополченцев вооружением «милиции» 1806 г., имевшемся на складах [8, с. 75], но ситуация усугубилась тем, что при ревизии арсеналов 1806 г. большое количество оружия было неисправно и тогда, до прибытия партий оружия из других регионов и до починки того, что еще можно было «исправить прочным мастерством», на вооружение предполагалось ставить практически все, что имело мало-мальски боевую ценность. И если пики («плоские», «треугольные», «четверогранные»), ружья, сабли, тесаки, палаши, шпаги и пистолеты вполне соответствовали уровню требований европейских войн начала XIX века (чем в итоге ополчение наряду с армейскими частями и было вооружено), то ввиду недостаточного количества (особенно огнестрельного оружия) и наличия многочисленных неисправностей не исключалось и применение морально (и материально) устаревшего вооружения предыдущих эпох: «мушкатантов» (мушкетов — прим. авт.), «турок», «кинжалов ветхих», а также

кос (!), принимавшихся от населения как «оружейные пожертвования» (которые, очевидно, нужно было насыщать на древко особым образом), топоров и даже луков и стрел [11, с. 58]. Тем не менее проблему вооружения ополчения более современным оружием удалось решить и «ратники» двинулись в поход, в основном, со штатным армейским оружием [12, с. 58]; проблеме же избыточного и ненужного теперь оружия должны были решать местные власти.

Первоначальная поспешность и лихорадочность, с которой начинали вооружать ополчение, со времени его насыщения огнестрельным оружием, сменилась более трезвым расчетом и соображениями по поводу избыточности наличествующего вооружения в целом и необходимостью его частичного изъятия и складирования либо в местах формирования подразделений, либо там, где имелись соответствующие условия для его хранения. Командиры ополченских полков получили предписания о сдаче избыточного оружия в Нижнем Новгороде, Арзамасе, Ардатове, Лыскове [15] с обязанностью информировать командование об исполнении. Полковник Ровинский первым доложил 17 декабря 1812 г. о том, что «...из вверенного мне полку (2-го полка нижегородского ополчения-авт.) сдано оружия нижегородскому дворянскому предводителю Ленивцеву пик 1443, топоров 1296, в зареформную команду штабс-капитану Бутурлину пик 131, ружей-106, а 12-ть батальоны как видно доставить не успели, которые, впрочем, могут послужить для обучения неумеющих и чрез то к сбережению комплектов ружей...» [16, л.1]. 30 декабря 1812 г. макарьевский уездный предводитель дворянства Леньков сообщил, что им принято «... из пехотных полков: 4-го — 1110 пик и 1764 топора и 5-го — 1755 пик и 1655 топоров и всего 2465 (пик-авт.)...в числе коих поломанных 50 и 3419 топоров, которые и хранятся на отведенном мне для приема воинов квартире...» [16, л.2]. Батальонные командиры 3-го полка ополчения Макашев, Стремоухов и Мельников сдали «изрядное количество» оружия в Арзамасе «управляющему должность уездного предводителя дворянства» уездному судье Вешнякову: «...о приеме от 3 пехотного полка пик и топоров ...означенного полка от батальонных командиров: Макашева следовало пик 460, а принято целых 442, без древков 18, топоров 331, а принято с топорищами 330, да без топорища 1; от господина Стремоухова пик 487, а принято целых 479, без древков 8, топоров 320, а принято с топорищами 282, без топорищ 28. Итого 310. От господина Мельникова пик 401, а принято целых 398, да без древков 3, топоров 138, в чем им от меня расписки даны...» [16, л.4]. К тому же Стремоухов оставил 800 пик, изготовленных ранее, «сверх плана», на заводе Баташева (в Нижегородской губернии) [17, л.3] и, в итоге, не пригодившихся, под расписку ардатовского земского исправника Кашкарова [16, л.5].

Было оставлено в губернии и значительное количество стрелкового оружия [18, л.138], но, скорее всего, не по причине его переизбытка в ополчении, а по причине «некондиционности» и сомнительной надежности, а также ввиду необходимости вооружения резервного ополчения. В числе этого оружия, согласно «Ведомости о числе оружия, оставшегося по снабжении полков нижегородской военной силы, выступивших в поход» [15, л.1], было: «Ружей, принятых от нижегородского полицмейстера Бабушкина, исправленных починкой 153; из пожертвованных от нижегородского дворянства 125; на людях, оставшихся от первого ополчения, из принятых от нижегородского полицмейстера Бабушкина, без всякой починки, со штыками 50; охотничьих, без штыков 91; поступивших с воинами из Горбатовского уезда 48. Всего: 467» [15, л.1]. Кроме того, было оставлено на местах и значительное количество сабель, «...принятых от нижегородского полицмейстера Бабушкина в железной оправе и с деревянными ручками 63; пожертвованных от дворянства 53» [15, л.1об.], всего 116 штук.

Всего, по сдаче оружия командированными от полков офицерами, на складах в Нижнем Новгороде, Арзамасе, Ардатове и Лыскове значилось, помимо уже указанного количества ружей и сабель, 9510 пик, «в том числе 6810, которые остались от 5-ти пехотных полков вместо поступивших во оные ружей» [15, л.1об.], которые, согласно упомянутой «Ведомости», по местам их приема и складирования, распределялись так: «В городе Нижнем на воинах команде штабс-капитана Бутурлина 66; От 2-го пехотного полка 131; Оставшихся от 1-го и 2-го пехотных полков в ведении господина нижегородского уездного предводителя дворянства Ленивцева 4012; В Арзамасе: в команде батальонного начальника господина Бетлинга на воинах, оставленных от 3-го пехотного полка 143; управляющего должность уездного предводителя дворянства уездного судьи господина Вешнякова 1348; Макарьевского уезда в селе Лысково у господина Макарьевского предводителя дворянства Ленькова от 4-го полк: 1110, от 5 полка 1755; В ведении ардатовского земского исправника Кашкарова, заготовленных бывшим уездным предводителем Стремоуховым 800; В цейхгаузе в Нижнем, без древков 107, с древками 44» [15, л.1об.]. В марте 1813 г. 2465 пик, оставшихся от 4-го и 5-го полков нижегородского ополчения были отданы в резерв.

Топоры, в отличие от более раннего времени сбора ополчения, уже не фигурировали в ведомости как возможные предметы вооружения. Общее сданное их количество насчитывало 5504 штуки. Но если боевое оружие должно было храниться в цейхгаузах и арсеналах до возможного востребования, то, по распоряжению Г. А. Грузинского, образовавшийся «запас» топоров необходимо было продать по «справедливой» цене,

а вырученные деньги — отправить в комитет пожертвованных [16, л.7]. Указаны были и пресловутые «справедливые» цены за топоры: «лучший топор — 75 коп., средний — 55 коп., худший — 25 коп.» [16, л.7], но, «хотя и были желающие (купить топоры-авт.), но цены не давали» [16, л.7]. Известно, что в конце 1813 г. макарьевский предводитель Леньков снова сделал запрос о не востребуемых топорах («которые по сие время находятся в Макарьеве в башне» [16, л.12]), но результат

этого запроса неизвестен; скорее всего, основной их запас так и не был реализован. Есть все основания полагать, что и в других губерниях России вопрос о лишнем оружии решался аналогичным образом, и, если «хозяйственно-боевые» топоры так и не пригодились, то многие из собранных и отправленных в цейхгаузы и арсеналы единиц вооружения впоследствии будут востребованы (в качестве и учебного, и боевого оружия) в годы Крымской войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грубов В.И., Николаев Д. А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе//Отечественные архивы. 2018. № 1. С. 116–117
2. Грубов В.И., Николаев Д. А. Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе//Отечественные архивы. 2019. № 2. С. 129–131
3. Дроздов Ф.Б., Николаев Д. А. Народное ополчение 1812 г. и общественный договор//Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 95–99
4. Егоров Г.В., Николаев Д. А. Формирование «подвижного магазейна» по снабжению армии в Нижегородской губернии в 1812 г.//Гуманитарные и социально-экономические науки. 2017. № 5 (96). С. 95–98
5. Кауркин Р.В., Дроздов Ф. Б., Николаев Д. А. Отечественная война 1812 г. Нижегородское ополчение и его участие в заграничных походах 1813–1814 гг. Н. Новгород: НО ИРИ, 2012. 158 с.
6. Николаев Д. А. Добровольцы в нижегородском ополчении 1812 г.: исторические реалии и историографические мифы//Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 67–77
7. Николаев Д. А. Заболеваемость офицеров нижегородского ополчения 1812 г. (по материалам официального делопроизводства начала XIX века)// Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 96–99
8. Николаев Д. А. Как и чем вооружалось нижегородское ополчение в 1812 году//Военно-исторический журнал. 2019. № 2. С. 75–79
9. Николаев Д. А. Комплекс документов по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г.//Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI—XIX вв. Сборник материалов Четвертой международной научной конференции. Редактор-составитель А. И. Раздорский. Редколлегия: В. Н. Беляева [и др.]. 2018. С. 345–349
10. Николаев Д. А. Материалы официального делопроизводства по вопросам продовольственного и вещевого обеспечения нижегородского ополчения 1812 г.//Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе. Сборник статей участников XVI Региональной научно-практической конференции. Под редакцией В. И. Грубова, А. А. Исакова. 2019. С. 39–43
11. Николаев Д. А. Некоторые аспекты развития военного производства Нижегородской губернии в начале XIX века (на примере вооружения нижегородского ополчения 1812 г.)//Оборонно-промышленный комплекс России: исторический опыт и современные стратегии. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. 2017. С. 58–62
12. Хвостова И.А., Николаев Д. А. Инспекторский смотр обмундирования и снаряжения нижегородского ополчения в 1812 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». —2017. -№ 12. -С.58–61
13. Хвостова И.А., Николаев Д. А. Формирование и походный марш 5-го полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 — апрель 1813 гг.)//Гуманитарные и социально экономические науки. 2019. № 3 (106). С. 98–103
14. Хвостова И.А., Николаев Д. А. Формирование и походный марш конного полка нижегородского ополчения 1812 г. (сентябрь 1812 — февраль 1813 гг.)// Гуманитарные и социально экономические науки. 2018. № 2 (99). С. 115–119
15. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО), Ф.1822, Оп.1, Д.171
16. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.58
17. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.67
18. ЦАНО, Ф.1822, Оп.1, Д.14

НАКАЗАНИЯ СМЕРТЬЮ В ТРАДИЦИЯХ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА И ИХ ОТГОЛОСКИ В СОВРЕМЕННОСТИ¹

PUNISHMENTS BY DEATH IN THE TRADITIONS OF THE NORTHERN CAUCASUS AND THEIR ECHO IN THE PRESENT

**M. Tekueva
E. Nalchikova
M. Gugova**

Summary. The article examines the forms of the implementation of moral or physical punishment in the North Caucasus. For centuries in the region, an exceptional measure — the punishment by physical or civilian death (exile) — remained the most effective mechanism for maintaining public order. Also rudimentary manifestations of blood feud and modern versions of using traditional methods of punishment, including imposing collective responsibility for the crimes of militants on their families and forms of female participation in blood feud distorted by the transformation of traditional consciousness, are traced.

Keywords: ostracism, exile, the Northern Caucasus, civil death, execution, blood feud.

Текуева Мадина Анатольевна

Д.и.н., Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова, (г. Нальчик)
tekmad@rambler.ru

Нальчикова Елена Аниуаровна

К.и.н., Кабардино-Балкарский государственный
университет им. Х. М. Бербекова, (г. Нальчик)
elenalchik@yandex.ru

Гугова Марина Хабасовна

К.и.н., Институт гуманитарных исследований —
филиал ФГБНУ Кабардино-Балкарского научного центра
РАН, (г. Нальчик)
gugowa@mail.ru

Аннотация. В статье изучаются формы осуществления морального или физического наказания на Северном Кавказе. В регионе на протяжении столетий исключительная мера — наказание физической или гражданской смертью (изгнанием) — оставалась самым действенным механизмом поддержания общественного порядка. Также прослежены рудиментарные проявления кровной мести и современные варианты использования традиционных способов наказания, в том числе, возложение коллективной ответственности за преступления боевиков на их семьи и искаженные трансформацией традиционного сознания формы женского участия в кровомщении.

Ключевые слова: остракизм, ссылка, Северный Кавказ, социальная смерть, казнь, кровная месть.

Исследование смерти в традиционном сознании и культуре народов Северного Кавказа необходимо для понимания социально-политических феноменов современного общества. Так, например, историко-антропологический анализ традиционных мер наказания виновного через лишение жизни или приравняемых к казни действий, поможет выявить «правовые нормы, техники управления и мораль, этос, практики относительно самих себя», которые применяются в структурах власти и политиках господства[29]. В этой связи правовые нормы традиционных обществ Северного Кавказа, поддерживавшие определенное социальное равновесие без применения жестких мер наказания, таких как тюремное заключение, пытки, казни и т.п., представляют несомненный практический интерес. Принципиальное значение имеют ответы на вопросы: Какие механизмы применялись в обществе к нарушителям морали? К людям, совершившим тяжкие преступления?

Возможно ли использование традиционных мер наказания в современной юридической практике?

В своей работе мы будем опираться на подходы, выработанные Мишелем Фуко[28, с. 168]. Основной вопрос, который ставится в статье, заключается в определении степени полномочий общества и потестарно-политических структур власти на соблюдение личных границ члена этого общества, в том числе на сохранение или нарушение целостности его тела.

Изучение форм наказания смертью: казни или того, что к ней приравнивается, — имеет не только философский или правовой смысл, но и социально-политический, а также культурно-антропологический.

Настоящим гуманистическим прорывом в Новое время для европейцев стала замена пыток и казней лише-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований, проект № 17-01-00147-ОГН «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа»

нием свободы, принудительными работами, каторгой и ссылкой. Эти карательные меры тоже связаны с физическим страданием, но невыносимая телесная боль уже больше не связана с уголовным наказанием. Для Северного Кавказа публичные казни, тюрьма и пытки изначально были нетипичны. На протяжении столетий общество применяло исключительную меру — наказание изгнанием, т.е. гражданской смертью, которое оставалось самым действенным механизмом поддержания общественного порядка в регионе. Физическая казнь также оговаривалась в обычном праве горцев, но ее осуществление делегировалось пострадавшей стороне конфликта по строго определенному порядку кровомщения.

Историографический обзор кавказоведческой научной литературы по проблеме наказания демонстрирует значительные лакуны в изучении наказания смертью. Сложившиеся стереотипы относительно того, что на Северном Кавказе не было принудительного заключения, ссылок и казней, переходящие из одного исследования в другое, препятствовали складыванию объективной картины повседневной жизни и месту в ней насильственных форм наказания. Одним из первых советских ученых-кавказоведов, актуализировавших проблему остракизма на Кавказе, стал Ю.Д. Анчабадзе[1]. На обширном источниковом материале он провел структурно-функциональный анализ феномена изгнания: от причин — к процедуре и последствиям.

Вопросы этнических особенностей северокавказского остракизма — «физическое отчуждение путем изгнания из своей среды» [15] — поднимались в научных трудах в русле становления истории юридической науки региона. Говоря же о собственно историко-этнографической науке, используемый местными исследователями материал по архаическому праву становился ценной источниковой базой для изучения исторической повседневности.

Условно можно разделить работы по кавказскому остракизму на два блока: анализ явления в традиционном поле и отношение к нему во второй половине XIX — XX вв.

Так, например, Б.Х. Бгажноков неоднократно рассматривал в своих этнографических трудах поводы к наказанию изгнанием, иначе называемым социальной смертью, у адыгских субэтносов[3; 4]. Его яркие примеры и обобщения позволяют говорить о значимости подобной формы социального отвержения в повседневной жизни традиционного адыгского общества. К числу современных исследований, в рамках которых изучалась проблема наказания смертью или изгнанием у адыгов относится диссертация Е.А. Нальчиковой[19], а также

серия коллективных танатологических научных публикаций[27;25;24].

В историографии Дагестана этой проблеме посвящена докторская диссертация Х.Г. Магомедсалихова «Конфликты в общественных отношениях горцев Дагестана (XIX — 30-е гг. XX в.)» [13]. На богатом этнографическом материале республики осуществлен анализ процедуры остракизма и казни. Эта тема развивается автором в ряде статей[15;14], где дано описание конкретных ритуалов изгнания нарушителей адатов тухумом — родовым коллективом. Сам остракизм автор трактует как поэтапную, обеспечивающую стабильность «систему мер и способов морально-нравственного самоочищения общества... профилактики возможных социальных конфликтов на почве аморального поведения» [14]. Солидарна с Х.Г. Магомедсалиховым и А.Г. Мусаева, публикующая работы как в соавторстве, так и самостоятельно[16;17;2]. К вопросу об остракизме в традиционном чеченском обществе обращается сегодня С.А. Натаев[20].

С.А. Лугув и А.Ш. Абдурахманов рассматривали ссылку в российские провинции как меру наказания, способствовавшую вытеснению кровной мести[11]. Изгнание и ссылка как традиционный для Северного и Северо-Восточного Кавказа способ наказания, и в силу этого понятный горцам, широко практиковался Российской Империей. Эта статья может рассматриваться в качестве переходной ко второму блоку работ, посвященных изучению «лишения родины» как вида наказания.

Конечно, вопросы ментального отношения кавказских народов к изгнанию поднимались и раньше. Первая работа, в которой ярко отражена травматическая память народа о вынужденном переселении в пределы Османской империи в результате поражения горцев в Кавказской войне, — это монография Г.А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» [5]. Сегодня к теме махаджирства добавились и другие аспекты проблемы.

Отдельным направлением научной мысли в русле истории повседневности становится изучение повседневного существования горцев в изгнании и ссылке. Так, Касаткина Е.Б. проанализировала жизнь ссыльных горцев Дагестана во второй половине XIX века в условиях полицейского надзора Вятской губернии[6]. Она пишет как об истории применения данной меры наказания по отношению к горцам, так и о причинах и механизмах использования административной ссылки. О повседневности ссыльных горцев Северо-Восточного Кавказа в Калужской области пишет и В.М. Красин[9]. Еще в 2011 г. он защитил диссертацию[8] по проблеме адаптации ссыльных горцев к новым социокультурным условиям

центральной России во второй половине XIX — начале XX вв. Эти же вопросы затронуты в процессе изучения межрелигиозного диалога православия и ислама на фактологических материалах повседневной жизни ссыльных горцев Северного Кавказа в середине XIX- начале XX века [12].

В указанных новейших исследованиях отражено ментальное отношение ссыльных горцев к положению изгнанников, символизировавшему их смерть для своего социума. Отношение к остракизму, как эквивалентному смертной казни, использовалось в традиционном правовом поле только индивидуально. Начиная же с середины XIX века выселение, ссылка и изгнание стали использоваться в отношении целых народов. В современном общественно-политическом дискурсе это приводит к периодической актуализации темы геноцида в отношении отдельных кавказских народов. Антропологический аспект проблемы этнических депортаций и опыта выживания в экстремальных условиях ссылки рассматривался в ряде последних публикаций авторов настоящей статьи [26; 23].

Изгнание воспринималось в кавказской культуре как наиболее строгая, исключительная мера наказания. В отношении каких же проступков или преступлений она могла быть применена? Их можно обобщенно разделить на две категории. Первая — убийство членов семьи и рода, инцест, или покушение на честь женщин своего родового коллектива, какой-то иной социально-неприемлемый проступок. Вторая — это отказ от мщения за кровь и честь близких родственников. Детализация этих преступлений носила локально-этнический характер. Однако, анализ преступлений, влекущих наказание изгнанием — тема другого специального исследования. В нашей же статье предпринимается попытка изучения форм осуществления морального или физического наказания общественным презрением и избавления социума от опасного для него члена.

Пренебрежение родового коллектива к нарушителю нравственности и порядка считалось более тяжким наказанием, нежели смерть преступившего закон: избегалось даже бытовое общение с ним, он не допускался к участию в общественных и семейных мероприятиях, будь то праздник или похороны. Отсюда традиционное «обозначение данной формы наказания у адыгских народов: *“унэмыхьэ — хьэдэмых”* — “непосещение дома — неучастие в похоронах”. А ведь отличительной чертой кавказских похоронно-поминальных обрядов была их массовость, многолюдность, соответственно, опозоренный человек навлекал на себя и “загробное сиротство» [18, с. 69]. В Абхазии не ставились надгробные знаки на могилах тех, кто был осужден обществом, уничтожалось пространство памяти о нем. Осетины стирали

память о преступнике разорением его хозяйства, вплоть до сожжения дома.

О том же — аварская пословица: «Апарагасул рукъ — росу раггалда, хоб — хабал раггалда», что значит: «дом пришельца (изгнанник, ищущий крова в другом тухуме / джамаате) — на окраине села, и могила — на краю кладбища» [15, с. 57]. Отношение к изгоям, прибывшимся к чужому аулу проявлялось в пренебрежительных деталях. Их название «апараг», означавшее просто «пришелец», имело негативную коннотацию. С ними старались не вступать в беседу, избегались от предметов, которыми они пользовались, «остатки его еды тут же выбрасывались на съедение псам с характерным возгласом: “От собаки к собаке”» [14, с. 297].

Таким образом, не подвергая человека физическому уничтожению, на Кавказе предавали неугодного обществу индивидуума «социально умерщвлению», лишая его крова, семьи, родины. При этом и само общество несло ответственность за преступление сородича. Нарушитель моральных норм навлекал неприятности и на круг ближайших родственников.

Примеры проявления коллективной ответственности за родственников в случае совершения ими особых преступлений встречаются и в современной жизни Кавказа. Так, в ходе освещения трагических событий в Москве (теракты 29 марта 2010 года на станциях метро «Лубянка» и «Парк Культуры» Сокольнической линии московского метрополитена) по телевизору прозвучала фамилия предполагаемого пособника террористов. Показательна реакция ближайших соседей однофамильца террориста. Наш информатор К-ва С.В. (1948 г.р., с. Чегем II, КБР), смотревшая с ними новости, выразили единодушное сочувствие соседу, носителю опозоренной фамилии. Таким образом, налицо сохранившаяся в этноментальных представлениях родовая солидарность и коллективная ответственность за каждого представителя клана. Действенность традиционных карательных мер опиралась на чувство коллективного стыда, а не на индивидуальную вину человека. Коллективная ответственность состояла и в том, что «в некоторых западных областях [Кавказа] наказывает преступника клан, к которому он принадлежит» [7, с. 586]. Исследователь М. Шенкао отмечал, что в подобных обстоятельствах «непосредственное наказание (будь то даже смертная казнь) он [преступник] примет от рук своих сородичей. По представлениям древних, не стоило мараить руки чужой кровью; пусть внутри рода разберутся и поступят по справедливости» [30, с. 9].

Тот же принцип коллективной ответственности распространялся на кровную месть. Суть это института состоит в адекватном ответе на убийство члена семьи.

То есть право на наказание смертью адресуется пострадавшей семье. Только брат, отец или сын могут принять на себя груз ответственности за казнь убийцы. «Отомстить убийце родича, «кровнику», считалось делом чести, долгом мужчины по отношению ко всей своей семье. Кровная месть, помимо военных набегов и охоты, являлась полем реализации истинно мужских качеств, проверкой мужественности и достоинства горца. К отказавшемуся от кровной мести относились как к трусу, что было, наверное, тягчайшим оскорблением для мужчины. Напротив, к отомстившему относились с глубоким уважением, что связано не только с подтверждением им своей мужской состоятельности, но и с соответствием обычаем, что в традиционном обществе являлось несомненной социальной и культурной ценностью» [10, с. 281].

Реализация законов кровной мести была в традиционном кавказском обществе носила обязательный характер. Неотомстивший мужчина был вынужден становиться изгнанником. Сохранилось одно из осетинских сказаний о смерти Сослана [21, с. 160], отразившее восхищение человеком, сумевшим отомстить обидчикам и после собственной гибели. А «идеальный» герой чеченцев и ингушей ни под каким видом не рассматривает прекращение кровной мести. Он лишь считает возможным несколько отложить ее, в случае, если его кровник будет не вооружён, ранен и не способен оказать достойного сопротивления» [10, с. 282].

В исторических источниках описаны редкие случаи убийства обществом по приговору (казнь), осуществлявшиеся несколькими способами: утопление, сбрасывание с горы и т.п. Чаще других в источниках упоминается утопление, что может объясняться, в частности, нежеланием «лично марать руки» убийством. Это позволяет найти объяснение некоторым фактам советской истории Северного Кавказа. В 20-х годах XX в. в тюрьмах Кабардино-Балкарии скопилось большое количество приговоренных к смерти преступников — в области не находилось согласных на работу палача. В традиционном «обществе поведение индивида всегда являлось кланово-репрезентативным, то есть человек не был волен в своих действиях, ему следовало помнить, что он представляет лицо своего рода, и в такой ситуации индивидуальность означала не свободу поведения, а способ и характер выражения “клановости”» [19, с. 102].

Международный резонанс получила история кровной мести Виталия Калоева, потерявшего всю свою семью в авиакатастрофе 2 июля 2002 года над Боденским озером, унесшей более 70 жизней, в том числе 45 детей. Не дождавшись сурового наказания для непосредственного виновника трагедии — диспетчера компании SkyGuide Петера Нильсена, через полтора года после

случившегося Калоев совершил возмездие над ним, нанеся ему несколько ножевых ранений. Месть Калоева и выбор оружия для ее совершения были приняты на Северном Кавказе с пониманием и даже — одобрением, что коррелируется с ментальными этническими установками.

Традиционные карательные механизмы пытаются использовать сегодня и в Чеченской республике. 19 апреля 2017 г. ее Глава заявил о намерении выселять из республики членов семьи террористов, объявляя их «соучастниками террора»: «если сын или брат стал на путь терроризма, если семья ему помогает, ... получают пенсии, пособия, прикрывая своего сына или брата, помогая им финансово убивать нас, таких людей мы будем выселять» (Russia Today).

Проблема наказания смертью в кавказской традиции актуализировалась в связи со случаями терактов в 2010-х гг. Они осуществлялись женщинами, называемыми СМИ «шахидками», «смертницами», «черными вдовами». По мотивации участия в подобных актах, их можно условно разбить на три группы: идейных, «шахиды по принуждению» и «мстители». Нас интересует последняя группа, в которую попадают родственницы убитых спецслужбами боевиков. Оптимальным считается вариант, когда потенциальная смертница будет дочерью или сестрой погибшего боевика. Например, «черные вдовы» участвовали в захвате заложников в столичном театральном центре на Дубровке (мюзикл “Норд-Ост”)» [22], а затем совершили теракт в Тушино. Несмотря на сформировавшиеся в современном информационном пространстве стереотипы, женская месть в кавказской традиции сводилась только к «подстрекательству», к поддержанию чувства обиды и т.д., но ни в коем случае не к личному отмщению. Женщина, взяв на себя миссию кровного возмездия, могла опозорить свою фамилию непосредственным вмешательством в «мужское дело».

Таким образом, мы рассмотрели традиционные карательные меры за тяжкие преступления. Это — наказание смертью и приравненное по значению к смертной казни изгнание преступника из родственного (сельского) коллектива. Также были прослежены современные варианты их использования, например, рудиментарные проявления кровной мести, в том числе, возложение коллективной ответственности за преступления боевиков на их семьи и искаженные трансформацией традиционного сознания формы женского участия в кровомщении.

Акцент сделан не столько на причинах смертного наказания, сколько на отношении к лишению жизни сородича и возможном адекватном замещении суровой

кары ссылкой из родного края. Кавказское общество не сформировало специальных карательных институтов с тюрьмами, казнями и обслуживающим их персоналом (полицей, надсмотрщики, палачи). Рациональное традиционное сознание рачительно относилось к человеческой жизни и к ответственности каждого члена общества за проступок сородича. Право карать смертью за убийство имел только кровный родственник убитого.

Важно отметить, что применение бойкота и изгнания — изоляция преступника от родственного коллектива и шире — лишение его родины, воспринимались как наиболее суровое наказание — социальная смерть. В этом мы видим причину фатального отношения народов Кавказа к этническим ссылкам, которым они подвергались в 1860-х гг. после Кавказской войны и в 1943–44 гг. в годы сталинских депортаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анчабадзе Ю. Д. Остракизм на Кавказе // Советская этнография. 1979. № 5. С. 137–143.
2. Атаева П. А. Институт формирования гражданских отношений и правовых норм в дагестанском обществе // Евразийский юридический журнал. 2015. № 7.
3. Бгажноков Б. Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-фа, 1999. 96с.
4. Бгажноков Б. Х. Антропология морали Нальчик: КБИГИ, 2009. 124с.
5. Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми: Алашара, 1982. 540с.
6. Касаткина Е. Б. Ссылные горцы в Вятской губернии в 60-х — первой половине 70-х гг. XIX в // Вестник Вятского Государственного Университета № 7 2016 С. 33–41.
7. Кох К. Путешествие по России и в Кавказские земли // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 585–628.
8. Красин В. М. Административно-ссылные горцы с Кавказа в губерниях центральной России во вт. пол. XIX — нач. XX вв. Дисс. . . уч. ст. к. ист. н. Брянск, 2011. 192с.
9. Красин В. М. Документы региональных архивов европейской России в изучении ссылки людей с Северо-Восточного Кавказа во второй половине XIX — начале XX века: историография и опыт исследования // Вестник института истории, археологии и этнографии. № 3 (43). 2015. С. 73–78.
10. Луговой К. В. Ритуал в нартовском эпосе народов Северного Кавказа. Дис. . . уч. ст. к. ист. н. М., 2007. 349с.
11. Лугуев С. А., Абдурахманов А. Ш. Обычай примирения кровников в Дагестане (XIX — начало XX века) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 6. С. 41–44.
12. Лысцева И. В. Межрелигиозный диалог православия и ислама: методы и формы (на фактах повседневной жизни ссыльных горцев Северного Кавказа в городах центрально-европейской части России в середине XIX- начале XX века) // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов конференции (Грозный, 1–3 декабря, 2016 г.). Махачкала: ЧГУ, АЛЕФ, 2016. С. 244–264.
13. Магомедсалихов Х. Г. Конфликты в общественных отношениях горцев Дагестана (XIX — 30-е гг. XX в.). Дис. . . уч. ст. д. ист. н. Владикавказ, 2013. 387с.
14. Магомедсалихов Х. Г. Остракизм в дагестанском обществе: традиции и современность // Неклассическое общество: векторы развития: материалы конференции. Владимир, 2008. С. 297–301.
15. Магомедсалихов Х. Г., Мусаева А. Г. Традиции остракизма в дагестанском обществе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2009. № 5. С. 57–62.
16. Мусаева А. Г. Правовые и этическое-нравственные способы самоочищения в дагестанском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12–2. С. 75–77.
17. Мусаева А. Г., Атаева П. А. Право и мораль — важнейшие социальные регуляторы дагестанского общества // Евразийский юридический журнал. 2015. № 7.
18. Нальчикова Е. А. Гендерный аспект концепта «социальная смерть» в его этнографическом контексте // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 5 (80). Москва, 2007. С. 69–80.
19. Нальчикова Е. А. Смерть в ментальном восприятии и повседневной практике адыгов. Дис. . . уч. ст. к. ист. н. Нальчик, 2007. 233с.
20. Натаев С. А. К вопросу об остракизме в традиционном чеченском обществе // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 131–134.
21. Нарты. Осетинский героический эпос / Сост. Т. А. Хамицаева, А. Х. Бязыров. Т. 2. М.: Наука, 1989. 492с.
22. Сайко А. В. Причины участия женщин в террористической деятельности // Аспирант. 2007. № 7. С. 33–36.
23. Текуева М. А., Гугова М. Х., Нальчикова Е. А., Битокова Т. В. Повседневность экстремального: опыт выживания в условиях ссылки и депортации // Кавказология. 2017. № 4. С. 145–157.
24. Текуева М. А., Нальчикова Е. А. Смерть в традиционном сознании и культуре народов Северного Кавказа // Историческая антропология Северного Кавказа. Нальчик: КБГУ, 2017. С. 152–226.
25. Текуева М. А., Нальчикова Е. А., Гугова М. Х. Исторические аспекты структур повседневности: риторика скорби у народов Кавказа // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2018. № 7–2. С. 38–44.
26. Текуева М. А., Нальчикова Е. А., Гугова М. Х. Онтологический опыт депортации: гендерный аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6–1. С. 71–74.
27. Текуева М. А., Нальчикова Е. А., Гугова М. Х., Маремшаова И. И. Феномен смерти в кавказской культуре: историография и методология // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. 2017. № 4. С. 72–83.

28. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480с.
29. Фурс В. Полемика Хабермаса и Фуко и идея критической социальной теории // Логос. 2002. № 2. С. 120–152.
30. Шенкао М. А. Специфика мифо-эпического сознания. Черкесск: Нартиздат, 2005. 112с.

© Текуева Мадина Анатольевна (tekmad@rambler.ru),
Нальчикова Елена Аниуаровна (elenalchik@yandex.ru), Гугова Марина Хабасовна (gugowa@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ИНТУИТИВНЫЕ СПОСОБНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ

SOCIAL INTELLIGENCE AND INTUITIVE ABILITIES OF FUTURE TEACHERS

Yu. Garipova

Summary. In the concept of social intelligence, scientists include not only the ability of a person to understand his own and other people's behavior, but also the generation of hypotheses about future interpersonal events by subjects, using a set of personality constructs about themselves, others and the world as a whole. This was written by E. Thorndike, F. Vernon, G. Allport, D. Wexler, J. Guilford, J. F. Kilstrom, N. Kantor, TV Filippovskaya and others. Hypotheses, reasoning about future events, in our opinion, are somehow connected with the intuitive abilities of a person. If you prove that the ability of developed social intelligence affects the development of intuitive abilities of the individual, then through the deliberate development of social intelligence you can contribute to the development of the ability to quickly make professional decisions. This will greatly facilitate the work of teachers in conditions of limited time and in the availability of large amounts of data. A pilot study was conducted on 50 graduate students of the Naberezhnye Chelny pedagogical university of the Republic of Tatarstan. The methods of diagnosis were selected: the method of "Social Intelligence" by J. Guilford and the Questionnaire of the intuitive style of S. Epstein. The results of the study showed that the abilities of social intelligence are not associated with intuitive abilities and their use.

Keywords: Education, teacher, future teachers, social intelligence, pedagogical intuition, intuitive abilities.

Гарипова Юлия Мазитовна

*Аспирант, ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет»
ulyaamirova@mail.ru*

Аннотация. В понятие социального интеллекта ученые включают не только способность человека понимать свое и поведение других людей, но и генерацию субъектами гипотез о будущих межличностных событиях, используя набор личностных конструктов о себе, других и о мире в целом. Об этом писали Э. Торндайк, Ф. Вернон, Г. Олпорт, Д. Векслер, Дж. Гилфорд, Дж. Ф. Килстром, Н. Кантор, Т. В. Филипповская и др. Гипотезы, рассуждения о будущих событиях, по нашему мнению, так или иначе, связаны с интуитивными способностями человека. Если доказать, что способности развитого социального интеллекта влияют на развитие интуитивных способностей личности, то через намеренное развитие социального интеллекта можно будет способствовать развитию способности к быстрому принятию профессиональных решений. Это значительно облегчит работу учителей в условиях ограниченности во времени и в условиях доступности большого количества данных. Было проведено пилотажное исследование на 50 студентах выпускных курсов Набережночелнинского педагогического университета Республики Татарстан. В качестве методик диагностики были выбраны: методика «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда и Опросник интуитивного стиля С. Эпштейна. Результаты исследования показали, что способности социального интеллекта не связаны с интуитивными способностями и их использованием.

Ключевые слова: образование, педагог, будущие педагоги, социальный интеллект, педагогическая интуиция, интуитивные способности.

Понятие интуиции зачастую ассоциируется с чем-то неясным, не поддающимся изучению, недоказуемым научно обоснованными фактами. Однако современный учитель в своей профессиональной деятельности так или иначе вынужден быстро принимать профессиональные решения, основанные не на логически обоснованных умозаключениях, а на основе своей профессиональной, педагогической интуиции. Чаще всего в дальнейшем обдумывая свои решения, педагог, как правило, находит логическое обоснование своему решению, что еще раз подтверждает причастность интуитивного решения к когнитивной сфере.

В широком смысле интуиция понимается большинством ученых как неосознанное действие, видение или способность предугадывать определенные события. Мы рассматриваем лишь один из аспектов ее проявления — как способность быстро принимать решения. Причем

эта способность быстро принимать решения во взаимодействии с людьми, в частности, в профессиональной сфере. Профессиональная сфера нами ограничена сферой педагогической деятельности учителей общеобразовательных школ, так как именно здесь, по нашему мнению, стоит задача по повышению эффективности профессиональной деятельности и ее оптимизации для самих педагогов.

Педагоги средних общеобразовательных учреждений находятся в постоянном взаимодействии с другими участниками учебно-воспитательного процесса. Самые тесное взаимодействие здесь происходит в отношениях учитель-ученик. Не менее тесные и значимые — учитель — учителя-коллеги, учитель-руководитель учебного заведения. Очевидно, что правильное построение профессиональных взаимоотношений непосредственно будет влиять на качество профессиональной деятельно-

сти педагогов, и, соответственно, на повышение эффективности образовательного процесса в целом.

В настоящее время в социологической, психологической и педагогической науках построение социальных взаимоотношений в профессиональной, семейной, повседневной жизни принято связывать с развитостью или неразвитостью социального интеллекта человека. Социальный интеллект представлен большинством ученых (Э. Торндайк, Г. Олпорт, Дж. Гилфорд, М.И. Бобнева, В.Н. Куницына и др.) [3, 4, 5, 9, 12, 13, 16] как совокупность способностей, определяющих успешность социального взаимодействия личности. Причем, еще А. Пиза писал том, что развитые способности социального интеллекта связаны с «шестым» чувством, проявлениями интуиции, так как социальный интеллект предполагает способность человека читать невербальные сигналы других людей и сравнивать их с вербальными реакциями [4]. Данное представление показалось нам противоречивым, так как авторы пишут об осознании невербальных сигналов в поведении, что само по себе противоречит понятию интуитивных способностей, которые являются неосознанными.

Так или иначе, поиск взаимосвязей между компонентами социального интеллекта и интуитивными способностями позволит лучше изучить механизм проявления интуиции. На основании результатов исследования возможна разработка рекомендаций по развитию интуитивных способностей будущих учителей через развитие элементов социального интеллекта.

Впервые понятие социального интеллекта было обозначено американским психологом, педагогом, Э. Торндайком. В своих работах Э. Торндайк описывает социальный интеллект как способность человека действовать мудро в межличностных отношениях, связывая его с дальновидностью в межличностных отношениях людей, в чем, возможно, играют роль и интуитивные способности [15].

Наиболее близкое к интуитивным способностям определение социального интеллекта, на наш взгляд, в 1937 году дал американский психолог Г. Олпорт, который считал, что способность высказывать быстрые, автоматические суждения о людях, а также умение прогнозировать возможные реакции людей в определенных ситуациях и есть продукт работы социального интеллекта. Ученый подчеркивал, что развитый социальный интеллект — это особый дар, благодаря которому человек становится более гибким в межличностном взаимодействии, способным быстро приспосабливаться к меняющимся социальным ситуациям [15].

Позднее социальный интеллект российские и зарубежные ученые стали рассматривать общей структуре

интеллекта человека. Так, американским психологом, профессором Д. Гилфордом была проведена большая работа по формированию некой модели структуры интеллекта, в которой способность предвидения рассматривалась как осознанная или неосознанная работа интеллекта. В случае неосознанного предвидения определенных событий результат мышления получен с помощью интуитивных способностей [4].

Дж. Ф. Килстром и Н. Кантор рассматривают социальный интеллект как когнитивную компетентность. Ученые описывают некое дивергентное продуцирование поведенческих последствий: возможность предсказывать большинство возможных результатов в окружающей обстановке [15].

Отечественные ученые Н.А. Аминов, М.В. Молоканов связывали способности к пониманию поведения других людей и распознавание отклонений в нем с фасилитивностью, или поддерживающим стилем социальных отношений. Ученые отмечают, что социальный интеллект также связан с устойчивостью и чувствительностью к противоречиям и проблемам [2]. В работах М.И. Бобневой социальный интеллект представлен как результат социализации человека [15], а Н.В. Куницына и А.Л. Южанинова считают социальный интеллект глобальной способностью, которая развивается на основе интеллектуальных, личностных, поведенческих, коммуникативных характеристик личности, которая выражается в социально-перцептивных способностях, социального воображения, а также социальной техники общения [12]. Социальное воображение мы отождествляем с предвидением социального поведения, что так или иначе будет касаться вопроса использования интуиции.

Итак, понятие социального интеллекта большинство ученых связывает не только со способностью субъекта понимать поведение людей, но и со способностью конструировать, рассуждать, и предвидеть будущие межличностные события на основе опыта социального взаимодействия. Предвидение предполагает использование человеком интуитивных способностей, и их наличие. Таким образом, развитые компоненты социального интеллекта должны предполагать развитость интуитивных способностей человека.

В бытовом понимании слово интуиция всегда ассоциируется с чем-то иррациональным, не постижимым разумом феноменом. Однако большинство научных деятелей не согласны с данной позицией и считают, что бессознательное не есть иррациональное, неподчиненное определенным механизмам переработки информации (Кармин А.С., Бернацкий Г.Г., Аллахвердов В.М., Гусева Е.А., Иванов М.В.) [7]. Кармин А.С. определяет

интуицию как способность человека получать какое-то знание так, что оно появляется у него в сознании как бы само собою. Однако ученый подчеркивает значимость рационального познания для проявления интуиции [7]. Климова Н.И., Микитюк И.В. относят педагогическую интуицию к конструктивным, специальным способностям педагога, которые предполагают прогнозирование в построении педагогического процесса в соответствии с его целями и задачами [9].

В 1970-х — 1980-х гг понятие педагогической интуиции встречается довольно часто в российских и зарубежных исследованиях. Л.Л. Гурова рассматривала интуицию и логику в психологической структуре решения задач, выявляя различия объективно-логической и психологической структуры решения задач и уделяя особое внимание роли интуиции в поиске решений. Ученый выявил, что интуитивные и дискурсивные процессы закономерно взаимодействуют в решении задач: выбор стратегии решения сложной задачи, основанный на «одномоментном» суждении области поиска является проявлением интуиции при условии предварительной сформированности образной логики решения подобных задач [14]. Хмелюк Р.И. относил педагогическую интуицию к педагогическим способностям, важным в профотборе и подготовке обучающихся педагогических вузов. Ученый отмечает, что в педагогической практике часто бывают случаи, когда ситуация требует от педагога стремительной реакции, находчивости и быстрой, точной ориентировки без достаточной информации, фактов и времени на размышления [16].

Леонтьев А.Н. считает педагогическую интуицию, как и любую другую, результатом интериоризированной деятельности, превратившейся в компонент личности, описывая ее как переход осознанных фактов в виде правил во внутренний подсознательный механизм. Соглашаясь с идеями Леонтьева А.Н., Выготский Л.С. отмечал, что данный механизм происходит у всех по-разному из-за различий людей в характерах, темпераментах, типах личности [15].

В 1990 году, С.А. Гильманов в своих исследованиях отмечал, что значимость педагогической интуиции заключается в компенсации недостатка опыта и информации, что очень актуально для будущих и молодых профессионалов, а также в ориентации деятельности педагога в педагогически целесообразном направлении, помогает прогнозировать ход педагогического процесса, сокращает время и усилия педагога и т.д. В зависимости от педагогических задач, педагогу приходится принимать как логические, так и интуитивные решения, поэтому использование педагогами интуиции не исключает логических умозаключений, а лишь является их дополнением [10, 14].

В 90х гг. Маркова А.К., Каптерев П.Ф. и др. к важным профессиональным качествам педагога отнесли педагогическую интуицию, представив ее как интуитивный способ мышления педагога, так ему необходимого из-за ограниченности во времени [14, 15].

В работах Авдониной И.Е., Земляковой С.А., Марфутенко Т.А., Романовой Л.М., Тишулиной С.Г., Энеевой Л.А., Фокиной Т.А., Якимовой Л.Д. и др. в 2000х-2010х гг доказана необходимость развития педагогической интуиции педагогов дошкольного, начального, дополнительного образования и педагогов высшей школы [3, 5, 7, 9, 11, 13]. Власова А.А. рассматривает педагогическую интуицию как один из показателей конкурентоспособности будущих учителей, которую можно развивать с помощью психолого-педагогических тренингов [3]. Черкасов Н.Н. изучает педагогическую интуицию как один из параметров сферы педагогического влияния в адаптационных процессах, влияющих на повышение эффективности мотивации и адаптации учащихся к профессии начального профессионального образования [17]. Золотова Г.И., Юдин О.В., Кулагина И.Ю., Гоноболина Ф.Н. относят педагогическую интуицию к одному из психологических качеств, отражающих психологическую культуру личности преподавателя [11, 13, 19].

Корнилова Л.А. связывает развитие педагогической интуиции с развитием перцептивных педагогических способностей в процессе профессионально-педагогической подготовки в университете [10]. Вариативность и неопределенность профессиональной деятельности педагога ученый связывает с вероятностным характером педагогических законов, а также с неполнотой и приблизительностью информационного поля, в котором ориентируется педагог, анализируя ситуацию и принимая решение [10].

Казарьянц К.Э. относит педагогическую интуицию к неосознаваемым, непреднамеренным воздействиям педагога на обучающихся, функционирующей наряду с осознаваемым, как подструктуру в педагогическом взаимодействии [5].

Анализ существующих представлений о социальном интеллекте и педагогической интуиции дал основание предположить о наличии связи между данными характеристиками, что позволило бы продвинуться в понимании механизма развития профессиональной интуиции у педагогов и, в дальнейшем, ее развивать.

Было проведено пилотажное исследование, в котором приняли участие 53 студента педагогического университета г. Набережные Челны, четверо из которых — юноши 20–22 лет, и сорок девять девушек, возраст которых в основной массе составляет также

20–22 лет. В качестве методик исследования выступили субтесты методики «Социальный интеллект» Д. П. Гилфорда, состоящий из четырех субтестов, и опросник интуитивного стиля С. Эпстайна, пункты которого группируются в 2 шкалы: интуитивная способность и использование интуиции. В результате сравнения значений каждой шкалы методики «Социальный интеллект» Дж. Гилфорда со значениями шкал опросника интуитивного стиля С. Эпстайна, вычисление коэффициента корреляции (Пирсон) не дало статистически значимых результатов.

Таким образом, связь интуитивных способностей и использования интуиции с умением предвидеть последствия того или иного поведения людей, а также способностью предвосхищать дальнейшие поступки людей, на основе реальных ситуаций общения, умением предсказывать события на основе понимания чувств, мыслей, намерений участников коммуникаций не доказана. Кроме того, способность людей правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по невербальным проявлениям, так же по результатам пилотажного исследования не связано с использованием интуиции и интуитивными способностями.

Наиболее неожиданным результатом оказалось отсутствие связи интуитивных способностей с высокой чувствительностью к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений, что быстро и правильно позволяет понимать то, что люди говорят друг другу в контексте определенных ситуаций, взаимоотношений. Казалось бы, данная способность сама по себе должна характеризовать склонность человека доверять своей интуиции, быстро принимать решения на основе интуитивных способностей.

Отсутствие связи с интуицией способности распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике, способности к анализу сложных ситуаций взаимодействия людей, понимание логики их развития, способность чувствовать изменения смысла ситуации, не показалась нам удивительной, так как, на наш взгляд, эти способности являются противоположными. Анализ, логика сложных ситуаций взаимодействия людей предполагает осознанное стремление человека детально разобраться в ситуации, выстроить причинно-следственные связи, что никак не связано с быстрым, одномоментно необъяснимым, с помощью логических умозаключений, принятием решений.

Подводя итоги по результатам нашего исследования, можно сказать, что ни общий уровень развития социального интеллекта, ни его отдельные характеристики не связаны с наличием или развитостью интуитивных способностей, и не связаны с использованием интуиции.

Таким образом, развитие социального интеллекта и отдельных его характеристик не могут рассматриваться в качестве одного из аспектов развития педагогической интуиции. Упражнения на развитие социального интеллекта у будущих учителей может рассматриваться как отдельная задача к их подготовке к будущей профессиональной деятельности.

Теоретически обоснованное представление о связи интуитивных способностей с развитием социального интеллекта, в результате практического, пилотажного исследования не нашло фактического подтверждения. Казалось бы, предвидение последствий поведения в определенных социальных ситуациях само по себе должно предполагать использование как осознанного, так и неосознанного социального опыта, который лежит в основе принятия интуитивного решения. Возможно, такие результаты получены из-за того, что нет общепринятого понимания феномена интуиции, нет его единой трактовки. Некоторыми учеными, в том числе и нами, оно понимается как часть когнитивности человека, другие рассматривают интуицию как характеристику человека, не связанную с работой интеллекта. Полученные результаты дают основание придерживаться точки зрения, что интуиция не связана со способностями социального интеллекта.

Не исключена возможность получения частично отличающихся от представленных результатов, при проведении того же исследования на большей выборке.

По результатам исследования можно говорить об интуиции как о самостоятельной личностной характеристике человека, так как использование интуиции и ее наличие не связано с развитием социального интеллекта человека. Более того, на данный момент у нас сформировалось новое предположение, что социальный интеллект и интуиция являются противоположными личностными характеристиками. Другими словами, предполагается, что люди с развитыми интуитивными способностями не используют возможности своего социального интеллекта из-за отсутствия необходимости его использования. Отметим, что о таком типе личности упоминал еще К. Юнг, личности интуитивного типа, которая в своем поведении чаще всего опирается на свои интуитивные чувства [20].

Исследование интуиции, особенностей проявления и развития, ее связи с другими личностными характеристиками человека требуют дальнейшей проработки для ее понимания и использования. Рассматривая ее использование педагогами в своей профессиональной деятельности, это помогло бы педагогам значительно сократить время, затрачиваемое на принятие педагогически целесообразных решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзенк, Г. Ю. Понятие и определение интеллекта/ Г. Ю. Айзенк// Вопросы Психологии. 1995. — № 1. — С. 111–131.
2. Аминов, Н. А. Социально-психологические предпосылки специальных способностей школьных психологов/ Н. А. Аминов, М. В. Молоканов// Вопросы психологии. 1992. № 1. С. 74–83.
3. Власова, А. А. Формирование конкурентоспособности будущих педагогов: дисс.канд.пед.наук: 13.00.01, 13.00.08./ Власова Арина Алексеевна. — Калининград, 2002. — 181 с.
4. Гилфорд, Дж. Три стороны интеллекта/ Дж. Гилфорд// Психология мышления: сб. переводов с нем. и англ. /под. ред. А. М. Матюшкина М., 1965. С. 433–453.
5. Казарьянц, К. Э. Культура межличностных отношений в рамках учебного процесса вуза: монография/ К. Э. Казарьянц// Ставропольский гос.ун-т. Москва: Илекса, 2006. — 115 с.
6. Каплан, Р. М. Психологическое тестирование: принципы, особенности и проблемы/ Р. М. Каплан, О. П. Сассузо// Белмонт, Калифорния: Уодсворт. — 7 изд. — с. 250–251
7. Кармин, А. С. Формы и механизмы интуитивного мышления А. С. Кармин. СПб, 2009. — С. 24
8. Kihlstrom J. F., Cantor N. Social Intelligence // R. J. Sternberg (Ed.), Handbook of intelligence, 2nd ed. Cambridge, U.K.: Cambridge University Press. 2000. p. 359–379.
9. Климова, Н. И. Педагогическое мастерство. Учебно-методическое пособие для студентов бакалавриата направления подготовки «Педагогическое образование»/ Н. И. Климова, И. В. Микитюк — Калуга: Издательство АКФ «Политоп», 2018. — 150 с.
10. Корнилова, Л. А. Развитие перцептивных педагогических способностей в процессе профессионально-педагогической подготовки в технологическом университете: дисс. на соиск. канд. пед. наук: 13.00.08. — Краснодар, 2002. — 198 с.
11. Кулагина, И. Ю. Педагогическая психология: учеб.пособие для студ.высш.уч.зав., обучающихся по специальностям ВПО030301 — «Психология», 030302 — «Клиническая психология» и по направлению подготовки ВПО 030300 — «Психология» И. Ю. Кулагина. — Москва: Академический проект, 2011. — 314 с.
12. Куницына, В. Н. Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимопонимание/ В. Н. Куницына// Сб. Теоретические и прикладные вопросы психологии. Вып.1. — Ч. 1. — 1995.
13. Манжос Л. В. Особенности профессиональной самореализации педагогов, работающих в образовательных организациях разного типа // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2015. — Т. 37. — С. 246–250. — URL: <http://e-koncept.ru/2015/95672.htm>.
14. Aminov, T.M., Magsumov, T.A., Sayakhov, R. L. Pedagogical potential of muslim religious sources in overcoming physical and mental and psychological trials // Espacios. 2018. — Т. 39. № 30. — С. 11.
15. Филлиповская, Т. В. Знание и интеллект: социологический подход к осмыслению взаимосвязи/ Т. В. Филлиповская// Изв. Урал. гос. экон. ун-та. — 2012. — № 6 (44).
16. Хмелюк, Р. И. Профотбор и первоначальная подготовка студентов педагогических институтов: автореферат дисс.док.пед.наук: 13.00.01./ Р. И. Хмелюк. — Ленинград, 1970. — 30 с.
17. Черкасов, Н. Н. Повышение эффективности мотивации и адаптации учащихся к профессии начального профессионального образования: дисс.канд.пед. наук, 13.00.08./ Н. Н. Черкасов. — Москва, 2004. — 175 с.
18. Handbook of Psychology / S. Epstein Volume 5: Personality and Social Psychology. Edition I. B. Weiner. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, Inc. 2003, p. 159–184L.
19. Юдин, О. В. Формирование психологической культуры преподавателя учреждения среднего профессионального образования: дисс.канд.пед.наук: 13.00.01./ О. В. Юдин. — Ижевск, 2006. — 221 с.
20. Юнг, К. Г. Синхроничность/ К. Г. Юнг. — М.; К.: Рефл-бук; Ваклер, 1997/

© Гарипова Юлия Мазитовна (ulyaamirova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ НА ОСНОВЕ СОСТАВЛЕНИЯ ДИАЛОГИЧЕСКИХ КОНТЕНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

MODELS OF IMPLEMENTATION OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES BASED ON DRAWING UP DIALOGICAL CONTENTS (ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH LANGUAGE)

A. Goncharova

Summary. The article deals with the consideration of methodological and technological aspects of teaching dialogic speech in a foreign language. The author provides a comprehensive analysis of theoretical research in this area and describes in detail the main stages of teaching dialogic speech. The article proposes content — schemes for improving students' perception of spontaneous replicas.

Keywords: dialogue, background of structures of hearing, contents, types of dialogues.

Гончарова Алёна Владимировна

*К.филол.н., доцент, Российская Академия Народного
Хозяйства и Государственной службы при Президенте
Российской Федерации
litera2306@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению методико-технологических аспектов обучения диалогической речи на иностранном языке. Автором дается всесторонний анализ теоретических изысканий в данной области и подробно описываются основные этапы обучения диалогической речи. В статье предлагаются контенты — схемы для улучшения восприятия студентами спонтанных реплик.

Ключевые слова: диалог, содержание моделей восприятия на слух, контенты, типы диалогов.

Современные инновационные процессы в сфере высшего педагогического образования, приоритетной целью которого является подготовка специалистов в области иностранных языков, включают реализацию комплекса задач. В качестве одной из важнейших задач позиционируется формирование навыков спонтанного владения иноязычной речью. Такой доминантной характеристикой, как спонтанность естественной речи, в наибольшей степени обладает диалогическая речь в силу ее зависимости от совокупности экстралингвистических факторов и, прежде всего, ситуативности иноязычного общения. Анализ научного дискурса исследований данного направления позволяет условно классифицировать их на две группы.

Первая группа исследований посвящена разработке теоретических и методико-технологических аспектов обучения диалогической речи. В частности, в рамках данного направления проводятся исследования специфики обучения диалогической речи на I курсе вуза, обучение данному виду речевой деятельности на II курсе с учетом специфики отбора лексического наполнения диалога и принципа ситуативности, а также исследуются вопросы, касающиеся проблемы формирования и развития прогностических умений, обучения восприятию и пониманию на слух диалогической речи с использованием звукозаписи и компьютерных обучающих программ. Примером исследований данного направления

также могут служить работы А. К. Громцевой и Ю. Б. Зотова, которые посвящены обучению диалогической речи в средней школе [1.с.36], [4.с.58].

Спецификой второй группы исследований является опосредованный характер рассмотрения вопросов обучения диалогической речи. Ученые рассматривают, к примеру, отдельные аспекты процесса обучения экспрессивной речи, вопросы интенсификации процесса формирования умений устной речи у взрослых, общие закономерности обучения устно-речевому взаимодействию, проблемы разработки методов и технологий, способствующих активизации устного общения на иностранном языке. Интересующая нас проблема также явилась целевой доминантой при разработке, например, аудиовизуальной методики суггестопедических исследований, обучения в ситуациях и др. [2.с.56]. [6.с.79]. [8.с.39]. [10.с.29].

Как мы видим, в перечисленных исследованиях рассматриваются в основном отдельные частные вопросы обучения диалогической речи. Хотя все работы предоставляют в наше распоряжение важные теоретические данные, а в распоряжение преподавателей — полезные приемы работы, практически отсутствуют исследования, посвященные рассмотрению проблем создания основ обучения диалогической речи. А между тем практика преподавания свидетельствует о том, что создание таких

основ действительно необходимо, поскольку используемые приемы не всегда оказываются достаточно эффективными; смысловые взаимосвязи между репликами в диалоге студентов часто отсутствуют, что влечет за собой неспособность завершить начатую тему разговора; страдает и языковая сторона их речи, что является причиной возникновения коммуникативных проблем.

Первая исследовательская проблема связана, на наш взгляд, с определением статусных и позиционных характеристик диалога в структуре естественного общения и в образовательном процессе; вторая — с анализом аспекта ситуативности в обучении диалогической речи; третья — с определением смысловых и содержательных характеристик диалога как формы устной речи; четвертая — с анализом специфики восприятия и понимания диалогической речи на слух; наконец, пятая проблема заключается в выявлении и оценке типичных для диалогической речи языковых средств и формулировке конечных требований к языковой (лингвистической) составляющей диалогической речи. Поэтому целью данной статьи является поиск возможных эффективных вариантов решения данных проблем. Основным подходом, который выступает в качестве методологической и психологической основы исследования проблемы роли и места диалогической речи в целостном процессе речевого общения и обучения, является, по нашему мнению, подход, продуктивно применяемый в психологической теории речевого общения.

Согласно данной теории речевое общение позиционируется как решение специфической задачи, характеристики которой оказываются дифференцированными в зависимости от таких параметров общения, как мотивы и цели говорящих, а также от целевой составляющей самого общения, которая заключается в необходимости изменений в смысловом поле реципиента. В процессе общения двух лиц процесс речевого воздействия носит разнонаправленный характер, который находит свое выражение в разнообразных изменениях в сегменте психического состояния, а также в специфике протекания психических процессов у коммуникатора и реципиента.[12.с.49].

В естественном общении диалогическая и монологическая речь тесно переплетаются, что значительно затрудняет решение методической стороны вопроса, а именно — определения роли и места диалога в учебном процессе [11.с.112]. При этом в основу такого разграничения следует положить психологическое определение диалогической речи как способа формирования и формулирования собеседниками мыслей посредством языка в процессе общения и диалога как продукта, порожденного в ходе этого процесса. В основу такого условного разграничения мы положили понятие стерж-

невого компонента высказывания участника диалога. Стержневой компонент (К) есть предложение, которое выражает основную мысль высказывания партнера диалога, и в диалогической речи может быть побуждением (С) к последующей реплике собеседника или реакцией (Р) на такое побуждение. Отсюда следует определение диалогической речи: это те элементы устно-речевой коммуникации, которые содержат внешне выраженные побуждения к последующим высказываниям или реакции на эти побуждения. Соответственно, монологической речью является внешне выраженная коммуникативная деятельность вербального характера, не содержащая ни речевых побуждений, рассчитанных на внешне выраженную языковыми средствами реакцию, ни таких же реакций на предыдущие побуждения. Диалог же, т.е., с психологической точки зрения, продукт, порожденный в ходе диалогической речи, есть акт коммуникации, осуществляемый в диалогической речи [9.с.78].

Вскрытие функционально-смысловой природы стержневого компонента позволило нам выделить элементы диалогической речи: стержневой компонент (С) — выражает основную мысль — побуждение к новому высказыванию партнера, и стержневой компонент (Р) — выражает на таком же уровне основную мысль — реакцию на предыдущее побуждение, а также вторичный компонент (К₁ — предложение, выражающее дополнительную мысль реплику и, как показал смысловый анализ естественной диалогической речи, связывающий воедино диалогическую и монологическую речь (в данных нами определениях).

Это позволило выделить три элементарные модели смысловых связей в диалоге: 1) С-Р; 2) С-Р + С/; 3) С-РС. В языковом выражении первая модель представляет собой «предложение-побуждение — предложение-реакцию», вторая — «предложение-побуждение — предложение-реакцию + предложение-побуждение»:

1. Will you close the door. Please? Ok I will
2. Will you close the door. Please? MMMM.....Will you do it yourself?
3. I have just closed the door. Is it ok? Oh. No. open it again. please

Анализ смысловой стороны диалогической речи показал, что названные три модели смысловых связей лежат в основе всех возможных комбинаций таких связей в естественной речи [10.с.72].

Вывод о том, что для моделирования процесса обучения диалогической речи нужны средства, способствующее установлению прочных смысловых связей между репликами участников диалога, ставит перед нами вопрос об определении исходной точки, способной дать нам в руки такие средства. И здесь возникает проблема

Таблица 1. Типы ситуаций и последовательность работы с ними

Тип	Степень спонтанности речи	Начальное содержание ситуации	Языковые формы выражения	Конечное содержание ситуации
I.	Подготовленная речь	дано	даны	не дано
II.	Спонтанная речь	дано	не даны	дано
III.		не дано		дано
IV.		дано		не дано

ситуации, ее роли в естественном общении и в обучении [8.с.38]. На наш взгляд, ее решение имеет принципиальное, мы бы даже сказали, методологическое значение. Это связано с тем, что в методике часто ситуация считается одним из средств овладения рассматриваемой формой речи [6.с.59]. Мы же исходим из того, что владение диалогом в любой ситуации общения есть цель обучения этой форме речи, и при этом ситуация остается одним из основных средств достижения этой цели. Эта наша точка зрения объясняется следующим образом-

Ситуация как отражение объективной действительности обладает рядом признаков или контентов, выявление которых дает возможность получить в наше распоряжение важные для методики данные. Выявленные нами контенты таковы: а) наличие некоторого количества реальных или воображаемых элементов, б) наличие связей и зависимостей между этими элементами, в) отношение этих связей и зависимостей к деятельности, г) наличие деятельности, определяемой связью элементов и меняющей их соотношение, д) обязательность осознания, осмысления, оценки, е) динамичность.

Можно выделить три основных вида ситуаций, используемых в учебном процессе: учебные ситуации, реальные ситуации и реальные ситуации учебного процесса. Последние возникают на стыке двух первых видов и определяют естественные беседы преподавателя со студентами, касающиеся хода учебного процесса, выполнения домашних заданий и т.д. Поэтому учебные ситуации представляют собой моделируемые ситуации типа «Представь себе...», которые не могут создать внутреннего мотива и стимула к разговору. Такие ситуации могут быть закрытыми (содержат языковые смысловые опоры) и открытыми:

- 1 закрытые ситуации — The weather is nice today is not it
- 2 открытые ситуации — What about going to the river today?

Проведенная экспериментальная и опытная работа показали, что систематическое использование задаваемых ситуаций на начальной стадии обучения диалогической речи способствует созданию у обучаемых ориентировочной основы их речевых действий, что делает

возможным переход к работе в условиях ситуаций других разновидностей [5.с.94].

Реальные ситуации учебного процесса — это создаваемые ситуации. Их использование вызывает возникновение у студентов внутреннего мотива и, вслед за этим,— естественного стимула к разговору:

Выделенные нами типы ситуаций и последовательность работы с ними представлены в таблице 1.

Например:

I тип: Hello, kids, Today we are going to the theater.

II тип: I have had a hard hectic day today at work...What about going out for a while?

III тип: Look, that man has put his beard into his beer!!!

IV тип: oh, my shoes are too tight... It is difficult to walk...

Кроме перечисленных ситуаций, мы предлагаем также следующие виды и разновидности диалогов-контентов — унисон, расспрос, беседа, объяснение, возражение, спор, диспут, причем «объяснение» и «убеждение» рассматриваются как разновидности «беседы», а «возражение» и «диспут» — как разновидности «спора». Установление видов и разновидностей ситуаций и видов диалогов, используемых в этих ситуациях, позволяет определить, посредством чего и как они способны служить основой возникновения смысловых взаимосвязей в диалогическом общении.

Прежде чем перейти к разъяснению этого вопроса, мы должны сделать существенную для нас оговорку. Термин «тема» имеет два значения. Его можно понимать как исходное понятие сферы общения, т.е. то, что определяется как «разговорная тема, предусмотренная программой». Его можно понимать так же, как предмет речи — тему разговора, возникающую в сложившейся ситуации общения. Именно в этом втором значении и только в нем мы будем употреблять термин «тема». То, что ситуация получает свое выражение в смысловом содержании реплик диалога через тему, вытекает из взаимоотношений между ними. Если тема зависит от возникшей ситуации, то:

Таблица 2. Общая схема смысловой организации диалогической речи

Смысловые группы и элементы взаимодействия	Партнеры акта коммуникации	Способы отражения ситуации в смысловом содержании реплик
Диалогическая смысловая группа (ДСГ)	А-Б	тема
Тематическая подгруппа (ТП)	А-Б	подтема
Основной смысловый элемент (ОСЭ)	А или Б	в пределах темы или подтемы
Стержневой компонент (С или Р)	А или Б	в пределах основного смыслового элемента

- а) последняя предоставляет возможность говорить только на одну точно определенную тему (например, в ситуации «У зубного врача с острой зубной болью»);
- б) ситуация ограничивает выбор темы (например, в ситуации «На новоселье у друзей» мы можем говорить на различные темы, но их круг ограничен самой торжественной обстановкой);
- в) ситуация не ограничивает выбора темы (например, в ситуации «Две подружки на пляже во время отпуска» можно говорить на любую тему);
- г) ситуация позволяет осуществлять постепенный переход от одной темы к другой (например, в ситуации «У декана перед поступлением в институт»);
- д) ситуация может способствовать резкому изменению темы (например, в ситуации «Один из гостей сделал неуместное замечание»).

Если же ситуация зависит от возникшей темы, то:

- а) тема ограничивает возможность выбора ситуаций, в которых она может возникнуть (например, переговоры с телефонисткой о заказе междугороднего разговора могут иметь место дома или на переговорном пункте, но не в мясном магазине или в парикмахерской);
- б) тема не ограничивает выбора ситуаций, в которых она может возникнуть (например, о полете космического корабля можно говорить и дома, и в такси, и в институте).

Вскрытие взаимоотношения между ситуацией и темой позволяет не только прийти к выводу о том, что ситуация получает свое выражение в смысловом содержании высказываний партнеров диалога через возникшую в ее условиях тему, но также и определить естественно вытекающую из этих взаимоотношений последовательность обучения: от работы на основе ситуаций к работе на основе тем, от ситуаций, предоставляющих возможность говорить

Смысловая сторона диалогической речи характеризуется, как показало наше исследование, наличием двух групп явлений, каждая из которых имеет два уровня. Одна группа отражает взаимодействие двух партнеров диалога. Ее первым уровнем является диалогическая

смысловая группа (ДСГ) — объединенные темой реплики двух или более собеседников, вторым — тематическая подгруппа (ТП), — в которую входят объединенные подтемой высказывания партнеров [4.с.25].

Вторая группа явлений — это реплики одного участника диалога. Ее первым уровнем является основной смысловый элемент диалогической речи (ОСЭ) — реплика одного партнера в пределах темы или подтемы, вторым — стержневой компонент высказывания одного собеседника, выражающий основную мысль (ОСЭ) и являющийся побуждением (С) к последующей реплике партнера или реакцией (Р) на такое побуждение. (См. табл. 2).

Смысловая организация диалогической речи характеризуется наличием двух основных линий смысловых связей: между репликами различных собеседников и между репликами каждого партнера отдельно. Эти две линии смысловых связей обеспечиваются двусторонней активностью партнеров в процессе говорения — аудирования [4.с.78].

Анализ естественной диалогической речи позволил также выявить ряд других ее особенностей, существенных на наш взгляд для построения системы обучения. Наиболее типичная позиция межтемных смысловых границ — между репликами собеседников, а способом внешнего выражения этих границ является пауза и действие в паузе. Основная мысль реплики выражается в основном одним предложением [7.с.89]

- Hi, what about a nice Chinese takeaway tonight?
- I agree but will Bo and Ann like this idea? I know they prefer home-made meals.
- Let us try to talk them into the takeaway for today. I do not feel like cooking now.
- oh ok. [7.с.95].

В процессе смыслового анализа выяснилось, что выход за пределы одной темы имеет в своей основе различные комбинации элементарных моделей смысловых связей, количество которых практически неисчислимо, но которые можно распределить на ряд групп, имеющих общие типичные черты. Так как выход за пределы одной темы важен для методики, мы должны определить смыс-

ловые критерии такого выхода. С этой целью из каждой из названных типичных групп моделей смысловых связей мы выделили по одной наиболее типичной модели. В итоге мы получили 25 реальных моделей смысловых взаимосвязей. Выход за пределы этих реальных моделей во все другие возможные их комбинации, т.е. выход в потенциальные модели смысловых взаимосвязей, означает выход в естественную речь [7.с.38].

Мы убедились в том, что ситуация получает свое выражение в смысловом содержании высказываний партнеров диалога через возникшую в ее условиях тему. На этой основе мы вправе сделать основополагающий для нас вывод: ситуация является основой возникновения смысловых взаимосвязей высказываний в диалоге, и в этой роли она должна использоваться в обучении.

Изложенное позволяет нам сформулировать методические понятия ситуации и темы в обучении диалогической речи: ситуация в обучении диалогической речи — это такая совокупность реальных или воображаемых обстоятельств-контентов, которая, являясь основой возникновения смысловых взаимосвязей высказываний и определяя общий смысл этих высказываний, служит источником речевой деятельности обучаемых. Тема — это смысловой стержень такой ситуации.

Известно, что аудирование диалогической речи может быть двоякого характера. Это, во-первых, аудирование «со стороны» и, во-вторых, аудирование в процессе диалогической речи. Изучение второго вида аудирования представляет для нас особый интерес, так как оно позволит выделить те его характеристики, которые могут иметь существенное значение для методики обучения диалогической речи и позволит создать соответствующие контенты или схемы для обучения.

При аудировании в процессе диалогической речи слушающий выполняет ряд операций: извлекает стержневой компонент C , т.е. основную мысль реплики говорящего, во внутренней речи определяет стержневой компонент P_e своей ответной реплики, извлекает вторичный компонент K_1 , т.е. дополнительную мысль реплики говорящего, во внутренней речи определяет вторичный компонент K_{1e} своей ответной реплики. Вызванные этим трудности усложняются необходимостью удерживать все это в памяти до момента завершения реплики говорящим. Если взять, для примера, две взаимосвязанные реплики, в основе которых находится смысловая модель $/C + K_1/$ — $/P + K_1/$, представляющие собой самый элементарный вид смысловых взаимосвязей, то наблюдается следующая картина последовательного накопления трудностей аудирования:

1. извлечение основной мысли реплики говорящего (C);

2. возникновение во внутренней речи основной мысли ответной реплики (P_e) (Проведенный эксперимент показал, что из 50 испытуемых, прервавших своей ответной репликой высказывание говорящего, 41 сделал это сразу же после произнесения им предложения, выражающего основную мысль его реплики, причем у 37 из них первым произнесенным ими предложением было предложение, выражающее основную мысль их реплики.) [11.с.68].
3. удержание в памяти основной мысли этой ответной реплики (P_e);
4. извлечение дополнительной мысли реплики говорящего (K_1);
5. возникновение во внутренней речи дополнительной мысли своей ответной реплики (K_{1e});
6. удержание в памяти этой дополнительной мысли. Время для произведения этих шести операций — продолжительность произнесения говорящим двух предложений ($C + K$).

Система обучения аудированию и заключается в выполнении упражнений, направленных на устранение каждой из перечисленных трудностей в соответствующей последовательности [11.с.45].

Исходя из вышесказанного, можно сделать следующие заключения-

Предлагаемая нами модель обучения диалогической речи характеризуется следующим образом.

1. Она состоит из четырех элементов, из четырех уровней. Первый элемент (основной уровень) модели — ситуативный. Из него «вырастает» второй элемент (второй уровень) — смысловой, и из него третий — аудитивный. Четвертый, верхний (внешний) уровень модели — языковой. Посредством темы ситуативный уровень связан со смысловым, так как ситуация является основой возникновения смысловых взаимосвязей реплик в диалоге. Смысловой уровень связан непосредственно с языковым уровнем (который в данной статье не затрагивается), так как устанавливаемые смысловые взаимосвязи получают свое внешнее выражение в формах языка. Если рассуждать «сверху вниз», то можно сказать, что языковые средства есть внешнее выражение смысловых взаимосвязей реплик, возникающих в создавшейся ситуации. Это значит, что модель обучения диалогической речи представляет собой единство ситуативных, смысловых, аудитивных и языковых характеристик этой формы речи.
2. Модель обучения содержит постоянные и переменные параметры. Постоянные параметры — начальные и конечные — неизменяемы и опре-

Таблица 3

Постоянные начальные параметры	Переменные параметры	Постоянные конечные параметры
ситуативные	ситуативные	ситуативные
смысловые	смысловые	смысловые
аудитивные	аудитивные	аудитивные
языковые	языковые	языковые

деляют: первые — исходные точки обучения, т.е. начальные требования, вторые — конечные требования. Исходным ситуативным требованием является ситуация в данном нами определении, начальным смысловым требованием — смысловые взаимосвязи в пределах первой элементарной смысловой модели С — Р.

Конечное ситуативное требование — проведение беседы на любую тему в любой ситуации.

Переменные параметры модели определяют динамику развития диалогической речи и придают этой последней характер деятельности. К переменным ситуативным параметрам относятся установленные виды ситуаций, их разновидности и типы, виды взаимоотношений между ситуацией и темой. Переменные смысловые параметры — элементарные модели смысловых взаимосвязей реплик и их движение в пределах 25 реальных моделей таких взаимосвязей. Что касается переменных языковых требований, то они отлично разработаны в целом ряде исследований и поэтому нет надобности их повторять [4.с.78]. [5.с.83].

Схематически модель можно представить следующим образом (таблица 3).

Модель показывает, «откуда идти», «через что пройти» и «куда прийти». Это определяет построенная на основе модели общая схема обучения. Она состоит из 4 стадий, каждая из которых направлена на то, чтобы придать речи характер деятельности. Первая — это учебный монолог, т.е. заученный текст, состоящий из нескольких предложений. Задача заключается в том, чтобы обучаемый смог ответить на задаваемые ему вопросы, употребив соответствующее предложение заученного текста. И здесь начинают «действовать» переменные параметры модели. На этой стадии мы имеем дело с задаваемой закрытой ситуацией, которая не предоставляет выбора темы разговора. Даются начальное содержание ситуации и языковые формы выражения. Реплики представляют собой только С и Р, причем они мало изменены по сравнению с заученным ранее монологом. Вид диалога — расспрос.

Вторая стадия — это обучение диалогу. Здесь также работа проводится в условиях задаваемой закрытой ситуации, не предоставляющей выбора темы разговора, с указанием ее начального содержания и языковых форм выражения. Подключается работа в условиях создаваемых ситуаций, на этот раз только ограничивающих выбор темы; кроме «расспроса» проводится также и спонтанная беседа.

Две следующие стадии работы — это обучение спонтанной речи, что исключает предоставление обучаемым языковых форм выражения. Динамику развития диалогической речи определяет подключение новых переменных параметров.

Четвертая и последняя стадия — это введение диалогических элементов в монолог, что наиболее близко к естественному общению. Дается только начальное содержание ситуаций, в которых выбор темы неограничен, вводятся диалоги «возражение» и «спор».

Такова четырехэтапная динамика развития диалогической речи студентов, определяемая движением переменных параметров модели обучения.

Все изложенное позволяет в итоге установить систему целей, умений, показателей сформированности этих умений и результатов обучения. Первые определяются общей схемой обучения, четыре стадии которой обуславливают систему этих постепенно расширяющихся промежуточных целей. Промежуточные умения характеризуются ситуативными и смысловыми параметрами. Первые вытекают из промежуточных целей и предстают в виде постепенно расширяющихся умений вести беседу в зависимости от взаимоотношений, возникающих между ситуацией и темой. Конечные показатели языковых умений получили как качественные, так и количественные характеристики — нормы употребления синтаксических, лексико-синтаксических и фонетических явлений разговорного стиля диалогической речи. Их количественные характеристики — нормы результатов обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громцева А. К. Формирование у школьников готовности к самообразованию. 2-е изд. М.: Педагогика, 2017.
2. Гурвич П. Б. Теория и практика эксперимента в методике преподавания иностранных языков. 2-е изд. Владимир, 2017.
3. Зимняя И. А. Индивидуально-психологические факторы и успешность научения речи на иностранном языке. // Иностр. языки в школе. 2018. 3 вып. С. 37–46.
4. Зотов Ю. Б. Организация современного урока. 2-е изд. М.: Просвещение, 2018.
5. Комков И. Ф. Методика преподавания иностранных языков. 2-е изд. Минск, 2017.
6. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 3-е изд. М.: Глобус, 2014.
7. Микк Я. А. Оптимизация сложности учебного текста. 3-е изд. М.: Наука, 2016.
8. Пассов Е. И. Организация процесса усвоения речевого материала при обучении говорению. // В сб.: Вопросы интенсификации обучения иностранным языкам в школе, вып. 2, часть I. М.: Просвещение, 2006.
9. Пидкасистый П. И. Самостоятельная познавательная деятельность школьников в обучении. 3-е изд. Уфа: УПГУ, 2017.
10. Рогова Г. В. Методика обучения английскому языку (на английском языке). 3-е изд. М.: Просвещение, 2009.
11. Салистра И. Д. Вопросы программирования в учебном процессе по иностранному языку. 3-е изд. Вильнюс. ВМУ.
12. Штейдерман Б. С. Психология программирования. Человеческие факторы в вычислительных и информационных системах. 2-е изд. М.: Радио и связь, 2016.

© Гончарова Алёна Владимировна (litera2306@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации

COULD В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

COULD IN MODERN SCIENTIFIC AND TECHNICAL DISCOURSE

*Yu. Grigorieva
M. Mets*

Summary. The article is devoted to the problems of using and teaching grammatical structures in the English language focussing on the example of the modal verb *could*. It comprises both topics of the evolution of recommendations on the use of some grammatical forms in textbooks, and some features of this evolution observed in the scientific, technical and media context. Another important issue is the ways of teaching complex grammar phenomena to students, especially of technical direction. Modern articles, films and publications of the popular science genre, news releases, as well as professional forums and blogs reflecting the trends of today were considered. The methodological basis was the approach based on the study of LRR (literary and colloquial speech) and its penetration into the media and popular science and professional discourse of oral and written nature. The article gives a lot of authentic examples taken from the living language, which can be a good help in teaching grammar not only to students of technical universities, but also to the students of linguistic profile.

Keywords: English language, scientific and technical discourse, grammar, modals, English teaching.

Григорьева Юлия Геннадьевна

*К.и.н., доцент, МАИ
rivju@yandex.ru*

Мец Максим Евгеньевич

*Ст. преподаватель, МАИ
maxapost@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблемам использования и преподавания грамматических конструкций в английском языке на примере модального глагола *could*. В ней затрагиваются такие темы как эволюция рекомендаций по использованию грамматических форм в учебных пособиях, так и некоторые черты эволюции самого использования данных форм, наблюдаемые в научно-техническом и медийном контексте. Другой важной темой являются способы преподавания сложных явлений грамматики студентам-нелингвистам, особенно технического направления. В качестве источников рассматривались современные статьи, фильмы и публикации научно-популярного жанра, выпуски новостей, а также профессиональные форумы и блоги, отражающие тенденции сегодняшнего дня. В качестве методологической основы служил подход, основывающийся на изучении ЛРР (литературно-разговорной речи) и ее проникновения в медийный и научно-популярный и профессиональный дискурс устного и письменного характера. В статье дается множество аутентичных примеров, взятых из живого языка, которые могут оказаться хорошим подспорьем при преподавании грамматики не только студентам технических вузов, но и студентам лингвистического профиля.

Ключевые слова: английский язык, научно-технический дискурс, грамматика, модальные глаголы, преподавание английского языка.

Понимание феномена модальности в английском языке имеет не только теоретико-лингвистическое, но и сугубо прикладное значение. Но нередко интерпретация модальных конструкций является определенным вызовом не только для студента или «пользователя» языка, но и для филолога-специалиста. А.Л. Пумпянский в своей работе «Чтение и перевод английской научной и технической литературы» обращает внимание на необходимость в ходе учебного процесса «проводить систематический анализ грамматических форм в различных контекстах, обращая особое внимание на многозначные формы». [5, с. 19] Но в классических грамматических пособиях как правило отражены только канонизированные формы и значения, возникшие на основе КЛЯ (кодифицированного литературного языка). Однако в настоящее время наблюдается тенденция экспансии ЛРР (литературно-разговорной речи) во всех сферах языкового общения, отмечаемая исследователями. [4; 10; 11; 12] Эта тенденция охватывает и научный, и медийный дискурс. Она несет с собой

новые стандарты, которые нередко выходят за рамки чисто книжного «хрестоматийного» изложения учебных пособий. На это явление применительно к значениям модальных глаголов указывает Н. Смит (Nicholas Smith) в своей работе «Changes in the modals and semi-modals of strong obligation and epistemic necessity in recent British English»: «I consider the connection between expressions of obligation/necessity and a growing trend in published written discourse towards informal and less hierarchical styles». [13, с. 241]

Разумеется, все вышесказанное не отменяет необходимости изучения студентами на начальном этапе «классической» грамматики. Тем не менее, но, по мнению авторов, можно говорить об увеличении определенного разрыва,— в частности, между грамматическим материалом в учебных пособиях по английскому языку для студентов технических специальностей вузов и «живым» языком. На важность проблемы указывает то обстоятельство, что общепризнанной целью таких

учебных пособий является подготовка студентов к чтению специальной научно-технической литературы и обучение устной речи по специальной и неспециальной тематике.

В качестве модальной единицы, ярко демонстрирующей указанные выше трудности и вызовы, можно рассматривать модальный глагол *could*. Человек, использующий английский язык не только для получения информации, но и в конкретных ситуациях общения, должен хорошо знать, что, в аспекте вероятности, *could* в современном английском языке обычно используется применительно к настоящему и будущему, а не прошлому, — при условии отсутствия какого-либо дополнительного контекста, сообщающего, что речь идет именно о прошлом.

«Шкала» передачи вероятности с помощью модальных глаголов приводится многими авторами, в том числе Л. Александром и Г. А. Вейхманом. [7, с. 231; 2, с. 156] Необходимо отметить, что эта шкала несколько отличается в изложении разных англоязычных авторов. У Л. Александра она выглядит следующим образом — для утвердительных предложений, в порядке нарастания вероятности: *might*, *may*, *ought to*, *should*, *could*, *must*, *will*. *Semimodal* (модальное слово) *have to* или *have (got) to* также может использоваться для передачи предполагаемой вероятности (*inferred probability*). [9, с. 310]

Согласно Г. А. Вейхману, высказывания о степени вероятности ранжируются следующим образом: *That could be Sydney* — высокая степень вероятности, *that must be Sydney* — очень высокая степень вероятности, *that will be Sydney* — абсолютная уверенность. Л. Александр располагает на шкале вероятности *could* несколько выше, чем *should*. Он дает следующий порядок утверждений, исходя из степени вероятности/уверенности говорящего:

He is at home (= it's a certain fact, non-modal be) *He could be at home* (= doubtful possibility) *He should be at home* (= doubtful possibility) *He ought to be at home* (= doubtful possibility) *He may be at home* (= it's possible, but uncertain) *He might be at home* (= less certain than *may*).

Как отмечает Л. Александр, в восклицаниях: *It 'can't be true*, *You 'can't 'mean it*, *You 'must be mistaken*, модальный глагол произносится с особым ударением, усиливающим основной смысл. Однако, как подчеркивает Г. А. Вейхман, ударение на модальном глаголе может использоваться и «для усиления сомнения» в устной речи. В частности, интонационное ударение на *could* снижает, а не увеличивает, уровень уверенности со стороны говорящего: «*He 'could be at home* (но я сильно сомневаюсь в этом)». [3, с. 155]

Особенность модальной формы *could* проявляется и во многих других отношениях. Некоторые из них связаны с эволюцией живого языка и пока не находят непосредственного отражения в описаниях грамматических структур, базирующихся на КЛЯ.

Приведем сначала пример «хрестоматийного» использования *could possibly* и *could well* в современном медийном пространстве:

He didn't think for a second that he **could possibly** lose it but . (о Дж. Кэмероне и инициированным им референдуме в Великобритании о выходе из ЕС в 2016 г.)...

That might be lazy and complacent thinking, it **could well** be that we are still near the beginning of the story and the politics ahead is going to be even wilder and more extreme. [14]

Не вызывает сомнения, что *could possibly* и *could well* передают здесь аспект вероятности, *well* служит для усиления именно этого аспекта (аналогично русскому «очень может быть, что это только начало ...»).

Но можно привести и другой актуальный пример из общественно-политической тематики: *'they could well be in space'*. Здесь речь идет о размещении ракет и сенсоров в космическом пространстве и грядущем превращении космоса в *'war-fighting domain'* — поле битвы. [15] Данное развитие событий стремились предотвратить международные соглашения, которые в момент произнесения речи Д. Трампа все еще продолжали действовать. То есть, исходя из контекста, очевидно, что в этом выступлении говорится о способности, а не вероятности, а *well* служит для усиления аспекта способности применительно к будущему.

Но это противоречит указанию известного авторитетного учебника — Collins Cobuild English Grammar. (Грамматика английского языка):

Can и *could* нельзя употребить, чтобы сказать, что кто-то или что-то будет обладать какой-то конкретной способностью в будущем. Вместо этих слов нужно употреблять *be able to* и *be possible to*. [8, с. 333]

Тем не менее, в современном научно-популярном или научно-техническом тексте очень часто встречается использование *could*, связанное именно со способностью, а не вероятностью достижения целей или результатов в будущем. Например, в статье о будущих технических возможностях гибридного экологически усовершенствованного самолета (совместный проект Airbus и Rolls-Royce) *could* используется для описания

будущих технических характеристик, вероятность достижения которых абсолютно не ставится под сомнение:

These greener, quieter jets *could* be soaring the skies by 2025. Like their automotive counterparts, hybrid aircraft *could* be a bridge to large all-electric jets... Fuel costs *could* be cut by 15 percent... The demonstrator project, which *could* be ready for service adoption by 2025, is being co-funded by Clean Sky 2, the current phase of the EU's e-aeronautics research programme. [16]

Данное использование *could* можно было бы отнести к сослагательному наклонению: такие результаты были бы достигнуты при условии реализации полной проекта. Но в статье не делается акцента на трудностях или препятствиях реализации. Ввиду того, что проект еще продолжается, используется *could*, однако по значению это *could* здесь очень близко *will be able* или *be capable of*. Увязка с конкретными датами в будущем подчеркивает это значение.

Показателен и такой пример из статьи о новой технологии:

Space junk could be tackled by housekeeping spacecraft.— Космический мусор может собираться кораблем-«уборщиком». [17]

Здесь имеются в виду реальные возможности после внедрения технологии, которая уже разработана.

Аналогично *could* в значении *will be capable of* используется в статье о новейших кораблях:

There are other such systems elsewhere in the world, as well, which plan to develop a cargo ship with rigid sails, this time a car carrier that **could** hold up to 2,000 vehicles. ... Rigid sails, of course, can be dangerous in high winds, especially if they cannot easily be folded onto or beneath the deck.

Название статьи этой (BBC) — *The ships that could change the seas forever* — правомерно интерпретировать в данном случае как: Корабли, которые могут (то есть способны) изменить мир навсегда. [18]

В современной научно-технической литературе и прессе можно найти множество аналогичных случаев и примеров использования *could*.

Таким образом, представляется, что в настоящее время в реальном научно-техническом дискурсе существует устойчивая тенденция использования *could* для передачи *способности* или потенциала в будущем. При этом

оно гораздо ближе по смыслу к модальности, а не сослагательности или условности.

Важно, что использование *could* для передачи способности, или же **максимальной** степени вероятности, в будущем может присутствовать даже в аутентичных инструкциях. Одна из них приводится пилотом-блогером:

Из Инструкции SAFO 2013 13002 FAA Safety Advisory Circular "Manual Flight Operations": ... continuous use of autoflight system **could** lead to degradation of the pilot's ability to quickly recover the aircraft from the undesired state. (Непрерывное использование системы автопилота может/способно привести к деградации навыка пилота быстро выводить машину из нежелательного состояния). [19]

Нужно отметить, что параллельно сохраняется и чисто «вероятностный» аспект использования *could* для *настоящего времени*. Так, в известном учебнике Д. Бонами для студентов технических специальностей, объясняется, что предупреждение «электричество, возможно, включено» передается при помощи фраз: It might be on; It may be on или It could be on. [1, с. 194]

Необходимо, чтобы студенты понимали, что при отсутствии другого контекста, речь при употреблении *could* (в отличие от *could not* или *couldn't*) идет о будущем или настоящем. В качестве формы прошедшего времени *«could»* употребляется только тогда, когда из контекста или ситуации ясно, что речь идет о прошлом» (А.С. Хорнби). [6, с. 297]

В то же время, без дополнительного контекста иногда трудно понять, какой из аспектов модальности преобладает при использовании *could*: вероятностный или выражающий потенциальную способность/уверенность говорящего. Например:

One day, generating renewable energy could be as simple as flying a kite — but not just any kite. [20]

Можно ли точно перевести данное предложение не имея под рукой дальнейшего пояснительного контекста? Видимо, одинаково правомерны близкие, но все же несколько отличающиеся друг от друга интерпретации:

Возможно, что однажды произвести возобновляемую энергию будет так же просто как запустить воздушного змея.

Наступит день, когда производство возобновляемой энергии было бы таким же легким делом как запуск воздушного змея.

Здесь можно было бы предложить «компромиссный» вариант спонтанного перевода:

Вполне возможно, что однажды производить возобновляемую энергию будет так же легко как запустить воздушного змея.

Надо отметить, что аналогичные трудности интерпретации могут возникать и при переводе конструкций с *could have* — которые обычно указывают на действия или события в прошлом. Приведем аутентичный пример из документального расследования причин гибели «Титаника»:

Temperature inversion could have created a mirage. [21]

Без дополнительного контекста невозможно до конца понять, что имеется в виду в этом предложении: гипотетическая вероятность того, что температурная инверсия могла вызвать мираж, приведший к дезориентации «Титаника», или предположение, что именно так и было в действительности. В данном случае авторы имели в виду физический феномен, который по физическим законам должен был произойти и вполне мог послужить реальной причиной крушения.

Показательным является и такой ряд аутентичных примеров с *could have*, отражающих аспект *способности* в прошлом:

Could more people have been saved? — Можно ли было спасти больше людей? (о катастрофе с «Титаником»). [22]

The replica /of chariot / has been built with the materials that could have been used at that time. — Копия колесницы сделана из материалов, которые могли использоваться (были доступны) в то время. (*could have* = доступность в прошлом) [23]

He was a man who could have done this job. — Он был человеком, который был в состоянии выполнять эту работу (*could have* = потенциальная реализованная способность в прошлом). [24]

How could the structure meant to be iconic have collapsed? — Как конструкция, которая проектировалась как образцовая, могла рухнуть. (о рухнувшем мосте в Майами в 2018 г., *could have* используется применительно к состоявшемуся факту/событию). [25]

Ср. с фразой из рассказа пилота: *I could have gone to a neighboring airport, but I didn't know whether conditions were any better elsewhere*: — Я мог бы полететь в соседний аэропорт, но я не знал, можно ли найти где-либо погодные условия, которые будут лучше (*could have*

используется для передачи реальной, но не реализованной альтернативы или потенциала). [26]

Интересным примером для студентов технического профиля может служить и оригинальный рассказ о секретном проекте Bell в Германии в годы Великой отечественной войны ('vertical take-off nuclear-powered jet supposedly developed by the Nazi'):

They could have taken off vertically before the war ended — [Эти самолеты] могли взлетать вертикально уже перед окончанием войны. (*could have* = реальная способность в прошлом)... It might have been possible to this aircraft to deliver the crushing bomb even to New York. — Вполне возможно, этот самолёт имел характеристики, позволяющие доставить сокрушительную бомбу даже до Нью-Йорка. Just imagine if those German craft could have reached Moscow, London or New-York. What could have happened? — Представьте, если бы эти немецкие самолеты смогли долететь до Москвы, Лондона или Нью-Йорка. Что могло бы случиться? (такое развитие событий было вполне реальным, но не состоялось). [27]

Здесь идет речь одновременно и о реализовавшейся, и о не реализовавшейся способности в прошлом, для передачи которых служит одна и та же грамматическая конструкция — *could* или *might* с перфектным инфинитивом (*could have/might have*). Различие интерпретаций определяется исключительно контекстом.

(Можно отметить, что примером важности контекста при использовании *may/might* может служить фрагмент из очень известного сборника текстов по авиационной тематике [28]: If the forecast is very bad, for example, dense fog or poor visibility due to snow, the pilot may decide to postpone his flight. В зависимости от контекста, речь здесь может идти о вероятности, о физической возможности пилота предпринять соответствующие действия во время плохой погоды, или же о разрешении их совершить, которое дается пилоту.)

Приведенные выше аутентичные примеры наглядно показывают, что *could* в современном научно-техническом дискурсе часто может использоваться и для передачи вероятности (наряду с *may* и *might*), и для передачи способности, применительно к настоящему и будущему. А *could have* может использоваться и для передачи вероятности, и для описания реальной способности — как реализованной, так и нереализованной, обычно относящейся к прошлому. Вне контекста часто трудно провести четкое разграничение — вероятность или способность имеется в виду в первую очередь.

Такое разнообразие подтверждает феномен постоянной эволюции языка, не укладывающейся подчас

в рамки даже самых авторитетных грамматических изданий. Это, с одной стороны, требует обучения на конкретных аутентичных примерах и делает задачи адекватного преподавания еще более сложными. И, с другой

стороны, заставляет обратить внимание на необходимость четкого и максимально однозначного составления инструкций и описаний для пользователей — не носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бонами Д. Английский язык для технических училищ. М.: Высшая школа, 1989. — 287 с. (David Bonamy English for Technical Students, Longman, Great Britain)
2. Вейхман Г. А. Новое в английской грамматике. Учебное пособие для лингвистических университетов, институтов и факультетов иностранных языков, 2-е издание, исправленное и дополненное. М.: Астрель, 2009. — 320 с.
3. Вейхман Г. А. Современный английский. Новейший справочник по грамматике. Морфология исправленное и дополненное. М.: Астрель, АСТ, 2010. — 320 с.
4. Орлов Г. А. Современная английская речь: Учебное пособие для вузов по спец. «Английский язык и литература». М.: Высш. шк., 1991. — 240 с.
5. Пумпянский А. Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы. М.: АН СССР, 1962. — 450 с.
6. Хорнби А. С. Конструкции и обороты английского языка /Перевод с английского А. С. Игнатьева. М.: Буклет, 1992—336 с. Hornby A. S. A Guide to Patterns and Usage in English. London: Oxford, 1954—261 pp.
7. Alexander L G. Longman English Grammar. First published 1988, Twentieth impression 2003. — 362 pp.
8. Грамматика английского языка Collins Cobuild English Grammar. М.: Астрель: АСТ, 2006. — 706 с.
9. Cowan Ron. The Teacher's Grammar of English. Cambridge University Press, 2008. — 709 pp.
10. Brown C, Jute G. Discourse Analysis. Lnd., N.Y: Cambridge University Press, 1983—298 pp.
11. Quirk R. Style and Communication in the English Language. Lnd: Edward Arnold, 1982. — 144 pp.
12. Foster K., Morris Ch. Listening Comprehension. Exploring Authentic Materials. Manchester, 1982. — 237 pp.
13. Smith Nicholas (University of Leicester) Changes in the modals and semi-modals of strong obligation and epistemic necessity in recent British English. www.researchgate.net January 2003, pp. 241—267.
14. Europe: The Big Vote — BBC News Опубликовано: 16 мая 2019 г. <https://www.youtube.com/watch?v=UauodPIVh00>
15. Из речи американского президента Дональда Трампа 17.01.2019 BBC Global News
16. <https://www.euronews.com/2018/07/20/leading-a-renewable-revolution-in-aerospace>
17. Science & Environment <https://www.bbc.com/news/science-environment-14405118>
18. <http://www.bbc.com/future/story/20170918-the-ships-that-could-change-the-seas-forever>
19. <http://echo.msk.ru/blog/denokan/2424157-echo/> — блог Д. Оканя
20. Enormous 'energy kite' promises a new way to harness wind power — Denise Chow with NBC News Tech and Science News• last updated: 05.12.2018 <https://www.euronews.com/2018/12/05/enormous-energy-kite-promises-new-way-harness-wind-power-ncna943451>
21. Погода, изменившая ход истории: «Гибель «Титаника» — Weather that Changed the World: Sinking of the Titanic, Viasat History 28.10.2018.
22. Документальный фильм Титаник. Двадцать лет спустя — Titanic. Twenty years later with James Cameron (2017)
23. Кельты. Железом и кровью — The Celts: Blood, Iron & Sacrifice, Viasat History 08.02.2018
24. Документальное расследование Запретная история — Forbidden History, 3-й сезон 3-я серия, Человек в железной маске — Iron Mask, Viasat History 25.11. 2018
25. BBC News 17.03.2018
26. Lessons every pilot must learn. (comments, 24.06.2018). <https://www.youtube.com/watch?v=QaxYgHbPjss>
27. Документальное расследование Запретная история — Forbidden history, 2-й -сезон, 5-я серия, Секретные НЛО нацистов — Top Secret Nazi UFO (2014) Viasat History 25.11. 2018 (Режиссер Bruce Burgess) <https://youtu.be/gLKcJT125Ts> <https://www.imdb.com/title/tt4612154/>
28. http://filmodok.ru/publ/tv_peredachi/anomalii_hlo/zapretnaja_istorija_nacistskie_nlo_forbidden_history_top_secret_nazi_ufosl_2014/9-1-0-7729
29. Беляева С. А., Паскевич Н. С., Попова Г. В. Практикум по чтению текстов авиационной тематики. — Weather, СПбГУ (В электронном виде: <https://studfiles.net>)

© Григорьева Юлия Геннадьевна (rivju@yandex.ru), Мец Максим Евгеньевич (maxapost@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСВОЕНИЕ МАНИПУЛЯЦИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ХИРУРГА. ЦЕЛЬ СТАРАЯ, ВОЗМОЖНОСТИ НОВЫЕ

DEVELOPMENT OF MANIPULATIONS WITH THE TRAINING OF THE SURGEON. THE PURPOSE OF THE OLD OPPORTUNITIES A NEW

**V. Davydenko
S. Yashin
R. Reitel**

Summary. The work is devoted to the problem of development of surgical manipulations both at the graduation stage and in residency in the domestic modern medical education. The analysis of this issue, which found that many previously used methods of mastering manipulation skills are currently inapplicable due to legal restrictions. At the same time, on the example of foreign and advanced domestic experience, a huge potential for solving the problem by creating and using specialized simulation training centers and additional training at home on simulators is demonstrated. The authors also propose a new systematic approach for early, starting with the initial courses of medical training at the University, fast, intensive, high-quality formation of surgical skills under the constant supervision of experienced curators using modern technical and methodological tools.

Keywords: surgical skills, simulation training, simulators, manual surgical skills, specialized centers.

Давыденко Владимир Валентинович

Д.м.н., профессор, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени акад. И. П. Павлова
kuzet@mail.ru

Яшин Сергей Михайлович

Д.м.н., профессор, Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени акад. И. П. Павлова

Рейтель Роберт Петрович

Врач хирург, директор, ООО «Центр инновационных методов медицинского образования», Санкт-Петербург

Аннотация. Работа посвящена проблеме освоения хирургических манипуляций на дипломном этапе и в ординатуре в отечественном современном медицинском образовании. Проведенный анализ этого вопроса, установил, что многие ранее применявшиеся способы освоения манипуляционных навыков в настоящее время малоприменимы из-за юридических ограничений. Вместе с тем, на примере зарубежного и передового отечественного опыта продемонстрирован огромный потенциал для решения поставленной задачи путем создания и использования специализированных симуляционных тренинг-центров и дополнительной тренировки в домашних условиях на тренажерах. Авторами также предложен новый системный подход для раннего, начиная с начальных курсов медицинского обучения в вузе, быстрого, интенсивного формирования качественных хирургических навыков под постоянным контролем опытных кураторов с использованием современных технических и методических средств.

Ключевые слова: хирургические манипуляции, симуляционное обучение, тренажеры, мануальные навыки, специализированные центры.

Подготовка врачей хирургического и терапевтического профилей существенно отличается. Безусловно, всем врачам — специалистам необходимы обширный багаж теоретических знаний и умение ими пользоваться на практике, клиническое мышление. Вместе с тем, профессионализм хирурга преимущественно реализуется через работу руками в операционной и перевязочной, в значительной степени зависит от качества владения базовыми хирургическими манипуляциями (техниками правильного и рационального использования хирургического инструментария, грамотного выполнения местной анестезии, бережного обращения с тканями и органами, их атравматичного рассечения и сшивания, быстрого и надежного наложения хирургических узлов и швов и т.д.) и умения применять их при конкретных оперативных вмешательствах.

Если в отношении теоретической подготовки хирургов существует четкая и стройная система — посте-

пенное получение знаний по хирургическим болезням на додипломном этапе (последовательное прохождение курса общей, факультетской и госпитальной хирургии) и при первичной постдипломной специализации в ординатуре с соответствующим контролем за усвоением материала в виде зачетов и экзаменов, то в отношении приобретения мануальных навыков такой ясности нет.

Вместе с тем, в настоящее время в России активно идет переход на новую форму оценки качества профессионализма и допуска к работе врачей-специалистов — *аккредитацию*, в которой принципиальным отличием от прежней формы — *сертификации* как раз и является *проверка практического умения*. Поэтому вопросы, связанные с организацией процесса (системы) обучения врачей хирургическим манипуляциям и контролем за уровнем и качеством их освоения, становятся особенно актуальными.

Имея многолетний опыт преподавания хирургических болезней студентам, ординаторам и молодым врачам-хирургам, учитывая их запросы, мы хотели бы поделиться своими соображениями и обсудить с коллегами, как в современных условиях лучше организовать процесс обучения хирургическим манипуляциям.

Последние годы в нашей стране в медицинских вузах на лечебных факультетах готовят врачей, получающих после диплома первичную аккредитацию для работы участковым терапевтом. В соответствии с этой целью основной упор на додипломном этапе образования при изучении хирургических дисциплин делается на своевременность диагностики заболеваний, а из манипуляций врачи осваивают лишь основы первой помощи и реанимации, общеврачебные манипуляции. Поэтому за время обучения в вузе студентов, по сути, лишь поверхностно знакомят с техникой хирургических манипуляций во время цикла на кафедре оперативной хирургии на 3 курсе и во время двухнедельной летней производственной практики в качестве помощника врача после 4 курса, при этом никаких требований к демонстрации освоения хирургических навыков и контроля за их качеством в учебной программе не предусмотрено. Конечно, студенты, желающие в дальнейшем стать хирургами, пытаются и в этих условиях приобрести практический опыт и освоить хирургические манипуляции, но этот процесс полностью зависит от их инициативы. Многие из них самостоятельно, ориентируясь на информацию, по большей части полученную из интернета, такие манипуляции как хирургические швы и узлы отрабатывают дома на подсобных материалах; при этом они не подвергаются систематическому контролю со стороны специалиста, что может приводить к формированию ошибок в действиях, закрепляющихся при повторении и которые в дальнейшем будет сложно исправлять. Кроме того, некоторые формы обучения хирургическим манипуляциям, ранее использовавшиеся многими поколениями хирургов, сегодня с юридической точки зрения нельзя считать законными. Так российское законодательство разрешает принимать участие в оперативном вмешательстве лишь сертифицированным специалистам, к которым студенты не относятся, а значит даже их ассистенция нелегальна. Конечно, в реальности это по-прежнему широко встречается, но до первой серьезной интраоперационной ошибки, которая может привести к тяжелым последствиям и для обучающегося, и для врача, разрешившего ему участие в операции; к санкциям как со стороны страховых компаний, так и вплоть до судебных разбирательств. Возможности отработки хирургических манипуляций в морге на трупах сегодня также резко ограничены, как вследствие необходимости проведения ранних вскрытий, так и по причине ограничения вскрытий по требованию родственников из-за религиозных и иных соображений. Расчет студентов на решение этой

задачи за счет участия в работе студенческих научных обществ (СНО) хирургических кафедр также не всегда может быть реализован. СНО предполагает, прежде всего, знакомство студентов с азами организации научной работы (поиск литературных источников, анализ медицинской документации, овладение статистической обработкой данных и т.д.). Лишь при наличии экспериментальных проектов возможно непосредственное участие студентов в операциях на животных, но, в силу ограниченности финансирования и сложности в современных условиях приобрести и содержать в вузах виварий, таких возможностей немного. Отрадно, что в последние годы по инициативе студентов, появились межвузовские олимпиады по соревнованиям на скорость и качество выполнения отдельных хирургических манипуляций. Однако, этот процесс инициативный, он не включен, как обязательный элемент, в программу обучения, поэтому не может быть отнесен даже к элективу,— скорее это «кружок самодеятельности» во внеучебное время. Простое же наблюдение за техникой операций, даже в условиях мастер-классов, хоть и, безусловно, полезно для развития зрительного стереотипа, но недостаточно для приобретения навыка без последующего собственного мануального опыта.

Поскольку субординатура и интернатура по хирургии отменены, то для первичной профессиональной подготовки хирурга остается только ординатура продолжительностью 2 года, в которой в отношении приобретения мануальных хирургических навыков также много нерешенных вопросов. Казалось бы, все основное время ординатор проводит в хирургической среде, но, как указывалось выше, у него, как и у студента, нет сертификата специалиста, и, поэтому с юридической точки зрения его участие в операциях также незаконно, при этом значительную часть своего рабочего времени он вынужден тратить на организационную работу: оформление документов в бумажном и электронном виде, транспортировку больных и т.д. Необходимость иметь средства для жизни заставляет многих ординаторов подрабатывать, часто не по специальности, тем самым сокращая время на профессиональное совершенствование.

Специальной единой федеральной программы по освоению хирургических манипуляций и контролю за качеством их выполнения пока в ординатуре нет, в разных вузах эта задача решается по-разному. К сожалению, традиционно в большинстве вузов освоение ординатором хирургических манипуляций и этапов операций осуществляется непосредственно на пациентах, чаще под контролем врача-куратора, реже преподавателя. Однако, при таком подходе все ошибки, неминуемо связанные с начальным этапом освоения, достаются пациенту. А это противоречит главному принципу хирургии «не навреди».

В своей прекрасной книге «Сердце хирурга» выдающийся российский хирург академик Ф.Г. Углов, многие годы руководивший нашей кафедрой, писал: «недопустимо, чтобы начинающий хирург отрабатывал такие простейшие манипуляции, как наложение швов, завязывание узлов и выполнение разрезов на больном пациенте, подвергая его опасности осложнений или плохому эстетическому результату», приводя там же свой личный пример, что прежде чем решиться на выполнение операции прямого портокавального шунтирования на больном, он более 500 таких анастомозов наложил на резиновых перчатках в сложных условиях письменного стола, чтобы максимально снизить риск неудачи [8].

В части вузов существуют специальные циклы для отработки ординаторами манипуляционных навыков на кафедре оперативной хирургии на консервированном трупном материале, иногда даже на операциях на животных, но число таких занятий небольшое, и они не проводятся систематически на протяжении всей ординатуры. На выработку автоматизма даже простейших движений и получения качественного навыка уходит немало времени, поэтому, если начинать осваивать базовые хирургические манипуляции только в ординатуре, то успеть полноценно овладеть техникой различных оперативных вмешательств за 2 года учебы будет очень трудно.

В последние годы в нашу страну стал все больше проникать зарубежный опыт передовых стран по решению этого вопроса. Там для освоения мануальных хирургических навыков стали использовать новые средства, обусловленные прежде всего необходимостью избежать ошибок начального этапа применительно к пациенту и возможностями научно-технического прогресса. Это создание специализированных тренинг центров *drylab*, *simlab*, *wetlab*, а также разработка программ и специальных тренажеров для отработки хирургических навыков в домашних условиях.

Drylab (от англ. — *dry*-сухой) — это центры, где без применения биологического материала используются простейшие тренажеры для отработки и многократного повторения таких распространенных навыков, как выполнение различной формы разрезов, наложение швов, правильное и быстрое завязывание хирургических узлов, в том числе, в сложных условиях на глубине и одной рукой, и т.д. Эти устройства дешевы, удобны для массового многократного использования. *Simlab* (от англ. *sim*- симуляция) — это центры, где используют сложные, компьютеризированные тренажеры, виртуально имитирующие отдельные манипуляции и даже целиком оперативные вмешательства. Они чаще применяются на этапах освоения сложных оперативных вмешательств, но, к сожалению, не могут быть пока массово

использованы ввиду высокой стоимости и частой дорогостоящей поломки. *Wetlab* (от англ. *wet*-влажный) — это центры, где задействованы тренажеры с использованием биологических материалов: тканей, органов, трупов, а также операций на животных. Это самая реалистичная и приближенная к условиям человеческого тела форма отработки манипуляционных навыков. К настоящему времени такие центры симуляционного обучения, широко внедренные за рубежом, стали появляться и активно развиваться также в нашей стране, например, Амтек Казань в Татарстане. Анализируя полученный в них опыт можно с уверенностью констатировать, что такая методика обучения является эффективной и резко снижает вероятность возникновения технических ошибок при последующем допуске врача к операциям на человеке [1–7, 9–11]. Вместе с тем, в России, несмотря на создание Российского общества симуляционного обучения в медицине (РОСОМЕД), таких специализированных центров пока недостаточно, обучение в них, как правило, проводится на инициативной основе, платно, в основном для врачей-хирургов. Определенные надежды на дальнейший прогресс в этом направлении связаны с необходимостью вузов участвовать в организации проведения аккредитации для ординаторов хирургического профиля уже в 2020 году. Поэтому в медицинских вузах сейчас спешно организуются симуляционные центры. Однако, если эти центры будут заточены только на процесс экзамена, то это не решит проблему создания системы освоения мануальных навыков.

Сталкиваясь с проблемой освоения хирургических манипуляций интернами и ординаторами длительное время, в 2015 году мы организовали такой специализированный тренинг центр. Центром *Wetlab* при консультативной помощи сотрудников нашей кафедры, в том числе ушедших на пенсию, был разработан и создан целый ряд тренажеров *drylab* и *Wetlab* собственной конструкции, предназначенных для тренинга в центре и для совершенствования навыков в домашних условиях, организована операционная для выполнения сложных оперативных вмешательств на крупных животных (свиньях). Центром *Wetlab* разработаны и реализованы различные программы тренинга: «Стартовые хирургические манипуляции», «Базовые специализированные хирургические вмешательства», «Мастер-классы» в различных областях: общая хирургия, сердечно-сосудистая хирургия и т.д. Учебный центр распространил эту практику на смежные дисциплины хирургического профиля. Все тренинг-программы проводятся интенсивно по 4–6 часов в день, короткими курсами по 2–3 дня, небольшими группами от 4 до 12 человек (в зависимости от сложности задачи). Особой популярностью у начинающих пользуется курс «Стартовые хирургические манипуляции», где под контролем инструктора поэлементно отрабатывается качество выполнения всех основных

хирургических действий — рассечение тканей, работа с основными хирургическими инструментами в простых и сложных условиях, вязание узлов, наложение швов; при этом происходит персональный контроль за правильностью усвоения материала с фиксацией на видео и последующим разбором для каждого курсанта. Далее начинающему хирургу предлагаются наборы инструментов, тренажеры и программа для дополнительной отработки изученных действий на скорость в домашних условиях с целью *превращения их в навык*. При этом налажена обратная связь между инструктором и обучающимися для постоянного динамического контроля за качеством усвоения, разбором неудач как очно в центре, так и дистанционно с использованием современных цифровых коммуникаций. Мы провели специальное исследование по сравнению скорости и качеству усвоения и доведения до автоматизма базовых хирургических манипуляций отдельно в группе из студентов 2–3 курса медицинских вузов (более 100 человек) и группы ординаторов 1–2 года обучения (30 человек). Результаты показали, что скорость освоения была выше в первой группе, т.е. наличие исходно у ординаторов теоретических знаний по хирургии в этом не помогало. Более того, у ординаторов возникали даже определенные сложности, т.к. некоторые навыки у них были ранее сформированы неправильно, и возникала необходимость переучиваться — ломать старые стереотипы. С другой стороны, мы убедились, что нельзя идти на поводу желающих сразу тренировать специальные оперативные вмешательства (например, осваивать пластическую хирургию или выполнять операции на животных) без усвоения техники базовых манипуляций и не имея необходимого уровня теоретической подготовки. Полученный за 4 года опыт позволил нам предложить новый подход к обучению мануальным хирургическим навыкам всем начинающим с нулевого уровня подготовки. Суть его в следующем. Желающим стать хирургом, необходимо как можно более раннее начало освоения базовых хирургических манипуляций, чтобы иметь к началу ординатуры длительный стаж в этом. Как рано начинать? Студентам медицинских вузов 1–2–3 курсов однозначно выбравшим свой путь именно в хирургию, необходимо пройти под контролем опытного преподавателя-куратора интенсивный курс по изучению техники базовых хирургических манипуляций, поставив *правильную технику* движения рук. Затем дома, тратя регулярно по 20–30 минут в сутки, на специальных тренажерах повторять эти движения,

доводя до автоматизма, постепенно повышая скорость их выполнения, и регулярно демонстрировать эти навыки куратору, чтобы избежать ошибок и не формировать неправильный стереотип. Позднее, начиная с 4 курса, когда уже появится теоретическая база по хирургическим болезням и возникнет направленность к изучению конкретных разделов или специальностей в хирургии, мы предлагаем посещать курсы по изучению и тренингу оперативных вмешательств на органах животных и при операциях на животных. При таком подходе к моменту поступления в ординатуру учащийся будет иметь 5–6-летний стаж непрерывной отработки правильно поставленной техники базовых хирургических манипуляций и 2–3-х летний опыт подробного практического изучения типовых оперативных вмешательств. В таком случае учеба в ординатуре приобретет совсем другое содержание; основной задачей будет не тренировка базовых движений, а отработка всех нюансов хирургической работы с пациентом при минимальном риске навредить его здоровью неправильными или неумелыми действиями. Такое раннее, интенсивное, инновационное освоение хирургических навыков резко повышает качество помощи, которую будет оказывать начинающий хирург, и создаст основу для трансформации последующей программы повышения квалификации и подготовки врачей к аккредитации. В конечном итоге внедрение такого системного подхода должно благоприятно отразиться на уровне оказания всей хирургической помощи в нашей стране.

Этот опыт дает основания полагать, что новые возможности, открывшиеся сегодня для быстрого и качественного обучения мануальным хирургическим навыкам с системой объективного контроля их усвоения целесообразно скорее внедрять в программу додипломного и последипломного непрерывного медицинского образования (НМО). В вузах на первых порах это может быть электив на базе созданных симуляционных центров. Создание и работа частных симуляционных тренинг-центров может быть хорошим примером частно-государственного партнерства. Нужна именно сквозная система, охватывающая весь жизненный путь хирурга от его формирования до становления профессионалом, с постоянным контролем со стороны хирургов с большим стажем работы, готовых и способных к передаче практического опыта и специально занимающихся этой задачей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков М. Д., Совцов С. А., Матвеев Н. Л. Допуск ординаторов в эндохирургическую операционную. Какие базовые лапароскопические навыки можно освоить на доклиническом этапе — вне операционной // Эндоскопическая хирургия. — 2016. — № 1. — С. 38–45
2. Горшков М. Д., Федоров А. В. Классификация по уровню реалистичности оборудования для обучения эндохирургии // Виртуальные технологии в хирургии. — 2012. — № 1. — С. 35–39

3. Иванов А. А., Гуцин А. В., Половинчук А. И. и др. Опыт применения инновационной модели обучения детских хирургов мануальным лапароскопическим навыкам в условиях специализированного учебного центра // Российский вестник. — 2012. -Т. II, № 1. -С. 131–136
4. Ложко П. М., Кудло В. В., Киселевский Ю. М., Гуца Т. С. Опыт использования оригинального видеотренажера для освоения базовых навыков в лапароскопической хирургии // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. — 2018. -№ 4. — С. 502–506.
5. Луцевич О. Э., Рубанов В. А., Толстых М. П., Галлямов Э. А. и др. Факторы, влияющие на скорость формирования базовых мануальных навыков в лапароскопической хирургии // Московский хирургический журнал. — 2017. — № 3(55). — С. 47–53.
6. Рубанов В. А., Луцевич О. Э., Галлямов Э. А., Толстых М. П., Михайликов Т. Г. Метод эффективного симуляционного обучения технике интракорпорального шва // Тихоокеанский медицинский журнал. — 2016. — № 1(61). —С. 62–65.
7. Симуляционное обучение по хирургии / Под ред. акад. Кубышкин В.А, проф. Емельянов С. И., Горшков М. Д. — М.: ГОЭТАР-Медиа: Росомед, 2014.-264 с
8. Углов Ф. Г. Сердце хирурга / — Изд-во АСТ. — 2018. — 512 с.
9. Федоров А. В., Горшков М. Д., Отработка базовых эндохирургических навыков на виртуальных тренажерах. Обзор литературы //Виртуальная техника в медицине. — 2009.-№ 2. -С.16–28
10. Bjerrum F., Sorensen J. L., Konge L., Rosthøj S., et al. Randomized trial to examine procedure-to-procedure transfer in laparoscopic simulator training // Br J Surg.— 2016. — Vol.103, № 1. — P. 44–50
11. Larsen C. R., Soerensen J. L., Grantcharov T. P., Dalsgaard T., et al. Effect of virtual reality training on laparoscopic surgery: randomized controlled trial // BMJ. — 2009; 338: b1802

© Давыденко Владимир Валентинович (kuzet@mail.ru), Яшин Сергей Михайлович, Рейтель Роберт Петрович.
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени акад. И.П. Павлова

НРАВСТВЕННО-ЭТИЧЕСКОЕ ОЦЕНИВАНИЕ ПОСТУПКА ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ (А. П. ЧЕХОВ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ)

MORAL AND ETHICAL EVALUATION OF THE ACT OF THE LITERARY HERO (A. P. CHEKHOV IN HIGH SCHOOL)

D. Zhirkov

Summary. the article presents methodological developments on moral and ethical evaluation of the act of a literary hero on the example of studying the work of A. P. Chekhov in high school. Experimental work was carried out in schools of the Republic of Sakha (Yakutia). It is assumed that the study of the monographic theme "AP Chekhov" in the 10th grade on the basis of the axiological approach will be effective in the value self-determination of the student's personality, if the leading tool for the study of works of art is the moral and ethical evaluation of the act, which occurs through the establishment of "architectonic points", the assessment of responsibility in the unity of bilateral responsibility, the definition of the value contexts of the hero.

Keywords: Chekhov, value self-determination, moral education, axiological approach, literary education, moral and ethical evaluation, act of the literary hero, reference group.

Жирков Дмитрий Дмитриевич

Старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени

М. К. Аммосова»

sparks220@mail.ru

Аннотация. в статье представлены методические разработки по нравственно-этическому оцениванию поступка литературного героя на примере изучения творчества А. П. Чехова в старшей школе. Экспериментальная работа проводилась в школах Республики Саха (Якутия). Предполагается, что изучение монографической темы «А. П. Чехов» в 10 классе на основе аксиологического подхода будет эффективной в ценностном самоопределении личности учащегося, если ведущим инструментом изучения художественных произведений будет нравственно-этическое оценивание поступка, происходящее через установление «архитектонических точек», оценку ответственности в единстве двусторонней ответственности, определение ценностных контекстов героя.

Ключевые слова: Чехов, ценностное самоопределение, нравственное воспитание, аксиологический подход, литературное образование, нравственно-этическое оценивание, поступок литературного героя, референтная группа.

Нравственное, этико-эстетическое, гражданское воспитание, «воспитание душевных способностей» (В.Я. Стоюнин) учащихся всегда было ключевой целью образования, но в нашей стране до конца XX века, в силу известных политических, социальных явлений, осмысливалось и реализовывалось в русле идеологических догм. Особое место эта проблема приобретает в старшем школьном возрасте, на который приходится первая и потому особая потребность в поиске смысла жизни, неудовлетворение которой становится причиной «экзистенциальных неврозов», осознания пустоты собственного существования.

Другая проблема отмечается в отечественном литературоведении — многовековое исследование нравственных аспектов художественных произведений происходило до XXI столетия вне теории ценностей и, как отмечает В.Е. Хализев, до сих пор в полной мере не восполнило существенный пробел — «недостаточное внимание к пристальному интересу писателей к человеческой личности, к ситуациям выбора людьми жизненно-практических позиций, к их духовному самоопределению и инициативно совершаемым поступкам» [9, С. 7].

На рубеже тысячелетий аксиологическая проблематика актуализируется в методике преподавания русской литературы в аспекте проблемы ценностного самоопределения личности школьника. По мнению ведущих современных ученых-методистов, «приобщение к «вечным» ценностям, исповедуемым литературной классикой, является одним из важнейших направлений школьного литературного образования» [4, С. 6]. В этой связи, важно вспомнить слова В.Г. Маранцмана: классическая литература «воспитывает терпимость не только потому, что, как и религия, наполнена нравственными истинами. Не прямая проповедь этики или религиозный запрет сегодня способны остановить агрессию, а восхищение красотой мира и возможным совершенством человека, отзывчивостью души, способной чужое горе или чужую радость ощутить, как собственное, личное потрясение» [5, С. 22].

Представим примеры нравственно-этического оценивания поступка литературного героя из уроков по рассказам Антона Павловича Чехова в старшей школе, которые обладают «высоким нравственным потенциалом, способствуют усилению ценностно-смыслового аспекта

в процессе обучения» [6]. Нравственно-этическое оценивание поступка литературного героя (поступка-мысли, поступка-чувства, поступка-дела) как один из приемов аксиологического подхода в литературном образовании может включать в себя следующие компоненты:

Установление «архитектонических точек поступка»

Понять поступок, согласно идеям М.М. Бахтина, можно только благодаря «участному сознанию», только «изнутри» самого поступка: важно рассматривать поступок «не как факт, извне созерцаемый, или теоретически мыслимый, а изнутри, в его ответственности» [2, С. 29]. Особая роль здесь принадлежит чувствам; недостаточно рациональное исследование поступка, важно его внутреннее переживание. Это становится возможным, если учитывать значение поступка не только для главного литературного героя, но и для второстепенных, роль их поступков в жизни первого. Мы убеждены, что личность ценностно устанавливается только тогда, когда ее Я выходит навстречу Другому, что одновременно расширяет границы Я, и, вместе с тем, распространяет Я за пределы первичного. Нравственно-этическое оценивание поступка предполагает установление «архитектонических точек» ответственного поступка: *я-для-себя, другой-для-меня, я-для-другого*.

Обращение к рассказу «Студент» происходит через межтекстовое сопоставление произведения с 22 главой Евангелия от Луки. После прочтения двух текстов предлагаем школьникам подумать, почему из всего евангельского текста Иван Великопольский выбирает не историю, связанную с Иисусом, что, казалось, было бы более актуальным в преддверии Пасхи, а историю предательства Петра. Какое значение поступок Петра имеет для Ивана? Зачем студент евангельское «И исшед вон, плакаясь горько» заменяет на «Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...»? Для кого студент духовной академии это делает — для Василисы и Лукерьи или для себя?

Ключевым для понимания рассказа «Студент» является выяснение причин, из-за которых женщины заплакали, и тот эффект, который произвела на них евангельская история, пересказанная Иваном. В конце урока размышляем над вопросами: В чем заключается оптимизм рассказа? Не мимолетна ли радость, переполняющая Ивана? Ведь обстоятельства не теряют своей угнетающей силы: дома у героя по-прежнему больной отец, нет еды, и это положение будет и завтра, и послезавтра. Учащиеся отмечают: главное происходит в душе студента — это понимание того, что пересказанная им история не просто абстрактное, отвлеченное повествование о чем-то далеком, это понятно и близко каждому человеку.

Оценка ответственности в единстве двусторонней ответственности

Ответственность, по Бахтину, первичнее свободы, ибо она есть нечто автономное, перводанное. С.С. Аверинцев указывает: «Ответственность — еще один ключевой термин мышления Бахтина. Его смысл и его привычное употребление неразрывно соотносит его с термином «поступок»: ответственность несут за поступок, поступок есть то, за что поступающий несет ответственность...» [1, С. 442]. По мысли самого философа, поступок должен быть оценен в единстве двусторонней ответственности: *и за свое содержание (специальная ответственность) и за свое бытие (нравственная)*. Важно вспомнить знаменитое изречение Ж.-П. Сартра: «Человек, будучи осужденным на свободу, несет весь груз мира на своих плечах; он ответствен за мир и за самого себя» [8, С. 557].

На уроке изучения рассказа «Пари», где текст читался группами учеников «по частям», с остановками на обсуждение, преследовалась цель определить, с чем связан нравственный выбор и к чему он приводит. Вопросы на домысливание дальнейшего содержания: Какое пари будет заключено? Что такое пари? Каковы его обязательные условия? Какими станут его условия? способствуют осмыслению текста, а проблемные вопросы, стимулирующие воображение, устанавливают референтную связь с литературным героем: Что могло произойти с юристом и банкиром за эти пятнадцать лет? Как они их прожили? Оказавшись на месте юриста, чем бы вы сами заполнили годы в заточении?

Центральной темой обсуждения для класса становится поступок героя в финале рассказа: Почему юрист нарушает условия договора? Как изменилось его мировоззрение за 15 лет в заточении? Почему поступок юриста вызывает у банкира слезы? Какое чувство его охватывает? Радость за то, что ему не придется отдавать узнику последние сбережения или что-то другое? Как вы считаете, куда убежал юрист? Какая жизнь ожидает его впереди? На этапе социализации школьники обменялись своими вариантами финала рассказа: банкир убивает юриста, юрист убивает банкира, смерть обоих, самоубийство, сумасшествие одного из них. Отдельным учащимся удается приблизиться к варианту Чехова: «Мне не нужны твои миллионы, знания, которые я получил — бесценны»; «Он решил войти в комнату, но не успел сделать и шага, как из темноты до него донесся умиротворенный голос юриста, просивший не давать ему денег, а просто отпустить на свободу, которую теперь он ценит выше самой жизни, свободу от денег, свободу от людей»; «Юрист искренне поблагодарил банкира за пятнадцать лет, которые помогли ему понять ценность духовного начала, и ушел, не взяв деньги».

Определение ценностных контекстов героя

При обращении к личности героя художественного произведения важно определение его ценностных контекстов: *не только всей системы ценностей героя, но и его внутреннего состояния в момент совершения поступка.*

Первый и главный вопрос на уроке изучения рассказа «Ионыч»: Кто виноват в том, что Дмитрий Ионович Старцев стал Ионычем? Учащиеся разделяются на два лагеря. Одни видят причину оскудения души в пагубном влиянии семьи Туркиных, в тургеневском «среда заела»: участь человека определяют обстоятельства жизни. Другие убеждены, что холодным и черствым герой становится после отказа Котика. Но такие ли простые ответы оставляет нам Чехов? Выясняем причины деградации Дмитрия Старцева.

Внимание к художественному времени (долгие расставания Ионыча с семьей Туркиных) опровергает первый вариант: влияние «самой умной, интересной и приятной семьи города С.», несомненно, не может быть благом, но и не составляет главный фактор трансформаций героя. Сопоставление деталей в разных эпизодах рассказа подводят школьников к мысли, что причина гибели души Ионыча в то же время кроется не в отказе Котика — изменения в нем (внутренние и внешние, из них наиболее показательный — способ передвижения: сначала пешком, не спеша, с удовольствием, затем на коляске, на паре лошадей, в финале — на тройке лошадей с бубенчиками) начинают происходить еще до момента отрешения, а именно после сцены на кладбище.

Особый ритуальный смысл сцены, обилие символов и деталей, мистический черно-белый характер цветописы делают его ключевым в рассказе. Надпись на воротах: «Грядет час в онь же...» и имя героя позволяют обратиться к легенде о пророке Ионе, который послушался Бога и был заточен на три дня во чреве кита. Проводим межтекстовое сопоставление рассказа «Ионыч» и «Книги Пророка Ионы». Обнаруженная схожесть не случайна, Чехов намеренно использует библейские мотивы. Ионыч, как и его кармический отец Иона, слушивается Бога, то есть совершает осознанный выбор, отказываясь от него на кладбище. Школьники приходят к выводу: рассказ «Ионыч» не столько о деградации души, сколько о сознательном отказе от истинных ценностей, о нравственном выборе, который делает герой в пользу ложных ценностей в виде «зеленых бумажек».

Итак, необходимо признать нравственно-этическое оценивание поступка литературного героя в качестве одного из ведущих приемов аксиологического подхода в литературном образовании, которое включает в себя: установление «архитектонических точек поступка», оценку ответственности в единстве двусторонней ответственности, определение ценностных контекстов героя. Способы актуализации ценностного самоопределения при анализе и интерпретации художественного произведения разнообразны: рефлексия ценностно-нравственной проблематики произведения; диалог произведений с другими произведениями автора и других писателей, внетекстовыми источниками; диспут; творческие работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. К философии поступка. Постраничные примечания // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Рус. слов., 2003. С. 438–456.
2. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.
3. Грицанов А. А. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. — Мн.: Книжный Дом. 2003. — 1280 с.
4. Литература. Рабочие программы. Предметная линия учебников под редакцией В. Ф. Чертова. 5–9 классы: пособие для учителей общеобразоват. организаций. — М.: Просвещение, 2015. — 160 с.
5. Маранцман В. Г. Цели и структура курса литературы / В. Г. Маранцман // Литература в школе. — 2003. — № 4. С. 21–24.
6. Мишлимович М.Я., Жирков Д. Д. Актуальные проблемы читательского восприятия и пути их преодоления (на материале рассказов А. П. Чехова) // V Международная научно-практическая междисциплинарная интернет-конференция «Гуманитарные науки и проблемы современной коммуникации», 2016 г. Режим доступа: http://philology.s-vfu.ru/?page_id=1832.
7. Обуховский К. Психология влечений человека. — М.: Прогресс, 1971. — с. 132.
8. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто / Ж. П. Сартр. — Москва, 2002. — 626 с.
9. Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис. — 2005. — 432 с.

© Жирков Дмитрий Дмитриевич (sparks220@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНОСТЬ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

THE RELEVANCE OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN MODERN EDUCATIONAL PROCESS

A. Zinyatov

Summary. The article analyzes the relevance of the introduction and testing of innovative technologies in the modern educational process. The basic aspects influencing quality of educational process taking into account modern needs of society and the state are opened. To improve the quality of education and the effectiveness of innovations in the educational process, it was proposed to pay special attention to the professional development of the teaching staff.

Keywords: development strategies, technology of training, innovative technologies, pedagogical technology, modern information and pedagogical methods, variability of educational process.

Зинятов Алексей Николаевич

Аспирант, Тихоокеанский государственный
университета
Zinyatov-aleksei82@mail.ru

Аннотация. В статье проанализирована актуальность внедрения и апробирования инновационных технологий в современном образовательном процессе. Раскрыты основные аспекты, влияющие на качество образовательного процесса с учетом современных потребностей общества и государства. Для повышения качества образования и эффективности инноваций в образовательном процессе предложили обратить особое внимание на повышение квалификации педагогического состава.

Ключевые слова: стратегия развития, технология обучения, инновационные технологии, педагогическая технология, современные информационно-педагогические методы, вариативность образовательного процесса.

«**О**бразовательная система должна вобрать в себя самые современные знания и технологии. Уже в ближайшие годы необходимо обеспечить переход к образованию по стандартам нового поколения, отвечающим требованиям современной инновационной экономики», — сказал Владимир Путин. [1]

Нашу работу мы начали с выступления Президента РФ В.В. Путина на расширенном заседании Государственного совета «Стратегии развития России до 2020 года», чтобы обратить Ваше внимание на уровень значимости и масштаб модернизации в различных сферах деятельности общества и государства в том числе и посредством поиска и внедрения инновационных технологий.

Исходя из вышеприведенного высказывания В.В. Путина, очевидно, что определенные преобразования, соответствующие духу времени, а также существенные по своему качеству затронут и образовательную систему России.

Актуализация педагогических технологий должна исходить из нормативно установленных целей образования, а именно воспитание у личности способности ориентироваться в стремительно изменяющейся обстановке, к постоянному повышению уровня профессионализма в условиях динамичного роста потребностей общества и государства.

Инновационные процессы в образовательной системе предполагают не только поиск и внедрение принципиально новых педагогических технологий, но и эффективное их сочетание с уже существующими средствами, формами и методами, успешно прошедшими апробацию в сфере педагогики. Указанный вектор развития имеет вполне логичное объяснение. Проблема в том, что педагогическая наука к настоящему времени уже содержит существенное фундаментальное и прикладное знание, истинность которого, на наш взгляд, не должно подвергаться сомнению. В этой связи, разработка принципиально нового в педагогике оказывается труднодостижимой, особенно при условии неоправданной форсированности данного процесса. Таким образом, инновации в образовании не подразумевают отказ от устоявшегося, действенного технологического обеспечения педагогического процесса, а прежде всего рассчитаны в определенном смысле на новое прочтение уже зарекомендовавших себя образовательных технологий.

При этом любые инновационные преобразования в образовательной системе независимо от их масштабов и интенсивности должны согласоваться с целями образования, как системообразующего компонента образовательной системы в целом, а именно с:

- ◆ учебной (обучающей) — отвечает за формирование знаний, умений и навыков;
- ◆ воспитательной — отвечает за формирование взглядов, убеждений, качеств личности;

- ◆ развивающей — отвечает за развитие интересов, мышления, речи, воли и т.д.

В своем труде «Инновационное мышление в XXI веке» В.П. Далия дает определение «педагогической инновации» — это изменения, новшества, направленные на совершенствование процесса обучения, воспитания, развития и психологической подготовки обучающихся. [2]

Активное развитие научно-технического потенциала в обществе, непрерывное стремление общества и государства получить максимальный результат с наименьшими затратами, предопределило появление в образовательном процессе понятия «инновационные технологии обучения».

Само понятие «технология обучения» впервые было озвучено и введено в оборот на конференции ЮНЕСКО в 1970 г. В докладе «Учиться, чтобы быть» данное понятие определялось как движущая сила модернизации образовательного процесса, так же в докладе ЮНЕСКО «Как учиться» впервые было дано ее научное определение.

Педагогическая технология — это последовательная взаимосвязанная система действий педагогического работника, направленная на решение педагогических задач; планомерное и последовательное воплощение на практике заранее спроектированного педагогического процесса; строго научное проектирование и точное воспроизведение, гарантирующих успех педагогических действий. [3]

По мнению О. Х-А. Рахимова «инновационная технология обучения» — это взаимосвязанная алгоритмизированная система последовательных действий и операций преподавателя и обучающихся по использованию современных информационно-педагогических методов, способов, приемов и техник, направленных на решение дидактических задач, планомерное и надежное достижение гарантированных результатов образовательного процесса.[4]

По нашему мнению, О. Х-А. Рахимов наиболее полно раскрывает понятие инновационная технология обучения.

Таким образом, исходя из существующих потребностей современного общества и государства, и определений приведенных выше, можно заключить, что эффективные педагогические технологии представляют собой современные в том числе и инновационные технологии, предполагающие как использование прошедших апробацию технологий, адекватных содержанию образования, так и актуализацию ранее разработанного технологического сопровождения педагогического процесса,

равно как и использования новшеств в системе образования.

Однако необходимо признать, что образовательная система является многомерным образованием, эффективное функционирование которой достигается не только благодаря применению современных педагогических технологий. Поэтому реализация нормативно определенных целей образования, с нашей точки зрения, должна предполагать следующее:

1. Сформулированная и налаженная система действий педагогического состава, направленная на решение образовательных задач.
2. Предварительное планирование учебного процесса с четким пониманием ожидаемого результата.
3. Валидная система мониторинга образовательного процесса.
4. Вариативность образовательного процесса при передаче учебного материала обучающимся с использованием в образовательном процессе современных информационно-педагогических методов, способов, приемов и техник.
5. Своевременное повышение квалификации педагогическим составом.
6. Подготовка квалифицированных специалистов, обладающих профессиональной мобильностью на рынке труда и так далее.

Некоторые из вышеперечисленных условий могут при необходимости подвергаться как пролонгированной модернизации, так и оперативной корректировке, по причине того, что сама по себе новизна относительна как в личностном, так и во временном плане. Появляясь в определенный временной период, инновация способна с успехом решить поставленные задачи и помочь достижению конкретной цели, но в тоже время такая педагогическая технология в ходе динамичного развития образовательной системы и применения в образовательном процессе может устареть и стать тормозом в развитии образовательного процесса.

Несоблюдение этих условий в конечном счете может привести к тому, что инновационные технологии в образовательном процессе станут неэффективными. Основными препятствиями на пути совершенствования образовательного процесса можно считать следующие:

1. Невозможность или нежелание (по различным причинам) педагогического состава осуществлять повышение собственной квалификации.
2. Отсутствие необходимой учебно-методической базы для передачи учебного материала обучающимся, что затрудняет применение современных информационно-педагогических методов, способов, приемов и техник и др.

Педагогический анализ признаков технологий обучения, приведенных в различных научных источниках и учебно-методической литературе, показывает, что большинство исследователей сходится на том, что эффективная технология обучения предполагает оптимальное построение и реализацию учебного процесса с учетом гарантированного достижения дидактических целей и задач. [5]

По нашему мнению, такая точка зрения является ключевой, так как смысл применения, в частности, инновационных технологий в образовательном процессе заключается в осознании и определении четко сформулированных образовательных целей.

Само по себе применение системного подхода в образовательном процессе подразумевает моделирование учебного процесса в образовательных организациях с целью обеспечения гарантированного достижения дидактических целей, в основе которых находится:

- ◆ социальный заказ;

- ◆ профессионально-образовательные стратегии, направления, цели;
- ◆ содержание и средства обучения.

Применяя на практике системный подход с конкретизированными до рабочего уровня стратегическими целями образования, преподаватель повышает эффективность инновационных средств обучения.

Таким образом, появление инновационных технологий в образовательном процессе предполагает создание целостного и последовательного взаимодействия способов, методов, приемов и техник, позволяющих гарантированно получать положительный результат с наименьшими издержками при подготовке будущих специалистов.

Соблюдение всех условий системного подхода в образовательном процессе позволит повысить эффективность инноваций и обеспечит создание благоприятных условий для необходимых преобразований и появлению перспективных инноваций в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия_2020# <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Деляя В. П. Инновационное мышление в XXI веке. — М., 2011;
3. Пласкина М. В. Понятие «технология обучения» в современной педагогике [Текст] // Педагогика: традиции и инновации: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2014 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2014. — С. 9–11.
4. Рахимов О.Х.-А., Беспальков В. П. Слагаемые педагогической технологии. — М.: Педагогика, 1989;
5. Беспалько В. П. Слагаемые педагогические технологии. — М.: Педагогика, 1989;
6. Демченко С. В. Диалектика национальной безопасности и образовательной политики в России: Монография. — М., 2010
7. Лукьянчинков Н. Н. Планетарный кодекс развития человеческой цивилизации. — М., 2010.
8. Виленский В. Я., Образцов П. И., Уман А. И. Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе: Учебное пособие / Под ред. В. А. Слостёнина. — М.: Педагогическое общество России, 2005;
9. Левина М. М. Технологии профессионального педагогического образования. — М., 2001.
10. Виленский В. Я., Образцов П. И., Уман А. И. Технологии профессионально-ориентированного обучения в высшей школе: Учебное пособие / Под ред. Слостёнина. — М.: Педагогическое общество России, 2005.

© Зинятов Алексей Николаевич (Zinyatov-aleksei82@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕТЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СОБЫТИЙ ДЛЯ РАЗНОВОЗРАСТНЫХ СООБЩЕСТВ КАК ОБЪЕКТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Илакавичус Марина Римантасовна

Д.п.н., профессор, Санкт-Петербургская академия
постдипломного педагогического образования
rim_9921@rambler.ru

MODELING NETWORKS OF EDUCATIONAL EVENTS FOR COMMUNITIES OF DIFFERENT AGES AS AN OBJECT OF PEDAGOGICAL RESEARCH

M. Ilakavichus

Summary. The article describes one of the aspects of the result of the first stage of the study "Modeling event networks for heterogeneous communities in the international educational space". It consists in determining methodological approaches to the study of the relevant practice of the teaching staff of the CIS member states. The theoretical basis of the project was constituted by such aspects of the humanitarian-anthropological methodology as axiological and synergetic approaches, taking into account the multifactorial regional specificity of network participants. The principles of studying the process of modeling networks of educational events were determined. These include the principles of the inextricable connection of pedagogical science and practice; taking into account the humanitarian nature of the pedagogical phenomenon; environmental friendliness; nature and cultural diversity; supporting proactive action; hermeneutic and the principle of constant communication of all aspects of the research that ensures it; as well as the sociopractical principle.

Keywords: educational space of the CIS, a network of educational events, network modeling, heterogeneous communities, non-formal education.

Аннотация. Статья описывает один из аспектов результата первого этапа исследования «Моделирование событийных сетей для разновозрастных сообществ в международном образовательном пространстве». Он состоит в определении методологических подходов к изучению соответствующей практики педагогических коллективов государств-участников СНГ. Теоретическую основу проекта составили такие аспекты гуманитарно-антропологической методологии, как аксиологический и синергетический подходы, учет многофакторной региональной специфики участников сети. Были определены принципы изучения процесса моделирования сетей образовательных событий. К ним отнесены принципы неразрывной связи педагогической науки и практики; учета гуманитарной природы педагогического явления; экологичности; природо- и культуросообразности; поддержки инициативного действия; герменевтический и обеспечивающий его принцип постоянной коммуникации всех сторон исследования; а также социопрактический принцип.

Ключевые слова: образовательное пространство СНГ, сеть образовательных событий, моделирование сетей, разновозрастные сообщества, неформальное образование.

Введение

Современные представления об образовании раскрывают его либо как подготовку прежде всего к профессиональной деятельности, которая априори будет меняться в силу постоянства изменений, либо преимущественно как практику развития человеческого потенциала. В первом случае личностный результат описывается как соотношение *hard&soft skills* (можно встретить и радикальную позицию — *Hard vs Soft*; она, в частности, высказывалась на площадках Петербург-

ского международного экономического форума-2019, посвященных образованию). Во втором случае важен опыт освоения разноуровневой системы ценностей — от смысложизненных до конкретно-исторических, значимого социального опыта. Получение подобного опыта — это формирование субъектности в образовании, являющейся залогом успешности построения индивидуального образовательного пути на личностном уровне и системы непрерывного образования на уровне государства. Второй вариант выбирается педагогическими коллективами государств-участников СНГ в случае при-

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 19-013-00012

нения ими приоритета воспитательной компоненты образовательного процесса. Этот сегмент педагогической реальности стал объектом представляемого исследования. Организация подобного образовательного процесса проблемна, к ней предъявляются высокие требования гуманитарно-антропологической методологии, что предполагает реализацию онтологически укорененных характеристик образования: социальности, в том числе разновозрастности, природо- и культуросообразности. В последние 10 лет данная область активно разрабатывается в теоретическом плане, что отражает тематика педагогических исследований. Не отстает и педагогическая практика государств-участников СНГ: мы наблюдаем рост количества образовательных событий, а не мероприятий, продолжают свою историю и многолетние проекты, обрастающие динамически меняющейся сетью привлекаемых партнеров [8]. И объяснение этому — хроническая недостача в формальном образовании гуманистических содержательных и технологических резервов. Принятие концепции воспитательного пространства как сети значимых для личностного развития событий [11] за основу представлений о ресурсах образовательного процесса, освоение неформального образования, опыта развитых стран в организации культурно-образовательных программ оказывает существенное влияние на реализацию образовательными учреждениями принципа индивидуализации. Однако подобные практики нередко сталкиваются с труднопреодолимыми рисками, состоящими, например, в несогласованности стремления к открытости и узконаправленностью программ; понимании сети как иерархически выстроенного перечня учреждений; отсутствии разницы между мероприятием и событием; несоответствии нацеленности на создание образовательного события и способа его организации. Между тем современная педагогика признает плодотворность актуализации воспитательной традиции в решении задачи развития человеческого потенциала, а также эффективность использования организационной рамки социальных практик для повышения образовательной мотивации. В этой связи возникает необходимость коррекции имеющегося диссонанса между гуманитарно-антропологической методологией и образовательными практиками, моделируемыми на ее основе.

Постановка проблемы

На данном этапе представляемое исследование охватило 16 образовательных организации и 12 образовательных сообществ Армении, Беларуси, Казахстана и России. База исследования на протяжении 7 лет формировалась на основании участия в многолетнем проекте Международного культурно-образовательного Форума «Диалог поколений» под руководством М.С. Якушкиной (заведующей лабораторией теории формирования единого образовательного пространства СНГ ИУО РАО),

состав которого ежегодно менялся, дополняясь новыми партнерами¹. Были использованы методы анкетирования и интервьюирования, включенного наблюдения.

Для педагогических сообществ государств-участников СНГ моделирование как способ реализации эффективных методов обучения и воспитания давно не является экзотикой. Стремление повысить качество образования в целом при удержании ориентации на сверхзадачу сохранения культурной идентичности определяет включение в процесс освоения инноваций. В этой области событийность — принятый принцип образовательной деятельности, но в большей степени принятый на уровне гуманистической идеи. Однако мы имеем дело преимущественно с реализацией находок педагогической интуиции, что указывает, с одной стороны, на актуальность подобного решения воспитательных проблем, с другой стороны, на сложность организации адекватного взаимодействия. Ход моделирования сети образовательных событий педагогическими коллективами, ставящими цель усилить воспитательную компоненту своей деятельности, традиционен: после анализа наличного состояния проблемы коллеги стремятся создать некий аналог искомого объекта, увидеть его структуру, характеристики, функциональные возможности; затем рождается план реализации такой модели, мониторинговые процедуры, организуется рефлексия. В общем плане подобные эксперименты можно описать как движение «от «школьного быта» к бытию». В практическом плане они направляются желанием уйти от заформализованности воспитательного процесса, избитых форм, открыть пространство образовательного учреждения конструктивным социализирующим практикам окружающего мира. Все это решает задачу пробиться к субъективному миру потенциальных участников, организовать для них встречу с миром культуры, ее вечными ценностями, вечными вопросами и уже ответами предков для того, чтобы все это стало предметом рефлексии, материалом для самоопределения. Зачастую начальный этап моделирования образовательных событий и их сетей (осмысление данных феноменов) педагоги-единомышленники проходят формально, на уровне ознакомления. Несформированный в педагогическом коллективе тезаурус снижает эффективность моделирования. Выбор партнеров также нередко осуществляется хаотично, по принципу «кого знаем — того взяли». Сложность вызывает и само функционирование разновозрастных сообществ, которые живут по законам самоорганизации и редко соответствуют жестким требованиям формального образования, которым вынуждены подчиняться образовательные учреждения.

¹ <https://iuorao.ru/> Международный культурно-образовательный форум разновозрастных сообществ государств — участников СНГ «Диалог поколений»/

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представляемое исследование обращено к явлениям *педагогической реальности*, под которой будем понимать, согласно И. А. Колесниковой, «совокупность явлений, событий, процессов, состояний, переживаний, проявленных в теоретическом практическом, духовном опыте человечества в результате реализации педагогических целей и замыслов» [9, с. 9].

Сеть как принцип упорядочения объектов противопоставляется субординации, она предполагает горизонтальное многоканальное разнонаправленное взаимодействие, в котором участники решают свои не всегда не совпадающие задачи, привлекая недостающие ресурсы. В актуальном для нашего исследования понятии «*сеть образовательных событий*» сетевой принцип есть основа объединения образовательных событий, создаваемых разновозрастными сообществами. Узлом данной сети является *событие* как со-бытие [2, 13, 18]. В нем осуществляется выход за пределы наличного бытия при встрече со значимыми для личности ценностями, их осмысление, которое может активировать процессы ее субъективной реальности. Событие сбывается при соблюдении ряда условий, однако не может априори признаваться таковым для всех участников. Если событие не является синонимом мероприятия, то активизируется личностное развитие участников, становления их субъектности. Одним из условий сбывания события является среда *сообщества* — нематериально ориентированного объединения, взаимодействия в котором основаны на принципе другодоминантности [14] при возможном несовпадении индивидуальных целей [10]. Оно предоставляет условия экзистенциального характера, описанные в модели динамического равновесия «вознаграждения-затраты» [4]. Это, с одной стороны, позволяет создавать условия для нелинейных процессов личностного развития каждого из его членов согласно переживаемому возрастному периоду; с другой, — обуславливает непредсказуемость истории будущего сообщества, в том числе по параметрам длительности существования и постоянства состава. *Разновозрастность* — естественный фактор социальности, нивелированный в формальном образовании со времен Я.-Ф. Коменского и активно возрождаемый сегодня [1, 18]. В разновозрастном образовательном сообществе воспроизводится социальность в понимании П. Штомпки — как смена событий, поддерживающих системообразующую связь людей [15]. Значимой характеристикой сети образовательных событий является реализация *неформального образования*.

Сеть образовательных событий реализует идеи воспроизведения площадок для межпоколенного диалога при учете их особенностей и возможностей, позволяет

ориентироваться на запросы участников на содержание образования, время и место организации взаимодействия. Данная сеть важна в силу возможности развивать субъектность участников. Моделирование сети образовательных событий является попыткой реализовать имеющийся в социокультурной среде воспитательный потенциал, гуманизировать образование, создать условия для присвоения участниками событий ценностей гражданского общества и демократического государства. Возвращаясь к разновозрастности, отметим еще один аспект воспитательного потенциала описываемой сети: живое взаимодействие с носителями разного жизненного опыта, предоставляющее возможность рефлексировать наблюдаемые ценностные позиции, самоопределение в многообразии накопленного социального опыта. Особого разговора заслуживают сети образовательных событий, объединяющих разные области международного образовательного пространства, поскольку в этом случае актуализируются законодательный, социально-экономический и межкультурно-коммуникационный аспекты.

Методологические подходы к изучению процесса моделирования событийных сетей для разновозрастных сообществ

Научная группа исследования объединилась на основе принятия следующих положений.

- ♦ Характеристики моделирования объектов педагогической реальности мы определили на основании изысканий Н. В. Кузьминой, И. А. Колесниковой, Л. И. Новиковой, А. А. Остапенко, Н. Л. Селивановой. Моделирование сетей образовательных событий — выход в область инноватики. Закономерности педагогической инноватики были осмыслены после ознакомления с работами З. А. Абасова, Л. Я. Зориной, С. Д. Полякова, М. М. Поташника, А. П. Тряпициной, А. Н. Тубельского, А. В. Хуторского.
- ♦ Постановка задачи создания сети образовательных событий для разновозрастных сообществ в международном образовательном пространстве — это выход в область построения социально-педагогической реальности с особыми отношениями разных поколений, что связано с субъектностью педагога (А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободчиков, М. Е. Ермолаева).
- ♦ В основе моделирования такой сети — энергия саморазвития человека в ориентации на идеалы культуры, поэтому внимание неизбежно будет уделяться мировоззренческим, смысложизненным аспектам ее содержания и организации (С. И. Гессен, В. С. Библер, В. П. Зинченко, М. С. Каган). Значимым аспектом современных представ-

лений моделирования сети является синергетический (В. Г. Буданов, А. В. Чусов).

- ◆ Работая в международном образовательном пространстве, необходимо понимать закономерности его функционирования (С. К. Бондырева, О. В. Гукаленко, С. В. Иванова, В. А. Мясников, К. А. Пшенко, М. С. Якушкина), а также учитывать роль региональных и территориальных факторов в развитии образования (В. Н. Аверкин, Н. Ю. Бармин, Ю. В. Громыко, В. И. Загвязинский, З. Г. Найденова).
- ◆ При организации образовательных событий в международном образовательном пространстве перспективным видится использование теории организации педагогической практики как антропологического проекта (М. Фуко, Г. П. Щедровицкий, А. П. Попов, М. В. Захарченко).

Участники исследования высказали консолидированное мнение по поводу сочетания актуальных для моделирования сети образовательных событий для разновозрастных сообществ в международном образовательном пространстве аспектов гуманитарно-антропологической методологии: аксиологического подхода; синергетического подхода, позволяющего прогнозировать изменение воспитательного эффекта от сочетания привлекаемых ресурсов и деятельности разных субъектов; регионализации, требующей учитывать в содержании событий специфики культуры, представителями которой являются их участники, а также специфики социального заказа.

Мы также основываемся на понимании феноменологической природы педагогического моделирования, которая предполагает изучение прежде всего проявлений объекта, по сути свой являющегося социальным. В этой связи актуальной становится процедура интерпретации. Подобная программа исследования позволяет удерживать три значимых свойства событийных сетей как объекта моделирования — самоорганизацию, нелинейность и эмерджентность.

Учитывая вышеизложенное, научная группа приняла за основу изучения процесса моделирования следующие принципы: принцип неразрывной связи педагогической науки и практики, их взаимовлияния; принцип учета гуманитарной природы педагогического явления, акцентирующий ценностное отношение участников к объекту; принцип экологичности, определяющий необходимость бережного отношения к сообществам, опыт которых изучается, и результатам их деятельности, сообразность способа изучения их сущности; социопрактический принцип (подразумевает изучение явления педагогической реальности с целью его усовершенствования) [3]; принцип природо- и культуросообразности

при оценивании какого-либо явления педагогической реальности; герменевтический принцип, предписывающий учитывать при интерпретации наблюдаемых явлений педагогической реальности циклический характер понимания, согласно которому понимание целого невозможно без понимания его частей и наоборот [7]; для его соблюдения служит принцип постоянной коммуникации всех сторон исследования (научной группы и педагогов-практиков); принцип поддержки инициативного действия, направленный на актуализацию творческого потенциала субъектов сети.

Знания об этапах моделирования [5, 6, 12, 16] позволили нам выделить следующие задачи изучения процесса моделирования сети образовательных событий для разновозрастных сообществ в международном образовательном пространстве: установление причин возникновения у инициаторов мотивации, аспектов готовности к деятельности (освоение теории, ознакомление с опытом); способов сбора данных и форм описания наличного состояния явления в педагогической реальности и представления его нормативной модели; описание процесса проектирования и реализации (конфигурации управления процессом, способы выбора партнеров, способ установления и поддержания отношений); способов рефлексии результатов, коррекции процесса.

ВЫВОДЫ

Сегодня мы наблюдаем две взаимоисключающие тенденции в осмыслении соотношения теории и практики в педагогике. С одной стороны, имеется негативное отношение к теории, которая мыслится преимущественно как оторванное от насущных проблем повседневности мыслительное действие, и поэтому на первое место при оценивании его результатов выходит практикоориентированность. С другой стороны, риски открытий «для себя» и «каждый раз заново», случающиеся у практиков в случае несформированности исследовательской компетенции, а также возникновение при встрече с инновацией ложного ощущения, что «мы так давно работаем», сужают возможности модернизации всей сферы образования. В воспитательной области подобное отношение особенно заметно. Изучение процесса моделирования событийной сети разновозрастных сообществ, представляя собой соотнесение теоретической схемы и практики, определенной в результате наблюдения, нацелено на выявление реализуемой педагогическими коллективами модели (образа) объекта, способа ее создания и результатов функционирования. Видящиеся как один из итогов исследования рекомендации должны, по мнению всех сторон проекта, отражать консолидированное мнение о путях достижения эффективности сетей образовательных событий для разновозрастных сообществ, что обогатит теорию и практику педагогики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева Л. В. Учреждения дополнительного образования и детские общественные объединения — субъекты внешкольного воспитания: науч.-метод. пособие/ науч. редактор С. И. Никулин. М.: ГОУДОД ФЦТТУ, 2008. 125 с.
2. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: ежегодник. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
3. Бережнова Е. В. Методологические условия перехода от науки к практике в структуре прикладного педагогического исследования: дис. ... д-ра пед. наук. Волгоград, 2003. 321 с.
4. Блау П. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль / под ред. В. И. Добренькова. М.: МУБиУ, 1996. С. 8–29.
5. Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988 г. 508 с.
6. Глинский Б. А., Баксанкий О. Е. Моделирование и когнитивные репрезентации. М., 2000. 147 с.
7. Закирова А. Ф. Основы педагогической герменевтики: учеб. пособ. бие. Тюмень: ТГУ, 2011. 324 с.
8. Илакавичус М. Р. проблемы реализации культурно-образовательных проектов как инструмента развития образовательного пространства СНГ // Человек и образование. 2019. № 1. С. 47–51
9. Колесникова И. А. Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии. Курс лекций по философии педагогики. — СПб.: «ДЕТСТВО-ПРЕСС», 2001. — 288 с.
10. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное и множественное. Мн., 2004. 250 с.
11. Селиванова Н. Л. Современные представления о воспитательном пространстве // Педагогика. 2000. N. 6. С. 30–41.
12. Сергазин Ж. Ф. Введение в социальное моделирование Л., 1991. 151 с.
13. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. -М.: Школа-Пресс, 1995. — 384 с.
14. Ухтомский А. А. Доминанта как фактор поведения // Доминанта. — СПб.: Питер, 2002. — С. 113–150.
15. Штомпка П. Социология социальных изменений. /пер. с англ, под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
16. Штофф В. А. Моделирование и философия. М.: Наука, 1966. 302 с.
17. Шустова И. Ю. «Живое воспитание» в школе: принцип со-бытийности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2017. Т. 1, № 5 (43). С. 156–168.
18. Эльконин Б. Д. Введение в психологию развития. М.: Тривола, 1994. — 173 с.

© Илакавичус Марина Римантасовна (rim_9921@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ И ПРОФИЛАКТИКЕ ТРАВМАТИЗМА В ПЛАВАНИИ

MODERN APPROACHES TO PHYSICAL TRAINING AND INJURY PREVENTION IN SWIMMING

O. Kozydub

Summary. The constant increase in record achievements, the desire to win at various swimming competitions makes athletes and their coaches look for more sophisticated means and methods of training. At the same time, training is often conducted on the verge of a person's physiological abilities, which leads to injuries and causes a premature ending of a career. Today, the problem of building a process of physical training and, on this basis, preventing injury in sports remains one of the most pressing.

Keywords: swimming, swimmer training, eccentric exercises, injuries.

Козыдуб Ольга Вячеславовна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет»
olgakozydub@mail.ru

Аннотация. Тренировка в плавании сегодня ведется на грани физических возможностей человека. Это часто приводит к травмам или ведет преждевременному завершению карьеры. На сегодняшний день, проблема построения процесса физической подготовки в плавании и построения на этой основе процесса профилактики травматизма представляется актуальной и своевременной. В статье предлагаются перспективные направления решения данной проблемы, связанные с особенностями воздействия на организм спортсмена эксцентрических упражнений.

Ключевые слова: плавание, тренировка, эксцентрические упражнения, травматизм.

Введение

Постоянный рост спортивных результатов у пловцов предъявляет повышенные требования, в первую очередь, к их физической подготовленности. Существенное повышение уровней функциональной готовности в плавании как правило сопряжен с увеличением продолжительности тренировочного процесса и его значительной интенсификацией. На ранних этапах спортивной тренировки процесс физической подготовки оказывает существенное влияние на спортивный результат. Интенсификация процесса физической подготовки с использованием традиционных для плавания средств и методов в конечном итоге уже не приносит ощутимых положительных сдвигов в функционировании организма спортсмена. Чем выше уровень спортивных результатов, тем вероятнее опасность перегрузок и травм костно-мышечного характера. [4, 1]

Травматизацию плечевого сустава в плавании иногда обозначают термином «плечо пловца». Это самая распространенная травма. Согласно статистике, травмами плечевого сустава страдают от 40 до 60 процентов высококвалифицированных пловцов, причем у многих из них боли в суставе приобрели хронический характер. Проблемы «плеча пловца» могут быть связаны с особенностями техники гребка. При выполнении каждого гребка рукой (исключением является брасс) происходит максимальная по амплитуде ротация плечевого сустава. В этих условиях мышцы ротаторы плеча и мышцы стабилизиру-

ющие плечевой сустав находятся в постоянной работе и напряжении. Это и создает жесткие условия для функционирования мышц.

Анализ литературных источников также продемонстрировал что в большинстве случаев травмы плечевого сустава имеют как правило либо физическую основу в виде неадекватности средств и методов физической тренировки, либо техническую в виде ошибок в технике выполнения гребка.

Все вышесказанное, диктует необходимость поиска путей качественного совершенствования тренировки пловцов в направлении обоснования средств и методов спортивной тренировки, которые существенно повышают его эффективность [2, 3].

Проблема поиска и привлечения новых средств и методов, повышающих эффективность процесса физической подготовки, как показывает практика может лежать в плоскости использования эксцентрических упражнений. Так, например, даже лёгкие эксцентрические упражнения оказывают могут на качественном уровне влияние на результаты подготовки спортсменов [6]. Достаточно большое количество современных исследований демонстрируют пользу от эксцентрических упражнений как для спортсменов [5, 7], так и для нетренированных людей [9]. Проведенные исследования связывают организменные изменения прежде всего с повышением максимальной силы и мощности. Вместе с тем примеров оценки эффективности от подобных

тренировок для пловцов высокого уровня практически не обнаруживается. Объясняется это в значительной мере существующим разнообразием форм эксцентрической тренировки, отсутствием их научно — методического сопровождения и использования в различных видах спорта, особенностями техники выполнения таких упражнений в спортивной тренировке.

С целью выявления перспективности использования эксцентрических упражнений в физической подготовке пловцов был проведен экспертный анализ влияния данного режима работы на эффективность процесса физической подготовки и профилактики травм плечевого сустава. Для решения поставленной проблемы необходимо в первую очередь изучение механизмов воздействия эксцентрических упражнений на организм спортсмена.

Отдельные вопросы развития физических качеств пловцов в настоящее время изучены довольно подробно. В то же время направление, связанное с дальнейшим увеличением объема силовой подготовки с применением традиционных средств и методов, не всегда дает стабильные приросты в скорости плавания.

Общеизвестно что движения частей тела связаны между собой через так называемые кинетические цепи, когда сила движения рук может передаваться через туловище ногам.

Однако если одно из звеньев цепи оказывается слабым и разбитым, то происходит потеря энергии, движения тела становятся не скоординированными. Движения и сила руки имеют исключительное значение для плавания, поскольку именно с их помощью усилия широчайшей мышцы спины и большой грудной мышцы преобразуются в перемещение спортсмена в воде.

Важнейшей задачей развития силы пловца является достижение высоких показателей мощности движений при выполнении двигательных действий, характерных для плавания как вида спорта: старт, поворот, гребковый цикл. Повышение способности пловца к использованию силового потенциала мышц в процессе плавания является важным разделом силовой подготовки квалифицированных спортсменов и эксцентрические упражнения в данном разделе могут быть представлены достаточно широко.

Традиционные преимущества эксцентрических упражнений в спортивной тренировке рассматриваются специалистами с различных точек зрения.

L. Kravitz, A. T. Bubbico [5] отмечают, что эксцентрические упражнения продолжительностью сокращения

2–4 сек. и высокой интенсивности увеличивают мышечную массу за счёт роста числа саркомеров и поперечника волокон преимущественно II типа. При эксцентрической тренировке в отличие от классической концентрической с отягощениями, у начинающих гипертрофия происходит раньше. Отмечается также, что с повышением уровня тренированности преимущества эксцентрических упражнений несколько снижаются.

Zatsiorsky, V., Kraemer [10] приходят к выводу, что использование эксцентрических упражнений увеличивает взрывную силу, параллельно повышая результат в прыжках даже без специальных прыжковых упражнений. Эксцентрические упражнения незначительного объёма и высокой интенсивности обеспечивают значительное увеличение силы, которое существенно выше, если тестируется при помощи эксцентрических сокращений, а также больше при изотонической тренировке, чем при изокинетической.

Nelson, R.T., Bandy [9], считают, что использование эксцентрических упражнений приводит к увеличению сократительную часть мышцы без ее визуального увеличения. Эти изменения происходят путем добавления последовательно соединённых саркомеров в состав миофибрилл. Таким образом в функционировании мышцы происходят два важных изменения: увеличивается скорость сокращения и пик максимального усилия развивается раньше. В практической плоскости это позволяет оберегать суставы от повреждений при быстрых движениях — мышцы начинают сокращаться раньше, увеличивая контроль над движением. Такие результаты явились основанием чтобы рекомендовать эксцентрические упражнения для профилактики травм и реабилитации в спортивной тренировке.

Hackney, K.J., Engles, H.J., Gretebeck, R.J. [8] зафиксировали улучшение межмышечной координации при эксцентрических сокращениях. Так фиксация ЭМГ — активности показала, что при эксцентрическом сокращении в сравнении с концентрическим более низкие значения при одинаковой интенсивности нагрузки, при этом механическая нагрузка на отдельные двигательные единицы (волокна мышцы) выше. Отмечается что улучшение сократительной функции наблюдаются преимущественно в быстросокращающихся волокнах. Существует предположение, что часть наиболее быстрых волокон мышц активируется только при эксцентрических сокращениях высокой интенсивности.

Среди прочих особенностей эксцентрических усилий авторы L. Kravitz, A. T. Bubbico [5], выделяют возможность быстро перегрузить мышечную систему при малых затратах энергии. К примеру, в момент приземления после

прыжка в длину максимальное мышечное усилие достигается через 15 миллисекунд после касания и по амплитуде заметно превосходит усилие при отталкивании.

С точки зрения спортивной педагогики в современной литературе посвященной тренировке в плавании не обнаруживается примера системного применения эксцентрических упражнений, что существенно сдерживает поиск новых тренировочных подходов.

В наши намерения не входит агитация за исключительное применение эксцентрической тренировки, а скорее обратить внимание на научно подтвержденные преимущества и применение эксцентрической нагрузки как части общей программы подготовки.

Выводы

Формирование специфических комплексов эксцентрических упражнений, направленных на увеличение силы мышц плеча и предотвращения травм, является перспективным направлением совершенствования процесса физической подготовки в плавании.

Анализ влияния эксцентрических упражнений на функционирование мышечно-сухожильного аппарата выражается в увеличении его сократительных и силовых характеристик, что создает оптимальные предпосылки для использования эксцентрических упражнений в развитии физических качеств квалифицированных пловцов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгакова, Н. Ж. Познакомьтесь — плавание / Н. Ж. Булгакова. — М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2002. — 160 с.
2. Гилев Г. А. Физическое воспитание в вузе: учебное пособие / Г. А. Гилев. — М.: МГИУ 2007. — 376 с.
3. Запыхов, Ю. А. Повышение эффективности подготовки 10–13-летних пловчих с использованием аэронизации и пролонгации выдоха: автореф. дис. канд. пед. наук / Ю. А. Запыхов. — Набережные Челны, 2009. — 21 с.
4. Платонов В.Н., Фесенко С.Л. Сильнейшие пловцы мира. Методика спортивной тренировки / В. Н. Платонов, С. Л. Фесенко. — М.: Физкультура и спорт, 1990. — 302 с.
5. Bubbico, A., & Kravitz, L. Eccentric exercise. IDEA Fitness Journal, 7 (9), 2010. — 50–59.
6. Clarkson, P.M., Hubal, M. J. Exercise-induced muscle damage in humans. American Journal of Physical Medicine and Rehabilitation 81, 2002. — 52–69.
7. Doan, B., et al. Effects of increased eccentric loading on bench press 1RM. Journal of Strength & Conditioning Research, 16 (1), 2002. — 9–13.
8. Hackney, K.J., Engles, H.J., & Gretebeck, R. J. Resting energy expenditure and delayed-onset muscle soreness after full-body resistance training with an eccentric concentration. Journal of Strength & Conditioning Research, 22 (5), 2008. — 1602–1609.
9. Nelson, R.T., & Bandy, W. D. Eccentric training and static stretching improve hamstring flexibility of high school males. Journal of Athletic Training, 39 (3), 2004. — 254–258.
10. Zatsiorsky, V. and Kraemer, W. Science and Practice of Strength Training, 2nd edition. Champaign, Ill.: Human Kinetics, 2006. — 264.

© Козыдуб Ольга Вячеславовна (olgakozydub@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ УЧАЩИХСЯ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

FORMATION OF CREATIVE ACTIVITY OF STUDENTS IN THE SYSTEM OF ADDITIONAL EDUCATION OF TECHNICAL DIRECTION

**E. Malova
V. Shubovich**

Summary. The article considers the importance of the process of formation of creative activity of students by means of information and communication technologies in the system of additional education. A set of pedagogical conditions contributing to the effective implementation of this process is determined. The author considers the additional educational program of technical orientation, describes the experimental work on the formation of creative activity of students by means of information and communication technologies in the framework of this program.

Keywords: creative activity, additional education, information and communication technologies, programs of technical orientation.

Малова Елена Николаевна

Ассистент, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова»
belovaen86@mail.ru

Шубович Валерий Геннадьевич

Д.п.н, профессор, ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова»
shubvvg@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается важность процесса формирования творческой активности учащихся средствами информационно-коммуникационных технологий в системе дополнительного образования. Определяется совокупность педагогических условий способствующих эффективной реализации данного процесса. Рассматривается авторская дополнительная образовательная программа технической направленности, описывается опытно-экспериментальная работа по формированию творческой активности учащихся средствами информационно-коммуникационных технологий, в рамках реализации данной программы.

Ключевые слова: творческая активность, дополнительное образование, информационно-коммуникационные технологии, программа технической направленности.

В ближайшем будущем в России во всех сферах производства всё больше будут востребованы специалисты с информационно-коммуникационными, инженерно-техническими компетенциями; обладающими новым стилем инженерно-научного мышления, предполагающим владение межпредметными знаниями на стыке нескольких наук, учет конструктивно-технологических, психологических, социальных, гуманистических и морально-этических факторов; личностей активных, способных быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и продуцирующим оригинальные, творческие решения поставленных задач, ориентированных на инновационную деятельность.

В процессе подготовки таких кадров мы считаем необходимым компонентом творческую активность личности. При этом формирование творческой активности должно начинаться уже в младшем школьном возрасте, являющимся благоприятным периодом для развития творческих способностей ребёнка и диагностироваться на основе наблюдения, изучения психологических особенностей, речи, памяти, логического мышления. С компьютерной техникой, гаджетами современный ребенок

знакомится уже в раннем детстве, но в основном, в качестве объекта для развлечений.

Д. Б. Богоявленская, М. И. Бойцов, Т. И. Шамова, Г. И. Щукина и др. определяют творческую активность как высшую форму активности в любом виде деятельности — игре, учении, труде, познании [6]. М. А. Данилов, В. П. Строков, В. В. Штепенко определяют творческую активности через деятельность личности, а А. Н. Леонтьев, И. Я. Лернер, Я. А. Пономарёв, Л. Н. Шульпина, трактуют её как свойство или качество личности [8]. В. Б. Филимонова определяет творческую активность как качество личности, выражающееся в интенсивности её деятельности по созданию новых или преобразованию существующих продуктов, содержание и устойчивость, которой определяется совокупностью направленности и готовности (внутренней и внешней) к осуществлению такой деятельности [6, 7].

В послании Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию от 01.03.2018 г. говорится о необходимости формирования по всей стране эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справед-

ливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся [3]. Таким эффективным ресурсом является дополнительное образование детей, являющееся целенаправленным процессом воспитания и обучения реализованное с помощью дополнительных образовательных программ [5].

Специфика дополнительного образования в том, что учащимся предлагается свобода выбора видов деятельности, занятий в соответствии со своими увлечениями, интересами, потребностями и способностями. В зависимости от имеющихся природных задатков ребенок может выбрать одно или несколько направлений для дополнительных занятий [1].

Согласно Концепции дополнительного образования детей, федеральному проекту «Успех каждого ребенка» в рамках национального проекта «Образование» к 2024 году планируется охватить дополнительным образованием до 80% от общего числа детей, обеспечив возможность выбора учащимся дополнительных общеобразовательных программ на основе собственных интересов и увлечений из широкого спектра предложений со стороны образовательных организаций.

Дополнительные образовательные программы технической направленности должны быть построены с учетом возрастных и индивидуальных особенностей учащихся, соответствовать предъявляемым к ним требованиям нормативно-правовой базы [2, 4]. Техническая направленность ДОП представлена следующими предметными областями:

- ◆ техническое конструирование, моделирование и макетирование (лего-конструирование и моделирование, робототехника, авиа, судо, ракетно или автомоделирование и др.);
- ◆ производственные технологии (радиоэлектроника, технический дизайн, эргономика и др.);
- ◆ мультимедийные и ИТ-технологии (программирование и WEB- дизайн, компьютерная графика и анимация, 3 D — моделирование, обработка видео, фото технологии и др.);
- ◆ техническое творчество и инновационное предпринимательство (инновационные бизнес технологии, исследовательская деятельность).

Дополнительные образовательные программы технической направленности ориентированы на развитие интереса детей к инженерно-техническим и ИКТ — технологиям, научно-исследовательской и конструкторской деятельности, способствует развитию технических и творческих способностей, формированию логического мышления, умения анализировать и конструировать, технического мышления, мотивации к творческому поиску, творческой технической деятельности [2], предо-

ставляет детям новые возможности ранней профессиональной ориентации в инженерно-технологическом и IT-образовании, адаптированных к современному уровню развития науки и техники.

В настоящее время представить себе формирование технического инженерного мышления без использования информационно-коммуникационных технологий невозможно. Однако современные устройства (компьютеры гаджеты, интерактивное оборудование) всего лишь интенсифицируют и автоматизируют возможности человека. Если у учащегося нет идей и знаний, то никакой компьютер не позволит ему спроектировать даже самую простейшую модель.

В рамках нашего исследования, рассматривается проблема формирования творческой активности учащихся средствами информационно-коммуникационных технологий в дополнительном образовании, что способствует подготовке высококвалифицированных, конкурентоспособных и востребованных специалистов будущего.

Особенности формирования творческой активности учащихся в системе дополнительного образования детей рассматриваются в исследованиях И.И. Моногаровой, А.А. Никитиной, О.Н. Штакиной, Л.Н. Шульпиной и др.; аспекты современной системы дополнительного образования представлены в работах В.П. Голованова, М.И. Болотова, Н.А. Соколовой, О.Г. Тавстуха, А.И. Щетинской и др.; работы по организации программ дополнительного образования (А.В. Золотарёва, Г.М. Криницкая, А.Л. Пикина, О.Г. Тавстуха и др.).

В рамках реализации дополнительной общеобразовательной программы технической направленности для решения проблем формирования творческой активности учащихся средствами информационно-коммуникационных технологий нами была проведена опытно-экспериментальная работа. Исследование проводилось в период с 2015 по 2018 гг. в ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова» на базе которого реализуется дополнительное образование детей по дополнительным общеобразовательным программам различной направленности (естественно-научной, лингвистической, технической и т.д.). В реализации опытно-экспериментальной части работы были задействованы учащиеся — младшие школьники (всего 80 респондентов), обучающихся по дополнительным общеобразовательным программам технической направленности «Визуальное программирование и основы робототехники».

Целью данного исследования являлась реализация комплекса педагогических условий, способствующих успешному формированию творческой активности уча-

щихся средствами информационно-коммуникационных технологий в условиях организации дополнительного образования, реализующих дополнительные общеобразовательные программы технической направленности. В качестве основных методов исследования применялись теоретический анализ, тестирование, анкетирование, методы экспериментальной обработки данных. На первоначальном этапе эксперимента была проведена диагностика определения у учащихся (младших школьников) исходного уровня сформированности творческой активности. Заметим, что успешность творчески активных учащихся более чем у других, зависит от процедуры тестирования, эмоционального состояния.

По полученным данным все учащиеся были распределены по трём уровням (высокий, средний, низкий). Результаты диагностики показали, что высокий уровень сформированности творческой активности учащихся на констатирующем этапе у младших школьников значительно ниже средних показателей. Формирующий этап эксперимента предполагал реализацию выявленных педагогических условий эффективного формирования творческой активности у младших школьников в экспериментальной группе, к которым относятся: реализация дополнительной общеобразовательной программы технической направленности; внедрение в практику организации дополнительного образования структурной модели процесса формирования творческой активности учащихся средствами информационно-коммуникационных технологий; психолого-педагогическая поддержка учащихся и создание ситуации успеха на занятиях; создание творческой информационно-образовательной среды в организации дополнительного образования.

В исследовании особое внимание уделялось реализации, разработанной нами, дополнительной общеобразовательной программы технической направленности «Формирование творческой активности учащихся средствами ИКТ», являющейся базовым содержательным компонентом процесса формирования творческой активности учащихся средствами информационно-коммуникационных технологий. Программа состоит из трёх взаимосвязанных модулей (теория творчества; информационные технологии в творческой деятельности: STEAM-технологии, Scratch, Pencil Code, Kodu; разработка творческих проектов). Реализация программы рассчитана на один учебный год и ориентирована на развитие мотивации учащихся к творческой деятельности, реализуемой средствами ИКТ, формирование ценностных ориентаций в сфере информационных технологий, личностное развитие, формирование практических навыков решения творческих задач, раннюю профориентацию и т.д. Кроме того, техническая направленность программы позволяет формировать не только творческие знания, умения и навыки, повышать уровень ИКТ-компетентности, но и способ-

ствует умениям командной работы, развитию лидерских и коммуникативных навыков, необходимых будущему конкурентоспособному специалисту [4].

Образовательная деятельность ДОП направлена на выявление и формирование способностей, творческой активности в каждом ребёнке. Учащиеся с высоким уровнем творческой активности имеют более высокие по сравнению с большинством интеллектуальные способности, восприимчивость к учению, творческие возможности и проявления; преобладающую активную познавательную потребность; испытывают радость от добывания знаний, умственного труда.

В рамках программы работа с младшими школьниками включала в себя проведение теоретических занятий, практикума, деловых игр, круглых столов, экскурсий, мастер-классов, веб-квестов, хакатонов, флешмобов и т.д. При проведении занятий использовались игровой и проектный методы, мотивирующие учащихся на самостоятельное приобретение новых знаний. Формированию творческой активности учащихся также способствует привлечение их к исследовательской работе, к участию в различных выставках, творческих конкурсах технической направленности.

При проведении занятий учитывалось разновозрастное комплектование групп и возможность построения индивидуальной траектории занятий с каждым учащимся, в зависимости от уровня начальной подготовки, от скорости усвоения материала.

На заключительном этапе эксперимента проводилась повторная диагностика младших школьников в контрольной и экспериментальной группах по выбранным методикам, а также сравнение полученных данных с первоначальными результатами для определения эффективности процесса формирования творческой активности учащихся средствами информационно-коммуникационных технологий в дополнительном образовании на основе выявленных педагогических условий.

Полученные результаты исследования подтверждают, что у учащихся (младших школьников), обучающихся в организации дополнительного образования по разработанной нами дополнительной общеобразовательной программе технической направленности, уровень сформированности творческой активности учащихся средствами информационно-коммуникационных технологий выше, чем у контрольной группы учащихся. Следовательно, мы можем сделать выводы об эффективности выявленных и апробированных нами педагогических условий процесса формирования творческой активности учащихся средствами информационно-коммуникационных технологий в дополнительном образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.П. Голованов. Дополнительное образование детей и подростков: монография / В. П. Голованов, Л. Н. Буйлова, И. И. Троицкая и др.; под общ. ред. Н. В. Лалетина. — Сиб. фед. ун-т, Краснояр. Гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева и др. — Красноярск, 2013. — 176 с.
2. Золотарева, А. В. Методика преподавания по программам дополнительного образования детей: учебник и практикум для СПО / А. В. Золотарева, Г. М. Криницкая, А. Л. Пикина. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018—315 с.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 18.04.2018).
4. Тавстуха О. Г. Методические рекомендации по разработке авторской дополнительной программы/ О. Г. Тавстуха // Внешкольник. — 2002. — № 2. — С. 3–7
5. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70291362/paragraph/1:5> (дата обращения: 10.02.2016).
6. Фёдорова Е. А. Развитие творческой активности студентов факультета физической культуры и спорта на основе триз-педагогике / Фёдорова Е. А., Шубович В. Г., Петрищев И. О. // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2016. Т. 11. № 3. С. 143–149.
7. Филимонова В. Б. Проблема определения творческой активности личности в педагогических исследованиях / В. Б. Филимонова // Концепт. — 2014. — Спецвыпуск № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14626.htm> (дата обращения: 18.04.2018).
8. Шульпина Л. Н. Развитие творческой активности детей в процессе дополнительного образования: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. — М., 2003. — 142 с.

© Малова Елена Николаевна (belovaen86@mail.ru), Шубович Валерий Геннадьевич (shubvg@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Ульяновск

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ КУЛЬТУРЫ С УЧЕТОМ ТРЕБОВАНИЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

THE ORGANIZATION'S FEATURES OF THE EDUCATIONAL PROCESS IN THE UNIVERSITY OF CULTURE TAKING INTO ACCOUNT THE REQUIREMENTS OF NATIONAL PROJECTS

E. Mulyavina

Summary. The author is considering solutions to the problem of training specialists for the library industry, taking into account new national projects. The article shows the possibilities of additional professional education, in particular professional retraining.

Keywords: national project, federal project, professional standard, additional professional education, professional competences, final certification.

Мулявина Элеонора Александровна

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Тюменский государственный институт культуры» (г. Тюмень)
emulyavina@rambler.ru*

Аннотация. Автор рассматривает варианты решения проблемы подготовки специалистов для библиотечной отрасли с учетом новых национальных проектов. В статье показаны возможности дополнительного профессионального образования, в частности профессиональной переподготовки.

Ключевые слова: национальный проект, федеральный проект, профессиональный стандарт, дополнительное профессиональное образование, профессиональные компетенции, итоговая аттестация.

2019 год ознаменовался началом нового этапа государственной культурной политики, который был инициирован введением в действие ряда национальных проектов, в числе которых такие, как «Образование» и «Культура». Нацпроект «Культура» включает в себя ряд федеральных проектов, один из них — «Культурная среда», предусматривающий модернизацию библиотечной отрасли. В процессе его реализации муниципальные библиотеки будут возрождаться и создаваться вновь, появится больше модельных библиотек. Это будут интеллектуальные центры, сочетающие в себе комфорт и доступ к новейшим информационным технологиям. Уже известно, что в год в стране будет открываться 110 таких библиотек, а до 2024 года их число возрастет до 660. Будут пополняться библиотечные фонды, обновится нормативная база, регламентирующая библиотечное дело [1].

Логично возникает вопрос, а кто будет работать в этих новых библиотеках? Как подготовить специалистов новой формации, способных интегрировать высокий профессионализм, достойный уровень культуры и техническую «продвинутость» IT-специалиста?

Поиском ответов на этот вопрос заняты ведущие вузы культуры, реализующие направление подготовки 51.03.06. «Библиотечно-информационная деятельность» и работодатели. Многие задумываются сейчас о так называемом «опережающем обучении», то есть моделиро-

вании компетенций специалиста будущего, и их формировании у современных обучающихся. Да, бесспорно, это перспективный путь, но он весьма затратен.

Тюменский государственный институт культуры, имея в своей структуре кафедру библиотечно-информационной деятельности и Центр дополнительного профессионального образования (ЦДПО), видит один из путей решения данной проблемы в объединении усилий этих структурных подразделений. Как известно, национальный проект «Образование», включает в себя федеральный проект «Новые возможности для каждого». В нем, в частности, ставится задача формирования системы непрерывного обновления работающими гражданами своих профессиональных компетенций и приобретения ими новых профессиональных навыков в соответствии с быстро меняющимися технологиями и условиями. И здесь первостепенная роль отводится дополнительному образованию, значимость которого, как формы получения профессионального образования, в ближайшие годы неизмеримо возрастет. В Паспорте Национального проекта говорится: «Образовательные организации высшего образования призваны обеспечить интеграционную платформу для профессионального образования по основным программам и программам дополнительного образования. Не менее 20% научно-педагогических работников образовательных организаций высшего образования к 2021 году должны быть задействованы в реализации дополнительных профессиональных программ» [2].

Тематика исследований слушателей программы профессиональной переподготовки направления
«Библиотечно-информационная деятельность»

Направление работы	Тематика исследований
Работа с читателями	Библиотечные акции как эффективный способ продвижения книги и чтения
	Нравственное воспитание детей младшего школьного возраста (на примере сказок земляка-поэта С. Б. Боровского в Казанской районной библиотеке им. И. М. Ермакова Тюменской области)
	Краеведение как средство воспитания патриотизма младших школьников на основе взаимодействия школы и библиотеки
	Библиотечное обслуживание семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья: состояние и проблемы (на примере централизованной библиотечной системы г. Муравленко)
	Библиотека как центр неформального образования будущих родителей
	Анализ информационных потребностей младших школьников
Правовое просвещение, толерантность	Центр практической помощи как форма методического сопровождения деятельности библиотекаря
	Формирование культуры межнационального и межэтнического общения средствами публичной библиотеки (опыт социокультурного проектирования)
	Модельные сельские библиотеки: история и перспективы
	Патриотическое воспитание младших школьников средствами краеведения в условиях общедоступных библиотек (на примере «Библиотеки № 1» г. Нягань)
	Современное законодательство в библиотечном деле: проблемы и состояние
	Анализ возможностей библиотеки как центра межкультурного и межнационального взаимодействия
Платные услуги, соц. партнерство	Роль и место волонтерской деятельности в библиотеке
	Анализ социального партнерства как средства привлечения пользователей в библиотеки: на примере МУК «Межпоселенческая центральная библиотека» г. Надым
	Платные услуги в библиотеке (на примере ГБУ ЯНАО «Национальная библиотека ЯНАО»)
	Взаимодействие публичной библиотеки и школы в организации внеурочной деятельности
	Кадровая политика библиотек: проблемы и тенденции (на примере централизованной библиотечной системы г. Муравленко)
Организация культурно-просветительской работы библиотеки	Библиотечные проекты как способ изменения ситуации в местном сообществе и развития территории
	Студии английского языка в публичных библиотеках (на примере МУК «Межпоселенческая центральная библиотека» МО Надымский район)
	Организация массовых мероприятий в публичных библиотеках в рамках тематического года
	Роль массовых мероприятий в библиотечной деятельности
	Анализ возможностей культурно-просветительской деятельности сельской библиотеки
	Культурно-досуговые технологии в массовом библиотечном обслуживании детей
Применение IT	Анализ возможностей культурно-информационного пространства библиотеки в экологическом воспитании детей
	Библиотека как современный бренд (на примере централизованной библиотечной системы города Муравленко)
	Информационные технологии в библиотеке: на примере RFID- технологий
	PR-деятельность библиотечной системы: на примере МАУК «Ишимская городская библиотечная система»
	Применение мультимедийных технологий в библиотеке

Нам представляется, что такой интеграционной площадкой могут стать программы профессиональной переподготовки для специалистов библиотечной отрасли, традиционно пользующиеся большим спросом в нашем Центре дополнительного профессионального образования. Это обеспечит более качественное обучение современных специалистов с одной стороны, и приток

в отрасль новых людей из других сфер, благодаря дополнительному профессиональному образованию, с другой [3].

Практики дружно говорят о том, что в профессию часто приходят люди из других профессиональных сообществ (их в отрасли до 60%). Очень часто это педагоги,

юристы, экономисты. Конечно, эти люди не обладают академичным знанием библиотечного дела. При этом они могут быть весьма полезны библиотекам по различным соображениям, ведь каждый представитель иных профессиональных сообществ привносит в профессию что-то свое, обогащая ее новыми чертами, уже имеющимися компетенциями. Этот эффект усиливает и отсутствие утвержденного профессионального стандарта библиотечно-информационной деятельности и, как следствие, опора на смежные профстандарты при конструировании основных образовательных программ направления подготовки 51.03.06 Библиотечно-информационная деятельность («Специалист по информационным ресурсам», «Специалист в области воспитания», «Специалист по организационному и документационному обеспечению управления организацией», «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования»). То есть, профессия «библиотекарь» неизбежно приобретает новые черты, и в силу социальных причин, и благодаря специально организованному обновлению содержания образования (соответствующие учебные дисциплины, виды практик, технологии обучения).

Организуя учебный процесс в ЦДПО, мы ставим задачу максимальной интеграции теории с практикой. Поэтому принцип в подборе кадров — опытные преподаватели, абсолютно знающие свой курс и работодатели, умеющие дать практикоориентированную информацию слушателям [4]. Обучение организовано в очно-заочной форме, завершается защитой выпускной аттестационной работы. Итоговая работа выполняется в форме научного реферата с элементами локального исследования.

Обязательными компонентами работы являются библиографическое оснащение (справочная аннотация, классификационный индекс УДК и/или ББК, авторский знак, ссылки на используемые источники). Будучи научным сочинением, работа предполагает анализ событий прошлого и современных явлений в библиотечной науке, педагогике, социально-культурной деятельности и наличие практической части, иллюстрирующей результаты работы или проведенного слушателем исследования. Выбор темы исследования всегда обусловлен профессиональными интересами слушателя. Научный консультант из числа доцентов кафедры библиотечно-информационной деятельности помогает вычлнить проблему, сформулировать научный аппарат, определить методы работы. Поэтому тематика выпускных аттестационных работ весьма показательна и красноречиво говорит о проблемах, стоящих перед библиотеками сибирской глубинки.

Как видно из подборки, это и модные тенденции в деятельности современных библиотек, и попытка осмыслить миссию библиотеки в социуме, и интеграция современных технологий и традиционных функций библиотеки. Работы, как правило, содержат и рекомендации, которые применяются в дальнейшем на практике.

Таким образом, профессиональная переподготовка тех, кто уже работает в отрасли, придя из других сфер деятельности, дает возможность решать сразу целый ряд задач: дать недостающие людям профессиональные компетенции, обогатить библиотечную практику новыми веяниями и тенденциями, подготовить специалистов новой формации, увлеченных своим делом, готовых работать в современной библиотеке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паспорт национального проекта «Культура» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/842/events/>. — (Дата обращения 21.06.2019).
2. Паспорт национального проекта «Образование» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 N16) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/pasport-natsionalnogo-proekta-obrazovanie-utv-prezidiumom-soveta-pri-prezidente/>. — (Дата обращения 21.06.2019).
3. Мулявина, Э. А. Основное и дополнительное образование: точки соприкосновения [Текст] / Э. А. Мулявина. — Профессиональное образование. Столица. — Москва, 2014. — № 9.
4. Мулявина, Э. А. Особенности подготовки выпускников направления «Библиотечно-информационная деятельность» на современном этапе [Текст] / Э. А. Мулявина. — Профессиональное образование. Столица. — Москва, 2018. — № 11.

© Мулявина Элеонора Александровна (emulyavina@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРА ЭТНОТОЛЕРАНТНОСТИ — ОСНОВА НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

CULTURE OF ETHNO-TOLERANCE — THE BASIS OF MORAL EDUCATION OF THE YOUNGER GENERATION

S. Ovsyanitskaya

Summary. The author raises an actual problem of formation of ethno-tolerance of the person in the multinational state. It is important for everyone to have a deep understanding of their responsibilities in the state system and to observe the necessary moral-ethical and behavioural norms, including with representatives of different ethnic groups and religious confessions. The philosophy of tolerance, which is understood as respect for people of another culture, another nationality, the ability to seek a constructive solution in social interaction, without resorting to conflict, recognizing their own and someone else's individuality, helps to reach agreement and to establish a relationship among representatives of different nationalities. The author reveals the ideas of ethno-tolerance, reveals the important role of education of ethnic tolerance since preschool age, emphasizes the importance of educational institutions in the formation of a tolerant culture of the younger generation. The article analyzes the concepts of "culture", "moral education" and "ethno-tolerance". The article considers the meaning of these concepts in modern society in the education of the younger generation. The concept of "culture of ethno-tolerance" is derived, the definition of "moral education" is also clarified. The relevance of the study is due to the importance of national state ideology in a multi-ethnic and multi-religious society.

Keywords: culture, morality, moral education, ethno-tolerance, culture of ethno-tolerance.

Овсяницкая Светлана Сергеевна

Аспирант, Московский государственный областной университет; воспитатель МГОУ ГБОУ «Школа № 1285»
tim-sweta@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автор поднимает актуальную проблему формирования этноtolерантности личности в многонациональном государстве. Важно, чтобы каждый человек глубоко понимал свою ответственность в системе государства и соблюдал необходимые морально-этические и поведенческие нормы, в том числе и с представителями различных этнических групп и религиозных конфессий. Достичь согласия и построить диалог представителям разных национальностей помогает философия толерантности, под которой понимается уважительное отношение к людям другой культуры, другой национальности, способность искать в социальном взаимодействии конструктивное решение, не прибегая к конфликту, признавая свою и чужую индивидуальность. Автор раскрывает идеи этноtolерантности, выявляет важную роль воспитания этнической терпимости начиная уже с дошкольного возраста, подчеркивает значение образовательных учреждений в формировании толерантной культуры подрастающего поколения. В работе анализируются понятия «культура», «нравственное воспитание» и «этноtolерантность». Автор рассматривает значения данных понятий в современном обществе при воспитании подрастающего поколения. В работе выведено понятие «культура этноtolерантности», также уточнено определение «нравственное воспитание». Актуальность исследования обусловлена важностью общенациональной государственной идеологии в многонациональном и многоконфессиональном обществе.

Ключевые слова: культура, нравственность, нравственное воспитание, этноtolерантность, культура этноtolерантности.

В бешеном ритме XXI века наша страна почти утратила великие ценности нравственного воспитания в образах той или иной культуры. То высокое нравственное, взращенное всей историей русской культуры понимание роли этноtolерантности уступило место поверхностно модным представлениям. Нравственность определяет эмоциональное благополучие личности, успешность жизнедеятельности, приводит к продвижению общества по пути прогресса. Этноtolерантность, являясь основой нравственного воспитания, выступает средством достижения гармонии национальных отношений в мультинациональных обществах. Благодаря усилиям ЮНЕСКО это понятие стало международным термином, важнейшим ключевым словом в проблемати-

ке мира [1, С.232]. Основа мирного существования людей — воспитание позиции терпимости в дошкольном возрасте, опираясь на отношение к миру в целом, к себе и другим в этом мире.

Жизненная ориентация подрастающего поколения начинается в определенной эпохе, датирующейся историческими событиями, сменой способов воспитания, изменениями образа жизни и системы отношений, суммой ценностей и жизненной программой [2]. Характер человека, по мнению Альфреда Адлера (1870–1937), вырастает из его «жизненного стиля», сложенного в детстве из целенаправленных стремлений. Антон Семенович Макаренко указывал на то, что «культурное воспитание

ребенка должно начинаться очень рано, когда ребенку еще очень далеко до грамотности, когда он только что научился хорошо видеть, слышать и кое-как говорить» [5, С. 70].

Главная задача российского образования — обеспечение современного качества обучения на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества, государства. В этих условиях проблема усвоения подрастающим поколением достижений мировой и отечественной культуры является первостепенной в контексте ее творческой самореализации.

Американский культур-антрополог Л. Уайт представлял культуру как организацию явлений, видов и норм активности, предметов (средств, вещей, созданных с помощью орудий), идей (веры, знания), и чувств (установок, отношений, ценностей), выраженных в символической форме [8, С. 20].

Бахтин М. М. (1895–1975) позиционировал культуру как мир общезначимых ценностей (этических, эстетических, религиозных, познавательных и др.) получающих реальную наполненность, когда они становятся личностно значимыми [3].

Культурологический ракурс — первоначальная основа воспитания подрастающего поколения, в контексте современного развития человека и изменения социального мира. Воспитание служит подготовке ребенка к жизни в обществе с многообразием ценностей и нравственных основ.

В основе нравственности Томас Гоббс (1588–1679) заложил естественный закон человеческой природы — стремление к самосохранению, определив нравственные ценности как отношение к благу — предмету желания человека. Карлос Кастанда считал, что исполнение нравственных правил: безупречность, честность, ответственность, скромность и смелость, ведет к раскрытию сенсорных возможностей человека. Отличительной особенностью нравственности, является ее внутренняя установка. Средневековый исследователь Ибн Халдун (1331–1406) полагал, что государство и культура могут существовать без религии, но без нравственности — никогда.

Нравственное воспитание приобщает нас к огромному человеческому опыту поисков нравственных ценностей, к находкам, к ошибкам, к вечной изменчивости этих поисков от века к веку, от народа к народу. Таким образом, **нравственное воспитание — процесс, направленный на формирование у подрастающего поколения осознания ценностных отношений и ориен-**

тированный на усвоение общечеловеческих идеалов и принципов морали, становясь частью их мировоззрения.

Этнотолерантность является отражением нравственного воспитания подрастающего поколения, живущего в нашей многонациональной стране. Так, в сборниках XVIII–XIX вв. прописываются отношения к людям, подчеркивая необходимость «благоразумного общения с другими», умение проявлять сочувствие: «Кто берет участие в горестях ближних своих, тот заставляет себя любить, а кто безжалостен, тот не может наслаждаться именем друга человека...» [7, С. 46].

Этнотолерантность — это не моральный или религиозный принцип. Это способность говорить с представителем другой культуры и нации на его языке, исполнения различных ситуаций и умение примерять различные социальные роли. Этнотолерантный человек в большей мере готов к действию и взаимодействию. Этнотолерантность — не отдельная сторона нравственности, а фактически взаимосвязь свойств личности. Взяв за установку «стану терпимее!» приводит к гармонии и развитию моральной этнотолерантности.

Стержень этнотолерантного воспитания личности включает:

- ◆ чувство самоуважения;
- ◆ уважение по отношению к другому человеку и терпимости;
- ◆ чувство социальной ответственности;
- ◆ чувство понимания межкультурной коммуникации и понимания взаимозависимости нашего мира [10].

В идеологическом ракурсе этнотолерантность представляется системой ценностей и норм, которые присутствуют во многих современных цивилизационных концепциях, таких как «Глобальная этика», «Права человека», «Декларация Культуры Мира», «Декларация Земли» и т.д. В отечественной педагогике и практике идеи этнотолерантности реализуются в педагогике сотрудничества, педагогике переживания, диалоговой педагогике, педагогике успеха и др. Воспитание на ненасильственной основе в духе этнотолерантности, миролюбия, сотрудничества, уважения прав и свобод других людей формирует ценности и определяет нравственные основы и культуру подрастающего поколения.

Культура в XXI веке трактуется не как собрание ценностей, не положения правил и норм, принятых индивидумом, а как активное окружение жизненного пространства с духовной составляющей осмысления своей деятельности. Этнотолерантность представляет собой способность субъекта признавать существование мно-

гообразия языков, традиций, обычаев и уважительно относиться к ним на основе уверенности своих взглядов в рамках универсальных прав и свобод личности. Раскрыв сущность нравственного воспитания, обосновав значимость этнотолерантности, рассмотрев культуру мы можем дать определение понятию «культура этнотолерантности».

Культура этнотолерантности — сформированное общественно ценное качество личности, направленное на положительное восприятия национальной культуры каждого народа, показывающая состояние общества и успешность его развития. Она отражает определенное качество отношения человека с представителем другой народности, направляет на гармонию системы взглядов к «чуждому» образу жизни. Обеспечивая

культуру этнотолерантности как основу нравственного воспитания в подрастающем поколении, развивается многообразная, многосторонняя личность, с широким и полным кругом интересов, соответствующих идеям права и справедливости.

Во все времена в России нравственное начало в человеке ставилось выше материального. Именно поэтому первые слова Российской Государственной Программы воспитания в системе образования о нравственном воспитании подрастающего поколения. Воспитывая культуру этнотолерантности подрастающего поколения, необходимо направить ребенка к осознанию и актуализации своих высших потребностей, чтобы в дальнейшем уберечь его от современных так называемых «болезней расчеловечивания».

ЛИТЕРАТУРА

1. Азизова Л. В. Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения // Этнотолерантность: философские, психологические и культурологические аспекты: сборник статей. — 2009. — № 6–2. — С. 232–236.
2. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. — М., 1977.
3. Краткий философский словарь / А. П. Алексеев, Г. Г. Васильев [и др.]; под ред. А. П. Алексеева. — 2-е изд., пераб. и доп. — Москва: РГ — Пресс, 2019. — 496 с.
4. Курочкин И. П., Черник Т. В. Этикет в нашей жизни: исторический и методический аспекты. — М. МГОПИ, 1994. — 112 с.
5. Макаренко А. С. Избр. пед. соч. — М., 1977. — Т. 2.
6. Неменский Борис Михайлович Культура — Искусство — Образование: Цикл бесед. — М.: Центр ХКО. — 79 с.
7. Нравственная энциклопедия, содержащая обязанности человека в общежитии. . . — М., 1804. — С. 46.
8. Орлова Э. А. Введение в социальную и культурную антропологию. — М., 1994.
9. Щуркова Н. Е. Восхождение к нравственности: Научно-методическое пособие. — М.: Издательство ИТРК, 2016. — 264 с.
10. Этническая толерантность сотрудников организации г. Москвы: монография / О. В. Шатаева, Н. Е. Коршунова, В. А. Никитюк. — М.: Прометей, 2014. — 140 с.

© Овсяницкая Светлана Сергеевна (tim-sweta@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УЧЕБНЫЕ МИГРАНТЫ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И АДАПТАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ И РАДИОЭЛЕКТРОНИКИ)¹

EDUCATIONAL MIGRANTS: PERCEPTION PECULIARITIES AND ADAPTATION (ON THE EXAMPLE OF TOMSK STATE UNIVERSITY OF CONTROL SYSTEMS AND RADIO ELECTRONICS)

**E. Pokrovskaya
M. Raitina
N. Prihodkina**

Summary. The article deals with the adaptation of educational migrants and means of increasing their adaptive capacity. The aim was to study the features of foreign students (educational migrants from near and far abroad) perception characteristics of representatives of Russian nationality and their relationship. The study used the method of questioning of TUSUR (Tomsk State University of Control Systems and Radio Electronics) students. The total number of respondents was 228 people. The obtained results indicate that the opinions of foreign students about the Russian people are formed in a positive way. To build a harmonious space of barrier-free communication, a number of recommendations have been identified that are of interest to all participants in the educational space of the regions.

Keywords: foreign students, education, Russian people, national character, adaptation.

Сегодня в условиях глобального мира навыки межкультурной коммуникации выступают фоновой «сквозной» компетенцией, позволяющей построить гармоничное пространство безбарьерного общения, что особенно значимо в контексте учебной миграции. В этом вопросе, на взгляд авторов, ключевую роль играет представление иностранных студентов о национальном характере населения — представителей страны обучения [1, 3, 7]. Разделяя точку зрения сторонников методологического подхода [5, 6], отталкивающегося от понимания национального характера как системы установок, ценностей и верований, которые приняты среди членов данного общества, отметим, что именно

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы адаптации учебных мигрантов и средства повышения их адаптационного потенциала. Целью выступило изучение особенностей восприятия иностранными студентами (учебными мигрантами из дальнего и ближнего зарубежья) характеристик представителей русской национальности и их взаимосвязи. В исследовании был использован метод анкетирования студентов Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). Общее количество участников опроса составило 228 человек. Полученные в ходе работы результаты свидетельствуют, что мнения иностранных студентов о русских людях сформировано вполне в позитивном ключе. Для построения гармоничного пространства безбарьерного общения выделен ряд рекомендаций, которые представляют интерес для всех участников образовательного пространства регионов.

Ключевые слова: иностранные студенты, образование, русский человек, национальный характер, адаптация.

в отражении массового поверхностного пласта установок и ценностей, идентичных «модальной» личности, возможно нахождение общих полей понимания в межкультурном общении в процессе адаптации учебных мигрантов.

С целью изучения особенностей восприятия иностранными студентами (учебными мигрантами из дальнего и ближнего зарубежья) характеристик представителей русской национальности и их взаимосвязи в ТУСУР весной 2019 года было проведено социологическое исследование. В исследовании был использован метод анкетирования студентов ТУСУР. Общее количество

Покровская Елена Михайловна

*К.ф.н., доцент, Томский университет систем управления и радиоэлектроники
petod@yandex.ru*

Раитина Марагарита Юрьевна

*К.ф.н., доцент, Томский университет систем управления и радиоэлектроники
raitina@mail.ru*

Приходкина Надежда Валерьевна

*Томский университет систем управления и радиоэлектроники
greta@mail2000.ru*

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, проект № 28.8279.2017/8.9

участников опроса составило 228 человек. Национальный состав разнообразен и включает представителей 36 стран, студенты из которых обучаются в ТУСУР. Наибольшее количество опрошенных — учебные мигранты из таких стран, как Казахстан, Алжир, Франция и Кот-д'Ивуар.

В контексте понимания межкультурного взаимодействия как пересекающегося поля коммуникативных практик, выделим наиболее релевантные образовательному контексту и учебной миграции пары противопоставлений, выступающих характеристиками русского человека, а именно: «гостеприимство — негостеприимство», «оптимистичность — пессимистичность», «бережливость — расточительность», «жизнерадостность — нежизнерадостность», «общительность — необщительность», «терпимость к иностранцам — нетерпимость к иностранцам». Выбранные пары противопоставлений могут быть условно разбиты на три проблемных зоны восприятия: социально-культурная («гостеприимство — негостеприимство», «оптимистичность — пессимистичность», «бережливость — расточительность»), языковая («общительность — необщительность»), учебно-познавательная («терпимость к иностранцам — нетерпимость к иностранцам»).

Анализ полученных ответов показал, что иностранные студенты из стран дальнего зарубежья считают русского человека гостеприимным только иногда (50%), 16% отмечают, что русский человек гостеприимен в большинстве случаев и 34% воспринимают русского человека как негостеприимного. Студенты из ближнего зарубежья дали следующие ответы: 30% студентов считают, что русский человек гостеприимный, 32% — гостеприимный в большинстве случаев, ещё 25% отмечают, что гостеприимный только иногда и 13% — негостеприимный.

100% иностранных студентов из стран дальнего зарубежья отметили, что русский человек иногда пессимистичен, и так же, они считают, что русский человек оптимистичен чаще всего (34%) или иногда (66%). Что касается студентов из стран ближнего зарубежья, их мнение неоднородно, но наибольшее количество студентов отметили, что русские люди оптимистичны только иногда (43%), далее 23% студентов из стран ближнего зарубежья считают, что русский человек оптимист, еще 25% считают, что русский человек оптимист в большинстве случаев и 9% респондентов считают, что русский человек не оптимист. Далее, 10% опрошенных студентов из ближнего зарубежья считают, что русский человек пессимист, еще 39% считают, что русский человек пессимист в большинстве случаев, 40% считают, что русский человек пессимист только иногда и еще 11% студентов не считают русского человека пессимистом.

Анализ опроса студентов показал, что иностранные студенты из стран дальнего зарубежья считают, что русские в большинстве случаев бережливы, экономны (66%) и только иногда расточительны (83%), так же, 17% опрошенных студентов считают, что русский человек вообще нерасточительный и 34% считают, что русский человек бережливый иногда. В свою очередь иностранные студенты из стран ближнего зарубежья дают не совсем однозначные ответы: 23% опрошенных студентов из ближнего зарубежья считают, что русский человек бережлив, экономичен, еще 30% считают, что русский человек бережлив в большинстве случаев, 32 считают, что русский человек бережлив, экономичен иногда и 15% считают, что русский человек не бережлив. Далее 9% студентов считают, что русский человек расточительный, 30% что русский человек расточительный в большинстве случаев и 38% считают, что русский человек иногда расточительный и еще 23% считают, что русский человек не расточительный.

Большинство иностранных студентов из стран дальнего зарубежья считают, что русский человек жизнерадостный, а именно 66% респондентов и еще 34% опрошенных студентов считают, что русский человек жизнерадостный в большинстве случаев. Анализ опрошенных студентов из ближнего зарубежья показал, что 28% считают, что русский человек жизнерадостный, еще 23% считают, что русский человек жизнерадостный в большинстве случаев, 36% студентов считают, что русский человек жизнерадостный только иногда и 13% не считают русского человека жизнерадостным.

34% студентов из стран дальнего зарубежья считают, что русский человек общительный, 50% иностранных студентов считают, что русский человек общительный в большинстве случаев и еще 16% считают, что русский человек общительный только иногда. Далее 21% студентов из стран ближнего зарубежья считают, что русский человек общительный еще 36% студентов считают, что русский человек общительный в большинстве случаев, еще 30% студентов считают, что русский человек общительный только иногда и 13% студентов считают, что русский человек не общительный.

Анализ данных из исследования показал, что иностранные студенты из дальнего зарубежья считают, что русский человек терпим к иностранцам, а именно 34% так считают и еще 66% считают, что русский человек чаще всего терпим к иностранцам. Далее иностранные студенты из ближнего зарубежья считают, что русский человек терпим к иностранцам, а именно 23% еще 28% считают, что русский человек чаще всего терпим к иностранцам, 21% считает, что русский человек терпим к иностранцам только иногда и еще 9% считают, что русский человек не терпим к иностранным студентам.

В заключении сформулируем выводы:

- ◆ ответы иностранных студентов из стран ближнего зарубежья значительно различались по выбранным вариантам, тогда как ответы представителей стран дальнего зарубежья были одинаковыми или близкими вариантами по смыслу;
- ◆ больше половины опрошенных студентов из стран ближнего и дальнего зарубежья считают, русского человека гостеприимным, что свидетельствует о высоком адаптационном потенциале в социально-культурной сфере;
- ◆ все опрошенные иностранные студенты из стран дальнего зарубежья отмечают, что русский человек иногда пессимистичен. А иностранные студенты из стран ближнего зарубежья в большинстве считают, что русский человек иногда оптимистичен. Данная пара противопоставления характеризует особенности восприятия будущего, заложенные системой ценностных ориентаций общества, что связано со гетеростереотипами;
- ◆ респонденты считают, что русский человек в большинстве случаев экономный, бережливый и расточительный только иногда.
- ◆ большинство опрошенных отмечают, что русский человек жизнерадостный;
- ◆ по мнению иностранных студентов, общительность свойственна русскому человеку в большинстве случаев;
- ◆ большинство иностранных студентов из стран дальнего зарубежья считают, что русские терпимы к иностранным студентам или терпимы в большинстве случаев и только иногда нетерпимы и аналогичного мнения придерживаются студенты из стран ближнего зарубежья.

- ◆ мнения иностранных студентов о русских людях сформировано вполне в позитивном ключе. Студенты из стран ближнего зарубежья дают разные ответы, не совсем однозначные, однако, важно иметь в виду, что многие студенты из стран ближнего зарубежья идентифицируют себя с национальностью «русский», что может влиять на разнородность ответов.

Отмечая высокий адаптационный потенциал таких зон восприятия как социально-культурная и учебно-познавательная, в паре противопоставления в языковой зоне восприятия было выявлено, что одна из наиболее актуальных проблем иностранных студентов связана с языковым барьером.

В качестве рекомендаций для повышения адаптационных возможностей учебных мигрантов выделим следующие:

Введение

- ◆ дополнительных профессионально-проектных занятий по русскому языку.
- ◆ Проведение занятий по межкультурной коммуникации: тренинги и моделирование ситуаций. На занятиях необходимо обучать студентов поведению в рамках данной культурной среды, следует также предоставлять информацию о ведении быта в России и следует обосновывать причины тех или иных культурных особенностей. Занятия должны иметь культурно-специфический характер и быть направлены на студентов конкретного вуза, это способствует более успешной «точной» адаптации учебных мигрантов [2, 4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Иностранные студенты в российских вузах. — М.: Центр социологических исследований, 2014. — 228 с.
2. Каленкова О. Н., Омельченко Е. А., Феоктистова Т. Л., Шорина Т. А. Учимся жить в России: Пособие по социокультурной адаптации. — М.: ГАОУ ВПО МИОО — Этносфера, 2012. — 208 с.
3. Мельникова А. Язык и национальный характер: Взаимосвязь структуры языка и ментальности. — Санкт-Петербург: Речь, 2003. — 320 с.
4. Сулова Т. И., Покровская Е. М., Горских О. В., Смольникова Л. В. Университетская инфраструктура г. Томска — ресурс эффективного межкультурного взаимодействия. Томск, 2013. — 76 с. — Режим доступа: <https://edu.tusur.ru/publications/3411>
5. Фромм, Э. Душа человека. — М.: Республика, 1992. — 430 с.
6. Gorer. G. Exploring English Character. — New York: Criterion books, 1955. — 328 p.
7. Smolina T.L., Melnikova A. A. Auto-stereotypes of the Russians: psychological research // Sententia. European Journal of Humanities and Social Sciences. — 2017. — № 3. — P. 62–70. DOI: 10.25136/1339–3057.2017.3.24378

© Покровская Елена Михайловна (remod@yandex.ru),

Раитина Марагарита Юрьевна (raitina@mail.ru), Приходкина Надежда Валерьевна (greta@mail2000.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ С ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ

FORMATION OF BUSINESS COMMUNICATION SKILLS IN THE CLASSROOM IN RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

E. Polupan

Summary. Currently, the formation of the ability of University students to communicate in the business sphere to solve the problems of interpersonal and international cooperation is a necessary condition for successful work. Future professionals now have ample opportunities to go to work in an international company, which requires the ability to communicate freely in a professional environment.

During the classes, students get acquainted with various forms of business speech etiquette, playfully simulate different situations of business communication (advice on the choice of vacancies, talking on the phone, resume writing, interviewing for a job). The leading method of teaching business communication is a communicative method combined with traditional methods. When using communicative methods in foreign language classes, students have the process of activating their oral and written language skills, developing motivation not only to speak, but also to a more conscious approach to learning a foreign language.

Keywords: announcement; vacancy; CV; professional and personal qualities of a specialist; employer; interview; business game/.

Полупан Елена Борисовна

*К.филол.н., доцент, Сахалинский государственный университет
elebor59@yandex.ru*

Аннотация. В настоящее время формирование способности студентов вуза общению в деловой сфере для решения задач межличностного и международного взаимодействия является необходимым условием успешной трудовой деятельности. Будущие специалисты сейчас имеют широкие возможности поступить на работу в международную компанию, часто бывать в зарубежных командировках, что требует умения свободно общаться в профессиональной среде.

В ходе занятий студенты знакомятся с различными формами делового речевого этикета, в игровой форме моделируют различные ситуации делового общения (совет по выбору вакансий, разговор по телефону, составление резюме, прохождение собеседования при приеме на работу).

Ведущий метод обучения деловому общению — коммуникативный метод в сочетании с традиционными методиками. При использовании коммуникативной методики на занятиях по иностранному языку у студентов происходит процесс активизации навыков устной и письменной речи, развивается мотивация не только к говорению, но и к более осознанному подходу к изучению языка.

Ключевые слова: объявление; вакансия; резюме; профессиональные и личные качества специалиста; работодатель; собеседование; деловая игра.

Формирование иноязычной профессионально-коммуникативной культуры на занятиях по русскому языку как иностранному является необходимым условием будущей профессиональной конкурентоспособности, мобильности, широкой востребованности студентов-выпускников, т.к. язык, языковое образование, а, следовательно, языковая культура выступают в качестве основного инструмента благополучной профессиональной деятельности человека. В процессе такой работы моделируется социальная реальность, ведущая к трансформации поведения человека в новой языковой среде, студенты учатся владеть своими эмоциями, устанавливаются межличностные взаимоотношения в коллективе.

Не секрет, что большинство иностранных бизнесменов, работающих в России, испытывают недостаток языковых знаний в деловом общении. Поэтому при работе со студентами в курсе « Деловой русский язык» необхо-

димо учитывать реальные коммуникативные потребности будущих специалистов

В рамках курса « Деловой русский язык» были проведены занятия со студентами 4 курса, направляющимися на практику в различные регионы России. В процессе занятий у студентов формировались навыки профессионального общения, активизировалась языковая культура в сфере бизнеса.

Одно из занятий было посвящено проблеме устройства на работу в России. Урок проходил в три этапа: 1) словарная работа и анкетирование; 2) объявление о вакансии, поиск работы по объявлению, диалог-рекомендация о выборе работы, звонок секретарю по месту выбранной работы; 3) резюме и собеседование.

На первом этапе работы на занятии была проведена словарная работа по теме занятия. Для формиро-

вания навыков устной и письменной речи в деловой практике необходимо знакомить студентов с большим объемом лексики профессиональной направленности и вырабатывать в них умение включать эти слова в предложения для того, чтобы они могли правильно и свободно передавать свои мысли. Работа со словом является трудоемким для учащихся процессом, направленным на развитие речи. Перевод слов из пассивного словаря студентов в активный, а также умение правильно и грамотно излагать свои мысли является необходимым элементом обучения словарной работе на занятиях по деловому языку. Для слов с предметным значением было предложено наглядное объяснение, показ или самого предмета, или его изображения на рисунке, на слайде, в учебном фильме.

Слово не может быть усвоено вне сочетания его с другими словами, без употребления его в речи: студентов учили правильному и точному употреблению слова.

Работа с лексическим материалом темы:

1. Прочитайте словосочетания и составьте с ними предложения.

Звонить (куда?) в фирму; найти (что?) вакансию, рекламу (где?) в газете, на сайте; работать (где?) в университете; пообщаться (с кем?) с менеджером

2. Запишите словосочетания в правильной грамматической форме.

Получить (что?) новая профессия; имею опыт (чего?) работа на (где?) фирма; общаться с (кем?) заказчик; искать (что?) работа; подготовка (чего?) контракт; доставка (чего?) груз, товары

Вслед за словарной работой со студентами была проведена анкета, куда были включены такие вопросы, как: « Вы знаете способы устройства на работу? Где можно прочитать о вакансиях? Назовите речевые формулы совета-рекомендации? Какие правила нужно соблюдать в деловой беседе по телефону? Что нужно и что не нужно писать в резюме? Как нужно готовиться к собеседованию? Что необходимо рассказать о себе на собеседовании, чтобы вас приняли на работу? Назовите реквизиты, необходимые для написания заявления». Ответы на вопросы показали, что не все студенты знакомы с этикетными формами делового общения, плохо представляют себе, что необходимо писать в резюме, чтобы быть конкурентоспособными на рынке труда, а также не владеют приемами самопрезентации.

Следующим этапом занятия была работа с объявлениями о вакансиях, диалоги с другом и с секретарём. Студентам была предложена видео-презентация, в которой предлагался на выбор ряд вакансий на рынке труда.

Учащимся были предложены задания: прочитайте объявления, выберите вакансию; посоветуйте другу, какую работу выбрать и обоснуйте выбор; позвоните секретарю по объявлению и уточните информацию об условиях приёма на работу

Студенты работали в тройках: претендент-друг-секретарь. В течение всего занятия учащиеся повторили этикетные формы «совет-рекомендация», «деловой разговор по телефону». На занятии студенты с интересом усваивали материал посредством ролевых игр.

Студенты использовали следующие речевые формулы общения во время ролевой игры:

1) *речевой этикет приветствия*: -Добрый день! -Здравствуйте! -Я хочу узнать о вакансии... -Меня интересует; 2) *уточнение информации*:

— Извините, это компания «Самсунг»? -Простите, это фирма «Концепт»;

3) *расспрос информации*: Я могу задать Вам вопросы? -Я хочу задать несколько вопросов; 4) *запрос информации*: — Скажите, пожалуйста, сколько сотрудников в вашей компании? — Можно узнать, каков размер зарплаты? -Будьте добры, скажите, какие документы необходимо представить? — Какие иностранные языки необходимо знать?

Далее студенты выполняли тренировочные задания такого типа:

1. Объявление в газете

Внимательно прочитайте объявление. Спросите у сотрудника компании: как называется компания; сколько лет на рынке; размер зарплаты; график работы компании; социальные гарантии.

Компании « Росстрой» требуются сотрудники на конкурсной основе. Требования к кандидатам: высшее техническое образование; деловые качества; знание английского языка; опыт работы; умение работать в команде. Подробная информация: т. (424)296-25-15

2. Вспомните правила речевого поведения

1) Представьтесь. 2) Сообщите цель Вашего звонка. 3) Расскажите о себе кратко: образование; уровень владения языком; уровень владения компьютерными программами; хобби. 4) Поблагодарите собеседника. 5) Прощайтесь.

3. Закончите и запишите свои 5-8 вопросов:

1) Добрый день! Это компания ... 2) Вчера я прочитал (а) в газете объявление о вакансии... 3) Можно мне задать несколько вопросов? 4) Скажите, пожалуйста, ... 5) Какая зарплата... 6) Какие иностранные языки необ-

ходимо знать? 7) Скажите, пожалуйста, есть ли соц. пакет в вашей... 8) Нужно ли водительское удостоверение... 9) Вам требуется специалист с опытом ... 10) Какие документы необходимо подготовить на ... 11) Можно узнать адрес компании... 12) Когда необходимо явиться на собеседование?

На третьем этапе занятия студенты знакомятся с правилами оформления и написания резюме, а также готовятся к собеседованию. На занятии даются понятия «резюме», «собеседование». Студенты записывают структурные элементы резюме, выведенные на экран, определяются личные, профессиональные качества претендента на работу.

Далее студенты отвечают на вопросы анкеты.

Анкета

1. Что такое резюме?
2. Для чего нужно резюме?
3. Что обязательно нужно написать в резюме и что нет (да, нет)?
А) слово «резюме» Б) фамилия и имя В) дата составления резюме Г) сведения о родственниках Д) хобби Е) образование Ж) опыт работы
4. Какие профессиональные качества нужно указать?
5. Какие личностные качества вы знаете?
6. Какая ваша будущая профессия?
7. Как вы думаете, какими качествами должен обладать человек вашей профессии?
8. Какие ваши достижения вы можете указать в резюме?
9. Как нужно оформить резюме, чтобы получить желаемую работу?

Студенты составляют резюме по образцу, данному преподавателем. Каждый студент представляет свой вариант резюме, происходит обсуждение, выявляются достоинства и ошибки.

Далее определяются цель собеседования, правила поведения на собеседовании, обсуждаются типичные вопросы, задаваемые интервьюером, ошибки соискателей при проведении собеседования.

Студентам предлагается ответить на примерные вопросы, которые часто задают на собеседовании при приеме на работу:

1. Расскажите о себе.
2. Как Вы можете охарактеризовать себя в двух словах?
3. Когда Вы решили стать _____ и почему?
4. Что привело Вас именно к нам?
5. Какими были первые шаги?

6. В чем плюсы и минусы работы _____?
7. Опишите три Ваших достижения?
8. Каковы Ваши планы в будущем?
9. Чем Вы любите заниматься в свободное время?
10. По-вашему, какими качествами должен обладать _____?
11. Есть ли у Вас свой девиз?
12. Сколько времени Вы посвящаете (учёбе, работе)?
13. Какие профессиональные рекомендации можете дать тем, кто только начинает развиваться?
14. Сформируйте Ваше отношение к жизни (бизнесу, семье, коллегам, сотрудникам) в пяти словах?
15. Вы всегда так открыты (закрыты, агрессивны, оптимистичны, быстры)?
16. Какую оценку Вы поставите себе как специалисту?
17. Что мешает Вам жить, а что помогает?
18. О чем Вы мечтаете?

Учащиеся разбиваются на небольшие группы и готовят диалоги на тему «Собеседование» по своему кругу предложенных вопросов.

В заключении урока студенты повторили этапы устройства на работу, закрепив знания, полученные на этом и предыдущих занятиях, и получили индивидуальные задания для подготовки к деловой игре.

На следующем занятии была проведена деловая ролевая игра «Приём на работу».

Цель: развитие у студентов навыков самопрезентации, умения производить впечатление, навыков поведения на собеседовании, развитие навыков правильного построения деловой беседы.

Специфика обучающих возможностей деловой ролевой игры как метода активного обучения в сравнении с традиционными играми заключается в том, что игра позволяет радикально сократить время накопления профессионального опыта; дает возможность экспериментировать с событием, пробовать разные стратегии решения поставленных проблем; позволяет формировать у будущих специалистов целостное представление о профессиональной деятельности в ее динамике; позволяет приобрести опыт коммуникации, принятия решений.

1. Подготовка к игре.

Выбирается человек, для исполнения роли директора фирмы, человек, для исполнения роли секретаря, 3 человека — для роли претендентов на должность. Задача директора, секретаря: продумать название фирмы, направление деятельности фирмы, придумать вакансии. Задачи претендентов на должность: составить резюме; установить контакт с секретарём; установить контакт

с директором фирмы (применить способы установления контакта); выяснить требования, которые предъявляются к специалисту; подготовить не менее 5 вопросов, которые задаст работодателю претендент; отработать версии самопрезентации; убедить начальника в том, что лучшей кандидатуры ему не найти.

Задание: Представьте себе, что вы закончили университет и хотите устроиться на работу. Вы приходите в офис и видите секретаршу, которая вправе решать, допускать вас к начальнику или нет. Если она примет положительное решение относительно вашей кандидатуры, вам предстоит разговор с начальником. Здесь вам нужно будет применить способы установления контакта, продемонстрировать умение слушать и т.д. Вам нужно будет убедить начальника в том, что вы лучший кандидат на должность (заявленную вакансию).

Игра проходит в 2 вариантах.

Первый вариант — вы шли мимо офиса и увидели объявление, что требуется... Решили зайти и поговорить (эту роль будет выполнять один из претендентов на должность).

Второй вариант — вы предварительно созвонились и подготовились к встрече (эту роль выполняют два других претендента на должность)

На объявленную должность может быть принят только один претендент. Разыгрываются ситуации взаимодействия соискателя с секретарём и потенциальным работодателем. Пока беседует претендент, случайно увидевший объявление, два других претендента готовятся к встрече. В конце директор объявляет свой выбор: кого из претендентов он берёт на работу

Студенты знакомятся с вариантами игры и приступают к подготовке. Студенты делятся на три игровых группы — работодателей, соискателей работы и секретарей. В качестве работодателей, соискателей и экспертов выступают студенты 4 курса.

Ход игры

1. Объявления о предлагаемых вакансиях
2. Показ видео — ролика о вакансиях
3. Работодатель выступают перед претендентами с представлением имеющихся вакансий
4. Соискатели отправляются на собеседование
5. Работодатели проводит собеседование с каждым из пришедших соискателей лично.

“Прием на работу” проходит по кругу: все претенденты, работодатели размещены в зале по периметру за отдельны-

ми столами. За каждым столом есть секретарь. Секретари не говорят, но записывают все свои наблюдения, чтобы потом подвести итоги деятельности. Участники перемещаются от одного стола к другому, предоставляя работодателям свои резюме на русском языке. Вариантов результатов собеседования о приёме на работу по условию игры возможно три: место на постоянной основе; временное трудоустройство; отказ. Соискатели могут претендовать на любой вид трудоустройства, выбирать, соглашаться на предложения, отказываться. На каждый этап отводится не более 5 минут.

По окончании игры студенты вместе с преподавателем обсуждают ход игры, оценивают работу каждого участника, а также отвечают на вопросы анкеты, предложенной преподавателем.

Чтобы научить иностранному языку как средству профессионального общения, необходимо создать на занятии обстановку реального общения, активно использовать иностранный язык в живых, естественных ситуациях. Помочь в этом может ролевая игра, которая активизирует речевую деятельность участников, так как «погружает» в ситуации, где необходимость что-то сказать, спросить, доказать, обсудить становится обязательной. В процессе ролевой игры внимание постоянно сфокусировано на развитие речевых знаний, умений и навыков, причем это касается не только говорящего, но и слушающего, так как ему необходимо реагировать на реплики собеседника. Очень важно, чтобы в процессе игры происходило обогащение словарного запаса, автоматизация применения разговорных клише, развивались коммуникативные навыки, тренировалась память, воспитывалось уважение к культуре изучаемого языка.

Работа над формированием навыков делового общения показывает, что треть студентов испытывают трудности при общении из-за отсутствия необходимой информации, неумения выражать мысли языковыми средствами. При обучении диалогической речи используются диалоги-образцы, которые дают студенту четко понять, высказывания какого характера ему необходимо использовать при составлении реплик, и не ограничивают его в выборе смысловой наполненности диалога. Для более продвинутых этапов актуально обучение диалогической речи посредством создания ситуации общения, приближенной к реальной, т.е. ролевой игры. В процессе формирования профессиональной иноязычной компетенции нами использовался метод коммуникативных заданий, основанный на тождественности процессов обучения и коммуникации.

Использование ролевой игры в обучении профессиональному иноязычному общению в вузе предполагает: 1) создание игровой ситуации, воспроизводящей профессиональную деятельность специалистов; 2) определение ролей, необходимых для решения проблем; 3)

соблюдение правил профессионального поведения, заложенных в роли; 4) определение логики действий при проигрывании роли; 5) критическое отношение к исполнению взятых на себя ролей и выполнение их участниками игры; 6) включение собственных элементов ролевого поведения; 7) вывод игры за пределы одной профессиональной ситуации; 8) концентрацию внимания участников игры на коммуникативном использовании единиц языка, а не на обычной практике закрепления их в речи.

Ролевая игра, являясь коммуникативным упражнением, гармонично вписывается в занятия по иностранному языку в вузе. Ситуации, моделируемые в ролевой игре, позволяют приблизить речевую деятельность на занятиях к реальному, в нашем случае, профессиональному общению, что соответствует основному принципу коммуникативного подхода.

Для создания ролевых ситуаций преподаватель может использовать текст, фотографии, рисунки или даже фрагменты видеоматериалов. В слабых группах можно предложить список нужных выражений.

Метод деловых игр, направленный на обучение профессиональному общению, имеет ряд особенностей: деловая игра должна базироваться на реальном речевом материале, отражающем конкретную ситуацию общения в профессионально-трудовой сфере; здесь преобладает момент самообучения над обучением; существенный момент в деловой игре — ее проблемность. В деловой игре одними из ведущих являются принципы совместной деятельности и диалогического общения участников, последовательная реализация которых обеспечивает активное развертывание содержания этой игры. В деловой игре участники самоутверждаются не только как личности, но и, прежде всего, как специалисты в своей области трудовой деятельности.

Мы полагаем, что использование деловой игры при обучении иноязычному общению осуществляется, как правило, на завершающем этапе обучения иностранному языку, а именно при обучении выпускников, когда момент самообучения преобладает над обучением. Участие обучаемых в организации и проведении деловой игры активизирует их мыслительную деятельность, повышает творческую активность, так как позволяет им на деле применить свои знания иностранного языка. Достижение успеха в ролевой игре зависит в большей мере от знания иностранного языка, что стимулирует интерес к иностранному языку как учебному предмету, способствует возникновению желания расширить свои возможности в его использовании.

Основными целями обучающих игр являются: развитие у студентов культуры профессионального взаи-

модействия, овладение приемами вербальной и невербальной коммуникации и методами решения проблем, возникающих в профессиональной деятельности. Участие в ролевых и деловых играх и видеозаписи, сделанные на занятиях, помогают студентам оценить себя как будущих специалистов, самостоятельно проанализировать возможное поведение в ситуациях, связанных со своей будущей специальностью, овладеть навыками профессиональной этики и элементами рефлексивной культуры.

Итак, введение на занятиях по иностранному языку цикла уроков по обучению деловому профессиональному общению, подготовленных по запросам будущих специалистов, вызывает повышенный интерес к усвоению материала, интенсифицирует и модернизирует процесс обучения, который имеет ярко выраженную профессиональную направленность.

Опыт использования ролевых и деловых игр в процессе обучения иностранному языку студентов вуза позволил сформулировать ряд позитивных моментов: повышается интерес к занятиям, появляется мотивация к дальнейшему изучению языка, к освоению новой профессиональной лексики; возникает больший интерес к проблемным ситуациям, которые моделируются и разыгрываются на занятиях;

происходит усвоение информации, основанной на конкретных примерах, что способствует формированию у участников игры умений принятия конструктивных решений; накопленный в процессе игры опыт дает возможность оценивать возможные реальные ситуации; происходит формирование всех компонентов профессиональной иноязычной компетенции.

Таким образом, игровые технологии являются тем педагогическим инструментом, который способен, с одной стороны, снять языковой барьер, а с другой стороны, интенсифицировать процесс обучения, сделать его активным, плодотворным, приближенным к естественному процессу коммуникации на иностранном языке. Все вышеуказанное содействует формированию профессионально значимой иноязычной коммуникативной компетенции будущих специалистов.

Владение деловым русским языком является необходимой частью профессиональной компетенции современного специалиста — выпускника вуза.

На занятиях студентам был представлен не только теоретический материал, очерченный рабочей программой, но и материалы, имеющие очевидную практическую направленность.

В ходе занятий студенты знакомятся с различными формами делового речевого этикета, в игровой форме моделируют различные ситуации делового общения (совет по выбору вакансий, разговор по телефону, прохождение собеседования при приеме на работу).

В процессе таких занятий иностранные студенты знакомятся с деловым этикетом в сфере профессионального общения, учатся создавать различного типа деловые тексты, повышают свой общекультурный и интеллектуальный уровень, овладевают русским языком как средством делового общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерёмина Л. И. «Русский язык для бизнесменов». — Москва, Русский язык, 2008
2. Клобукова Л. П. «Русский язык в деловом общении». — Вашингтон, 2006
3. Базанова Т. Н. «Бизнес-корреспонденция. Пособие по деловому письму для изучающих русский язык как иностранный». -Москва, 2009.
4. Гуревич А. М. «Ролевые игры и кейсы в бизнес-тренингах». — СПб.: Речь 2004. 144 с.
5. Шаимова Г. А. Формирование коммуникативной компетенции посредством метода «ролевая игра» // Молодой ученый. -М., 2012. № 8.

© Полупан Елена Борисовна (elebor59@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сахалинский государственный университет

КРИТЕРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ И КЛЮЧЕВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ XXI ВЕКА

KRITERIA FOR FORMING FUNCTIONAL LITERACY AND KEY COMPETENCES OF THE XXI CENTURY

**N. Senognoeva
O. Romanova**

Summary. The article discusses the main stages of the formation and development of the "functional literacy" concept, gives an interpretation of this concept. The authors pay particular attention to the problem of the formation of key competencies in accordance with modern requirements of world theory and practice, as well as give classifications of key competencies of the 21st century.

Keywords: literacy; functional literacy; competencies; key competencies; formation of functional literacy and key competencies.

Сенюгьева Наталья Анатольевна

*Д.п.н., доцент, ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»
sennataliya2005@yandex.ru*

Романова Оксана Владимировна

*К.филол.н., доцент, Нижнетагильский филиал ГАОУ ДПО Свердловской области «Институт развития образования»
rom.oksana2010@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы становления и развития понятия «функциональная грамотность», дается трактовка данного понятия. Особое внимание авторы уделяют проблеме формирования ключевых компетенций в соответствии с современными требованиями мировой теории и практики, а также приводят классификации ключевых компетенций XXI века.

Ключевые слова: грамотность; функциональная грамотность; компетенции; ключевые компетенции; формирование функциональной грамотности и ключевых компетенций.

Современное образование развивается в соответствии с новыми тенденциями в геополитической, экономической, культурной сферах и призвано сформировать конкурентоспособного и мобильного специалиста, востребованного на рынке труда.

Система образования, как никакая другая общественная или социальная система, рефлектирует все социально-политические и экономические изменения, происходящие в обществе, поскольку именно от качества подготовки будущих специалистов зависит ее будущее, в том числе формат ее существования на мировой арене. Система образования претерпела несколько раз процесс реформирования. Это объясняется, на наш взгляд, возникающими ситуациями несоответствия между требованиями социального и общественного развития к номенклатуре и качеству образовательных услуг и реально функционирующей образовательной системой. Реформирование системы образования в России реализуется с учетом аналогичных мировых тенденций, но при сохранении уникальности отечественных научных и образовательных разработок последнего времени.

Любой процесс реформирования связан с введением новых стандартов, инновационных моделей и систем и не всегда проходит гладко. Демаркационной линией в успешности или неуспешности проводимых реформ

в области образования является повышение или снижение эффективности функционирования образовательных организаций страны.

Правительству РФ поручено обеспечить глобальную конкурентоспособность российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования.[1].

В Государственной программе РФ «Развитие образования» (2018–2025 годы) от 26 декабря 2017 г. цель программы сформулирована как достижение качества образования, которое характеризуется: сохранением лидирующих позиций РФ в международном исследовании качества чтения и понимания текстов (PIRLS), а также в международном исследовании качества математического и естественнонаучного образования (TIMSS); повышением позиций РФ в международной программе по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) [2].

В 2016 году президент Всемирного экономического форума в Давосе Клаус Шваб объявил, что началась Четвертая технологическая революция. Это значит, что к 2020 году каждый востребованный сотрудник должен будет уметь: решать комплексные задачи; думать критически; творчески мыслить; управлять людьми; работать в команде; распознавать эмоции других людей и свои

собственные, управлять ими; формировать суждения и принимать решения; ориентироваться на клиента; вести переговоры; быстро переключаться с одной задачи на другую. К 2020 году критическое мышление и креативность войдут в топ-3 самых востребованных навыков, а в 2015 они занимали 4 и 10 места. Эти умения принято называть SoftSkills (гибкие навыки, надпрофессиональные компетенции) в противовес HardSkills — «жестким» профессиональным навыкам.

В нашей стране специалисты от образования сократили Давосскую десятку до системы из четырех ключевых навыков, которая получила название «Система 4К»: критическое мышление (CriticalThinking); креативность (Creativity); коммуникация (Communication); координация (Coordinating With Others).

Важным с позиций нашего исследования является рассмотрение сущности и эволюции понятия «функциональная грамотность».

Понятие «функциональная грамотность» впервые появилось в середине 60-х годов прошлого века в документах ЮНЕСКО [4, с. 140]. По мнению Б. С. Гершунского, грамотность полиструктурна, поэтому ее формирование становится приоритетной задачей во многих странах. Функциональная грамотность означает определенный уровень сформированности образованности личности, который потенциально достижим в промежутке времени обучения в основной общеобразовательной школе [3]. С середины 70-х годов в международной практике происходит переосмысление понятия «грамотность». На всемирном конгрессе министров просвещения по ликвидации неграмотности (Тегеран, 1965 г.) был предложен термин «функциональная грамотность», а в 1978 году согласно документам ЮНЕСКО «функционально грамотным считается тот, кто может участвовать во всех видах деятельности, в которых грамотность необходима для эффективного функционирования его группы и которые дают ему также возможность продолжать пользоваться чтением, письмом и счетом для своего собственного развития и для развития общины» [5].

Изначально «функциональная грамотность» обозначала исключительно профессиональные знания личности и была связана с компенсацией недостающих знаний и умений в конкретной профессиональной сфере, в которой была занята личность. Позднее значение рассматриваемого понятия расширяется, и в первую очередь его связывают со «способом социальной ориентации личности, интегрирующим связь образования (в первую очередь — общего) с многоплановой человеческой деятельностью» [4, с. 141]. В этом широком смысле в понятие «функциональная грамотность» входят такие составляющие, как компьютерная, политическая, экономическая

грамотность и др. То есть под функциональной грамотностью в широком смысле следует понимать умение находить верное решение при возникающих сложностях в разнообразных сферах человеческой деятельности, а также умение применять прикладные знания при решении вопросов, появляющихся в условиях быстро меняющегося общества.

Вопросы формирования функциональной грамотности школьников рассматривали в своих работах П. Р. Атутов, Б. В. Гершунский, В. А. Ермоленко, И. В. Зимняя, Ю. В. Кулюткин, О. Е. Лебедев, А. А. Леонтьев, А. М. Новиков, Л. М. Перминова, Р. Л. Перченко, Т. И. Шамова, И. В. Шутова.

К примеру, А. С. Танган даёт следующее определение минимальной функциональной грамотности: это повышаемый по мере развития общества и роста потребностей личности уровень знаний и умений [6].

А. А. Леонтьев, в свою очередь, трактует функциональную грамотность как способность человека свободно использовать эти навыки для извлечения информации из реального текста — для его понимания, сжатия, трансформации [7], а О. Е. Лебедев связывает функциональную грамотность со школьным уровнем образованности [8].

По мнению В. А. Ермоленко, Р. Л. Перченко, С. Ю. Черноглазкина, функциональная грамотность представляет собой «...сформированную на нижней границе оптимальности интегральную способность человека успешно действовать (осуществлять свою жизнедеятельность) в обществе...» [9].

П. Р. Атутов выделил в функциональной грамотности два аспекта: формирование у учащихся знаний, умений и навыков, и формирование мотивов для непрерывного совершенствования своих знаний, умений и качеств личности. [10].

В. А. Ермоленко развивает представление о функциональной грамотности как двухкомпонентной структуре: с одной стороны, определяемой базисными компетенциями (технологический компонент), с другой стороны, качествами личности. [9]. Б. С. Гершунский полагает, что «...грамотность — это необходимая ступень и образованности, и профессиональной компетентности, и культуры человека. Она должна содержать в себе «эмбрионы», ростки каждого из последующих этапов становления личности» [3].

В широком смысле в понятие «функциональная грамотность» входят такие составляющие, как компьютерная, политическая, экономическая грамотность и др.

То есть под функциональной грамотностью в широком смысле следует понимать умение находить верное решение при возникающих сложностях в разнообразных сферах человеческой деятельности, а также умение применять прикладные знания при решении вопросов, появляющихся в условиях быстро меняющегося общества.

В 90-е годы прошлого века были выделены основные индикаторы, на основании которых можно было сделать вывод об уровне сформированности функциональной грамотности конкретной личности: общая грамотность; информационная; компьютерная; коммуникативная; владение иностранными языками (на уровне бытовой лексики); грамотное решение бытовых проблем; грамотность действий в чрезвычайных ситуациях; правовая и общественно-политическая грамотность [4]. Также каждый индикатор включал в себя ряд умений (так называемые эмпирические показатели).

Особое значение в понимании роли функциональной грамотности придаётся развитию её второго — личностного компонента. Содержание этого компонента определяется ключевыми компетенциями, среди которых называются: автономность в принятии решения; способность к нововведениям; коллективный дух и способность к сотрудничеству в рамках различных общественных групп в производственной сфере; стремление к высокому качеству; способность к анализу; способность учиться и передавать дальше приобретённые знания.

А. М. Новиков включает в базовые компетенции такие сквозные умения, как: работать на компьютере, пользоваться базами и банком данных; экологические и экономические знания, знания в области коммерции, технологий, маркетинга и сбыта, защиты интеллектуальной собственности и следующие качества личности: самостоятельность действий, творческий подход к любому делу, готовность постоянно учиться и обновлять свои знания; гибкость ума, способность к системному и экономическому мышлению; умение вести диалоги и сотрудничать в коллективе, общаться с коллегами [11].

Согласно представлениям некоторых исследователей (О. Е. Лебедев, Л. М. Перминова, А. И. Тряпицына, И. В. Шутова и др.), в зависимости от типа жизненных задач, которые способен решать человек, выделяются три уровня образованности, связанные с ведущими новообразованиями возраста на начальной, основной и средней ступенях обучения: уровень элементарной грамотности, уровень функциональной грамотности, уровень компетентности.

Приведём краткое описание вышеуказанных уровней:

- ◆ элементарная грамотность — способность использования основных способов познавательной деятельности, таких, как чтение, письмо, компьютерная грамотность (как язык) для достижения элементарных ближайших целей своей деятельности;
- ◆ функциональная грамотность — это способность решать стандартные жизненные задачи в разных сферах жизнедеятельности;
- ◆ компетентность:
 - ◆ общекультурная — уровень, достаточный для творческой и деятельностной самореализации личности, ориентирующейся в ценностях широкого культурного пространства, а также способность личности оценивать границы собственной компетенции;
 - ◆ допрофессиональная — уровень, достаточный для осознанного выбора профессии и успешного обучения в вузе;
 - ◆ методологическая — уровень, достаточный для самостоятельного исследования подхода к решению широкого спектра задач как теоретического, так и практического характера [12, с. 25].

На наш взгляд, наиболее полно вопрос о формировании функциональной грамотности представлен в работах Л. М. Перминовой [13], которая, исследуя данный процесс в отношении учащихся основной школы, опирается на предшествующий опыт и выделяет две его составляющие:

- ◆ содержательно-деятельностную, характеризующую «технологическую» базу жизни человека и общества и включающую:
 1. общие учебные умения, формируемые в 5–9 классах;
 2. «функциональные» межпредметные умения, дающие возможность практического применения системы знаний для решения типовых жизненных и образовательных задач;
 3. практические умения взаимодействия человека с социальными институтами города (умения социальной технологии, социальной коммуникации и социальной адаптации);
 4. предметные базовые и дополнительные знания и умения, необходимые для продолжения общего и/или профессионального образования;
- ◆ потребностно-мотивационную, характеризующуюся готовностью и способностью:
 1. к повышению уровня образованности;
 2. к выбору профессии, на основе самоидентификации с требованиями, предъявляемыми профессией, специальностью;

3. к коммуникативной деятельности в новой социокультурной среде, определяющую внутреннее, личностно-психологическое отношение к социуму [13].

Школьное образование, как указывают Л.М. Перминова и Шутова И.В. должно быть направлено на формирование компетентности, а сензитивным периодом для формирования функциональной грамотности учащихся должна являться период обучения в основной школе [12; 13].

В.А. Ермоленко, Р.Л. Перченко, С.Ю. Черноглазкин в своём исследовании рассматривают процесс формирования функциональной грамотности. Чтобы более точно определить, что такое функциональная грамотность, авторы выходят за рамки содержания этого понятия как такового, рассматривают его в более широком смысловом контексте. Понятие «функциональность», по мнению авторов, можно семантически интерпретировать как результативность достижения целей. Сложнее обстоит дело с понятием грамотности. Очевидно, что грамотность отражает некоторую первую, нижнюю ступень овладения функциональностью действий по её реализации. Грамотность можно рассматривать как системную способность человека успешно выполнять несложные целенаправленные действия. При этом грамотность может быть общей и специальной. Общая грамотность традиционно отражает способности человека к чтению, счёту, письму. Специальная грамотность заключается в сформированных способностях к выполнению несложных предметных действий в специальных сферах [11, с. 85–86]. На более высоких ступенях развития способности к действиям в специальных сферах функциональная грамотность последовательно обретает форму функциональной компетентности и функциональной культуры, характеризуясь рядом понятий.

В статье Л.Ю. Комиссаровой под функциональной грамотностью в предметном понимании подразумевается «способность учащихся свободно использовать умения и навыки чтения и письма для получения информации из текстов и для создания собственных текстов в устной и письменной форме» [14, с. 19].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что при правильном формировании функциональной грамотности учащийся может успешно работать с любой текстовой информацией, а также свободно, логично и ясно формулировать и выражать свои мысли в различных формах (письменной и устной). Функциональная грамотность не может быть достигнута без обучения учащихся письменной речи, под которой подразумевается знание и владение орфографическими и пунктуационными

нормами, необходимыми для создания собственных письменных текстов.

Умение работать с текстом рассматривает в своих работах Е.В. Бунеева. Исследователь называет данные умения интеллектуально речевыми и дает их четкую классификацию [15, с. 8]. Можно отметить, что ряд интеллектуально-речевых умений, рассматриваемых Е.В. Бунеевой, пересекается с индикаторами функциональной грамотности, сформулированными в 90-х годах прошлого века.

Далее кратко рассмотрим упомянутые в начале статьи ключевые компетенции XXI века: критическое мышление, креативность, коммуникации и кооперации (система 4К).

Критическое мышление — это умение быстро ориентироваться в большом потоке информации, распознавать причинно-следственные связи, выделять важное и второстепенное. Способность быстро находить новые решения и понимать причины успехов и неудач.

Креативность — способность видеть и принимать нестандартные решения, позволяющая оценивать ситуацию с различных сторон и чувствовать себя уверенно в меняющихся условиях среды. Это способность генерировать собственные идеи и развивать начинания других людей.

Коммуникация — умение быстро и продуктивно налаживать контакты, слушать и слышать собеседника, доносить до понимания других людей свою точку зрения в формате «равный-равному».

Командная работа (сотрудничество) — процесс тесно связанный с коммуникацией, и относится к профессиональной сфере. Это умение определить общую цель и способы ее достижения, через распределение ролей и оценки результативности действий.

Модель «4К» разработана некоммерческой организацией Partnership for 21st Century Skills. В системе образования России о модели 4К активно стали говорить с 2014 года, а с 2017 года данная модель продвигается Фондом новых форм образования. Работа по созданию системы 4К для школ ведется уже несколько лет в рамках проекта ключевых компетенций XXI века, где разрабатывается стандартизированный инструмент измерения компетенций 4К, проекты уроков, направленных на развитие этих компетенций и инструменты внутри-классного учителя.

Цель данного проекта — дать школам качественные инструменты, которые позволяют делать валидные

и надежные выводы об уровне развития компетенций у учеников. При этом считается, что инструменты измерения (тесты) не должны дополнительно нагружать сотрудников школы, они должны быть удобны в использовании и давать максимум полезной информации.

Проект с официальным названием «4К современно-го мира. Формирование компетенций XXI века и оценка индивидуального прогресса в их развитии» стартовал в июле 2016 года. В ноябре 2017 года закончился первый этап проекта, который был реализован при поддержке благотворительного фонда «Вклад в будущее». В 2018 году прошёл второй этап проекта, на котором была проведена полномасштабная апробация инструмента измерения критического мышления и креативности в 13 школах г. Москвы, с участием более 1000 четвероклассников. По результатам апробации были доработаны задания теста и модель обработки данных, а также выявлены компоненты рамки, требующие пересмотра.

В декабре 2018 года начался третий этап реализации проекта при поддержке фонда «Вклад в будущее», который продлится до середины 2020 года. В рамках этого этапа будут разработаны дополнительные задания на измерение критического мышления и креативности; задания на измерение коммуникации и кооперации; инструмент будет расширен для учеников 7 класса.

Проект дает возможность: разработки и адаптации новых форм группового взаимодействия и оценочных инструментов личностного роста участников образовательного процесса; трансляции собственного опыта через создание нового методического материала; профессионально-личностного развития.

Проект реализуется на двух уровнях:

Региональный/Национальный уровень. Основная цель — дать образовательным организациям удобный мониторинговый инструмент, реализуемый в компьютерной форме, для измерения уровня развития компетенций 4К в конце начальной школы (4 класс).

Внутриклассный уровень. Основная цель — разработать инструменты формирования компетенций 4К и дать учителям инструмент формирующего оценивания в рамках отдельных уроков.

Пока образование по системе 4К проходит апробацию в нескольких школах страны и финансируется крупными компаниями (Сбербанк, Русагро, благотворительные фонды). Только после успешного тестирования программа будет внедряться по всей России.

- ◆ Московская школа Летово начала работу в 2018 году. Основатели школы обещают рай для трудолюбивых и способных учеников со всей страны. Лучшее оснащение, лучшие учителя, образование по системе 4К и возможность каждому ученику выбирать учебную программу. В школу принимают на конкурсной основе. Преподавание ведется на двух языках: русском и английском. Школу финансирует благотворительный фонд, поэтому учиться там может ребенок из семьи с любым достатком. Главное — способности и желание учиться. На сайте есть бесплатные вебинары и материалы по подготовке к олимпиадам.
- ◆ Лицей НИУ ВШЭ открывает двери только для московских школьников. Для учеников 10–11 классов предусмотрено 8 направлений подготовки, а девятиклассники учатся по общей программе. Прием в лицей на основе тестирования.
- ◆ В сентябре 2019 года планируется открытие Умной школы в Иркутске. Комплекс будет состоять из трех корпусов школы и поселка для приемных семей. В школе будут организованы инклюзивное образование и индивидуальный подход к каждому ученику. Обучение бесплатное. Отбор по способностям только для поступающих в 10 класс.

Также желающие могут развивать 4К-навыки в летних лагерях, на тренингах и онлайн-курсах:

- ◆ Бизнес лагерь 4К в районе Туапсе в Краснодарском крае. Организаторы обещают плотный график, в который входит теория бизнеса, создание бизнес-проекта по выбранному направлению, деловую программу с тренингами и конференциями, основы медиаграмотности, культурно-развлекательную программу с участием звезд, спортивные площадки. Программа рассчитана на 21 день.
- ◆ Образовательная компания MAXIMUM проводит Тренинги по Навыкам XXI века. Мероприятия проходят в формате дискуссий и мозговых штурмов. Участники получают теоретическую базу и начальные практические навыки, чтобы заниматься самостоятельно.
- ◆ Онлайн-школа Фоксфорд предлагает курс Навыки XXI века. Развивающее путешествие для учеников 7–11 классов. Он состоит из теоретических материалов и 10 онлайн-уроков с преподавателем. После каждого занятия нужно выполнить домашнее задание. Записи уроков доступны в течение года.
- ◆ У проекта 4brain.ru есть несколько курсов для развития 4К: Творческое мышление, Критическое мышление, Конфликтология, Переговоры. Там же

можно найти материалы по развитию других softskills, например, по скорочтению, тайм-менеджменту и тренировке памяти.

Итак, к ключевым компетенциям 21 века относятся «4К»: критическое мышление (анализ; оценка; суждение; объяснение; саморегуляция); креативность (любопытность; воображение; устойчивость интереса); коммуникация и кооперация (взаимодействие; диалог; командная работа). Анализ классификаций ключевых компетенций и их номенклатуры позволяет выделить общие смысловые сегменты, основными среди которых являются: социальная и личностная значимость, смысловая ценность компетенции; её практическая обусловленность; наличие реальных объектов действительности, по отношению к которым вводится компетенция; парадигма знаний об этих реальных объектах; умения

и способы деятельности, относящиеся к данным объектам; минимально необходимый опыт практической деятельности; уровни овладения компетенцией.

Резюмируя, отметим следующее. Основными вызовами современности по отношению к системе образования являются требования к ее инновационному научному и образовательному потенциалу, требование значимости образования для прогрессивного развития страны и ее высоким позициям на международном уровне. С позиций качества образовательной деятельности наиболее важным является ее результат, который в настоящее время описывается в рамках компетентностной парадигмы — новой парадигмы результата образования, а ключевые компетенции являются практическим воплощением современных требований к качеству образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента России от 7 мая 2018 года
2. Государственная программа РФ «Развитие образования» (2018–2025 годы) от 26 декабря 2017 г.
3. Гершунский Б. С. Философия образования / Гершунский, Б.С. — М.: Московский психолого-социальный институт, Флинта, 1998. — 384 с.
4. Вершловский С. Г., Матюшкина М. Д. Функциональная грамотность учащихся: представления, критический анализ, измерение // Социологические исследования. 2011. № 5. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/012/635/1219/Vershlovski_19.pdf (дата обращения: 05.02.2018).
5. Выступление Генерального директора ЮНЕСКО Коитиро Мацуура на открытии Всемирного конгресса информационных агентств «Информационные вызовы XXI века» [Электронный ресурс] // <http://www.ifap.ru/pr/2004/040924a.htm>
6. Танган, С. А. Образование на пороге XXI века // Педагогика. — 1995. — № 1. — С. 11–13
7. Леонтьев А. А. От психологии чтения к психологии обучения чтению // Материалы 5-й Международной научно-практической конференции (26–28 марта 2001 г.): в 2 ч. — Ч. 1 / под ред. И. В. Усачевой. — М., 2002.
8. Лебедев, О. Е. Гуманитарные основы гимназического образования в Школах Петербурга Текст. / О. Е. Лебедев. СПб.: ЦПИ, 1995.
9. Ермоленко В. А., Перченко Р. Л., Черноглазкин С. Ю. Дидактические основы функциональной грамотности в современных условиях: пособие для работников системы образования / Рос.акад. образования. Ин.теории образования и педагогики. — М., 1999. — С. 85–86.
10. Атутов П. Р. Концепция политехнического образования в условиях технологического этапа научно-технического прогресса // Предпринимательство и занятость юных. 1999. -№ 10–11.-с. 34–41.
11. Новиков А. М. Постиндустриальное образование. — М., 2008. — 135 с.
12. Шутова И. В. Методика оценивания функциональной грамотности учащихся в процессе обучения химии: Дис. . канд. пед. наук / И. В. Шутова. СПб., 2003.
13. Перминова Л. М. Формирование функциональной грамотности учащихся: основы теории и технология. — Санкт-Петербург, 1998. 54 с. Перминова Л. М. Минимальное поле функциональной грамотности // Педагогика. 1999. — № 2. — С. 26–29.
14. Комиссарова Л. Ю. Основные направления преемственности при обучении орфографии в непрерывном курсе русского языка // Проблемы современного образования. 2013. № 1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-preemstvennostipriobucheni-orfografii-v-neprepryvnom-kurse-russkogo-yazyka> (дата обращения: 21.11.2017).
15. Бунеева Е. В. Развитие интеллектуально-речевых умений учащихся как составляющей их функциональной грамотности // Начальная школа плюс: до и после. 2012. № 8. URL: <http://school2100.com/upload/iblock/142/142289b7e1de2cfa9b7fdd5091c20ad.pdf> (дата обращения: 05.01.2017).

© Сеногноева Наталия Анатольевна (sennataliya2005@yandex.ru), Романова Оксана Владимировна (rom.oksana2010@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИЁМЫ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ С КИТАЙСКИМИ СТУДЕНТАМИ

Ши Хуэй

Учитель, Шаньдунский профессионально-
технический университет международных
исследований
shihui880316@163.com

METHODS AND TECHNIQUES OF STUDYING THE CATEGORIES OF VERBAL FORM IN THE CLASSROOM IN THE RUSSIAN LANGUAGE WITH CHINESE STUDENTS

Shi Hui

Summary. The article discusses the techniques and methods of studying the categories of the verb form in the Russian language classes with Chinese students. In the methodology of teaching Russian as a foreign language, the category of the verb type in the Russian language is one of the most difficult topics. The structure of the article consists of two parts: morphological and semantic.

In the morphological aspect, it is noted that the verbs of the perfect and imperfect species form a species pair. It is indicated that in the Chinese language there is a clear lexical meaning, and imperfect verbs are formed from perfect-form verbs with the help of unchanging form-prefixes and correspond to Chinese verbs with effective additions.

The author notes that in the Chinese language there is also an indefinite lexical meaning in the case when the verbs of imperfect form with the help of prefixes are formed from verbs of the perfect form. The author considers several translation options: translation of a perfect verb from Russian into Chinese with an effective addition, with an addition of a direction, with a circumstance.

Teaching practice allows us to conclude that Chinese students misuse verb forms. It is indicated that the cause of mistakes in the use of verb forms in Chinese is the lack of differences in the lexical meanings of verb forms.

In the semantic aspect of the study, it is noted that in the Chinese and Russian language consciousness, some verbs have different semantics. It is this difference that is one of the main reasons for using different verb species.

Keywords: the category of verb form, imperfective aspect, perfective aspect, lexical token, limit verbs, verbs of unsaturated.

Аннотация. В статье рассматриваются приёмы и методы изучения категорий глагольного вида на занятиях по русскому языку с китайскими студентами. В методике преподавания русского языка как иностранного категория глагольного вида в русском языке является одной из наиболее сложных тем. Структура статьи состоит из двух частей: морфологической и семантической.

В морфологическом аспекте отмечается, что глаголы совершенного и несовершенного видов образуют видовую пару. Указывается, что в китайском языке существует ясное лексическое значение, а глаголы несовершенного вида образуются от глаголов совершенного вида с помощью неизменяемых формообразующих приставок и соответствуют глаголам китайского языка с результирующим дополнением. Автор отмечает, что в китайском языке возникает также неопределённое лексическое значение в том случае, когда глаголы несовершенного вида с помощью приставок образуются от глаголов совершенного вида. Автор рассматривает несколько вариантов перевода: перевод глагола совершенного вида с русского на китайский язык с результирующим дополнением, с дополнением направления, с обстоятельством.

Преподавательская практика позволяет заключить, что китайские студенты неправильно используют глагольные виды. Указывается, что причина ошибок в употреблении глагольных форм в китайском языке состоит в отсутствии у глагольных форм различий в лексических значениях.

В семантическом аспекте исследования отмечается, что в китайском и русском языковом сознании некоторые глаголы имеют различную семантику. Именно это различие и является одной из основных причин употребления разных глагольных видов.

Ключевые слова: категория глагольного вида, несовершенный вид, совершенный вид, лексический знак, предельные глаголы, неопределённые глагол.

Введение

Категория глагольного вида в русском языке является одной из наиболее сложных тем в методике преподавания русского языка как иностранного. Трудности, которые испытывают не только студенты, изучающие русский язык, но зачастую и сами преподаватели, пытающиеся им помочь в понимании и усвоении этой категории, возникают по нескольким причинам:

Во-первых, категория русского глагола отличается асимметричностью видо-временных форм и видовых противопоставлений: при наличии пяти видо-временных форм видовые противопоставления реализуются только в прошедшем и будущем времени. Кроме этого, существует разнообразие морфологических средств для выражения видовых значений: большое число перфективных префиксов, омонимия приставок и суффиксов.

Во-вторых, не существует единой точки зрения на интерпретацию категориального значения как совершенного, так и несовершенного вида. Категориальным значением несовершенного вида одни лингвисты считают значение длительности [6, с. 5], процесса [1], в то время как другие — общефактическое значение [8]. Кроме того, категориальное значение совершенного вида определяют или как значение внутреннего предела [4, с. 7], или как целостное действие [2]. Однако в большинстве пособий и учебников для иностранных учащихся оно определяется как результативность или законченность действия. Отсутствие единой концепции в определении сущности категории глагольного вида приводит к разного рода расхождениям в описании как видовых значений глаголов, так и их системных противопоставлений в учебных пособиях и словарях. В результате работа преподавателей русского языка как иностранного (РКИ) значительно усложняется.

Основные приёмы и методы изучения категорий глагольного вида

Многие исследователи полагают, что влияние на китайский язык представляет особую трудность для китайских студентов. В результате нами было предпринято всестороннее изучение этих влияний, как в морфологическом, так и в семантическом аспекте.

В русском языке в **морфологическом аспекте** глаголы совершенного и несовершенного видов образуют видовую пару. В результате формируются три отношения:

1) В китайском языке существует ясное лексическое значение. Глаголы несовершенного вида образуются от глаголов совершенного вида с помощью неизменяемых формообразующих приставок и соответствуют гла-

голам китайского языка с результативным дополнением. Например:

Учиться (сюе) — научиться (сюе хуэй); строить (цзянь) — построить (цзянь чэн); петь (чан) — спеть (чан вань); мыть (си) — вымыть (си цзин); читать (ду) — прочитать (ду вань).

При помощи суффикса *-ну-* глаголы несовершенного вида образуются от глаголов совершенного вида со значением однократности. В китайском языке существует лексический признак — глагол с количественным дополнением. Например:

Мелькать (шань) — мелькнуть (шань и ся); кричать (хань) — крикнуть (хань и шэн); улыбаться (вэй сяо) — улыбнуться (вэй вэй и сяо); вздыхать (тань) — вздохнуть (тань и ци).

Некоторые глаголы с приставкой *за-*, *по-* в начальном значении, с приставкой *по-* со значением кратного времени действия и с приставкой *с-* со значением обратного действия, если их сравнить с образующими глаголами несовершенного вида, в китайском языке имеют лексическое значение — глагол с количественным дополнением, с дополнением направления, или с перекрытием. Однако эти глаголы несовершенного и совершенного видов не могут образовать видовую пару. Например:

Смеяться (сяо) — засмеяться (сяо ци лай); дуть (гуа) — подуть (гуа ци лай); играть (вань) — заиграть (вань ци лай); работать (гун цзо) — поработать (гун цзо и хуэй); носить (сун) — сносить (сун и тан); ходить (цзоу) — походить (цзоу и цзоу).

2) В китайском языке существует неопределенное лексическое значение. Когда глаголы несовершенного вида с помощью изменяемых словообразовательных приставок образуются от глаголов совершенного вида с суффиксами *-ыва-*, *-ива-*, *-ва-*, *-а-*, то такое словообразование осуществляется от глаголов вторичных имперфективов. В китайском языке отсутствуют глаголы вторичных имперфективов, поэтому для различения глаголов совершенного вида сложно подобрать лексические средства с разным значением. В китайском языке видовые пары глаголов совершенного вида имеют определенное лексическое значение, однако у глаголов несовершенного вида ясное лексическое значение отсутствует. Например:

а) Перевод глагола совершенного вида с русского на китайский язык с результативным дополнением:

Писать (се) — исписать (се мань) — исписывать; бить (да) — разбить (да суй) — разбивать; ходить (ху ли) — выходить (ху ли хао) — выхаживать; носить (чуань) — изнашивать (чуань по) — изнашивать; беречь (бао ху) — сберечь (бао ху хао) — сберегать; играть (вань) — заиграть (вань по) — заигрывать; говорить (шо) — уговорить (шо фу) — уговаривать.

Б) Перевод глагола совершенного вида с русского на китайский язык с дополнением направления (переносное значение):

Думать (сян) — придумать (сян ци лай) — придумать; писать (чао се) — выписать (чао се чу лай) — выписывать; ставить (фан) — вставить (фан жу) — вставлять; шить (фэн) — пришить (фэн шан) — пришивать; гнать (гань) — (гань чу лай) — выгонять.

б) Перевод глагола совершенного вида с русского на китайский язык с обстоятельством:

Делать (цзо) — переделать (чун цзо) — переделывать; писать (се) — описать (мяо се) — описывать; смотреть (кань) — осмотреть (си кань) — осматривать; цвести (кай хуа) — расцвести (шэн кай) — расцветать; думать (сян) — обдумать (као люй чжоу дао) — обдумывать.

3) Отсутствие любых лексических значений. В китайском языке значительное количество видовых пар глаголов русского языка взаимозаменяемы, т.е. могут использоваться с одинаковым успехом. Например:

Голосовать — проголосовать (биао цзюе); влиять — повлиять (ин сянь); заработать — зарабатывать (чжэн цян); заставить — заставлять (цян по); касаться — коснуться (шэ цзи); возникать — возникнуть (фа шэн).

В данном случае мы анализируем, существует ли различие в лексическом значении видовых пар глаголов русского и китайского языков. Преподавательская практика позволяет заключить, что китайские студенты неправильно используют эти типы глагольного вида. Если первый тип глагола нередко используют почти без ошибки, то второй тип глагола зачастую употребляют неправильно. Самая трудная задача состоит в правильном употреблении вторичных имперфективов глагола, вместо которых используют третий тип глагола. Иными словами, причина ошибок в употреблении глагольных форм состоит в том, что в китайском языке отсутствует различие лексических значений. Когда студенты выбирают вид глагола, то сначала переводят глагол с русского на китайский язык не по грамматическому значению вида, и лишь позднее определяют вид глагола по лексическому значению китайского языка. Этот метод действует для первого и второго типов глаголов, но не для третьего типа. Соответственно, если студенты не овладеют грамматическим значением глагольных видов, то и лексические значения в китайском языке будут представляться им весьма размытыми. В результате возникают ошибки следующих типов:

Больному стало лучше. Он уже выздоровел (выздоровливает). Недели через две он, может быть, выпишется из больницы.

Погода становится всё теплее. Наступила (наступает) весна.

В данном предложении нужно употребить (употребить) глагол совершенного вида.

В семантическом аспекте при сопоставлении китайского глагола с русским Ван Ли подчёркивает, что «в китайском языке существуют некоторые глаголы, особые по семантике: “действие” в китайской лексике не обозначает процесс, например в Китае в национальном представлении “смерть” не считается процессом, т.к. означает противоположность жизни. Эта же особенность присуща и глаголам: “знать”, “увидеть”, “слышать” и т.д., поскольку значения этих глаголов не распространяются на настоящее время» [3].

В китайском языке указанные глаголы являются результативными, т.к. не выражают продолжительность процесса; другие же глаголы являются нерезультативными (например, “пить”, “есть”, “петь”, “читать”, “писать” и т.п., поскольку выражают продолжительность действия и процесса, т.е. не имеют завершённого характера).

В русском языке по семантике глагольных основ глаголы делятся на предельные и непредельные. Предельные глаголы имеют предельное значение, образуя видовые пары: совершенный вид показывает, что действие доведено до предела (*побелить, написать, вспахать*), несовершенный вид — действие старается достичь предела (*белить, писать, пахать*). Непредельные глаголы обладают непредельным значением (например, форма несовершенного вида — *лежать, спать, грустить*). Такие глаголы образуются от глаголов совершенного вида, у которых отсутствуют видовые пары, полученные при помощи приставок и выражающие значение начального действия (*закричать*), кратного времени (*покричать*), окончательного действия (*отжить свой век*) и т.д.

Таким образом, предельные глаголы не тождественны результативным глаголам точно так же, как и непредельные глаголы не тождественны нерезультативным глаголам. По мнению Ван Ли, у некоторых результативных глаголов существуют видовые пары: *умирать — умереть, видеть — увидеть, слышать — услышать, свергать — свергнуть, распространять — распространить*, их формы несовершенного вида обозначают продолжительность действия и процесса. Таким образом, в китайском и русском языковом сознании некоторые глаголы имеют различную семантику. Именно это различие и является одной из основных причин употребления разных глагольных видов. Чтобы китайские студенты научились правильно употреблять различные глагольные виды в русском языке, необходимо не только проработать грамматическое значение категории вида, но и на практике сформировать особое языковое сознание, присущее носителям русского языка.

Заключение

Таким образом, при изучении грамматики русского языка необходимо понять историю России, ее культуру, обычаи и психические особенности русского народа, его образ мышления. Кроме того, для успешного изучения языка необходимо системное понимание языкознания русского языка, представление о возникновении языка,

его развитии, а также о логических отношениях между дифференциацией (делением) и интеграцией (объединением) языков, в том числе об особенностях семантики русского глагола. В то же время, значительная часть китайских студентов не придают этому должного значения. Таким образом, исходя из сложившейся ситуации, можно заключить, что успех в изучении русского языка состоит в системном подходе к его изучению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова — М. 1976. — 328 с.
2. Бондарко А.Б., Буланин Л. Л. Русский глагол. — Л., 1967.
3. Ван Ли. К вопросу о наличии частей речи в китайском языке. 1956 г.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 3-е, испр. М. 1986.
5. Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.
6. Рассудова О. П. Употребление видов глагола в современном русском языке, М.: Русский язык, 1982. — 149с.
7. Русская грамматика Т. 1 / под ред. Шведовой Н. Ю., М., 1980. — 784 с.
8. Forsyth J. A Grammar of Aspect. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970. — 408 p.

© Ши Хуэй (shihui880316@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Шаньдун

УСЛОВИЯ ПЕРЕДАЧИ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ПРИ ПЕРЕВОДЕ

THE CONDITIONS FOR THE TRANSFER OF HUMOROUS EFFECT IN THE TRANSLATION

E. Abaeva

Summary. The article deals with one of the most difficult problems — humour translation. The author doesn't hold a theory of humour untranslatability in the frame of literary text and illustrates the possibility of functional transference with the help of some parameters. The main method which is applied in the paper is continuous sampling method and the method of comparative analysis of the original text and its translation. Some macro parameters which are necessary to take into account (function, language, idiostyle and recipient) allow a translator to create the conditions for successful humour translation.

Keywords: translation, humorous effect, script opposition, literary text, parameters.

Абаева Евгения Сергеевна

*К.филол.н., доцент, Московский городской педагогический университет
abaevaes@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена одной из сложных проблем перевода — передаче юмористического эффекта. Не придерживаясь теории неперевода юмора в условиях художественного текста, автор иллюстрирует возможность передачи функционала с учетом выделенных ранее параметров. В качестве основного метода предстает метод сплошной выборки и метод сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода. Учет основных макропараметров (функционал, язык, идиостиль, реципиент) позволяет спроецировать условия успешной передачи юмористического эффекта как творческой задачи.

Ключевые слова: перевод, юмористический эффект, столкновение скриптов, художественный текст, параметры.

Передача юмористического эффекта при переводе в условиях художественного текста — задача без сомнения сложная, требующая мастерства, прекрасно развитой многоаспектной переводческой компетенции, опыта, знакомства с культурой языка перевода и т.д.

Некоторые авторы считают юмор категорией практически непереводаемой, наравне, например, с поэзией, и даже относят передачу юмора к области адаптации [6, с.58], но, несмотря на возникающие сложности, переводчики тем не менее прекрасно справляются с поставленными перед ними творческими задачами.

Известный исследователь перевода юмора Д. Киаро [5] считает, что существует четыре основных стратегии:

- ◆ оставить неизменной формальную сторону (при этом теряя часто юмористический эффект);
- ◆ заменить единицу оригинала, неэквивалентной единицей языка перевода с юмористическим эффектом;
- ◆ заменить единицу оригинала идиоматическим выражением в языке перевода;
- ◆ проигнорировать юмор в тексте оригинала.

Три стратегии, результатом которых является вероятностная потеря юмористического эффекта, не являются, на наш взгляд, релевантными при переводе

художественного текста, поэтому мы сосредоточились на тех отрывках, в которых функционал все же был сохранен.

В качестве источника материала для проведения исследования выступила третья повесть из трилогии Терри Пратчетта о номах — «Wings» [7] и ее перевод под названием «Крылья» [3].

Методом сплошной выборки были отобраны интересные нас отрывки с юмористическим эффектом, представляющие в качестве единиц перевода. Терминологически под отрывками с юмористическим эффектом понимаются такие отрывки из художественного, в нашем случае, произведения, которые содержат необходимые для столкновения скрипты в виде контекста и триггер — как провоцирующий столкновение элемент [2]. Уточним, что под скриптом понимается часть информации, которая возникает в сознании человека при прочтении слова: «A large chunk of semantic information surrounding the word or evoked by it. The script is a cognitive structure internalized by the native speaker and it represents the native speaker's knowledge of a small part of a world» [8, p.81]. Для создания юмористического эффекта в рамках Семантической теории юмора и Общей теории вербального юмора постулируется обязательное столкновение сосуществующих ранее в контексте скриптов [8; 4].

В качестве необходимых для передачи юмористического эффекта параметров междисциплинарной природы выделяются четыре основных макропараметра (язык, функционал, реципиент и идиостиль), дополненные рядом сопутствующих параметров, имеющих взаимообусловленную сущность (краткость, узнаваемость, пресуппозиция и т.д.) [1].

Рассмотрим несколько примеров, которые свидетельствуют о том, что передача юмористического эффекта с учетом перечисленных выше параметров вполне осуществима.

В первом примере (1) герои произведения, маленькие существа — номы прячутся в самолете, чтобы перелететь во Флориду. Основным контекстом является то, что, несмотря на свои крохотные размеры, они очень любят поесть и делают это довольно часто. Задумавшись о еде в самолете, они понимают, что там ее добыть будет непросто:

“The humans’ll have food,” said Gurder. “Humans always have food.” “I knew you were going to say that,” said Angalo. “It’s just common sense.”

В переводе этот отрывок звучит следующим образом:

«— Но ведь люди-то будут есть», — сказал Гердер. — Себя они никогда не обижают.

«— Я так и знал, что ты это скажешь», — произнес Ангало.

— Так подсказывает простой здравый смысл.

Как видно, прямую корреляцию между фразами «Humans always have food» и «Себя они никогда не обижают» усмотреть, на первый взгляд, сложно. Но нужно вспомнить, что в качестве основной стратегии при переводе отрывка с юмористическим эффектом постулируется сохранение функциональной эквивалентности, для достижения которой переводчик, в первую очередь, должен спроецировать сталкивающиеся скрипты, которые есть в оригинале — [actual]/[nonactual] = [люди будут есть, тк еда есть всегда (как данность)]/ [у людей не всегда есть еда]. В переводе мы наблюдаем небольшую модификацию скрипта: [люди будут есть, потому что они себя любят и не обижают, а еда есть всегда/ [у людей не всегда есть еда]. В данном примере наблюдается также соответствие авторскому идиостиллю, опора на принимающую сторону — реципиента (узнаваемость, пресуппозиция и т.д.), а также адекватная лингвистическая реализация столкновения, что и позволяет считать данный перевод эквивалентным и адекватным.

Рассмотрим следующий пример (2):

The floor, very gradually, became a proper floor again and didn’t show any further ambitions to become a wall.

В данном случае имеющееся в тексте оригинала столкновение скриптов [одушевленное]/[неодушевленное] прекрасно переносится в текст перевода:

Пол медленно вернулся в горизонтальное положение и больше не выказывал намерения превратиться в вертикальную стену.

Авторский идиостиль сохраняется, опора на реципиенте присутствует, языковое воплощение полностью поддерживает скрипты в рамках норм и правил принимающего языка, более того, поддерживает необходимую антонимическую пару еще одной «горизонтальное-вертикальное».

Рассмотрим пример (3):

“We’re going to —” Masklin hesitated. The word “rescue” was looming up somewhere in the sentence ahead. It was a good, dramatic word. He longed to say it. The trouble was that there was another, simpler, nastier word a little further beyond. It was “How?”

В переводе можно посчитать, что прием олицетворения выражен более явно, чем в тексте оригинала, к тому же присутствует некоторая вольность — идиоматическое выражение «наступить на пятки», которого не было в тексте оригинала. Выбор варианта для перевода становится понятен и логичен, если учитывать необходимость сохранения функционала в совокупности с авторским идиостилем — повторяющимся приемом олицетворения на протяжении всего текста для создания юмористического эффекта:

— Мы должны прийти ему на... — Масклин заколебался, прежде чем выговорил это слово, — выручку. Хорошее, драматичное слово. Произносить его было так приятно. По вот беда, на пятки этому словцу наступало другое, более простое и не очень приятное: «Как?»

Для понимания контекста следующего примера (4) необходимо обратиться к более широкому контексту: прибывшие в новое место номы увидели гусей, которые оказались достаточно большими и страшными. Их успокоили местные номы, сказав, что гуси «harmless, except to grass and minor organisms / представляют опасность только для травы и мелких организмов, а так совершенно безвредны».

The geese arrived with a bow wave that surged over the nomes’ feet, and arched their necks down toward

Shrub. She patted a couple of fearsome-looking beaks. Masklin tried hard not to look like a minor organism.

Основное столкновение в переводе сохраняется [actual]/[nonactual] = [Масклин очень маленькое существо]/[Масклин большое существо], но происходит разумное дополнение, связанное с такими параметрами, как узнаваемость и пресуппозиция (реципиент), что делает перевод адекватным.

Гуси подплыли, нагнав волну, которая накатилась на ноги номов, и вытянули дугами шеи, стремясь дотянуться до Шраб. Она ласково погладила пару устрашающих на вид клювов. Масклин выпятил грудь, опасаясь, как бы его не приняли за мелкий организм.

Рассмотрим еще один пример (5). Для общего понимания нужно знать более широкий контекст: Ангало очень любит разного рода механизмы и машины, но боится сесть на живого гуся и полететь.

"I don't understand you, Angalo," said Masklin. "You're mad for riding in machines with whirring bits of metal pushing them along, yet you're worried about sitting on a perfectly natural bird."

"That's because I don't understand how birds work," said Angalo. "I've never seen an exploded working diagram of a goose."

В тексте перевода *exploded working diagram*, которое буквально можно перевести как *подробный ма-*

кет, превратился в анатомическое изображение гуся в разрезе:

— Я что-то плохо понимаю тебя, Ангало. На машинах, которые дребезжат так, будто вот-вот рассыплются, ты ездить обожаешь, а на обыкновенной живой птице полетать тебе почему-то страшно.

«— Это потому, что я не знаю, как устроены птицы», — сказал Ангало. — Я никогда не видел атласа с анатомическим изображением гуся, желательнее в разрезе.

Формально такие лингвистические единицы, как *атлас*, *анатомическое изображение*, *в разрезе*, но взглядом на столкновение скриптов:

[actual]/[nonactual] = [макет самолета]/[макет гуся] = [макет самолета]/[анатомическое изображение гуся].

Добавление «в разрезе» несколько избыточно, поскольку анатомическое изображение уже вбирает в себя этот смысл, но, скорее всего, к такому решению подтолкнула ориентация на реципиент, а также желание усилить эффект. Особенно отметим соблюдение такого параметра как новизна.

В целом можно сказать, что при условии полного понимания текста и следования ряду параметров, необходимых для реализации юмористического эффекта, функционал отрывка вполне можно передать средствами языка перевода в условиях художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева Е. С. Параметры передачи юмористического эффекта при переводе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 1. С. 75–83.
2. Абаева Е. С. Единицы перевода при работе с юмористическим эффектом // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 6 (402). Филологические науки. Вып. 106. С. 5–11.
3. Пратчетт Т. Крылья. М.: ЭКСМО, Домино, 2005. 240 с.
4. Attardo S. Humorous texts: a Semantic and Pragmatic Analysis. New York; Mouton de Gruyter, 2001. 238p.
5. Chiaro D. Translation and Humour, Humour and Translation // Translation, Humour and Literature. Translation and Humour. NY: Continuum Publishing Corporation, 2010. Vol. 1. P. 1–29.
6. Landers Clifford E. Literary translation. Multilingual Matters, 2001. 234p.
7. Pratchett, Terry. Wings. HarperCollins. Kindle Edition. 216p.
8. Raskin V. Semantic mechanisms of humour, Holland: D. Reidel Publishing Company, 1985. 284p.

© Абаева Евгения Сергеевна (abaevaes@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«АВТОР» И «ЧИТАТЕЛЬ» КАК УЧАСТНИКИ КОММУНИКАТИВНОГО АКТА, МОДЕЛИРУЕМОГО МЕТАФОРАМИ С ОБЛАСТЬЮ ИСТОЧНИКА «ТЕКСТ»

Алтухова Ольга Игоревна

Преподаватель, Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
olga.altukhova@gmail.com

THE ROLES OF «AUTHOR» AND «READER» IN THE COMMUNICATIVE ACT MODELLED BY METAPHORS WITH «TEXT» AS A SOURCE DOMAIN

O. Altukhova

Summary. The article focuses on the mapping of conceptual slots «author» and «reader» in English poetic metaphors with TEXT as a source domain. First registered in religious works of the XVI century, the metaphors under analysis gradually extend into secular poetry, the range of possible metaphorical «authors» expanding accordingly. The «reader» slot, on the other hand, undergoes little change up to the present day. The linguistic means used to verbalize the slots in secular texts become equally diversified over time as «author» and «reader» begin to share or exchange their functions in unconventional combinations.

Keywords: English, cognitive poetics, conceptual metaphor, source domain, slot.

Аннотация. В статье рассматриваются варианты заполнения слотов «автор» и «читатель» в концептуальных метафорах с областью источника «ТЕКСТ». Материал исследования составляют англоязычные поэтические тексты XVI–XXI вв. Диахронический анализ показывает возрастающую вариативность роли «автора» по мере выхода рассматриваемых метафор за пределы религиозного дискурса. Для слота «читатель» характерна меньшая гибкость. В светской поэзии становится возможным обмен функциями между «автором» и «читателем», а также нетрадиционные комбинации ролей, сопровождающиеся усложнением языкового выражения.

Ключевые слова: английский язык, когнитивная поэтика, концептуальная метафора, область источника, слот.

Поэтические образы, связанные с речью, письмом и текстом, широко распространены в англоязычной литературе. Особенно значимыми и частотными являются такие концептуальные метафоры, как ЖИЗНЬ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА — ТЕКСТ, СУДЬБА / ЖИЗНЬ КАК БОЖЕСТВЕННЫЙ ДАР — ТЕКСТ, ЧЕЛОВЕК — ТЕКСТ, ПРИРОДА — ТЕКСТ. Их специфика в сравнении с другими популярными аналогиями, например, ЖИЗНЬ-СВЕТ или ЧЕЛОВЕК-РАСТЕНИЕ, задается самим образом «текста», заведомо предполагающим коммуникацию между автором и адресатом. Обращение к «тексту» устанавливает границы поэтического «коммуникативного акта». Его действующие лица — «автор» и «читатель» — могут рассматриваться как неотъемлемые элементы образа¹.

Взаимоотношения между участниками акта коммуникации удобно рассматривать в рамках теории концепту-

альной метафоры, сформулированной в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона («Metaphors We Live By», 1984), Дж. Лакоффа и М. Тернера (; «More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor», 1989). В рамках данной теории метафора предстает в первую очередь как акт мышления, отраженный в языке. В его основе лежит осмысление одной понятийной области (target domain, «области цели») в терминах другой (source domain, «области источника») [9, с. 5]. В процессе метафорического переноса (mapping) ячейки знания (slots), содержащиеся в области цели, соотносятся с аналогичными элементами области источника [10, с. 63].

В этой теоретической системе метафоры с областью источника «ТЕКСТ» предстают как концептуальные структуры, включающие слоты «автор» и «читатель», а также слоты, связанные с процессом создания текста, используемыми орудиями, материальными носителями и их составляющими («страницы», «строки», «буквы» и др.).

Обращение к ролям «читателя» и «автора» предполагает выяснение следующих вопросов:

¹ См., например, [9, с. 6]. В отличие от действующих лиц, допускаемых метафорой ЧЕЛОВЕК-РАСТЕНИЕ (садовник, сеятель и др.): растение не обязательно должно быть посажено человеком, в то время как текст всегда имеет источник.

- ◆ Кто является «автором» и «читателем» «текста» как элемента поэтических образов?
- ◆ Какие конструкции специфичны для языкового выражения таких метафор?
- ◆ Изменяется ли распределение ролей «автора» и «читателя» в поэтической традиции со временем?

Хотя истоком литературной традиции является Библия, связанные с образом «текста» метафоры, в первую очередь ЖИЗНЬ / СУДЬБА КАК БОЖЕСТВЕННЫЙ ДАР = ТЕКСТ, обнаруживаются и в языческих текстах — древневосточных и античных. Для дохристианского периода характерно разделение ролей «владельца» и «автора»: как правило, первую функцию исполняет верховное божество, в то время как самим созданием текста заняты божества второстепенные. Так, герои шумерской мифологии стремятся овладеть «таблицами судеб», но не изменить их; глава пантеона для записи своих повелений может обратиться к богу письменности. В ассирийских мифах выделяется «владельческий» жест — заверение таблицы судеб Печатью судеб. В древнегреческих текстах не названо божество-писец, хотя упоминается божество-владелец или хранитель (парки у Овидия; Аид у Эсхила). В римской драме эти функции разделены в чистом виде: светила записывают деяния смертных и представляют на суд Юпитеру¹.

С переходом к монотеизму функции «автора» и «владельца» объединяются. Автором и хранителем библейских «книг» — будь то книга божественного закона, книга деяний отдельного человека или список праведных душ — является христианский Господь. Наиболее отчетливой по-прежнему является метафора ЖИЗНЬ / СУДЬБА КАК БОЖЕСТВЕННЫЙ ДАР = ТЕКСТ: остальные недостаточно отделены от нее или не имеют собственного языкового выражения. Авторство указывается с помощью конструкции с предлогом *of* или притяжательных местоимений *my / thy (book): in thy booke all my members were written*² (Пс. 139:16), *Whosoever hath sinned against me, him will I blot out of my book*. (Исх. 32:32–33), *And all that dwel vpon the earth, shall worship him, whose names are not written in the booke of life of the Lambe, slaine from the foundation of the world*. (Откр. 13:8) [14]. Возможно сочетание структур: *thy Booke, which thou hast written* (Исх 32:32–33) [14] — притяжательное местоимение *thy* и определительное придаточное предложение. Поскольку авторство неоспоримо, референция может ограничиваться определенным артиклем: *the volume of*

¹ По очевидным причинам мы не рассматриваем языковое выражение для этого этапа.

² Цитаты из Библии здесь и далее даются в оригинальной орфографии по т.н. «Библии короля Иакова», изданию 1611 г., значительно повлиявшему на развитие английского языка.

the booke (Пс. 40:7–8), *the booke of the liuing* (Пс. 69:28) [14].

За пределами христианского контекста конструкция с притяжательным местоимением возрождает оппозицию «автор-владелец», однако смысловое различие постепенно размывается — возможно, по аналогии с «унифицированным» библейским пониманием Автора как Хранителя. В частности, в таком виде предстает появившаяся в XVII в. персонификация Рока (Судьбы), в аналогии ЖИЗНЬ / СУДЬБА КАК БОЖЕСТВЕННЫЙ ДАР = ТЕКСТ сменяющая Творца в функции автора: *his [=Time's] curious book* [16, с. 234], *her [Fate's] own book* [4, с. 410]. В XVII–XVIII вв. и предложная, и местоименная конструкции используются в контекстах, где посессивное значение неотлично от атрибутивного: *And open laid the mighty book of fate* [1, с. 253], *Fate's decree* [19, с. 159].

На протяжении XVI–XVII вв. роль автора в различных метафорах могут выполнять персонифицированные качества или фигуры в притяжательном падеже: *devil's book* [3], *heaven's book* [12], *beautie's clearest text* [8, с. 92], *Nature's book* [2, с. 129]. Обозначив основные тенденции в представлении «авторства», рассмотрим их применительно к конкретным метафорам.

Как показывают приведенные ранее примеры, метафора ЖИЗНЬ / СУДЬБА КАК БОЖЕСТВЕННЫЙ ДАР = ТЕКСТ модифицируется путем замены божественного Автора аллегорической фигурой. Менее радикально метонимическое замещение Бога «небесами» — *heaven(s): heaven's book* [12]; *if I read aught in heav'n, / Or heav'n write aught of fate* [13, с. 524]. Однако и оно способствует вытеснению христианской фигуры Автора, поскольку «небеса» фигурируют и в языческих представлениях о «тексте судеб» («светила» у Плавта). Вариативность роли автора этим исчерпывается, а к XIX в. сходит на нет и сама метафора.

Среди других аналогий до XX в. наиболее традиционной остается ПРИРОДА = ТЕКСТ, оформившаяся в средневековой латинской словесности и в дальнейшем воплощенная средствами другого — английского — языка в неизменном виде. Авторство уточняется указанием на тип текста и способ его создания (рукописный). Грамматически авторство выражается уже известными посессивными конструкциями (с появлением местоимений третьего лица): *the Creator's real poetry* [4, с. 203]; *His hand, His ample manuscript* [19, с. 251]. Добавляется указание на автора с помощью пассивной конструкции, ранее встречавшейся в Библии³, однако без выраженного агенца: *With all the beauteous characters that in it [= scroll*

³ Библейский пассив в метафорах с областью источника ТЕКСТ обычно подчеркивает непреложность воли Автора, чей текст получает статус закона: см. Пс. 40:7–8, Пс. 139:16 [14].

of heaven: небеса] With such deep sense **by God's own sense were writ**¹ [4, с. 136]. Возможно и предоставление автору субъектной позиции: The just **Creator** condescends to **write** [5, с. 88]. Именно ПРИРОДА = ТЕКСТ первой допускает пародийное снижение роли «автора» за счет лексем, относящихся к его «тексту»: Who [=Бог] **wrote a book called Nature**, 'tis to be / Reviewed, I hear, in the next Quarterly [15, с. 319]. Заполнение слота «автор» резко меняется в XX в., когда трансцендентный Автор выводится за скобки, а «авторами» явлений природы становятся сами ее элементы². Так, в поэзии Т. Хьюза «авторами» становятся комары, ветки и дождь: **Jerking their letters into knots, into tangles / Scribbling on the air, sparring sparely, / Scrambling their crazy lexicon, / Shuffling their dumb Cabala / (...) Writing on the air, rubbing out everything; Every twig-end / Writes its circles; the rain, its secret writing** [7]. Автор либо эксплицитно фигурирует в позиции субъекта, либо указывается притяжательным местоимением.

Продолжением метафоры ЖИЗНЬ / СУДЬБА КАК БОЖЕСТВЕННЫЙ ДАР = ТЕКСТ, вероятно, является и ЖИЗНЬ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА = ТЕКСТ, сосредоточенная на последовательном разворачивании жизни как процесса: чередой поступков, их нравственной оценке, этапах жизни и т.д. Поздно сформировавшись, она не получила широкого распространения в английской поэзии. Как правило, автором «текста жизни» оказывается не сам человек, а небесные силы, ведущие хронику его дел³: a book **By seraphs writ with beams of heav'nly light** [5, с. 234], **my words are chronicled in Heaven** [15, с. 146]⁴. Напротив, метафора ЧЕЛОВЕК = ТЕКСТ, обращенная ко всем аспектам человеческого бытия — эмоциональному, интеллектуальному, физическому — имея единичный библейский прототип (Пс. 139:16), оказалась более распространенной и подверглась творческому осмыслению. Автором «текста» внутреннего мира человека может являться аллегорическая фигура, персонифицирующая чувство (Love in my heart has volumes put [4, с. 163]), другой человек (you fear to read upon their looks / The shame and misery you have written there [15, с. 132]) или же сам человек (It [=the heart] was inscribed like a terrestrial sphere With quaint vermiculations <...> — His [= обладателя сердца] graving [6, с. 433]). Атрибуция «текста» осуществляется с помощью притяжательного местоимения или субъектной позиции агенса-авто-

¹ Само стихотворение является поэтическим парафразом Библии.

² В отдельных текстах такое «сужение» авторства до земных объектов встречалось и ранее, см. например: the **hurrying freshnesses** аye **preach / A natural sermon** (J. Keats, *Minnows*, 1817)

³ В чем можно увидеть и отголосок дохристианского разграничения функций верховных и второстепенных божеств, при котором вторые обеспечивают «текстами» первых.

⁴ В последнем примере речь идет о «словах» проклятия, что может соотноситься и с видоизмененной метафорой ЖИЗНЬ / СУДЬБА КАК БОЖЕСТВЕННЫЙ ДАР = ТЕКСТ, функцию автора в которой выполняет сам человек.

ра. Допустимо и «двойное авторство» — распределение роли автора между несколькими участниками. Так, в следующем примере автор «основного текста» — человек как представитель рода людского (атрибуция через притяжательное местоимение), автор же «финала» — персонифицированная Смерть в субъектной позиции: One who writes **Finis to our works / Is knocking at the gate** [19, с. 269]. Однако уже начиная с XVI в. посессивные конструкции могут грамматически оформлять слот «содержание текста». Так, в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта» (1591–1595) присутствуют оба варианта: This precious book of love, this unbound lover (=Парис; of-конструкция, очевидно, указывает на содержание «книги»); **delight writ there with beauty's pen** (притяжательный падеж; персонифицированная Красота в роли автора) [3].

Роль читателя в древней словесности менее отчетлива. В Библии выделяется мотив (не)возможности прочтения, соотносящийся либо с духовной бедностью (Ис. 11–12), либо с ограниченностью познания, доступного смертным (Откр. 5:1–7):

And the vision of all is become unto you, as the wordes of a booke that is sealed, which men deliuer to one that is learned, saying, Reade this, I pray thee: and hee saith, I cannot, for it is sealed. And the booke is deliuered to him that is not learned, saying, Reade this, I pray thee: and he saith, I am not learned. (Ис. 29:11–12);

...no man was found worthy to open, and to reade the booke, neither to looke thereon (Откр. 5:4) [14]

В первом случае «успешным» читателем является благочестивая душа; во втором — непосредственно Господь. В дальнейшем в патристике произойдет разделение как «текстов» (прямой воли Господней / книги Вселенной), так и соответствующих «читательских аудиторий», ангельской и человеческой.

Именно человек предстает основным читателем «текстов», представленных в рассматриваемых метафорах: природы, внешности и внутреннего мира другого человека и самого себя. Продолжая библейский мотив «некомпетентного читателя», читатель-человек может отказываться от чтения (you fear to read [15, с. 132]); не справляться с ним (Of self-perusal (...) **Few know the mighty gain; / Learn'd prelates, self-unread** [19, с. 255]; **Whose eloquence, though we understand not, we admire** [4, с. 136]); даже пытаться уничтожить текст (tear from Nature's book / This precious leaf [18, с. 180]). Другой группе «читателей» присуще внимание к тексту: **Examine every married lineament** [11]; **I must get what the writing means** [3, с. 26]; **I <...> bit by bit, Perused the unguessed things found written on it** (= на сердце [6, с. 433]). В большинстве случаев характеристика читателя как (не)уме-

лого выражается глаголом. Может упоминаться и опыт чтения: *thou 'rt deeply read in most books* [12] — *little had she read in Nature's book* [2, с. 129].

По мотивации читатели могут делиться на адептов познания в целом (to find the **secrets** of astronomy / **Graven** in the **book** of Jove's high firmament, / **Did mount him up** to scale Olympus' top [11, с. 162]; получателей конкретной информации, часто уточняемой придаточным предложением с союзом *that* (*little had she read in Nature's book*, / **That** fools assume a philosophic look [2, с. 129]); «гедонистов» (*makes his book thine eyes*, | Where all those **pleasures** live that art can comprehend [3]).

Бог — совершенный «читатель», чья мотивация не нуждается в уточнении — читает «тексты» человеческой души (ЧЕЛОВЕК = ТЕКСТ) или жизни (ЖИЗНЬ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА = ТЕКСТ). Его «читательская активность» изображена как избирательный, последовательный процесс, также выраженный глаголом: *Christ skips thy faults, only thy virtue reads* [12]; ... there is a book <...> On which **the eyes of God** not rarely¹ **look** [5, с. 234].

Подводя итоги, выделим следующие особенности функционирования ролей «читателя» и «автора» в рассмотренных метафорах:

1. Прототипическим автором для наиболее древних метафор является Бог (боги). В ходе дальнейшего развития роль автора также могут выполнять персонифицированные понятия и качества (ЖИЗНЬ / СУДЬБА КАК БОЖЕСТВЕННЫЙ ДАР = ТЕКСТ, ЖИЗНЬ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА = ТЕКСТ, ЧЕЛОВЕК = ТЕКСТ), небесные силы (ЖИЗНЬ ОТДЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА = ТЕКСТ), сам человек (ЧЕЛОВЕК = ТЕКСТ) и отдельные элементы природы (ПРИРОДА = ТЕКСТ).

2. В качестве прототипического читателя в наиболее ранних метафорах, сформировавшихся в рамках религиозного дискурса, выступает Бог, в то время как человек показан как читатель некомпетентный. В дальнейшем в светской поэзии именно человек выполняет роль читателя, немелого или опытного, внимательного или сопровствляющегося чтению.
3. Слоты «автор» и «читатель» могут эксплицитно заполняться: существительным, именем собственным или местоимением в субъектной позиции с нейтральным или экспрессивным глаголом (автор, читатель) — *thou hast written* [14], *every twig-end writes* [7], *little had she read in Nature's book* [2, с. 129], *Christ skips thy faults* [12]; существительным в притяжательном падеже, посессивной конструкцией с *of*, притяжательным местоимением, в светской поэзии смещающимся от первого и второго лица к третьему (автор) — *Nature's book* [2, с. 129], [5, с. 180], *book of Fate* [1, с. 253], *His ample manuscript* [19, с. 251]. Благодаря высокой частотности метафор, связанных с понятием ТЕКСТ, в религиозной и литературной традиции, при отсутствии языкового выражения можно говорить об имплицитном заполнении слота. Однако в некоторых случаях грамматическая неоднозначность используемых конструкций не позволяет однозначно установить не только значение, но и наличие метафоры.
4. Количество вариантов заполнения слотов «автор» и «читатель» со временем увеличивается, возникают функциональные перестановки (например, переход роли читателя к автору — Богу) и комбинации («двойное авторство»). В целом роль автора представляется более вариативной, чем роль читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Benn A. *Oroonoko and Other Writings*. New York, 2009. 289 p.
2. Chatterton T. *The Poetical Works of Thomas Chatterton*. Boston, 1878. 346 p.
3. *The Complete Works of William Shakespeare* [Электронный ресурс]. URL: <http://shakespeare.mit.edu/> (Дата обращения: 24.07.2019).
4. Cowley A. *The Works of Mr. Abraham Cowley: In Two Volumes. Consisting of Those which Were Formerly Printed; and Those which He Design'd for the Press, Publish'd Out of the Author's Original Copies. With the Cutter of Coleman Street. Volume the Second*. London, 1710. 895 p.
5. Cowper W. *The Poetical Works of William Cowper: With a Memoir of the Author*. Boston, 1857. 525 p.
6. Hardy T. *The Collected Poems of Thomas Hardy*. Chatham, 1994. 865 p.
7. Hughes T. *Collected Poems of Ted Hughes*. London, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=h2500laGL0gC&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false/> (Дата обращения: 02.08.2019)
8. *Humorous Poems by English and American Writers*. London, 1878. 488 p.
9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980. 242 p.
10. Lakoff G., Turner M. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago, 1989. 237 p.
11. Marlowe, C. *Doctor Faustus and Other Plays*. New York, 1998. 509 p.

¹ Наречие частотности предполагает возможность смены деятельности.

12. Middleton T. Complete Plays and Poetry of Thomas Middleton (Delphi Classics) [Электронный ресурс]. URL: [https://books.google.ru/books?id=NOBmCwAAQB AJ&pg=PT3616&dq=13.%20Complete%20Plays%20and%20Poetry%20of%20Thomas%20Middleton%20\(Delphi%20Classics\)&hl=ru&pg=PT3616#v=onepage&q&f=false/](https://books.google.ru/books?id=NOBmCwAAQB AJ&pg=PT3616&dq=13.%20Complete%20Plays%20and%20Poetry%20of%20Thomas%20Middleton%20(Delphi%20Classics)&hl=ru&pg=PT3616#v=onepage&q&f=false/) (Дата обращения: 23.06.2019).
13. Milton J. Complete Poems and Major Prose. Indianapolis, 2003. 1061 p.
14. Official King James Bible Online [Электронный ресурс]. URL: www.kingjamesbibleonline.org/ (Дата обращения: 21.06.2019).
15. Shelley P. B. The Poetical Works of Percy Bysshe Shelley. London, 1840. 363 p.
16. Vaughan H. Poems: Silex scintillans. New York, 1896. 560 p.
17. Whitman W. Song of Myself, and Other Poems. Berkeley, 2010. 262 p.
18. Wordsworth W. The Complete Poetical Works of William Wordsworth. Philadelphia, 1848. 551 p.
19. Young, E. The poetical works of Edward Young. Volume II. London, 1852. 334 p.

© Алтухова Ольга Игоревна (olga.altukhova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОККАЗИОНАЛИЗМЫ. ИХ ОБРАЗОВАНИЕ И ЦЕЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ И СМИ

OCCASIONALISMS. THEIR EDUCATION AND PURPOSES OF USE IN MODERN LITERARY TEXTS AND MASS MEDIA

I. Volkova

Summary. Article is devoted to the issues of occasionalisms, their formation and purposes of use in modern literary texts and mass media, as well as the existing problems in the study of poetic occasionalisms, as these tumors are displayed in dictionaries of General and special meanings. Questions about the places of application of these neologisms in the lexical system of the Russian language, the classification of occasionalisms and the principles of their functioning in the modern world.

Keywords: occasionalisms, language, society, mass media, literary texts, neoplasms, linguists.

Волкова Ирина Алексеевна

Преподаватель, Институт транспорта, сервиса и туризма, Нижегородская область, р.п. Воротынец
volkova10011985@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам окказионализмов, их образованию и целям использования в современных художественных текстах и средствах массовой информации, а также имеющаяся проблематика в изучении поэтических окказионализмов, так как данные новообразования отображены в словарях общего и специального значений. Вопросы о местах применения данных неологизмов в лексической системе русского языка, о классификации окказионализмов и о принципах их функционирования в современном мире.

Ключевые слова: окказионализмы, язык, общество, СМИ, художественные тексты, новообразования, лингвисты.

Общество постоянно изменяется под воздействием различных факторов, а вместе с ним и язык претерпевает изменения. Проследить такие изменения можно на примере средств массовой информации, художественной литературе.

«Окказионализмы» — это слова, которые используются не многократно, чаще единоразово, в рамках одного конкретного текста. Образуются данные неологизмы путем намеренного нарушения словообразовательных норм. Основной целью окказионализмов является привнесение в текст печатанных изданий особой выразительности, эмоциональности и индивидуальности, благодаря данным речевым новообразованиям журналисты, писатели и другие люди привлекают и заостряют внимание читателей на конкретном тексте.

Произведя анализ устной речи людей, в которой были замечены окказионализмы, дает нам возможность говорить об индивидуальных особенностях людей в процессе словообразования и дальнейшем речепроизводстве, которые включают в себя новые слова. Как правило, в подборе необходимого слова говорящий человек в первую очередь обращается к личному лексикону за уже готовым языковым средством. Очень часто, поиск, не приносящий ожидаемого результата, является сигналом для привлечения механизма по словообразо-

ванию, который направлен на создание нового слова, согласно запросу говорящего.

Таким образом, можно говорить о том в настоящее время наиболее популярным средством художественной речи являются слова окказионализмы. В лингвистике можно встретить большое количество таких неологизмов, которые характеризуют и обозначают конкретное явление или действие. Окказионализмы — это слова, которые в жизни называют словами-однодневками, индивидуальными авторскими словами, слова-экспромты, слова-метеоры и многие другие названия.

В независимости от той или иной формулировки данного словообразования, ученые лингвисты говорят о том, что данные новообразования имеют некоторые специфические свойства, которые четко отграничивают окказионализмы от канонических слов. Более полную характеристику основных признаков представил лексиколог А. Г. Лыков:

1. Речевая принадлежность — главный признак окказионализмов;
2. Творимость — противопоставлена воспроизводимости канонических слов;
3. Производительность словообразования;
4. Не нормативность;
5. Одноразовость использования;

6. Яркая зависимость от общего контекста текста или статьи;
7. Экспрессивность;
8. Нормативная факультативность;
9. Синхронно-асинхронная диффузность;
10. Индивидуальная авторская принадлежность;
11. Непредсказуемость в результате словообразовательной деятельности, в восприятии и трактовании словесных новообразований.

Проанализировав изученный материал можно говорить о том, что процесс рождения окказионализма является диахронным моментом, а последующее его применение в речи и различного рода текстах, а также дальнейшее существование с другими окказиональными и каноническими словами, что является синхронным моментом.

Изучением словообразования занимался и ученый лингвист С.Ж. Нухов, который дал свое собственное определение окказионализмам — окказиональное слово — это некая экспрессивная лексическая единица, созданная в целях художественно-стилистического смыслового контекста.

Основным принципом, на котором базируются взаимоотношения между языком и речью — это отношения антагонистической взаимообусловленности. На этом же принципе выстраиваются отношения между каноническими словами, как составными лексическими единицами языка, и окказиональными словами, как лексической единицей речи. Поэтому, совсем не удивительно то, что в характерных свойствах окказионализмов прослеживаются свойства речи, а в свойствах канонических слов — свойства языка. Речь полностью зависит от тех условий, в которых она реализуется, а язык, как правило, стремится уйти от данной зависимости. Речь испытывает воздействие различных исторических и общественных факторов окружающей среды, в которой происходит функционирование языка, но язык имеет особенность, он защищается и воздействия речи по средствам своих норм, которые он стремится возвысить над постоянной изменчивостью событий как исторического, так и общественного характера. В ходе исследований деятельности по словообразованию ученые разделили все словообразования на несколько способов:

1. Лексико-семантический способ. На сегодняшний день можно заметить, что довольно часто каждый из нас встречается с новообразованными словами, которые являются новой интерпретацией имеющихся старых слов и выражений, иногда такая трансформация приводит к тому, что новое слово будет обладать новыми значениями и в итоге может даже произойти изменение общего смысла слова. Примером тому могут

послужить такие слова как: *seeker* — обозначает одного из игроков в квиддич или ловец, а после трансформации в окказионализм слово *seeker* — означает самонаводящийся снаряд; выражение *sickles and galleons* переводится как денежные единицы а если же разобрать данное высказывание по частям, то получим следующее *sickle* — серп, *galleon* — a sailing ship used mainly by the Spanish from the 15th to the 17th century. Таких примеров существует множество и далеко не каждый человек, использующий слова окказионализмы знает об изначальном и дословном значении слова или фразы. Несмотря на это, образование слов с использованием лексико-семантическим способом может затрагивать и трансформировать не только слова существительные, но и глаголы, например: *Here one of the guinea-pigs cheered, and was immediately suppressed by the officers of the court* — Тут одна из морских свинок заплодировала и была немедленно подавлена судебными приставами (они взяли мешок, сунули туда свинку вниз головой, завязали мешок и сели на него).

2. Лексико-синтаксический способ. Данный способ словообразования подразумевает, что рождение новых слов осуществляется путем соединения в одно слово двух и более слов, таким способом словообразования чаще всего образуются существительные. Для создания слова из нескольких слов не обязательно их написать слитно, можно поставить между ними дефис, что облегчит чтение образовавшегося слова, например: *you-know-what* — ты знаешь что, ты знаешь, о чем речь (употреблено, чтобы не называть предмет разговора); *what's-her-name* — как там ее имя; *an I-don't-think-you're-being-very-sensitive sort of voice* — характерный тон «напряги свою тупую голову»; *a don't-joke-about-things-like-that look* — взглянула, как будто хотела сказать: «такими вещами не шутят»; *out-of-the-way things* — необычные происшествия.
3. Морфологический способ. Именно морфологический способ является основным способом рождения речевых новообразований. Словообразование, которое происходит по морфологическому способу осуществляется на языке основ и словообразовательных аффиксов, то есть все новые слова создаются на базе уже известных языковых материалов и по определенной модели. После образования нового слова мы можем проследить исходную форму и определить части уже известных слов, что и помогает понять и осмыслить новой окказионализм.

Многие известные ученые-лингвисты и языковеды определили и описали основные виды морфологического словообразования:

Как отмечают многие ученые-языковеды (Н. М. Шанский, Л. Л. Брагина, Е. А. Земская, П. Л. Лекант и др.), основными видами морфологического словообразования являются:

- ◆ Редеривация — когда происходит обратное словообразование, т.е. образование нового слова происходит не в виде производного, в виде производящего;
- ◆ Сложение — когда окказионализм рождается при сложении двух и более уже известных слов;
- ◆ Аффиксация — это образование новых слов, которое осуществляется благодаря присоединению аффиксов к корням или основам слов;
- ◆ Безаффиксный способ — это когда образование новых слов происходит при помощи значимого отсутствия суффиксов, чаще всего новые слова по данному типу образуются из глаголов или прилагательных, которые имеют суффиксы в составе основы;
- ◆ Аббревиация — когда словообразование происходит путем сокращения от словосочетаний.

Современный подход лингвистических исследований антропоцентричен, именно поэтому ученые-языковеды отмечают важность существующей важностью проблемы эмотивности, а также придают особое значение актуализации речевых смыслов слова. Ирина Владимировна Арнольд, советский и российский ученый лингвист, а также специалист в области лексикологии, стилистики, риторики, она является основоположницей школы стилистики декодирования, доктор филологических наук, она считала, что оценочная составляющая больше, чем другие, и связано это с предметно-логическими значениями, которые уточняют и дополняют его. Н. Д. Арутюнова, также советский и российский ученый лингвист считает, что оценка — это наиболее яркая характеристика прагматического значения слова. В своих работах ученые Шмелева Д. Н., Уфимцева А. А. и Телия В. Н. затрагиваются вопросы эмоциональных и оценочных фактов как источников развития языка, выражение этих фактов является одной из основных семиологических функций слова. Доктор филологических наук, профессор Шаховский В. И. говорил о том, что механизмы эмоцианализации коммуникативных единиц языка работает и на языковом уровне, и на речевом уровне, что дает возможность сделать выводы о том, что коммуникативная важность эмотивной семантики слова может рассматриваться как аргумент воздействия на получателя информации. На сегодняшний день существуют различные способы создания оценки, с которыми мы можем встретиться в средствах массовой информации. Окказиональные слова дают нам возможность передавать оценку читателю и чаще всего это происходит без осознания читателем, что представленная оценка не является его образом. Наиболее популярным объектом

оценки в коммуникациях прессы (газеты, журналы и т.п.) является человек.

Окказионализмы тесно связаны с метафоричностью. И очень часто встает вопрос о том, могут ли окказиональные слова в момент своего рождения обладать метафоричностью? Данный вопрос возникает по причине того, что метафоричное значение, обычно, возникает в результате переноса названия одного предмета на другой, которых обладает сходными свойствами (формой, функциями). Примерами таких значений могут служить такие выражения как: стальные нервы, золотые руки, пламенное сердце, финансовые пирамиды, каркать (в значении «наговаривать»), также примеры метафоричности можно привести и из художественной литературы, например: «Выткался на озере алый цвет зари» (С. Есенин), «я стою на побережье, в пожаре прибора» (К. Бальмонт), что же касается окказионализмов с обладанием метафоричности, то сюда мы можем отнести такие выражения как: финансовые пирамиды, синие чернила, тормозной башмак и многие другие. В случаях с окказионализмами, которые только что были созданы/придуманы, у которых по сути своей и истории пока еще нет, то о переносе такого названия одного предмета на другой не может быть и речи.

Для более глубокого понятия что же такое окказионализмы и метафоричные признаки нам необходимо обратиться к художественным текстам, которые наиболее ярко демонстрируют нам как это может быть применено на практике. В качестве примера возьмем небольшой отрывок из «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое», которое написал Владимир Маяковский для строителей Кузнецка — «Сливеют губы с холода, но губы шепчут в лад: Через четыре года здесь будет город-сад!» В данном отрезке писателем был применен перенос названия с одного предмета на другой, а именно, Маяковский написал в своем произведении «сливевть», а не «синевть», сделал он это для того чтобы улучшить понимание происходящего действия, так если бы Владимир Маяковский написал «синевть», то это означало бы что нос строителей приобретают синий цвет, а так при использовании слова «сливевть» он добился того, что мы, читатели, воспринимаем это так, нос строителей становиться синим, как слива. Поэтому в данном случае мы можем говорить о частичном переносе значения слова. Примеров таких переносов значений и названий в художественных текстах достаточно много, например: «Публика сидит и тихо шейдеманит» — данный отрывок взят из пьесы Владимира Маяковского «Мистерия-буфф», также примерами метафоричности выражений могут быть следующие выражения: «Ваня готов был лопнуть от смеха», «Когда он ее увидел, через его тело прошел мощный электрический разряд», «Его грызла совесть, долго и коварно», «Когда она увидела цену, ее задуши-

ла жаба», «Настроение у него было ужасным, и на душе скребли кошки». Во всех приведенных выше примерах полного переноса названия нет. Многие ученые лингвисты говорят о том, что окказионализмы не могут быть метафоричными, но как как утверждают другие ученые лингвисты они ошибаются.

Всем известно, что метафора — это скрытое сравнение одно предмета или действия с другим. У слов, которые получили метафорические значения сравнение спрятано плохо. Именно поэтому, когда в словарях указывается толкование таких слов обязательно присутствует упоминание тех предметов или действий, сравнением с которыми произошло образование метафор.

Метафоричность окказионализмов образуется не при помощи переноса названия, а благодаря употреблению производящей основы, как обозначения объекта употребления. Другими словами, метафоричность окказионализмов возникает именно в момент рождения нового слова- окказионализма. Исходя из вышесказанного мы не можем с уверенностью говорить о том, что лексические окказионализмы, обладающие признаками метафоричности, что они являются словами с перенесенным значением, а все потому, что никакого переноса значения и не было, так как у слова не было изначально значения.

Проведя небольшое исследование на предмет что такое окказионализмы с признаками метафоричности я задалась не менее интересным вопросом: а как же можно соотнести метафоричность окказиональных слов с фактом существования языковых и авторских метафор? Изучив разнообразные литературные источники, мною было отмечено следующее: в настоящее время существует два вида метафоричных значений слов:

1. Языковые (узуальные) значения слов языка.
2. Авторские (окказиональные) значения слов языка.

Примерами данных видов значений слов могут послужить: головка сыра, голова колонны, тяжелый взгляд, каменное сердце, «а рядом у проталинки, в траве между корней бежит, струится маленький серебряный ручей.» поясним, в чем же заключается метафоричное значение слов в данной строке из произведения «Черемуха» Сергея Есенина. Всем известно, что вода не может быть серебряной, но несмотря на это все читатели понимают, что выражение «серебряная вода» означает, что вода очень чистая, а журчание текущего ручейка напоминает перезвон серебра. Так же в этой строке имеется выражение «бежит, струится...ручей», и нам, читателям так же становится ясным, что вода не может бежать, а данное метафорическое значение слова указывает на то, что вода в ручье течет быстро.

Авторские метафорические значения не принадлежат языку. Они являются установленными фактами речи. В ряду языковых значений того или иного слова нет значения или значений, в которых его мог бы употребить автор. Например: Есенинские- «увял головы моей куст», старуха челюстью порога жуёт пахучий мякиш тишины и т.д.

Окказиональные метафорические смыслы известных языку слов и существующие метафорические значения известных языку слов — это явления, которые различаются механизмами своего происхождения: первые образуются путем переноса уже существующего названия одного предмета на другой, а вторые образуются при возникновении нового слова.

Как уже стало понятно окказионализмы активно находят свое применение в творчестве и творческих текстах, так как являются авторскими творениями с целью разового использования привнести в текст необходимую эмоциональную атмосферу, но которую читатель обязательно обратит свое внимание.

Мною были рассмотрены особенности применения окказионализмов в художественных поэтических текстах Сергея Александровича Есенина.

Новые слова в творчестве поэтов и писателей появляются как в письменной, так и в устной речи. При помощи таких словесных новообразований и образуется личный авторский стиль художественных текстов и речи. Как известно поэтическая речь у каждого из поэтов и писателей обладает особым ритмом, тембром, постановкой ударения в словах, с целью недопущения нарушения традиции стихосложения, именно это и толкает творческих людей на образование новых слов.

Сергей Александрович Есенин является одним из крупнейших и наиболее известных поэтов XX века, который оставил читателям богатейшее стихотворное наследие. Есенин был русским классиком, корнями происходившим из рода крестьян, занимался продолжением великого дела Александра Сергеевича Пушкина, Николая Васильевича Гоголя, Льва Николаевича Толстого, Сергей Александрович способствовал расширению границ в поэзии народного стихосложения и языка. Основной сутью творчества Есенина является его способность к использованию орнаментального стиля письма, использование образно-речевого начала, и наверное самым главным являлось его «чувство родины». Благодаря творчеству С. А. Есенина в XX веке произошли открытия в русском литературном языке, которые были связаны с новаторскими достижениями поэта. Особенно заметно это получило отражение в собственном стиле писателя. Соединив в себе тради-

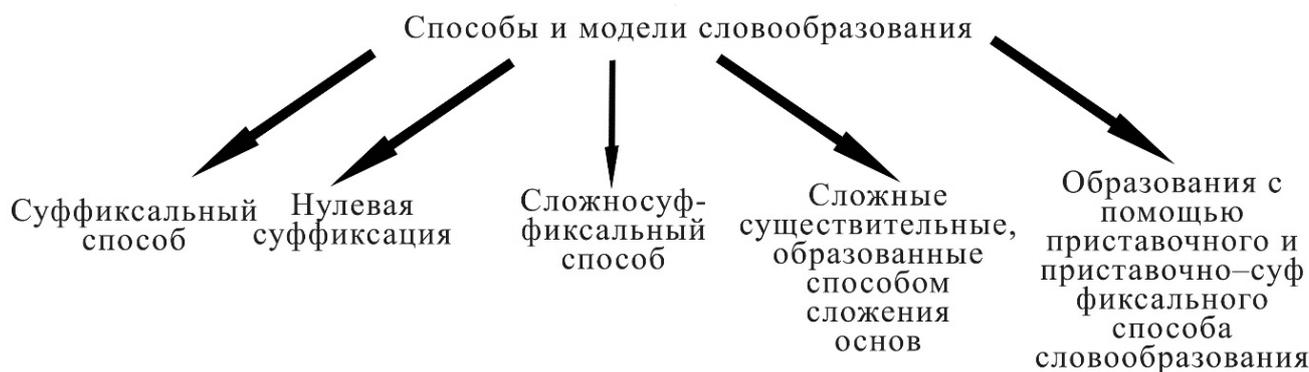

Рис. 1. Способы и модели словообразования

ции народной культуры, видение мира, родины, особого отношения к людям, Есенин пытался передать весь полученный опыт, постоянно расширяя и обогащая его, последующим поколениям. Несмотря на то, что Сергей Александрович создал достаточно много новых слов, при помощи которых происходило выражение его мыслей и чувств, это показывало читателям особое восприятие окружающего мира поэтом. Творческая жизнь поэта охватывает пятнадцатилетний временной промежуток. Но не взирая на столь непродолжительный творческий период, он был наполнен различного рода экспериментами и постоянными художественными поисками. Есенин для выражения своих поэтических замыслов использовал различные литературные жанры. Главными характерными чертами стихотворного творчества С.А. Есенина являются, гармоничность, песенность, лиричность, способностью соединять сочетать несочетаемое в своих поэтических образах. Все совершенные открытия С. А. Есенина, которые были совершены в написании лирических произведений, были тесно связаны с богатыми возможностями великого русского языка.

Исходя из вышесказанного можно говорить о том, что поэтическая речь — это особый языковой материал для ученых лингвистов, который открывает большие возможности для проведения различных исследований.

Для проведения исследования окказионализмов в художественных текстах Есенина нами были рассмотрены его произведения, написанные в период его поэтической деятельности, сборники стихов, стихи последних лет, а также великие поэмы «Пугачев», «Песнь о великом походе», «Поэма о Зб», «Анна Сенигина», а так же «Черный человек». Основываясь на словарных статьях, нами были сделаны выводы о том, что является ли выбранное слово окказионализмом или же нет.

В указанных выше и изученных произведениях было выявлено использование ста четырнадцати окказио-

нальных существительных, семьдесят восемь окказиональных прилагательных, шестьдесят шесть глаголов и одиннадцать наречий. Исходя из полученных данных мы видим, что окказиональные слова не так уж и часто встречаются в поэтических текстах Сергея Александровича, что свидетельствует о тонком языковом и словесном вкусе поэта. В произведениях Есенина окказиональные существительные занимают наибольшую долю от всех словесных новообразований, среди которых можно выделить несколько лексико-семантических групп:

1. Слова существительные, имеющие значение лица;
2. Слова существительные, имеющие значение отвлеченного признака;
3. Слова существительные, имеющие значение субъективной оценки.

Проведя более подробный анализ данных групп, были определены использованные способы словообразования и их модели (Рис. 1)

1. Суффиксальный способ словообразования (29 словообразований в изученных художественных текстах С.А. Есенина). Образования новых слов придерживаясь данного способа словообразования построено на использованиях ряда различных суффиксальных морфем, наиболее выразительными из которых являются суффиксы субъективной оценки со значением уменьшительно-ласкательного характера, а также увеличительным значением неполноты имеющегося признака. В творчестве Есенина были испозованы следующие суффиксы: -ость/ -ность, -ень, -овен/-овин, -ищ,-иц, -ин, -ений, -иль, -от, -енок. Например: непогодина, клененочек, тучица. Данные ноообразования были использованы Есениным в стихотворении «Заглушила засуха засевок.»

*На коне — черной тучице в санках —
Билось пламя шлея... Синь и дрожь.
И кричали парнишки в еланках:
«Дождик, дождик, полей нашу рожь!»*

В данной отрывке слово «тучица» обозначает маленькую тучку, на что нам, читателям, указывает суффикс -иц, при помощи которого образовалось слово тучица.

В отрывке стихотворения «Хулиган» поэт рассматривал в качестве живого существа клен, у которого есть детеныш — «клененочек», данное существительное употреблено в ласкательной форме.

*Ты видишь, как клен без оглядки
Выходит к стеклу болот
И клененочек маленький матке
Деревянное вымя сосет*

Окказионализмы-существительные, имеющие значение отвлеченного признака. Эта группа занимает наибольшую часть всех использованных и новообразованных слов в поэтических текстах Есенина. Существительные с отвлеченным значением могут иметь значение «опредмеченного» качества, признака или состояния. Все эти значения выражаются по средствам определенных словообразовательных формантов.

2. Нулевая суффиксация, как способ словообразования. (В поэтических текстах Есенина нами было замечено двадцать восемь новообразований, полученных данным способом). Данный способ словообразования в творчестве поэта стоит на втором месте по количеству новообразованных слов. В произведениях С. А. Есенина новые слова образованы от глаголов и прилагательных, например: голь, гарк:

*Оловом светиться лужная голь...
Грустная песня, ты — русская боль.
(«Черная, потом пропахшая выть!..»)*

В данной отрывке окказионализм слово «голь» обозначает «голый».

Особенный интерес представляют собой слова, которые образовались от существительных, так как в литературном языке таких образований практически нет. Значения этих слов или собирательное, или имеют значение отвлеченного признака.

3. Сложносуффиксальный способ образования слов (в произведениях Есенина было отмечено четыре примера). Способ такого словообразования существительных в поэтических текстах С. А. Есенина представлен в немногочисленном количестве новообразованных слов. Например: ратобоец.

*Ой ли, светлы, ратобойцы,
Слушайте мой сказ.
У меня в лихой изгой уж
Есть поклон до вас.*

Отрывок из произведения «Егорий»

4. Сложные существительные, которые образуются про помощи сложения основ в текстах Есенина, в творчестве поэта встречаются крайне редко, всего несколько новообразованных слов. Например: крутосклон, кровопровод, листолёт.

*Молочный дым качает ветром села,
Но ветра нет, есть только легкий звон.
И дремлет Русь в тоске своей веселой,
Вцепивши руки в желтый крутосклон.*

Отрывок «Голубень».

5. Среди использованных в поэтических текстах окказионализмов имеются слова, образованные приставочным и приставочно-суффиксальным способом, данных словообразований в проанализированном творчестве крайне мало.

Таким образом, проведя глубокий словообразовательный анализ поэтических текстов С. А. Есенина, пришли к выводу о том, что наиболее используемый способ словообразования является суффиксальный способ.

В современных средствах массовой информации прослеживается активное использование окказионализмов и их процессов. Создание окказиональных слов является особой областью экспрессивного словообразования в средствах массовой информации, так как специально придуманное слово в силу своей необычности и новизны на фоне канонических слов обладает повышенной экспрессивностью.

В повседневной жизни мы довольно часто можем встретиться с «неправильными» словами, которые чаще всего мы можем услышать от детей или же просто от не грамотного человека.

Помимо обычной, повседневной жизни, художественных произведений с окказионализмами мы можем встретиться даже в средствах массовой информации. Взяв любую газету или журнал, можно увидеть, сколько же новых слов, которых нет ни в одном словаре, использовано в написании тех или иных статей, написанных журналистами. Выразительность и привлекательность — это наиболее важные стилистические роли окказиональных слов в текстах обеспечивается их новизной, необычностью на фоне уже известных и привычных слов. В современных речевых условиях, при непринужденном общении, когда нет особых правил, установок и ограничений мы все чаще можем заметить, что у оппонентов разговора имеется настроенность на процессы словообразования, и связано это с тем,

что каждый собеседник испытывает потребность в том, чтобы его речь была интересна, привлекательна и ее слушали.

Из большого многообразия форм общения с массовой аудиторией, наибольшая роль принадлежит печатанным средствам массовой информации, это связано с тем, что печатанные материалы (газеты, журналы и прочее) обладают большой доступностью для читателей и широким охватом аудитории, помимо всего этого данный вид средств массовой информации обладает широким спектром освещаемых тем, благодаря чему каждый из читателей сможет найти для себя что-то интересное и привлекательное. Также печатанные СМИ имеют информативную оперативность, и фиксированием материала в удобной форме использования.

Современная газетно-журнальная коммуникация использует множество различных лексико-фразеологических единиц, которые помогают создать необходимую эмоциональность, экспрессивность и оценочность изложенному материалу. Для данного журнально-публицистического текста, так же, как и для художественных текстов очень важна категория автора. Русский философ, автор нескольких лингвистических работ считает, что автор является единственно активной формообразующей энергией и его активность является выражением собственной оценки к чему-либо. Одной из наиболее важных особенностей журналиста является активная позиция автора, ее наиболее яркое выражение различными средствами.

В основном Окказионализмы используют для игры слов, оригинальности и экспрессивности своих выражений, так как такие новообразования всегда носят оценочный характер.

Причины, побуждающие журналистов прибегнуть к использованию индивидуально-авторских окказионализмов следующие:

- ◆ необходимость в точном выражении собственных мыслей;
- ◆ стремление журналиста наиболее кратко выразить и изложить свою мысль;
- ◆ потребность журналиста подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою собственную характеристику и оценку;
- ◆ стремление, привлечь внимание читателя или слушателя к статье или эфиру путем использования слов окказионализмов;
- ◆ стремление в максимальном избегании тавтологии;
- ◆ необходимость в сохранении заданного ритма текста, обеспечение рифмы.

Активный интерес в использовании слов-окказионализмов вызван некоторыми причинами:

1. Слова — окказионализмы чаще всего используются журналистами.
2. Окказионализмы создаются и используются для игры слов, добавления оригинальности тексту или сообщению, подобные словесные новообразования всегда носят оценочный характер и представляют собой иронизирующие перифразы.
3. Слова — окказионализмы выполняют индивидуально-стилистическую функцию в определенном контексте и обычно используются такие слова единоразово и не становятся достоянием языка.

Такие слова получили название «вечные неологизмы». Как и в любых других правилах имеются исключения, иногда бывает так, что произнесенное или написанное в статье слово-окказионализм входит в лексику общего употребления и затем фиксируется в словарях.

Примерами таких исключений являются: «сиюминутный», данное слово придумал Владимир Маяковский, оно долго не ходило в языковой оборот общества, но со временем люди стали использовать и в 1990 году в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова слово «сиюминутный» заняло свое место.

Похожим примером может стать слово «судьбоносный». Впервые оно было зафиксировано в картотеке словарников в 1973 году и лишь с недавних пор стало активно употребляться как в устной, так и в письменной речи общества.

Журналисты — это специалисты, которые занимаются отображением действительности в телевизионных эфирах и различного рода статьях в печатных изданиях. Язык, как и действительность, находится в постоянном, непрерывном развитии и находит свое отражение в тексте и общей манере написания статей журналиста. Такие свойства окказиональных слов помогают журналистам не только выразить свое отношение к предмету, явлению, событию или чему-то еще, но и привлечь на это внимание читателей. Используя новообразования слов написанный журналистом текст обретает емкость, полноту, необходимую эмоциональность.

Окказиональные слова в средствах массовой информации служат не только для освещения реалий современной жизни, но и характеризует автора-журналиста как активную и творческую личность, который в аспектах словотворчества стремится представить свое видение и оценку окружающего, нередко прибегая к использованию различных форм языковой игры. Лексические инновации тематически отражают изменения,

которые происходят во всех сферах современной жизни. Экспрессия окказионализмов чаще всего появляется в результате не узуального сочетания узуальных частей слов. Создавая новое слово, автор чаще всего использует именно узуальную модель, которая хорошо известна читателям, поскольку в процессе словообразования необходимо четко помнить, что тот смысл, который автор хочет донести до читателя был понятен читателю, иначе применение новых слов окказионализмов может вызвать антипатию у читателя, что приведет к снижению рейтинга автора.

Достаточно высокую активность в периодической печати проявляют инновации с компонентом анти-, которое выражает значение противодействия и противоположности. Довольно высокую степень частотности в настоящее время демонстрирует препозитивный и псевдопозитивный формант, который имеет значение сложности, он активен при создании новых слов, которые отражают события научной, экономической, политической или культурной сфер жизни. По-прежнему в новообразованиях в качестве исходных слов используются имена собственные, например: «Живешь и не знаешь, кто завтра постучится в твою дверь-вор, мошенница под видом какого-либо сотрудника социальной или домовой службы, придут и выманят у пожилого человека его накопленные на «черный день средства» (Молодежная среда 2013). В словах окказионализмах оценка (в основном негативная) может быть создана при помощи словообразовательного средства, напримерб «Эти актрисули как сорняки, проникают всюду» (Cosmopolitan-видеOVERсия. Телеканал ТНТ. 2019. 22 марта). Необходимо отметить, что высокая оценочная планка, ниже которой «звездуны» не опускаются принципиально, совсем не означает то, что все они идут на расхват.

Современный подход исследований ученых лингвистов и языковедов достаточно антропоцентричен, и именно поэтому языковеды отмечают важность сложившейся проблемы эмотивности, и придают особое значение актуализации речевых смыслов слова. На сегодняшний день существуют разнообразные способы создания оценки, с которыми мы можем столкнуться в средствах массовой информации. Окказиональные слова предоставляют возможность наиболее индивидуально передавать оценку автора к читателю. Что же касается дифференциации эмоционально окрашенной лексики, то данный вопрос в настоящее время не нашел окончательного решения. Е.Ф. Петрищева, автор книги «Стилистическая окрашенная лексика русского языка» выделяла следующие виды лексики:

- ◆ ироническая лексика;
- ◆ шутливая лексика;
- ◆ бранная лексика;

В средствах массовой информации слова окказионализмы находят свое применение не только с различного рода статьях журналах и газет, но и в выпусках разного рода телевизионных передач.

Слово — это корень всех вещей. Многие поэты и писатели в разные периоды развития русской литературы понимали это и уделяли особое внимание, стараясь как можно точнее и выразительнее изложить свою мысль. Своей экспрессивностью, необычностью подобные «случайные слова» помогают привнести в текст определенную игру, которую задумал автор и делают готовый текст более динамичным и привлекательным.

По нашим наблюдениям, количество новообразований на страницах журналов и газет стремительно увеличивается. Такой расцвет окказионального словотворчества объясняется внутренней раскрепощенностью журналистов. Изучая влияние социокультурной ситуации на язык, на образование в нем новых слов, можно говорить о том, что в отдельных случаях словесные новообразования способны оказывать влияние на языковое сознание общества. Окказионализмы в средствах массовой информации далеко не всегда рожают новые смыслы и побуждают читателя текста к размышлению. Несмотря на это многие газетные словесные новообразования могут перейти в разряд часто воспроизводимых слов.

Эмоционально-оценочные средства способствуют психологизации речи, делают речь живой, отражают чувства человека в различные моменты и периоды его жизни. Выбор словообразовательных средств субъективной оценки никогда не является случайным. Он носит системный характер, создавая представление о мировосприятии, раскрывая его способность видения и понимания окружающих предметов и вещей.

Появление окказионализмов предопределено творческим импульсом и порывом автора, речевыми усилиями в стремлении к актуализации своих намерений.

Анализ окказионализмов на примере журналов и газет позволяет говорить об активности разных способов словообразования при создании новообразований с ингерентной экспрессивностью. Появление ингерентной экспрессивности связано с нарушениями словообразовательной нормы. Меньшую экспрессивность проявляют окказиональные слова. Созданные по образцу словообразовательных типов, большую экспрессивность обнаруживают окказионализмами нетиповой структуры.

Из рассмотренных примеров видно, что все окказионализмы, которые используются в художественных

текстах и средствах массовой информации, образуются при помощи стандартных способов словообразования и создаются по аналогии с узуальными словами, в связи с чем крайне редко нарушают языковые нормы.

Подводя итог проведенного исследования по теме «Окказионализмы. Их образование и цели использования в современных художественных текстах и СМИ» можно говорить о том, что в настоящее время имеется разнообразие окказиональной лексики, которая, судя по полосам газет и журналов, останавливаться не собирается, а имеет тенденции к дальнейшему развитию, что повлечет за собой создание новых слов — окказионализмов, а также появлению их новых классификаций. Также можно говорить о том, что новообразованные слова — окказионализмы представляют собой некий речевой феномен, который не утратит своей популярности, наверное, никогда, а все потому, что окказионализ-

мы — это всегда что-то новое, необычное, интересное, они индивидуальны и несут определенную мысль конкретного автора.

Проведенное исследование окказионализмов на примере художественных текстов и средств массовой информации показало, что образование новых слов может отражать не только современные интересы общества, актуализировать фоновые знания реципиентов, освещать различные имеющиеся проблемы и различного рода несовершенства общества, а также может стать средством речевой агрессии. В целом, изложенные выводы и заключения, касающиеся структурно-семантической специфики и функциональных особенностей окказиональных слов в средствах массовой информации, коррелируют с выводами, полученными другими авторами, которые занимались изучением данного вопроса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. — I–XV, 896 с.
2. Александрова, О. А. Неологизмы и окказионализмы / О. А. Александрова // Вопросы русского современного словообразования, лексика и стилистика. — Науч. тр. Куйбыш. пед. ин-та, 1974. — т. 145. С. 3–9.
3. Никульцева, В. В. Идентичные неологизмы в поэзии В. Маяковского и С. Есенина / В. В. Никульцева // Рус. речь. — 2010. № 1. — С. 28–35.
4. Пацула, Ю. Н. Окказионализмы новейшего времени: Структурно-семантический и функционально-прагматический аспекты / Ю. Н. Пацула. Ростов-на-Дону, 2005. 167 с.
5. Есенин, С. А. Стихотворения и поэмы / Составители Е. А. Есенина и А. А. Есенина / С. А. Есенин. — М.: Московский рабочий, 1958. — 527 с.
6. Есенин, С. А. Стихотворения и поэмы. / С. А. Есенин. М.: Художественная литература, 1976. — 317 с.
7. Маяковский, В. В. Сочинения в 2 т.: поэмы, пьесы, проза / В. В. Маяковский. — М.: Правда, 1988. — 2 т.

© Волкова Ирина Алексеевна (volkova10011985@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АЛАНКАРЫ В ВАРИАНТАХ ПЕРЕВОДА ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ НА ХИНДИ

Газиева Индира Адильевна

Доцент, ФГБОУ ВО «Российский государственный
гуманитарный университет»
indira@rggu.ru

ALANKARAS IN SADDRIDDIN AINI RUSSIAN AND HINDI NOVEL TRANSLATION

I. Gazieva

Summary. The article deals with investigation of Hindi stylistic marks as a kind of figure in poetic speech and their types for classification in literary texts. In Hindi we call them alankaras that mean ornamentation of meaning which include the simile and the metaphor, syntactic and stylistic constructions based on the repetition of individual sounds, words, unions, bearing the main semantic load in a literary text. We analyze of the translations' parallel texts of «Odina»'s story written in 1924 by Sadridin Aini, famous Tajik writer. The first translation from Tajik into Russian was made by Pavel Vvedenskiy and published in 1929 in Uzbekistan (Samarkand-Tashkent) and the second was made by Zakhar Khatsrevin and published in 1930 Russia (Leningrad-Moscow). There is a Hindi translation of this story made by Rahul Sanskrityaan and published in 1951 in Delhi (India). We explore lexical, phraseological and phonetic stylistic marks that in Hindi are known as «yamak alankar», «anuprasa», «ruupaka», «atisayokti» and «upma». The repetition of the same or similar consonants gives to poem a special expressiveness of sound. «Anuprasa» as a type of alliteration includes the repetition of individual sounds (vowels-consonants), words or function word in Hindi language, which carry a semantic meaning in the poetic and literary text.

Keywords: metaphor, hyperbole, alliteration, translation variability.

Аннотация. статье рассматриваются аланкары как средства выразительности художественной речи в вариантах переводов с русского языка на хинди повести «Одина» таджикского писателя XX века Садриддина Айни. В языке хинди достаточно много таких аланкаров или изобразительных средств, позволяющие украсить любую поэтическую мысль, т.е. усилить значение слов в рифме, тем самым улучшить сам стих, поэму. В прозе на хинди наиболее распространённым типом таких «украшений слова» является «ирата» или «сравнение образов», но в поэзии хинди встречаются такие «украшения слов» как метафоры «гурака», гиперболы «atisayokti», аллитерации «апупраса», применяемые для явного и намеренного преувеличения с целью вызвать сильные чувства или создать сильное впечатление. «Anuprasa» как вид аллитерации включает в себя повтор отдельных звуков (гласных-согласных), слов или служебных слов языка хинди, которые несут смысловую нагрузку в тексте. Кроме того, в поэзии на санскрите и на хинди аланкары встречаются в виде: «секапупрас», когда в стихотворном жанре больше повтора сходных по звучанию согласных звуков; «vrityanuprasa» — повтор однородных согласных; «latanuprasa» — повтор одного слова; «antanuprasa» — повтор отдельных гласных звуков или их сочетаний (ассонанс); «shrutanuprasa» — повтор согласных звуков одного алфавитного ряда (звонких, глухих согласных, придыхательных и носовых звуков). В рассматриваемых нами переводах встречается и игра слов «уатак», являющимся литературным термином, передающего игру слов в стихе, основанную на повторяемости звукосочетаний, т.е. слово повторяется несколько раз, но каждый раз его значение отличается: “sajnaa he, mujhe sajnaa ke liye” — «возлюбленный, вот кто мне нужен!», где слово “sajnaa” означает «украшение», но в этом примере означающее «возлюбленный герой».

Ключевые слова: тропы, сравнительный анализ текста, вариативность перевода.

Средствами художественной выразительности в языке хинди являются аланкары (*alankara*) — поэтические украшения слова или «система стилистических правил в поэзии, направленных на обогащение художественной выразительности стиха или поэтической прозы» [7]. Сами аланкары подразделяются на смысловые «артхаланкары (*arthalankara*)» — приемы и фигуры, украшающие смысл слова. Сюда входят такие типы как: а) «упма» (*upma*) или сравнение, сходство, подобие. В данном случае обычный субъект или объект сравнивается с более известным: «*Taj Mahal sa ghar*» — «дом, подобный Тадж Махалу», где слово «*ghar*» — «дом» сравнивается со зданием, которое славит своей красотой; б) «рупака» (*ruupak*) — метафора; в) «атишьёкти» (*atishyokti*) или гипербола, являющимся

поэтическим приёмом, который применяется для явного и намеренного преувеличения с целью вызвать сильные чувства или создать сильное впечатление: «*dil baadal bane, aankhen behne lagi*» — где слово «*dil*» означает «сердце» и намеренно преувеличивает слово «*baadal*» — «облако», «*aankhen*» — «глаза». Примерный перевод звучит так: «слезы из глаз подобно дождю, потому что сердце превратилось в облака (боли); г) «шлеша» (*shlesha*) — или каламбуры (игра слов); 2) словесные «шабдаланкары» (*shabdalanankara*) или средства, ведущие к украшению звучания самого слова (аллитерации, рифмы, ассонансы). К типу «*anupras*» мы можем отнести — аллитерационные стихи, в которых имело место повторение одинаковых (однородных) согласных только в начале слова. Такое повторение одинаковых или

однородных согласных придает стиху особую звуковую выразительность. К примеру, известное четверостишие из «Бармалей» Корнея Чуковского — «Выходила к ним горилла, Им горилла говорила, Говорила им горилла, Приговаривала» [14]. В примере аллитерации на хинди «*gher gher ghor gagan*» — «кругло-круглый ужасный небосвод» мы видим повторение первой буквы «gha», звонкого аспирата в системе алфавита деванагари. В индийской литературе встречаются также примеры паронимии в санскритских рифмах — «*yamak alankar*», т.е. каламбурные изобразительные средства (аланкарами). Это также фигуры речи, использующиеся, главным образом, для усиления красоты стихотворной рифмы: «*kanak kanak te saoguNa, maadaktaa adhikaay, va khaaye baoraaya nar, va paye baoraaya*» — «что золота стократно для тебя, что дурман, что (плод) манго съест человек, что выпьет (его) сок». В данном случае слово санскритской этимологии «kanak» здесь употребляется в двух значениях: в первом оно означает «золото», во втором это ботанический термин — «дурман».

Методология

В данной статье мы рассматриваем аланкары в вариантах переводов повести «Одина» (1924 г) известного таджикского писателя XX века Садридина Айни. Первые ее переводы на русский язык вышли в 1929 г. (переводчик П. П. Введенский) и 1930 г. (переводчик З. Л. Хацревин), а на язык хинди повесть была переведена и опубликована в 1951 г. (переводчик Р. Санкритьяян). Предметом исследования является вариативность перевода. Объектом исследования являются аланкары или изобразительные средства в трех вариантах перевода.

Теоретическую базу исследования составляют работы по методу изучения перевода по параллельным текстам (В. Н. Шадрин), работа Ю. Найды о лингвистических и культурных различиях, и прагматической адаптации текста перевода.

Цель исследования — предпринять попытку анализа средств выразительности художественной речи — аланкаров в параллельных текстах переводов с таджикского на русский язык, и с русского на хинди повести «Одина» С. Айни, основоположника таджикской советской литературы XX века.

Актуальность работы состоит в адекватной передаче смысла и интерпретации аланкаров в переводах с таджикского на русский язык повести «Одина», изданной в 1929 и 1930 гг. и перевода с русского на язык хинди повести «Адина», изданного в 1951 г. в Индии. В основе исследования лежит следующая гипотеза — можно ли назвать перевод с русского на хинди эквивалентным или адекватным по отношению к переводам с таджик-

ского языка на русский? Сохраняется ли полнота передачи всех стиливых, изобразительных средств и национальных особенностей в переводе на хинди с русского языка как языка-посредника? В соответствии с поставленной целью и выдвинутой гипотезой в работе решаются следующие задачи: 1) сопоставление и анализ двух русских переводов повести «Одина» и перевода с русского на хинди; 2) анализ сохранения средств художественной выразительности — аланкаров, просторечных синтаксических конструкций живой и стилизованной разговорной речи и разговорных синтаксических единиц в переводе на язык хинди. В работе используются следующие методы анализа текстов перевода и использования русского языка в качестве языка-посредника для создания текста перевода на хинди: метод исследования параллельных текстов (Шадрин); прагматическая адаптация в переводах (Найда); подход культурно-исторический в контексте принимающей культуры (Рейнгольд).

Результаты

Известно, что большая часть произведений Айни до сих пор переводилась по подстрочникам. Согласно Муллоджановой «...промахи переводчиков, работающих по подстрочнику, едва ли не в той же мере свойственны и тем, кто переводит непосредственно с оригинала. Этот субъективизм должен сочетаться с познанием объективных критериев сопоставляемости оригинала и перевода, объективных закономерностей воссоздания содержания и формы художественного произведения на другом языке. Это лишнее раз свидетельствует о том, что успех зависит не только от знания языка оригинала, но и от таланта художественной интуиции переводчика. Это вовсе не означает, что знание языка оригинала, быта, исторической действительности — второстепенный фактор. Напротив, без такого основательного знания, переводчик работает вслепую. Наши наблюдения показали, что при переводе С. Айни на русский язык не последнюю роль играет и общая культура переводчика, владение им стихией того языка, на который переводится произведение» [9, 121]. Согласимся с мнением Рейнгольд Н. И. о том, что «изучение текста перевода может сказать нам что-то о «состоянии умов», выявить не лежащие на поверхности движения в культуре данного времени. Если верно наблюдение о том, что специфика перевода состоит в его тесной связи с социокультурной практикой, и это выражается в большей, чем у оригинала, зависимости от языковых и идеологических кодов, типичных для того времени, которому принадлежит перевод, — и именно в силу этого своеобразия переводов много, а оригинал один, всегда в единственном числе, — то допустимо и обратное утверждение: по переводу можно судить о некоторых сторонах состояния культуры данного времени» [11, 58].

В повести «Одина» Садриддин Айни приводит несколько стихов. Рассмотрим вариативность в трех переводах с использованием аланкаров или поэтических образов на примере песни разлуки «Накш-и-Мулло», которую исполняли жители таджикского горного района Каратегина.

С. Айни, таджикский язык (оригинал):
*Доманаи кух — лолаи анбух,
 Бар сари ман хавои ту зиёда карда.
 Роҳ нур аз санг — маркаби ман ланг.
 Шавки ту дар роҳи туям ниёда харда.
 Кабк паридо — аз чи рамидо,
 Тири нигохе магараш нишиона карда.
 Мурги хушилхом — булбули хуихон,
 Васфи гулирууи туро тарона карда. [3, 300–301]*

Перевод П. П. Введенского 1929 года:
*У самого подножия горы,
 Множество тюльпанов вижу я.
 Чудных, ароматных много их.
 Так же велика любовь моя.
 Но дорога здесь полна камней.
 Захромал осел. Мы чуть бредем...
 Вот такой же путь — любовь к тебе.
 Трудно по камням идти пешком.
 Куропатка пролетела вдруг;
 За птенцов боясь, кружится мать.
 Неужели есть охотник тут?
 Кто мог куропатку испугать?
 Слышу песню. Где же соловей?
 Вижу, соловей поет вон там...
 Воспевает он твоё лицо,
 Всю тебя, подобную цветам! [1, 48–49]*

Перевод З. Л. Хацревина 1930 г.
*Склон горы высок, под горой цветок.
 А за ним их ряд хороводом стал.
 От ночных погонь охромел мой конь.
 Твой несчастный раб пешеходом стал.
 Куропатки лёт из крутых высот...
 Я лихим стрелком мимоходом стал.
 А певец разлук соловей, мой друг,
 По ночам моим песневодом стал. [3, 141–142]*

Перевод на хинди Р. Санкритьяна 1951 г.:
*Parvata-taton me lala ke phulon ki raashi,
 Lekin mere sir me tere utsukta ki baarh!
 Raah pattharon se bhara, aor mera ghora langra,
 Tere liye adhirta ne mujhe pyara kar diya!
 Kyu hua, jo panchi ur gaya,
 Aankhon ke baan ne kyon use lakshya banaya!
 Sundar svar wale panchi, sundar boli wale bulbul ne,
 Tere gulabi mukh ki prashamsa ka giit gaaya.*

Перевод с хинди:
*Созвездия красных цветов раскрылись
 у подножия гор,
 И на них смотря, в голове моей возник
 дивный образ твой!
 Дорога сплошь камнями устлана везде
 и мой конь по ним захромал всюю!
 И волнуясь о тебе, стал слугой твоим я!
 Что случилось вдруг с птицей, что взлетела?
 Стрелы глаз моих видно углядела?
 Сладкий голос птицы, пение соловья, песню
 он поет восхваляя нежный облик твой. [20, 40].*

В этих трех переводах встречаются аланкары, представленные в виде «упма» — «сравнение», «anuprasa» — аллитерация, «atishyokti» или гиперболу:

а) в переводе Введенского дается строка — «У самого подножия горы, Множество тюльпанов вижу я». В переводе Хацревина словосочетание «множество тюльпанов» передаются просто одним цветком — «Склон горы высок, под горой цветок». В переводе Санкритьяна «множество тюльпаны» и «цветок» переданы как «созвездия красных цветов»;

б) в строке Введенского «Но дорога здесь полна камней. Захромал осел. Мы чуть бредем» упоминается слово «осел», поскольку в оригинале на таджикском языке Айни дает слово «хар» — «осел». В переводе Хацревина мы видим фразу «Raah pattharon se bhara, aor mera ghora langra» передающее смысл — «От ночных погонь охромел мой конь», где нет упоминания на осла, а приводится слово «конь». Также нет упоминания на то, что «дорогая полна камней», а конь захромал от «ночных погонь». В переводе на хинди «Дорога сплошь камнями устлана везде и мой конь по ним захромал всюю!» мы видим упоминание на «камни» и «конь»;

в) в строке Введенского речь идет о «куропатке», которая кружится, опасаясь за своих птенцов: «Куропатка пролетела вдруг; За птенцов боясь, кружится мать» и также есть упоминание об охотнике. В оригинале на таджикском языке упоминается слово «мурги» означающее «перепелка». В переводе Хацревина также дается упоминание только на куропатку — «Куропатки лёт из крутых высот... Я лихим стрелком мимоходом стал». В переводе на хинди переводчик использует слово «panchii» означающее «птица» и также нет упоминания об охотнике, однако дается выражение на хинди «aankhon ke ban», означающее «стрелы глаз»: «Kyu hua, jo panchi ur gaya, Aankhon ke baan ne kyon use lakshya banaya!» (Что случилось вдруг, с птицей, что взлетела? Стрелы глаз моих видно углядела?). Здесь переводчик хинди использует алан-

кар — *«atishyokti»* или гиперболу для усиления состояния страха птицы, поскольку фраза на хинди звучит так — *«Aankhon ke baan ne kyon use lakshya banaya»*, означающее дословно «стрелы глаз (моих) нацелились на нее (птицу)». Также используется аланкар *«anuprasa»* или аллитерация, которая применима в хинди для явного преувеличения с целью вызвать сильные чувства или создать сильное впечатление. Во фразе на хинди дается повтор звонкого согласного «b» в словах *«baan»* и *«banaya»* для усиления образности и выразительности речи;

г) в строфе Введенского *«Слышу песню. Где же соловей? Вижу, соловей поет вон там... Воспевает он твое лицо, Всю тебя, подобную цветам!»* речь идет о соловье, который также есть во всех трех переводах. В оригинале на таджикском языке автор дает слово арабского происхождения *«булбули»*, означающее «соловей». С. Айни хорошо знал арабский язык и в своих произведениях использовал много арабских и персидских заимствований. В переводе Хацревина *«А певец разлук соловей, мой друг, По ночам моим песневодом стал»* переводчик использует сочетание «певец — песневод». В переводе на хинди *«Sundar svar wale panchi, sundar boli wale bulbul ne, Tere gulabi mukh ki prashamsa ka giit gaaya»* (*Сладкий голос птицы, пение соловья, песню он поет, восхваляя нежный облик твой*) отсутствуют слова «певец» и «песневод», но переводчик использует слово на хинди *«gulabi»* означающее «цветок», «роза», *«sundar boli wale bulbul»* означающее «сладкий голос соловья».

Шахиди Гульсифат, исследуя творчество Айни, отмечает, что переводы поэтического творчества Таджикистана сделаны Б. Лапиным и З. Хацревиным в размерах свободного стиха, в форме вольного переложения. Однако им не всегда удавалось «передать форму и смысл, красоту и мелодичность оригинала» [15, 146]. По ее мнению «Оставляя почти неизменной форму, переводчики используют реди́ф, а также рифмы строфы, близкие по звучанию к таджикским. В таджикском варианте использовано слово «карда» — реди́ф, а в русском переводе реди́фом служит слово «стал». Ритм стиха тоже близок к оригиналу. Можно заметить, что перевод выполнен отнюдь не дословно. Например, нет перевода таких сочетаний и строк, как «аз чи рамидо», «тири нигохе магараш нишона карда» и другие. Объясняя такую вольность поэтического изложения оригинала, авторы, как уже было сказано, отмечают в предисловии, что они «не гнались за учебной точностью». Б. Лапин и З. Хацревин, конечно, стремились точнее и адекватнее перевести эти стихотворные отрывки, чувствуется их желание не отходить от основного смысла и звучания оригинала. Но это стремление переводчиков не всегда достигало желаемого результата» [15, 147].

Хотелось бы привести мнение Н.С. Гумилева о роли стихотворной формы при передаче поэтического текста: «В поэтическом переводе необходимо соблюдать — число строк, метр и размер, чередование рифм, стихотворный перенос, характер рифм и словаря, тип сравнения, особые приемы и переходы тона, звуковое соответствие рифм оригинала и перевода, передача территориальных и социальных особенностей речи персонажей». По его мнению «Переводчик поэта должен быть сам поэтом, а кроме того, внимательным исследователем и проникновенным критиком, который, выбирая характерное для каждого автора, позволяет себе в случае необходимости жертвовать остальным. Он должен забыть свою личность и думать только об авторе. В идеале переводы не должны быть подписными» [6, 1919].

Говоря о переводческих соответствиях в переводах стихов, Ю. Найда отмечает, что при переводе поэзии всегда ощущается столкновение формы и содержание, конфликт между формальной и динамической эквивалентностью: «...в поэзии формальным элементам уделяется явно больше внимания, чем обычно в прозе. Нельзя сказать, что при переводе стихотворения содержание обязательно приносится в жертву форме, но это содержание втискивается в определенные формальные рамки. Воспроизвести в переводе и содержание, и форму удается очень редко, и поэтому обычно ради содержания жертвуют формой. С другой стороны, лирическое стихотворение, переведенное прозой, не является адекватным эквивалентом оригинала. Хотя такой перевод и передает понятийное содержание, в нем не воспроизводится эмоциональная насыщенность и аромат оригинала. Однако необходимость перевода некоторых видов поэзии прозой может быть продиктована важными культурными соображениями [10, 8]. В трех переводах приводятся стихи о февральской революции. Отметим, что Введенский приводит более полный перевод повести «Одина», чем Хацревин. Айни в своих произведениях любил использовать таджикские поговорки и в переводе Введенского они присутствуют. Хацревин в своем переводе их опускает. Их нет также и в переводе на хинди. Санкритьяян передает стихи о февральской революции полностью, как в переводе Введенского, однако Хацревин приводит лишь два четверостишья. Таким образом, стремление к формальной ориентации на перевод у Введенского и Санкритьяяна «ближе соответствует различным элементам языка-источника». Согласно Найде, в переводах Введенского — Санкритьяяна «сообщение на культурном фоне языка перевода постоянно сравнивается с сообщением на культурном фоне языка оригинала, с целью определить критерий точности и правильности» [10, 8]. Перевод на хинди Р. Санкритьяяна не эквивалентен варианту русского перевода, выполненным Захаром Хацревиным в 1930 году. Вероятно, переводчик на хинди использовал оба варианта перево-

дов, либо был выполнен с более позднего переиздания и редактирования перевода 1930 года, поскольку повесть «Одина» неоднократно переиздавалась в собраниях сочинений Садрриддина Айни.

Выводы

В заключение отметим, что в языке хинди достаточно много изобразительных средств — аланкаров или «украшений слов», позволяют украсить любую поэтическую мысль. Мы рассматривали аланкары как изобразительные средства, или «украшение слова», улучшающие сам стих или поэму, и как — усиление значения слов в рифме или «украшение значения (слова) и сравнивали их в вариантах трех переводов повести «Одина» С. Айни. Наиболее распространенные их виды в хинди это: «упма» — «сравнение образов», «*atishyokti*» (ги-

пербола) и «*anuprasa*» (аллитерация). В двух вариантах переводах с таджикского на русский, в поэзии хинди встречается также паронимазия: «хоровод-мимоход», «пешеход-песневод». Также в переводе прозы и поэзии на хинди присутствует намеренное использование омонимии, полисемии и звукового сходства слов для создания игры смыслов. Рассмотренные выше примеры трех переводов дают нам основание согласиться с мнением Соповой Т. Г. о том, что «прагматические ситуации становятся благодатной почвой для рождения и построения приемов и форм языковой игры. Манипулирование языком реализуется в умении использовать разнообразные комбинации лексических единиц и устойчивых выражений, в умении адаптировать язык к новым ситуациям и контекстам, накладывать новые словесные изображения на традиционное содержание» [12, 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. Айни, Садрэддин. Адинэ. Повесть из недавнего прошлого таджикской бедноты. Пер. с таджикского П. П. Введенского. Предисл. к пер. С. Ходжанова. 2-е издание. Т — С Таджгиз, 1929. 145 с.
2. Айни, Садрэддин. Одина или Похождения бедняка Таджики. Повесть. Пер. с таджикского З. Хацревина. М.-Л., Гос.изд-во, тип. «Красный пролетарий» в Мск. 1930. 141 с.
3. Айни С. Куллиёт. Ч. 8. — Душанбе: Ирфон, 1982.
4. Газиева И. А. Типология игры слов в языке хинди. Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки // Материалы XII Международной конференции: сборник статей. Под общей редакцией Б. В. Касевича, А. Ю. Вихровой, И. М. Румянцевой. 2016. Издательство: Общество с ограниченной ответственностью «Языки Народов Мира» (Москва). С. 64–68.
5. Газиева И. А. Лингвострановедческий аспект в переводах: на примере повести «Одина» С. Айни. В сборнике: Язык и межкультурная коммуникация // Сборник статей X Международной научно-практической конференции. Астраханский государственный университет, Кафедра английского языка и технического перевода; Центр научно-технического перевода и методической деятельности «Вавилон». 2017. С. 42–52.
6. Гумилёв Н. С. О стихотворных переводах. 1919. [Электронный ресурс] URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9E_%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%85_%D0%93%D1%83%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D1%91%D0%B. Дата обращения 1.03.2019.
7. Квятковский А. П. Поэтический словарь / Науч. ред. И. Роднянская. — М.: Сов. Энцикл., 1966. — 376 с. [Электронный ресурс] URL: <http://feb-web.ru/feb/kps/kps-abc/kps/kps-0153.htm>. Дата обращения 1.03.2019.
8. Лапин Б., Хацревин З. Сталинабадский архив. — М.: Федерация, 1932, С. 146–147.
9. Муллоджанова З. А. Стиль оригинала и перевод: (К проблеме изучения прозы С. Айни). Издательство «Дониш». Душанбе, 1976. — 360 с.
10. Найда Ю. «Принципы соответствий» (глава из монографии «К науке переводить» // Лингвистические аспекты перевода. Сост. С. Т. Золян, К. Ш. Абрамян. Ереван: Лингва, 2007. С. 4–31.
11. Рейнгольд Н. И. О старых и новых англоязычных переводах Л. Н. Толстого / Наталья Рейнгольд // Материалы I Международного семинара переводчиков произведений Л. Н. Толстого / [ред.-сост. Г. В. Алексеева]. — Ясная Поляна. — 2007. — С. 57–74. http://slovorggu.ru/2016_1/36.pdf. Дата обращения 1.03.2019.
12. Сопова, Т. Г. Языковая игра в контексте демократизации художественной речи в последние десятилетия XX века: Автореф. диссерт. филол.наук. / Т. Г. Сопова. СПб., 2007. — 22 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.disscat.com/content/yazykovaya-igra-v-kontekste-demokratizatsii-khudozhestvennoi-rechi-v-poslednie-desyatletiya> Дата обращения 1.03.2019.
13. Цветкова С. О. Поэтическое украшение-аланкара в индийской поэтике «рити» XVII в. // автореф. диссер. на соиск. уч.ст.канд.филолог.наук. Санкт-Петербург 2003 [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/poeticheskoe-ukrashenie-alankara-v-indiyskoy-poetike-riti-xvii-v-1#ixzz5geeh80A0> Дата обращения 27.02.2019.
14. Чуковский К. И. Бармалей. [Электронный ресурс] URL: <https://solnet.ee/skazki/484> Дата обращения 29.05.2019.
15. Шахиди, Гульсифат. Сентиментальное путешествие или всему своё время. 2014. [Электронный вариант], Режим доступа: URL: <https://www.proza.ru/2014/09/30/571> Дата обращения 13.04.2019.
16. Санскритьяян Рахул. — Режим доступа: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%8C%D1%8F%D0%BD_%D0%A0%D0%B0%D1%85%D1%83%D0%BB

17. Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Национально-культурная специфика художественного текста — М. — 1989.
18. Хащевин З. Л. — Режим доступа: URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%B0%D1%86%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D0%BD_%D0%97%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80_%D0%9B%D1%8C%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87
19. Шадрин В. И. Параллельный текст как объект переводоведения // Федоровские чтения. С. Петербург: СПбУ, 2005. С. 450–453. (PDF)
20. Sankrityayan, Rahul. Adina. Kitab Mahal Publishers. Allahabad, India. 2010. — 102 p.
21. Narratology and the Modern Indian Novel. [Электронный вариант], Режим доступа: URL: https://books.google.ru/books?id=mBkkDQAAQBAJ&pg=PA35&lpg=PA35&dq=Alankaras+in+the+Hindi+novels&source=bl&ots=ag3zh-SACW&sig=ACfU3U2GeQQmtVmo1xoKvWl_iEeqz1TBg&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewia5eWNgJniAhXzwMQBhc uCZYQ6AEwCh0ECAkQAQ#v=onepage&q=Alankaras%20in%20the%20Hindi%20novels&f=false Дата обращения 13.05.2019.
22. Pande Hem Chandra. "Anuvaad me duurii ka siddhaaNt: AvadhaarNaa aor Aayaam/ New-Delhi. — Vol. 16. — 2016. С10–18.

© Газиева Индира Адильевна (indira@rggu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный гуманитарный университет

КОНЦЕПТ «БОГ» В АНГЛИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Гусейнова Эсмер Шахин гызы

*Докторант, Бакинский славянский университет
bitkovskayay@inbox.ru*

THE CONCEPT "GOD" IN THE ENGLISH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

E. Huseynova

Summary. This article is written on an interesting and relevant topic. In modern philological science there are quite a few studies in which certain concepts are subjected to linguistic analysis. There are a lot of them, and each of them has an individual set of specific properties of features and characteristics, as well as its own radius of action. The author of this article has chosen, on the one hand, the most important, that is, the "majestic" aspect, directly connected with "God", a supernatural force. On the other hand, the article highlights the obviously little studied fragments of the English language picture of the world.

At the beginning of the article, this concept is presented as an act of communication, which is of no small importance for native speakers in general. Further, the lexemes are revealed in detail, which are a kind of stimulator of the concept "God". The work is enriched with individual comparisons of the present concept with a similar one in the Russian language picture of the world. In either case, they are presented as fragments. In certain positions, they converge in their key moments. In others, on the contrary, diverge. For the purpose of evidence, the author cites a number of characteristic examples in English.

Thus, the author represents the main idea of the article: to show how some lexemes are the main formants of the concept "God" in modern English, what role they play in linguistic texts, what is their functional purpose. Sometimes the author points to the etymology of certain words, phrases, expressions, closely linking some concepts with others. Research, therefore, does not go in breadth, but in depth.

Keywords: God, deity, concept, constancy, integrity, unity, power, all-holder, kingdom, blessing.

Аннотация. Представленная статья написана на интересную и актуальную тему. В современной филологической науке есть немало исследований, в которых лингвистическому анализу подвергаются определённые концепты. Их очень много, и каждый из них обладает индивидуальным набором специфических свойств черт и признаков, равно как и собственным радиусом действия. Автор настоящей статьи избрал, с одной стороны, наиболее важный, то есть «величественный» аспект, непосредственно связанный с «Богом», сверхъестественной силой. С другой стороны, в статье освещены явно мало исследованные фрагменты английской языковой картины мира.

В начале статьи данный концепт представлен как акт коммуникации, что имеет немаловажное значение для носителей языка в целом. В дальнейшем подробно раскрываются лексемы, которые являются своего рода стимулятором концепта «Бог». Работа обогащена отдельными сравнениями настоящего концепта с аналогичным в русской языковой картине мира. В том и другом случаях они представлены как фрагменты. В определённых позициях они в своих ключевых моментах сходятся. В других, напротив, расходятся. С целью доказательств автор приводит целый ряд характерных примеров на английском языке.

Тем самым автором репрезентируется основная идея статьи: показать, как некоторые лексемы являются главными формантами концепта «Бог» в современном английском языке, какую они играют роль в лингвистических текстах, каково их функциональное назначение. Иногда автор указывает на этимологию тех или иных слов, словосочетаний, выражений, тесно связывая одни понятия с другими. Исследование, таким образом, идёт не в ширь, но в глубину.

Ключевые слова: Бог, божество, концепт, константность, целостность, единство, власть, вседержитель, королевство, благо.

Лексическая система языка, включающая в себя многомерные смысловые связи между словами и их разными группами, постоянно развивается и совершенствуется. Анализ этих объективно существующих связей в языковой картине мира приобретает немаловажное значение в овладении тем или иным языком. Написание настоящей статьи продиктовано заметным повышением в последние годы интереса современной лингвистики к проблемам, связанным с эстетико-познавательной функцией языка, изучение которой позволяет глубже проникнуть в содержательную сторону коммуникативного акта. Последнее играет существенную роль для определения всевозможных концептов в языковых картинах мира. Их лингвистический разбор расширяет

познание о «поведении» конкретных лексем, объединённых в обобщённые и, как правило, глобальные понятия, что способствует прочтению глубинных, содержательных пластов текста.

Необходимо подчеркнуть, что в разных современных научных концепциях отмечается постепенный переход от так называемой имманентной лингвистики с её «строго регламентированной установкой рассматривать язык как «вещь в себе», к лингвистике антропологической. Она же, в свою очередь, предполагает изучение любого языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью [10, с.7]. Именно антропологический поворот в лингвистике по-

следних десятилетий и в теории общего языкознания, по мнению большинства российских, азербайджанских и западноевропейских исследователей, существенно определяет перспективность исследований, связанных с многочисленными явлениями. В нашем случае — с таким концептом, форманты которого имеют важнейшее духовно-нравственное, этическое, эстетическое и культурологическое значение.

В качестве вышеуказанного обобщённого понятия выступает религиозный дискурс; ключевым концептом является «Бог». Данный концепт распадается на отдельные лексемы или группу слов, которые классифицируют некоторые отрезки действительности и объединяются по определённым признакам, именуемыми формантами.

Что же в общих чертах представляют собой религиозный дискурс, концепт «Бог» и организованные при нём признаки-форманты? Чтобы ответить на этот вопрос, следует заблаговременно установить их главные функции в языковой картине мира в целом. Прежде всего подчеркнём, что три названных понятия, как объект исследования нашей статьи, тесно взаимосвязаны, одно неотделимо от другого. При этом они как в английском, так и любом другом языке существуют прежде всего в сознании, то есть ментальном мире человека в виде своеобразных «пучков», ассоциаций, знаний чувств, интересов и переживаний. Такой религиозный дискурс с концептом «Бога» имеет культурологический оттенок. Он, по мнению лингвиста Н. Б. Мечковской, — «есть орудие научного исследования, единица, которая призвана воедино связать научные изыскания в сфере сознания, культуры и языков картины мира, так как принадлежит сознанию, непосредственно самой культурой детерминируется, а в языке к тому же ещё и опредмечивается» [7, с.41].

Дискурс как наиболее масштабное понятие и в наши дни понимается учёными по-разному. Две стороны в речи — материальная и процессуальная — послужили главным основанием для нынешней трактовки дискурса. Это цепочка: *дискурс — текст; дискурс — речь (или речевая деятельность)*. Г. Манаенко в качестве рабочей гипотезы предложил такой тип речи, при котором «субъект в определённой сфере приложения сил детерминирован социальными и историческими условиями, равно как традиционно устоявшимися стереотипами интерпретации и организации текстов» [6, с.6].

«Дискурс», собственно, как термин начал употребляться в начале 1970-х годов; религиозный же дискурс стал предметом исследования значительно позднее — на рубеже XX–XXI столетий. Л. П. Крысин, В. И. Карасик, Е. Б. Казнина и некоторые другие учёные подробно

описали его функциональное предназначение. С целью представления более ясной и чёткой языковой картины русские, азербайджанские и европейские лингвисты прежде всего подошли к исследованию религиозного христианского или мусульманского текста, видя в них, во-первых, центр «христианского [мусульманского] дискурса», как такового, во-вторых, совокупность религиозных актов коммуникации.

Тем самым роль и основное назначение религиозного дискурса заметно расширилась. Настоящее понятие стало включать в себя целый ряд различных элементов. Следовательно, появилась необходимость дифференцировать их по отдельным характерологическим признакам. Очевидно, что искомый дискурс отражает соответствующую языковую картину рассматриваемых языков разных групп. Он же (дискурс), в свою очередь, есть часть общей картины мироздания.

Большинство языковедов сошлось во мнении, что центром этого дискурса является русская православная и европейская поли-конфессиональная культуры с главным концептом «Бог». Это, несомненно, самый значимый макро-концепт религиозного дискурса, включающий в себя максимальное количество церковных выражений, изречений, слов-заповедей и т. п. Скажем больше того: те лексемы, которые эксплицируют данный концепт, широко представлены как в языке, так и в художественных текстах.

Множество показательных примеров можно привести из английской языковой картины мира. В этом языке концепт «Бог» предстает в качестве сложной, иерархически построенной системы разных значений, в свою очередь вербализованных некоторым количеством конкретных слов — экспликаторов. Это лексемы *Господь, Господь Небесный, Творец, Создатель, Царь Небесный, Верховодящий, Всевышний. Lord, the Almighty, the Ancient of Days, Sovereign Lord, Maker, idol, deity, divinity, the Spirit, the Author, Providence, Heaven/Heavens, the Godhead, the Supreme Being/the Supreme, the Creator, the Power above, the Pantheon* — соответственно.

Прежде всего подчеркнём, что анализируемый нами концепт в английской лингвокультуре является константным. К тому же современные европейские учёные выяснили, что «Бог» характеризуется также определённым набором специфических для этого концепта свойств. Это предметность, субъективность, объективность, осмысленность, целостность, структурность, активность, категориальность, и некоторые другие. Причём, каждый из этих признаков имеет терминологическое определение. У них отмечен самостоятельный спектр действия и способы подчинения определённому алгоритму.

Так, в английской лингво-культуре отмечено отнюдь не однозначное отношение к Богу. Это находит своё выражение не только в уточняющих признаках структуры концепта, но и противоречивых. Симптоматично, на наш взгляд, что английская языковая картина мира предстаёт в двух ипостасях. То есть, на одном полюсе находятся народные поверья, на другом — исследования ведущих лингвистов. И, оказывается, что они вовсе не равнозначны друг другу. А именно, «God» («Бог») в мировосприятии народа — это такое «всесильное и верховодящее существо, которое обладает всей полнотой власти над человеком и исключительными возможностями» [9, с.106].

Из слов Т.Ю. Передриенко ясно, что в народных поверьях происходит полнейшая фетишизация как самого Бога, так и всех его деяний. Власть его безгранична. Но в английской языковой картине мира с научно-теологической точки зрения акценты расставлены по-иному. Здесь выделяются как признаки «всемошного существа», так и «с его ограничительными возможностями». С одной стороны, он является «создателем», то есть «творцом мира». С другой стороны, он представлен, как «творение человеческих усилий». В первом случае концепт «God» непосредственно конкретизирован как высшее существо и персонифицирован. Во втором — дан в ассоциативно умозрительном аспекте, как продукт сугубо людского воображения. По аналогичной схеме можно рассматривать данный концепт с соседствующими признаками «существа уникального, единственного во вселенной» и одновременно с тем «существа не уникального, имеющего помощников, собратьев». Ножницы между народным поверьем и теолого-научным объяснением концепта возникают по причине разных подходов к анализу той языковой информации, которая неравноценно объективирует многочисленные представления, мнения и знания носителей английской лингвокультуры о Боге.

Однако, по нашему мнению, указанное расхождение не должно влиять на систему научных гипотез, доказательств. В целях их ликвидации учёным предстоит и в дальнейшем основываться не только на вербализации самого концепта, но и репрезентировать его специфические признаки. Так, признаки «творец, создатель» репрезентируются, главным образом, с помощью набора некоторых лексических единиц. Это: *Творец, Создатель, Отец. Father; Creator.* «Правитель мира», «Верховодящий» — это *Царь Небесный, Вседержитель, Господь. Глава из глав; Король из королей. Lord, Host, King of Kings, King of heaven.*

Центральным местом обитания Бога в англоязычной картине мира безоговорочно признается «рай», королевство или царство небесное. Хотелось бы обратить внимание на следующий примечательный факт: в тра-

гедиях У. Шекспира почти никогда не упоминается «царство небесное». Оно заменено именно на королевство, которое ближе английской родовой языковой картине мироздания. И это, заметим, мнение не современное, но высказанное великим драматургом свыше 500 лет. В свою очередь настоящий признак можно объективировать в виде «существа, обитающего в раю» («королевстве» или же «царстве небесном»). *Until God's in hid heaven, all's right with the world.* Соответственно репрезентируются такие лексические единицы, как *Небожитель, Царь Небесный, King of heaven.*

Характерно, что в русской языковой картине мира концепт «Бог» допускает, к примеру, словосочетание *Небесный Царь*, а в символическо-знаковом пространстве «God» оно отсутствует. Существо дела заключается в том, что носителями англо-европейской лингвокультуры по-иному вербализуется этот концепт, допускающий употребление таких словосочетаний, как *King of Kings или King of heaven.* Тем самым подтверждается мысль, высказанная нами выше в статье о целостности, константности, объективации и иных признаках настоящего концепта.

Положение связано с тем обстоятельством, что в монархической системе Великобритании Англии правила и продолжают править короли (королевы). Вот почему «правителями мира» становятся для них «Короли небес» или же «Короли Королей». Полагаем, что в дальнейших исследованиях избранной нами темы в английскую языковую картину мира с концептом «God», помимо собственно лингвистического, будут органично и целенаправленно включены также психологический, нравственно-этический и социально-политический аспекты.

Учёт названных аспектов подводит нас к мысли о необходимости выяснения этимологии ряда признаков слов-формантов концепта «GOD». К примеру, в русской культурологической традиции концепт «Бог» исконно обозначал «счастье, удачу или счастливую судьбу». Так или иначе — положительные коннотации. Эти лексико-семантические сигнализаторы появились благодаря исконно славянским корням слова «Бог». Совершенно иная этимология данного концепта в английской языковой картине. Как показывают исследования Н.Н. Амосовой, «god», скорее всего, происходило от слова «ghut», в древнеанглийском обозначавшего «господин». Возможны и другие варианты: *gei, что значит жить или быть.* Далее, от «gip» — война или от *gheu, что значит звать, просить о помощи»* [1, с.109–110].

Попытаемся продолжить мысль известного русско-го языковеда прошлых десятилетий. Нетрудно видеть, что в английской языковой картине нет даже намёка на удачу, радость, счастье, жребий и т.п. Заметно, что

в перечисленных лексемах ключевыми словами являются «фатум», «рок», то есть «несчастливая судьба». Отсюда вытекают и иные составляющие компоненты настоящего концепта. Согласно указанной этимологии, среди основных признаков слова «God» следует назвать «существо всевышнее», «существо реальное», «правитель вселенной, мира», «существо, которое властвует над людьми и природой в том числе», «верховодитель судеб», «объект прямого поклонения», «творец, создатель».

Очевидно, что научно-понятийный аппарат абсолютной другой, потому что отражает национальные культурные реалии, исконно народные верования и запросы людей. В лингвокультуре Англии признак «миро-правителя» уточняется и даже детализируется, так как Бог, по мировоззрению людей, есть «существо, властвующее над судьбами всего человечества». Он всевластен и безоговорочно правит миром и даже природой. Вот почему во многих англо-язычных текстах об удаче, элементарном человеческом счастье, радостях и надеждах, даруемых богом, говорится несколько меньше. Это не принижает значения как лингвистического текста, так и, скажем, художественной литературы, где данный концепт употребляется. Их объективно заменяет «божеское полновластие».

Отмеченное означает, что в современной английской языковой картине мира наблюдается очень тесная связь концептов «Бог» и «Судьба». Точнее, второе вытекает из первого. Для носителей английского языка оказываются чрезвычайно важными постулаты божеской жизни как осознание высшей духовности («Бог и судьба правят миром»). Это всевозможные оттенки чувств, мыслей, настроений, религиозных верований и воли. Концепт «God» — это, по существу, символ высшей силы надо всем человечеством людьми, равно как и философское понятие осознанной необходимости. Бог и судьба человека словно объединены в едином концепте, сливаются содержательной стороной анализируемой нами проблемы. Само слово «судьба» происходит от древнеанглийского наименования «жребия для людей», выраженное лексемой «weird».

Это слово ещё в период жизни и творчества Уильяма Шекспира (транскрибированное в форме «wyrd») изначально вбирало в себя три нераздельных понятия-концепта: «Бог» — «судьба» — «событие». Именно от концепта «God» в поздний английский период развития языка (XVII–XVIII века) сформировалась и концепция «судьбы» соответственно. Обозначала она совокупность событий. Но уже в современной английской языковой картине судьбы в наименовании «weird» и его фонетических модификациях не употребляются. Однако связь с концептом «God» разорвана не была. Просто божеское предзнаменование трансформировалось в судьбы и как бы

переместилось в языковые сферы фольклора, постепенно приобретая иные коннотации, которые были навеяны мистикой и колдовством. Так, от концепта «God» первоначально отпочковалось, а затем актуализировалось понятие «weird» в качестве судьбы-предсказательницы. Бог — это ещё и пророчество пророчества (Вспомним: «man proposes — God disposes» — «Человек предполагает, а бог располагает»).

Судьба — это в принципе «Божья воля». Отсюда: «to deal [smb] a poor deck» (дословно: «обиженный Богом и судьбой»); death takes no denial — от смерти не уйти или не откупишься. Бог, безусловно, как в английской картине мира, так и в других языках управляет волей человека. Но, с другой стороны, ведь и человек способен управлять собственной судьбой. («На Бога надейся, но сам не плошай» = trust in God but rely on yourself.

Отсюда: we must not lie down or cry, God help us — «мы не можем только лежать или кричать: Бог — помоги нам; — на Бога надейся, а сам не плошай; he goes long barefoot that waits for dead men's shoes. (буквально: тот, кто ожидает обуви, что после покойника останется, долго потом босым ходит).

Поэтому в современной англоязычной картине мира, в явный противовес полной резиньяции, то есть покорности Богу, как того требовал этикет более ранних времён, и судьба отныне стала зависеть и от самого человека, он должен решительно воздействовать на судьбу: not God but man makes pot and pan (не боги горшки обжигают).

Видный западный лингвист Артур Хаксли приводит интересный, с нашей точки зрения, пример на гармоничное воссоединение концептов Бога и Судьбы в английском языке. Он пишет о том, что «божеское провидение заключается в активном вмешательстве человека в судьбу в плане того, чтоб не упустить им благоприятного случая» [12, с.108]. Бог, по Хаксли, «создаёт обстоятельства», а человек, в свою очередь, должен уметь ими выгодно воспользоваться, то есть не упустить счастье, «не проспать счастье» и т.п.

Отмеченное А. Хаксли подтверждает примерами: fortune knocks at least once at every man's gate («удача в дверь постучится того, кто хоть раз ею воспользуется»; take one's chance — воспользоваться случаем; fortune favours the brave — успех смелым сопутствует.

Заметим, что в английском языке нередко Бог помогает, поддерживает, храбрых, сильных и трудолюбивых: providence is always on the side of the big battalions. (Бог всегда будет на стороне больших батальонов; fortune favours the bold — удача смелых любит).

Судьба, таким образом, часть концепта «Бог», один из фрагментов английской языковой картины мира. Она даёт человеку именно богом, причём, изначально не в наказание, а во благо. (When God punishes he first takes away the understanding). Или: God is not quick to punish. Это чутко улавливает проф. БСУ Г. Д. Удалых. В одной из своих статей она пишет: «Что такое благо? Благоочестие, благоговение, благоволение есть формант богопочитания как часть концепта «Бог». Благоволение — это прежде всего святая и чистая любовь к людям, покровительство, непосредственно исходящее от Бога. Отсюда и «Божье благоволение» [11, с.14].

Наконец, в завершение нашей статьи в аспекте избранной темы скажем несколько слов о значении неко-

торых лексем, связанных с концептом «Бог» в «Англо-русских словарях». К примеру, лингвист В. К. Мюллер данный концепт рассматривает как божество, а также идол, кумир.

С концептом «God» он, в частности, связывает такие выражения, как God's truth — «истинная правда», honest to God — «честное слово», to make God of smb — «боготворить кого-либо», God Almighty — «Боже Всемогущий» [8, с.310]. Как факт поклонения перед Богом он приводит следующие выражения: the being who Christians, Jews, and Muslims pray to; someone or something to which you give too much importance or respect. Примат силы: the force that some people believe controls their lives, bringing them good or bad luck [8, с. 610].

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова — Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. — 316 с.
2. Баймуратова У. С. Религиозный дискурс в художественном тексте как лингвистическая проблема. Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2017.
3. Казнина Е. Б. Концепт «вера» в диалогическом христианском дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2004.
5. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996.
6. Манаенко Г. Н. Текст, речевая деятельность, дискурс // Языковая система — текст — дискурс: Категории и аспекты исследования: Материалы Всероссийской научной конференции, 18–19 сентября 2003 г. — Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003.
7. Мечковская Н. Б. Семиотика. Язык Природа. Культура. М.: Наука, 2004, 326 с.
8. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. М: Русский язык, 2001, 880 с.
9. Передриенко Т. Ю. Концепты «God» и «Devil» в английской лингвокультуре / Т. Ю. Передриенко // Теория и методика преподавания языков в вузе: Тезисы докладов на Международной научно-практической конференции, 15–17 декабря 2003 г. — Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. — с. 105–107.
10. Сусов И. П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин: Издательство Калининского гос. ун-та, 1984.
11. Удалых Г. Д. Концептуализация внеязыковой действительности // Русский язык и литература в Азербайджане, 2003, № 1, с. 9–14.
12. Nuxley A. The Claxtons. М.: Просвещение, 1983. 160 р.

© Гусейнова Эсмер Шахин гызы (bitkovskaya@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТКОРРЕКТНОЙ НОМИНАЦИИ¹

SOME ASPECTS OF POLITICALLY CORRECT NOMINATION

A. Edlichko

Summary. The paper dwells on different types of correctness used in the verbal behavior: communicative correctness, commercial correctness, and political correctness. Some results of linguistic research into discriminating words and their politically correct substitutes of ethnonyms, gender types, names of professions, etc. are described; structural and semantic changes of the lexemes and word combinations in the Russian and German languages are observed. Extra-linguistic causes for the appearance of such words are also analyzed. It is shown that political correctness as a sociolinguistic category is an integral part of the language policy of the German-speaking countries.

Keywords: political correctness, communicative correctness, commercial correctness, euphemism, ethnonym, gender, graphics.

Едличко Анжела Игоревна

К.филол.н., доцент, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
ang299@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимаются вопросы, связанные с разными видами корректности, наблюдаемой в рамках вербального поведения: коммуникативной, коммерческой и политкорректности. Освещаются результаты лингвистического анализа дискриминирующих слов и их политкорректных субститутов-этнонимов, наименований гендерных типов, лиц по профессии и др., рассматриваются структурные и содержательные изменения названных лексических единиц в русском и немецком языках. Затрагиваются неязыковые причины, вызывающие появление таких слов. Показано, что политкорректность как социолингвистическая категория является неотъемлемой частью языковой политики немецкоязычных стран.

Ключевые слова: политкорректность, коммуникативная корректность, коммерческая корректность, эвфемизм, этноним, гендер, графика.

Политическая корректность представляет собой особый культурно-поведенческий и лингвистический феномен, способ избежать вербальной агрессии, которая может стать основой конфликтной ситуации. Цель политкорректного употребления слов, словосочетаний, грамматических структур, небуквенных знаков заключается в старании «не обидеть, сохранить достоинство человека, его хорошее настроение, здоровье, жизнь» [8, с. 277]. Это многокомпонентная, междисциплинарная категория исследуется в рамках разных гуманитарных наук: политологии, социологии, культурологии, лингвистики [1; 3; 6; 14; 15; и др.]. В лингвистических работах анализ данного коммуникативного феномена рассматривается чаще всего в аспекте анализа эвфемизации дискриминирующих слов и выражений. В англо- и немецкоязычных и др. социумах вопросы политкорректности поднимаются уже давно [11; 14; 16; и др.], однако в российской лингвистической науке эта тема изучалась не так активно применительно к русскому языку, поскольку исследователи считали, что политическая корректность является «лакунарной для русской культуры» [10, с. 8]. Объяснения такому мнению можно найти в работах С.Г. Тер-Минасовой, которая сравнивает русскую и англоязычные лингвокультуры, анализ многочисленных примеров дает возможность ученому сделать вывод о формальной вежливости и «по-

вышен[ой] корректност[и] английского языка» [8, с. 295] и прямолинейности и категоричности русского [Там же, с. 297]. Однако языковые изменения, которые наблюдаются в настоящее время прежде всего на лексическом уровне, позволяют признать наличие политкорректных категорий в русском языке.

Рассматривая проблемы корректности в рамках вербального поведения, исследователи выделяют три ее вида: **коммуникативную, или языковую корректность; политкорректность и коммерческую корректность** [8, с. 276–297; 10, с. 10; и др.]. Попытки введения других терминов, например, **языковой такт** (англ. linguistic tact) не увенчались успехом, поскольку явление социо- и лингвокультурной политкорректности, зародившееся в США, стало носить глобальный характер с конца XX в., и соответствующий термин был заимствован из американского английского во многие языки мира [8, с. 277–278]. **Языковая корректность**, связанная с тактичным вербальным поведением по отношению к партнеру по коммуникации, является неотъемлемой частью ежедневного общения в любом социуме. Такой тип корректности синонимичен понятиям *вежливость, тактичность, уважительность, деликатность, галантность* и др.

¹ Статья представляет собой расширенный вариант доклада «Как сказать, чтобы не обидеть? Некоторые проблемы политкорректной номинации», прочитанного автором в рамках Недели русского языка в 2018 г. в Берлине (Германия).

Объектами **политкорректности** могут быть как социальные группы (например, этносы, сексуальные меньшинства, гендерные и возрастные группы и т.д.), так и отдельные личности. В этой связи можно выделить такие виды политкорректности как расовая, культурно-этническая, религиозная, возрастная, гендерная, интеллектуальная, физическая и др. Политкорректность предполагает эвфемизацию слов, которые воспринимаются в социуме как дискриминирующие. Так, в российских СМИ активно употребляется сочетание *девушки с понижённой социальной ответственностью*, которое использовал в одном из интервью в 2017 г. президент Путин, характеризуя представительниц древнейшей профессии.

Политкорректные наименования можно услышать как в разговорной речи (*особенные дети, солнечные дети*»), так и в других стилях. Такие термины и терминологические сочетания постепенно занимают свою нишу в научном стиле, к примеру, в понятийно-терминологическом аппарате педагогики: *инклюзивное образование* (нем. *inklusive Bildung*), *инклюзивное воспитание* (нем. *inklusive Erziehung*), *ученики с особыми образовательными потребностями* (нем. *Schülerinnen und Schüler mit besonderen Bedürfnissen*) и др. Иногда нормативные термины становятся предметом полемики в силу их неоднозначного восприятия. Например, лексикографически кодифицированные терминологические сочетания из области социолингвистики *титульная нация / титульный народ* ('этнос, национальность которого определяет название государства или административно-территориальной единицы') и *титульный язык* ('язык титульной нации') нередко вызывают споры в научном сообществе во время устных дискуссий. Считается, что заимствованный из социологии термин *титульная нация*, введенный в научный оборот в конце XIX в. французским писателем и политиком Морисом Барресом, «с точки зрения международного права является некорректным» [2]. Названный термин не используется ни в российском, ни в зарубежном законодательстве, что отражает принцип равноправия и самоопределения народов ст. 55 Устава ООН [9]. В данном случае сложность обусловлена отсутствием эквивалентного стилистически нейтрального синонима. Такие нормативные термины как, например, *коренная нация, коренной этнос, автохтонный народ* и *коренной язык, автохтонный язык, аборигенный язык* можно рассматривать в качестве согипонимов к соответствующим терминам *титульная нация* и *титульный язык*, однако они имеют разное семантическое наполнение. Противники спорного термина связывают терминологический элемент *титульная* со значением 'главный, основной', указывающим на привилегированное положение одной общности над другой, что ставит в неравное положение другие нации. Наряду с этим ряд кодифицированных социолингвисти-

ческих терминов (*национальное меньшинство, миноритарный язык, неродной язык, нестандартный язык, некоренное население* и др.) относят к политкорректным единицам.

Рассмотрим подробнее изменения в лексическом составе русского и немецкого языков, вызванные влиянием политкорректности. Определенные споры вызывают **наименования этносов**, или этнонимы. В русском языке пока нет устоявшегося наименования для представителей африканского континента. Слово *негр* не имеет закрепленной отрицательной ингерентной коннотации (в толковых словарях русского языка отсутствуют пометы и не приводятся синонимы), однако лексема постепенно исчезает из употребления в устной и письменной речи, например, в СМИ. Использование этнонимации зависит и от возрастного фактора: молодежь, хорошо владеющая иностранными языками, практически не использует данный этноним, однако более старшие поколения не видят ничего оскорбительного в этом названии. До сих пор в гастрономическом дискурсе имеется название торта с этим этнонимом: «*Улыбка негра*». В новых медиа появились политически корректные этнонаименования, которые стали употребляться как автоэтнонимы-субституты, например: *африканцы, афрорусские, афрорус(ы), афророссияне (афророссиянки), афромосквичи*. Существуют социальные сообщества (форумы) со следующими названиями: *Русские африканцы. Форум граждан России, имеющих африканские корни*. В основе таких наименований может находиться как сема цвета, ср. *темнокожие, чернокожие (спортсмены)*, так и сема локальности (название континента): *Нужна корреспондент-ведущая желательного африканского типажа*¹. По аналогии с этнонимом *афроамериканцы* (англ. *African American/Afro-American*) образовано слово *афророссияне*, которое используется в отечественных СМИ и соотносится с разными референтными группами: россиянами африканского происхождения; африканцами, не являющимися гражданами России и играющими в составе российских спортивных команд; российскими экипажами судов, ходящих под флагами африканских государств и т.д.

Соблюдение принципа политкорректности наблюдается в немецком языке при замене пейоративных лексем нейтральными автоэтнонимами, ср.: *Zigeuner* 'цыган(е)' > *Sinti und Roma* 'синти и рома', *Neger* 'негр/негры' > *Schwarze(r)/Schwarze_r, Afrodeutsche(r), schwarze Deutsche, Österreicher afrikanischer Herkunft* и др. Замещение дискриминирующего гиперонима может осуществляться также в рамках родо-видовых от-

¹ Афрорус. Русские африканцы. Форум граждан России, имеющих африканские корни. URL: <https://afroorus.tk/viewtopic.php?t=150> (дата обращения: 13.11.2018).

ношений с помощью нескольких автоэтнонимов-гипонимов: *Eskimo* 'эскимос' > *Inuit* (ед.ч. *Inuk*), *Kalaallit/Katladlit*, *Yupik/Yuit* (ед.ч. *Yuk*), *Iñupiat* (ед.ч. *Iñupiaq*), *Inuvialuit/Inuvialuit* (ед.ч. *Inuvialuk*); *Indian/Indianer* 'индеец' > *First Nations*, *Premières Nations*, *Indígena*, *Nacionalidad Indígena*, *Pueblo Originario*, см. подробнее [4].

В речи европейских политиков все еще встречаются некорректные высказывания¹, содержащие дискриминирующие этнонимы. Так австрийский публицист и экс-депутат Европарламента Андреас Мёльцер (*Andreas Mölzer*) выразил свое негативное отношение к растущему хаосу в Европе, связанному с притоком мигрантов, используя композит *Negerkonglomerat*, досл. 'конгломерат негров': „*Entweder sind wir ein Negerkonglomerat, wo alles — und das sage ich bewusst brutal politisch nicht korrekt — wo das Chaos sich vermehrt*“². Употребление лексемы в предвыборных дебатах в 2014 г., несмотря на последующие извинения и оправдания, стоило политику карьеры. Слово *Negerkonglomerat* стало в том же году «Антисловом года» в Австрии.

Известно, что к лексическим маркерам времени, которые свидетельствуют о социальных переменах, относятся наименования лиц по профессии. Эти слова обладают, помимо ассоциативного, прагматического и лингвокультурологического, также аксиологическим потенциалом и широко употребляются в повседневной речи носителей. В современном русском языке существует определенное количество феминитивов, называющих людей, занятых непрестижным трудом: *официантка*, *продащица*, *библиотекарша*, *секретарша* и др. В разговорном стиле нередко используются номинации м.р. (*я*) *продавец* / *секретарь* / *библиотекарь* с целью подчеркнуть свой социальный статус. В языке и речи наблюдается замена малопрестижных профессий: *дежурный* > *консьерж*, *парикмахер* > *стилист* и др. В последние годы на предприятиях появились *менеджер по клинингу* и *специалист по клинингу* / *клинер* (ср. в нем. замену слов *Putzfrau* / *Putzmann* на гендерно нейтральные лексемы *Reinigungs(fach)kraft*, *Putzhilfe*, *Raumpfleger/in*). Политкорректное наименование предполагает также употребление в русском языке нейтрального сочетания *клининговые услуги*. Субституция названия ранее непрестижной профессии — *гардеробищица* — происходит с помощью новых номинаций, в которых благодаря дополнительным компонентам (VIP, ВИП и др.) акценту-

ется значимость и привлекательность работы по уходу за брендовой одеждой: *Vip-гардеробищица*, *ВИП-гардеробищица*, *специалист по vip-гардеробу*, *горничная на vip-гардероб*, *домработница с функцией ухода за vip-гардеробом*, *домработница-гардеробищица в VIP семью*. Подобные названия лиц по профессии могут быть как м.р., так и ж.р.: *гардеробищица* / *гардеробщик на vip-гардероб*, *домработница* / *домработник*, *управляющий объектами для VIP-персон* и др. Таким образом, можно отметить прагматический характер новых названий лиц по роду занятий, способствующий приобретению позитивной коннотации и де-юре повышающий статус представителя определенной профессии в социуме.

В русском языке в обращениях к лицам обоих полов нередко не учитывается гендерный принцип, т.е. используется так называемый общий мужской пол, когда по форме ед.ч.м.р. образуется мн.ч.: *Дорогие коллеги!* *Уважаемые участники съезда!* *Дорогие покупатели!* *Уважаемые пассажиры!*³ Подобная ситуация наблюдается и с наименованиями профессий, ср. выдержку из информационного письма о проведении конференции: *К участию [в конференции] приглашаются лингвисты, лингводидакты, преподаватели русского языка как иностранного и как неродного*. Контактное европейское языков, в которых использование гендерно корректных наименований является нормой, и русского языка накладывает отпечаток на последний. Традиционным становится употребление слова *госпожа* перед считавшимися «мужскими» должностями (посол, министр, ректор и др.): *Уважаемая госпожа посол!* Во мн.ч. в таких случаях все чаще используются бинарные формы: *Уважаемая госпожа председатель* / *Уважаемый господин председатель!*⁴ Разговорные варианты некоторых феминитивов, образованных от существительных м.р., нередко имеют негативную и (или) ироничную коннотацию: *профессионал* > *профессионалка*, *ректор* > *ректорша*, *декан* > *деканша* / *деканесса* и т.д. Наряду с этим употребляются окказиональные лексемы ж.р. мн.ч., приобретающие узуальный характер в письменной речи (например, в переписке), ср.: *Дорогие коллежанки!*

В русском языке наименования некоторых должностей м.р. в силу (экстра)лингвистических причин используются для существительных ж.р. и считаются нейтральными, ср.: *дипломат Коллонтай А.*, *посол Матвиенко В. И.*, *ректор Петрова А. Н.*, *декан Си-*

¹ В этой связи можно вспомнить сексистское высказывание *Frauen sind Menschen wie wir* (досл. 'женщины — люди, как и мы') канадско-австрийского бизнесмена и политика Фрэнка Стронака (*Frank Stronach*), вызвавшее негодование в европейском социуме.

² Mölzer gibt Sager über „Negerkonglomerat“ zu und entschuldigt sich // *Der Standard*. 24.03.2014. URL: <https://derstandard.at/1395363004736/Deutsch-Moelzer-soll-Kandidatur-zurueckziehen> (дата обращения: 14.02.2019).

³ Принцип гендерной корректности учитывается при упоминании лиц обоих полов в обращении *Дорогие дамы и господа!* нем *Liebe Damen und Herren!*

⁴ Российская Академия Наук. Национальный комитет славистов Российской Федерации. URL: <http://nkslav.ru/news/> (дата обращения: 15.01.2019).

дорова З.Н., заведующий кафедрой Иванова Л.В. и др. В немецком языке, напротив, традиционным является формальное указание на грамматический род: *Kanzlerin Angela Merkel, Frau Professorin Julia Müller, Dozentin Anna Schmidt* и др. Существительные мн.ч. в современном немецком образуются с помощью: а) бинарных форм с обязательным указанием существительного ж.р. в первой позиции: *Kommilitoninnen und Kommilitonen, Lehrerinnen und Lehrer*; б) одного компонента с компонентами *-kräfte, -personen* и др.: *Lehrkräfte, Fachpersonen*; в) субстантивированных прилагательных и причастий: *Interessenten, Hochschulangehörige, Stundierende, Teilnehmende, Lehrbeauftragte*; г) пассивных конструкций: *Herausgeber > herausgegeben von*; д) императива: *Jeder Student soll die Unterlagen abholen > Bitte die Unterlagen abholen* и т.д.

Таким образом, субституция дискриминирующего слова может осуществляться с помощью его замещения нейтральной лексической единицей или грамматической конструкцией. Также возможно использование прямых номинаций с указанием на проблему, например, инвалидность: *Monika Ruhmann (verhindert)*. Существуют и другие легитимные способы гендерно корректного использования, на что указывается в многочисленных руководствах по гендерно корректному языку [12; 13]. Помимо вербальных способов в немецком языке предлагаются другие способы устранения гендерной асимметрии с помощью небуквенных графических знаков, что отмечается в словаре Duden: астериска / гендерной звёздочки (*Teilnehmer*innen, Moderator*innen, Peer-Tutor*innen, Doyen*nes*), косой черты (*Dozenten/innen, Wissenschaftler/innen, Jede/-r Studierende*), гендергэпа (пробела) с подчеркиванием (*Studienbewerber_innen*) и др. Законодательное признание третьего пола/гендера Федеральным конституционным судом Германии (1 BvR2019/16 от 10.10.2017) отразилось и на языке. В объявлениях о приеме на работу с целью соблюдения принципа антидискриминации обязательно отмечается гендерная идентичность: *Sachbearbeiter/-in Buchhaltung und Controlling (M/W/D — Vollzeit); Projektkoordinator*in (m/w/d) am Goethe-Zentrum TIRANA; Ingenieur Elektrotechnik für Standardisierung und Automatisierung (i/m/w); Supplier engineer (m/f/x); Doktorand (gn) / Wissenschaftlicher Mitarbeiter (gn)*. При этом если традиционные сокращения обозначают лиц мужского (*m = männlich*) и женского пола (*w = weiblich, f = femininum*), то новые аббревиатуры указывают на гендер: *d = divers, i = intersexuell, x = egal welches Geschlecht, gn = geschlechtsneutral*. Использование политкорректных наименований в языке и речи по отношению к представителям различных социальных групп (пожилым людям, разным гендерным типам, мигрантам, представителям различных религий, этносов, сексуальных меньшинств) является неотъемле-

мой частью языковой политики немецкоязычных стран, и этот принцип отражен не только в федеральных, земельных/кантональных и локальных законодательных документах, но и в лексикографических источниках, как было отмечено выше.

Попытки перенести подобные графические практики в литературный русский язык для эмплитного выражения ж.р. у существительных в ед. и мн.ч. пока не увенчались успехом. На практике гендергэп и гендерная звёздочка используются, в первую очередь, в феминистской или молодежной (университетской) среде, а также в соцсетях, ср.: *дизайнер_ка, дизайнер*ка, дизайнеры (дизайнер и дизайнерка); блогер_ка, блогер*ка, блогеры (блогер и блогерка)*.

Политкорректность, как любое явление, имеет своих сторонников и противников. Появляются работы, в которых авторы выражают свое скептическое или негативное отношение, объясняя его тем, что «политкорректность сегодня становится одним из основных инструментов борьбы меньшинств за формирование новой повестки дня против большинства, борьбы, которая, на самом деле, подрывает традиционные институты демократии» [6, с. 4]. Причины такой ситуации исследователи видят в экстралингвистических факторах, в привилегированной роли меньшинств в современных западных социумах. Иногда стремление использовать т.н. политкорректные названия не совсем оправдано, ср. узуальное использование в русском языке транслитерированного слова *сеньоры* в значении 'пожилые люди': *клуб «Сеньоры», клуб сеньоров-любителей природы, клуб сеньоров «50 плюс», сайт о сеньорах и для сеньоров, клуб для пожилых людей «Сеньоры за партией», пансионат для пожилых людей «Сеньор Групп», площадка для сеньор-клубов* и др. По нашему мнению, при использовании таких слов — интернациональных по форме и содержанию — нельзя забывать о национально специфической коннотации лексического значения. В немецком языке вместо слова *die Alten* 'старика' довольно частотен нейтральный субститут *Senioren* 'пожилые люди, люди преклонного возраста'. Однако в русском языке слово *сеньор(-а/-ы)* имеет другой ассоциативный потенциал, поскольку нормированные значения лексемы указывают либо на вежливое обращение к мужчине/женщине в испанском языке, либо на землевладельца в средневековой Европе [5, с. 105].

Наряду с коммуникативной корректностью и политкорректностью выделяют **коммерческую корректность**, основная прагматическая задача которой — привлечение большего количества клиентов

¹ Существуют и другие узуальные номинации для людей старшего поколения, например, серебряный возраст.

в т.ч. с помощью вербально нейтральных или положительно маркированных слов, сочетаний, фраз. С таким видом корректности нам как покупателям часто приходится сталкиваться. К примеру, как авиапассажиры мы можем выбрать (в зависимости от доходов) один из трех видов класса: *эконом / эконом-комфорт, бизнес / бизнес-премиум, первый*. В немецком языке используются заимствования из английского: *die Economy (Class), Economy Plus, Premium Economy, Business, First*. Отсутствие второго класса объясняется тем, что «клиенту не нравится быть человеком второго класса или сорта» [8, с. 294]. На железнодорожном транспорте в категориях обслуживания выделяются *люкс, комфорт, стандарт, бюджет*. Если два первых предполагают роскошь и определенные удобства выше среднего, то под стандартом подразумевается следование какому-то образцу, эталону, который не выходит ни за какие рамки. Бюджетный класс допускает умеренную цену, семантика слова связана с планированием соотношения доходов и расходов, такое наименование не унижает достоинства человека. Слово *бюджет* нередко используется в канцелярском стиле, например: *Бюджетный кодекс Российской Федерации, бюджетное законодательство, госбюджетный, бюджетный (финансовый) год, бюджетный учет, бюджетное образовательное учреждение* и др. В немецкой лингвокультуре, напротив, имеются 2 класса, или типа вагонов (*Wagenklassen*): первый (*1. Klasse*) и второй (*2. Klasse*). При этом номинация *2. Klasse* воспринимается в социуме абсолютно нейтрально. Такое бинарное деление, существующее с 1964 г., обусловлено историческими факторами, поскольку изначально, с 1880 по 1928 гг. в поездах Германии существовало четыре класса, с 1935 г. — три. При этом только первые два предоставляли удобства и определенный комфорт, в третьем (*3. Klasse*) и четвертом (*4. Klasse*) классах были деревянные скамейки¹, отсутствовали окна и крыши, поскольку вагоны четвертого класса использовались, как правило, как летние.

Немного иначе обстоит дело с отдыхом, он может быть *бюджетным, недорогим, дешевым, экономичным*. Прямые номинации не оскорбляют самолюбия клиента, ср. информацию с сайтов разных турфирм: а) *Шерегеш — бюджетный отдых высокого уровня*; б) *Самые дешевые страны для путешествий*; в) *Экономичный отдых высокого уровня*. Чтобы подчеркнуть статус платежеспособных клиентов, используется другая лексика, в т.ч. заимствованная: *Уровень «VIP» и «Престиж» отдыха; Лакишери туризм и отдых!; Предлагаем взыскательным клиентам отдых пре-*

¹ В связи с этим вагоны 3-го и 4-го класса называли Holzklasse. Данный историзм используется в современной разговорной речи по отношению к экономическому классу в самолетах.

миум-класса в подмосковных отелях категории «5 звезд». Для привлечения покупателя употребляются многочисленные эпитеты с положительной коннотацией: *лучший, элитный, дорогой, роскошный, привилегированный, качественный*, например: *Элитный отдых в Подмосковье! СПА-отель премиального уровня «Ливадийский» <...> прямо на берегу моря*. Наблюдается также наличие разговорной лексики с целью формирования положительных эмоций: *Самые крутые дома отдыха за городом, дорогие санатории, люкс отели Подмосковья и пансионаты для семей с детьми*. В немецком языке для подобных текстов характерны сочетания, указывающие на наличие приятного отдыха, хорошего сервиса и невысокую оплату: *paradiesische Strände, optimale Reisezeit, angenehme Temperaturen, günstige Preise*.

Для привлечения потенциальных покупателей и покупательниц больших размеров в русской лингвокультуре придумываются комплиментарные названия магазинов одежды для полных людей:

1. наименования-англицизмы (в т.ч. гибриды), форма которых обладает аттрактивной функцией, а их значение указывает на размер: *PLUS SIZE, Big Fashion, BIG PEOPLE, Maxi-Mini, Каталог XL-10XL* и др.;
2. номинации, включающие антропонимы и другие имена собственные на латинице: *Laura Amatti, Maria, Berkline* (такие вывески выглядят как названия обычных магазинов);
3. транслитерированные наименования из английского языка и англицизмы, которые несут узуальный или нормативный характер: *Леди Шарм, Леди Икс, Моно-Стиль*; к данной группе можно отнести русско-английские гибриды: *Люди Икс, Толстяк-Имидж* и др.;
4. названия с семой «размер», при этом размер представляет собой нечто величественное: *Мир больших людей, Большие люди, Великан, «Полным-полно», Богатырь*² и др.;
5. наименования (в т.ч. гибридные номинации), включающие прецедентное имя или прецедентный текст: *Три толстяка, Три толстяка Лайт, Мечта поэта, Пышка* и др.

Даже когда используют прямые номинации (*полные женщины / пышные женщины*), это не звучит оскорбительно из-за наличия большого количества экспрессивных, положительно маркированных эпитетов, касающихся внешних характеристик товаров и ценового диапазона: *стильный, красивый, модный, мультибрендовый, индивидуальный, выгодный, недорогой*.

² В сознании русских людей наименование Богатырь связано с положительными образами сказочных, эпических героев.

Приведем пример: *Все новинки недорогой одежды известных брендов у нас! Для пышных женщин 50–74 размера.*

В немецком языке используются, как правило, прямые номинации с семой «размер»: *XXL Kleider, Kleider für große Größen / Kleider in großen Größen, Kleider für Mollige* и др. Это можно объяснить, с одной стороны, экстралингвистическими факторами: распространением явления бодипозитива, толерантным отношением к другим. С другой стороны, в контекстах реализуется эвфемистическая функция таких названий (функция маскировки пейоративных понятий) с помощью многочисленных эпитетов, которые отличаются наличием эмоциональной, экспрессивной и аксиологической коннотаций: *hübsch, (besonders) gut, vorteilhaft, fließend, passend, körperbetont, natürlich, festlich, wunderbar weiblich, wunderschön* и др.

В заключение отметим, что все названные категории (языковая/коммуникативная корректность, политкорректность, коммерческая корректность) можно рассматривать в аспекте «дискурс[а] коммуникативной толерантности» [7], предписывающего уважительное

моно- и межкультурное вербальное поведение в том или ином коммуникативном контексте. На современном этапе неоднозначных, нередко диаметрально противоположных оценок исследуемого явления политкорректность определяется как особый социолингвистический феномен в разных лингвокультурах. Отличие в восприятии политкорректности в немецкоязычных странах и в России обусловлено историческими факторами и, соответственно, разным развитием социумов. Для россиян политкорректность означает соблюдение стилистических норм общения в конкретной коммуникативной ситуации. В странах немецкой речи данный феномен является вербально-поведенческой категорией, одним из инструментов языковой политики государства, что закреплено как на законодательном уровне (в специальных прескрипциях об использовании определенных форм, слов, выражений), так и в кодифицирующих лексикографических источниках. Исследование узуальных, окказиональных и пока еще ненормированных лексических, грамматических и графических политкорректных единиц представляется важным с точки зрения их влияния на кодифицированную языковую норму. Такие наименования требуют дальнейшего наблюдения и анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В. Н. Языковые императивы «политической корректности» // Политическая лингвистика. — 2007. — 3(23). — С. 8–10.
2. Бекяшев К. А. Титульная нация // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/law/text/4193479> (дата обращения: 20.07.2019).
3. Гуманова Ю. Л. Политическая корректность как социокультурный процесс (на примере США): автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Гуманова Юлия Леонидовна. — М., 1999. — 24 с.
4. Едличко А. И. К вопросу об эвфемизации этнонимов в немецком языке. Zur Euphemisierung von Ethnonymen im Deutschen // Вестн. Моск. ун-та. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — № 3. — С. 134–148.
5. Едличко А. И. Русский язык в России и в мире: некоторые аспекты языковой политики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Ч. 1. — 2018. — № 11. — С. 99–107.
6. Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. — 112 с.
7. Могилевич Б. Р. Дискурс коммуникативной толерантности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. — 2016. — № 3 — С. 192–201.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — 2-е изд., дораб. — М.: Изд-во МГУ, 2004. — 352 с.
9. Устав Организации Объединенных Наций. — URL: <https://www.un.org/ru/charter-United-nations/> (дата обращения: 10.05.2019).
10. Шляхтина Е. В. Языковой аспект политкорректности в англоязычной и русской культурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Шляхтина Елена Васильевна. — Ярославль, 2009. — 23 с.
11. Are You Politically Correct?: Debating America's cultural standards / Francis J. Beckwith F. J., Michael E. Bauman (eds.). — Buffalo: Prometheus, 1992. 266 p.
12. Leitfaden Geschlechtergerechte Sprache. — Wien: Pädagogischen Hochschule Wien/Krems, 2019. — 24 S. — URL: https://www.kphvie.ac.at/fileadmin/Dateien_KPH/Wir_ueber_uns/Gender/KPH-Genderleitfaden-2019-210x280-online.pdf (дата обращения: 12.07.2019).
13. Rechtschreibung: Leitfaden zur deutschen Rechtschreibung. Schweizerische Bundeskanzlei, in Absprache mit der Präsidentin der Staatsschreiberkonferenz. 4., aktual. Aufl. — Bern: Schweizerische Bundeskanzlei; Vertrieb: BBL, Verkauf Bundespublikationen, 2017. — 160 S.
14. Millett M. Das schlechte am Guten. Weshalb die politische Korrektheit scheitern muss. — Münster: Solibro, 2011. — 221 S.
15. Stefanowitsch A. Eine Frage der Moral. Warum wir politisch korrekte Sprache brauchen. — Berlin: Dudenverlag, 2018. — 63 S.
16. Röhl K. R. Deutsches Phrasenlexikon: Lehrbuch der Politischen Korrektheit für Anfänger und Fortgeschrittene. — Berlin u.a.: Ullstein, 1995. — 232 S.

© Едличко Анжела Игоревна (ang299@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОГНИТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ КАК ОСНОВА ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Зырянова Светлана Александровна

К.филол.н., старший преподаватель, Российский
университет дружбы народов (г. Москва)
sv.minakova@yandex.ru

COGNITIVE STRATEGY AS A BASIS FOR THE INTERPRETATION OF A LITERARY TEXT

S. Zyryanova

Summary. article is devoted to the actual linguistic task — the study and analysis of the process of interpreting a literary text. The work identifies the key problems of understanding and interpreting the work. The paper concludes that the comprehension of a literary text is a complex, multidimensional process of decoding an author's message, requiring the use of adequate strategies for cognitive activity. The author gives an overview of views on the concept of "cognitive strategy", and also gives its main semantic components.

Keywords: cognitive linguistics, literary text, cognitive strategy, interpretation.

Аннотация. Статья посвящена актуальной лингвистической задаче — изучению и анализу процесса интерпретации художественного текста. В работе определяются ключевые проблемы понимания и интерпретации произведения. В работе делаются выводы о том, что осмысление художественного текста — это сложный многоаспектный процесс декодирования авторского сообщения, требующий использования адекватных стратегий познавательной деятельности. Автор дает обзор взглядов на понятие «когнитивная стратегия», а также приводит его основные смысловые составляющие.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, художественный текст, когнитивная стратегия, интерпретация.

Антропоцентрическая парадигма научного знания требует изучения всех лингвистических явлений с точки зрения обращения к познающему субъекту: его интеллекту, разуму, мышлению, ментальным процессам познания окружающего мира, поэтому современные исследования художественного текста базируются на междисциплинарном знании, объединяющем такие научные направления как психология, культурология, антропология, философия, нейронаука и др. В этом аспекте наиболее актуальным направлением языкознания становится когнитивная лингвистика, область познания которой базируется на исследованиях соотношения языка и сознания, способах категоризации и концептуализации окружающего мира, когнитивных процессах.

Основным принципом когнитивной лингвистики признается осознание человека как «субъекта действующего, активно воспринимающего и продуцирующего информацию, руководствующегося в своей мыслительной деятельности определенными схемами, программами, планами, стратегиями» (3, с. 7). Наиболее исследованными единицами языка в рамках когнитивистики являются ментальные образования, представленные морфемами, лексемами и предложениями. Более сложные структуры — текст и дискурс — остаются менее разработанными, в связи с чем изучение и анализ процесса

интерпретации современного художественного текста представляется актуальным и перспективным направлением.

Анализ, объяснение и структурирование процесса понимания художественного текста связаны с ключевыми проблемами его интерпретации. Во-первых, основной интенцией автора является ответ на волнующий его вопрос, упорядочение окружающей его действительности, поэтому в основу смыслообразующих элементов текста, помимо объективных культурно и исторически обусловленных факторов, ложатся субъективные аспекты личности автора: психоэмоциональное состояние, культурный, читательский и бытовой опыт, мотивы создания текста. Этот факт значительно усложняет понимание, так как текст становится сложной многомерной системой, объединяющей в себе как объективные факторы, детерминированные окружающим создателя мира, так субъективные мотивы, зачастую неподдающиеся распознаванию.

Во-вторых, осмысление художественного текста прочно связано с личностью познающего субъекта, уровнем его ментальной активности, читательского, культурного и жизненного опыта, воображения, способности прогнозирования.

Художественный текст является высказываем, процесс интерпретации которого основывается на известной прагмалингвистической схеме: автор (адресант) — текст (сообщение) — читатель (адресат). Создавая свое сообщение, автор кодирует его, опираясь на собственный опыт и интенции. Читатель в свою очередь должен расшифровать это обращение, используя уже собственные знания и представления. В связи с этим результат интерпретации художественного текста представляет собой лишь одну из возможных версий осмысления данного объекта. Количество этих вариантов почти не ограничено.

Еще одной трудностью когнитивной структуризации процесса интерпретации художественного текста является тот факт, что результат осмысления произведения как целого не является суммой результатов интерпретации его составных частей. Адекватное восприятие художественного текста базируется на осознании взаимодействия его частей и представлении как единой системы, где компоненты не автономны, а тесно связаны между собой, организуя целостное смысловое единство. Когнитивный анализ структурных составляющих текста не является анализом текста в целом.

Таким образом, осмысление художественного текста представляет собой сложный многоаспектный процесс, где от интерпретатора требуется истолковать сообщение, полученное от автора в соответствии не только с собственной картиной мира, но и ориентируясь на объективные факторы действительности, в рамках которой создавалось произведение, а также на личностные характеристики автора текста, включая его картину мира, культурный и эмоциональный опыт, интенции, закладываемые в основу создаваемого сообщения. Перед читателем возникает сложная проблема декодирования текста, что требует поиска и использования адекватных стратегий познавательной деятельности.

Таким образом, перед исследователями процесса интерпретации художественного текста стоит задача описания и анализа когнитивной обработки информации, а также поиск и систематизация эффективных стратегий познания действительности.

Термин «когнитивная стратегия» имеет неоднозначное понимание и его содержание часто зависит от целей и задач исследователя. Так, Дж. Брунер утверждает, что стратегия представляет собой «некоторый способ приобретения, сохранения и использования информации, служащий достижению определенных целей» [1, с. 136]. Т. Ван Дейк определяет стратегию как знание о процессах понимания [2, с. 164]. Здесь стратегия является базовым знанием, формирующим систему стратегических процедур, которая необходима личности для

обработки дискурса. Следует отметить, что Т. Ван Дейк указывает на неалгоритмизированность данного знания, которое включает определенную степень гибкости в подходах к решению задач. Стратегия не гарантирует достижение цели. Результат во многом зависит от характеристик пользователя языка, его целей и знаний о мире [2, с. 164].

Отметим, что большинство исследователей включает в понятие «когнитивной стратегии» определенную цель, возможное достижение которой является результатом реализации стратегии.

Д.Н. Павлов, проведя анализ дефиниций термина «стратегия», выделил следующие его смысловые составляющие:

- ◆ Целеположенность.
- ◆ Отнесенность к ментальным процессам.
- ◆ Врожденность.
- ◆ Зависимость от субъекта.
- ◆ Преднамеренность использования.
- ◆ Гибкость.
- ◆ Зависимость от условий, контекста.
- ◆ Временная ориентация (перспективные — ситуативные).
- ◆ Эффективность.
- ◆ Осознанность/неосознанность [4, с. 63].

На первое место ставится вопрос о целеположенности когнитивной стратегии, содержание которой может меняться в зависимости от задач, стоящих перед исследователем. Так, в рамках процесса интерпретации художественного текста применяются стратегии объективного характера, а именно: получения, обработки, фиксации и хранения информации. При определении и описании стратегии получения информации учитываются канал связи и способ получения информации. Стратегии фиксации информации, полученной в процессе осмысления художественного текста, связаны со способами ее усвоения. Наиболее важными представляются стратегии организации информации, которые определяют способы анализа элементов текста, а затем их объединения в систему. Однако при описании стратегий познания текста следует учитывать и субъективные факторы, психологические особенности субъекта деятельности: умение выделить цели и задачи когнитивной деятельности, культурный, бытовой, эмоциональный опыт, умение находить и использовать стратегии познания.

Таким образом, определение и описание ключевых когнитивных стратегий интерпретации художественного текста позволит определить и описать закономерности выбора и применения способов познания и анализа художественного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брунер Дж. Психология познания: за пределами непосредственной информации. — М., 1977. — С. 136.
2. Ван Дейк Т. А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1996. — С. 164.
3. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. — С. 7.
4. Павлов Д. Н. О некоторых проблемах определения термина «когнитивная стратегия» // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. — Тамбов: Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов», 2006. — С. 53–61.

© Зырянова Светлана Александровна (sv.minakova@yandex.ru).
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет дружбы народов

К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ В РУССКОЙ ВОЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СМИ)

TO THE QUESTION OF BORROWING IN RUSSIAN MILITARY TERMINOLOGY (ON THE MATERIAL OF MEDIA TEXTS)

*Le Anh Van
Tran Mai Chi*

Summary. The article is devoted to borrowings in Russian military terminology, which are becoming increasingly common in the media. The focus is on terms denoting modern models of weapons and military equipment, new military operations, strategies and tactics. The article revealed that the majority of such borrowings came to the Russian language from English. It is emphasized that the use of media texts allows us to study the most current borrowings. The article is intended for all those interested in military vocabulary and military topics.

Keywords: borrowing, borrowed words, internationalism, military terminology, military term, media.

Ле Ань Ван

*Аспирант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
leanhvan88@gmail.com*

Чан Май Тъи

*Аспирант, Московский педагогический государственный университет
tmchihanu@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена заимствованиям в русской военной терминологии, которые получают все более широкое распространение в СМИ. Основное внимание уделяется терминам, обозначающим современные образцы вооружения и военной техники, новые военные операции, стратегии и тактики. В статье выявлено, что большинство таких заимствований пришли в русский язык из английского. Подчеркивается, что использование текстов СМИ позволяет изучать наиболее актуальные заимствования. Статья предназначена для всех интересующихся военной лексикой и военной тематикой.

Ключевые слова: заимствование, заимствованные слова, интернационализмы, военная терминология, военный термин, СМИ.

Наиболее динамично развивающейся частью военного подъязыка является военная терминология, которая постоянно растет, нередко пополняясь благодаря заимствованиям. Несомненно, что проблема заимствованной лексики в русском языке представляет большой интерес с точки зрения лексикологии. В настоящее время военно-политические события остаются наиболее актуальной темой в СМИ. Под влиянием глобализации государства мира активизируют сотрудничество в военной сфере, проводят совместные военные учения и операции, разрабатывают новые виды оружия и техники. В то же время во многих регионах мира продолжают и возникают новые вооруженные столкновения, этнические и религиозные конфликты. Средства массовой информации, в силу того, что они должны быстро реагировать на изменения в обществе, представляют собой важный источник новых, еще не зафиксированных в словарях слов, в том числе и военных терминов.

Заимствованиям в военной лексике посвящены труды многих отечественных и зарубежных исследователей. Приведем те из них, что изданы недавно: (Белоконь, 2006), (Лату, 2009), (Андрианова, 2009), (Чеботарева, 2012), (Соколов, 2013), (Григораш, 2015) и др. Действительно, вопрос о заимствованиях в русской военной

лексике является актуальным еще с конца XVI века, когда в русскую военную терминологию начали активно и в большом количестве вливаться иностранные слова, преимущественно из европейских языков [Сороколетов, 2009: 289]. Продолжающийся научно-технический прогресс, непрерывное совершенствование военной техники и вооружений, активное функционирование вооруженных сил различных стран ведут к появлению множества новых предметов, явлений и процессов, что в свою очередь обуславливает образование новых военных терминов, большинство из которых имеют англоязычное происхождение. Это приводит к тому, что вопрос о принимаемых в русскую военную терминологию лексемах и об их изучении встает особенно остро, чему способствует также значительное увеличение скорости изменения словарного состава русского языка (в том числе и скорости заимствования и освоения слов) и скорости замены одних слов другими. Все вышеизложенное определяет **актуальность** темы данного исследования.

Цель исследования состоит в выявлении причин заимствования и определения лингвистических особенностей военных терминов иноязычного происхождения в современном русском языке. Внимание сосредоточено на терминах, обозначающих современные виды оружия

и военной техники, военные операции, стратегии и тактики — большинство таких наименований пришли в русский язык из английского. Для достижения намеченной цели в процессе исследования были решены следующие задачи: 1) рассмотреть теоретические основы проблемы исследования; 2) собрать и проанализировать примеры — новые заимствования в русской военной терминологии, употребляющиеся в текстах СМИ, и выявить особенности этих заимствований; 3) выявить факторы, влияющие на заимствование военных терминов.

Научная новизна исследования определяется тем, что в статье впервые рассматриваются факторы, приводящие к интенсивному заимствованию новых терминов англоязычного происхождения в современную русскую военную терминологию.

Материалом для исследования послужили тексты на военную тематику, взятые со специального сайта «Военное обозрение, а также из передач телеканала «Звезда», из текстов электронных газет «Газета.Ру», «РИА Новости», «Спутник», «RT на русском», «Армейский вестник».

Военная терминология — это система лексических средств (терминов), обозначающих понятия военной науки и употребляющихся в сфере специального общения [Нелюбин, 1984: 24]. Одним из наиболее продуктивных источников пополнения русской военной терминологии, как было отмечено выше, являются заимствования — слова, словосочетания или морфемы, вошедшие в военную терминосистему русского языка из других языков.

В современной военной терминологии русского языка наблюдается частое употребление заимствований, большинство из которых пришло из английского языка. К новейшим заимствованиям из английского языка (конец XX — начало XXI века) можно отнести слова *АВАКС* (*AWACS—Airborne Warning and Control System*), *баффтинг* (*buffeting*), *танкер* (*tanker*), *пейдер* (*raider*), *GPS*, кальку *воздушно-наземная операция* (*Air-Land Battle*) и т.д. Приведем также и более старые заимствования из английского языка, которые все еще актуальны в русском языке: *антимилитаризм* (*antimilitarism / anti-militarism*), *дедвейт* (*deadweight*), *дрифт* (*drift*), *танк* (*tank*), *револьвер* (*revolver*), *снайпер* (*sniper*), *Холодная война* (*Cold war*), *шквал* (*squall*), *Бу-зет* (*BZ – психохимическое боевое отравляющее вещество*), *Си-эс* (*CS – отравляющее вещество раздражающего действия*) и т.д.

Отметим, что новые заимствования в большинстве случаев являются названиями высокотехнологичных видов боевой техники или же наименованиями новейших

технологий, что обусловлено развитием науки и применением новых технологий в разработке вооружений, в первую очередь в странах Запада (США, Великобритания и др.).

В начале 2000-х гг. в мире стало широко освещаться применение лазерной технологии, в том числе и в военной сфере. Именно поэтому в СМИ на русском языке стали появляться названия видов оружия и военной техники, основанные на заимствованном из английского языка термине *лазер* (*laser*): *лазер с ядерной накачкой*, *авиабомба с лазерной системой наведения*, *Система обороны на основе высокоэнергетического лазера* и др.: *По мысли создателей, элементы системы должны были находиться на околоземной орбите и поражать советские баллистические ракеты с помощью как химических лазерных лучей, так и лазеров с ядерной накачкой* (RT на русском, 08.08.2018).

Необходимо отметить, что мы живем в эпоху, когда опасность исходит не только от террористических группировок, но и от столкновения интересов ведущих мировых держав, что порождает бесконечную гонку вооружений. Одним из ее направлений является разработка робототехнического оружия, и термины в этой новой сфере также нередко заимствуются из английского языка: *дрон* (*drone* — беспилотный летательный аппарат), *миниатюрные роботы* (*miniature robot*) и др.: *Кроме того, на авиабазе Хмеймим репортерам показали сбитые боевые дроны, целью которых были российские военнослужащие* (ТК Звезда, 17.08.2018); *На земле имеет смысл бросать в бой роботы-танки, а для захвата помещений и проведения разведки использовать менее габаритные аппараты, включая миниатюрные роботы (как, например, роботы-насекомые), предназначенные для убийства высокопоставленных командиров в стане противника* (RT на русском, 06.03.2017).

Многие новейшие заимствования из английского языка, которые еще не описаны в военных словарях, представляют собой калькированные названия военных операций, стратегий и тактик. Такие заимствования являются в результате воздействия двух факторов.

Во-первых, Россия входит в ООН. Данная международная организация разрабатывает и внедряет новые документы, которые переводятся на 6 официальных языков (в том числе и на русский). Хотя заимствования из документов ООН могут и должны становиться интернационализмами (документы ООН существуют на разных языках), этот процесс затруднен тем, что у каждой страны разработана своя военная терминология, которой нередко отдают предпочтение перед терминами из международных документов. Например, как пишет

коллектив авторов под руководством А.Е. Шагова, «к настоящему времени разработаны международные, региональные, а некоторыми государствами и свои собственные национальные концепции миротворчества» [Шагов, Богданов, 2016: 742]. Однако международные военные термины не могут не проникать в национальные военные терминосистемы. Так появляются заимствования и кальки. Например, русский военный термин *миротворческие миссии ООН* представляет собой кальку с английского выражения *United Nations peacekeeping missions: 70 лет назад на Ближнем Востоке была создана первая миротворческая миссия ООН* (Газета.Ru, 29.05.2018). Что касается термина *United Nations Peacekeeping Operations*, то в русском военном дискурсе существуют два эквивалента: *операции ООН по поддержанию мира* и *миротворческие операции ООН: Воинское формирование Вооруженных сил РФ принимало участие в операциях по поддержанию мира в Сьерра-Леоне в 2000–2005 годах* (РИА Новости, 07.06.2013); *Миротворческие операции ООН проводятся в целях предотвращения или ликвидации угрозы миру и безопасности путем совместных принудительных действий...* (РИА Новости, 19.02.2015).

Во-вторых, так как англоговорящие страны (в первую очередь Америка и Великобритания) играют важную роль на мировой арене, их военное искусство, которое в силу высокой военизованности данных стран является наиболее передовым, подвергается тщательному изучению и описывается в русскоязычных статьях. При этом разные авторы по-разному переводят иностранные термины, и именно по этой причине часто возникают *дублиеты-синонимы*. Так, английский термин *military operations other than war* переводится в статьях и как *военные операции в условиях отсутствия войны* (Халецкий, 1997), (Бетц, 2002), (Рябинин, 2005), и как *операции, отличные от войны* (Гаврилов, 2002).

В связи с повышенным вниманием к новым военным стратегиям и тактикам других стран, в русской литературе появились такие термины-кальки как *воздушно-наземная операция (Air-Land Battle)*; *концепция «господствующего маневра» (dominant maneuver)*; *концепция «высокоточного сражения» (precision engagement)*; *концепция «всеобъемлющей защиты» (full-dimensional protection)*; *концепция «целенаправленного тылового обеспечения» (focused logistics)*; *концепция «согласованных наземных боевых действий» (unified land operations)*; *изоляция района боевых действий (Interdiction mission)*; *мобильная оборона (mobile defense)*.

Стоит отметить, что в прошлом русский язык активнее заимствовал новые военные термины из других языков. К примеру, в ходе военного взаимодействия

и успешных завоеваний в XI–XVII вв. военный лексикон обогащался словами из тюркских языков: *колчан, бешимет, караул* и др. В первой четверти XVIII в. благодаря активной реформаторской деятельности Петра I русский язык обогатился военной и военно-морской терминологией голландского и немецкого происхождения: *флот, флаг, гавань, вымпел, матрос, койка, рейд, дрейф, лоцман, руль, штурман, фарватер, шкипер, шлюпка, верфь, балласт, рейс* и др. В период XVIII–XIX вв. Франция и Германия, армии которых были самыми организованными и развитыми, привнесли в русский язык такие военные термины: из французского: *армия, артиллерия, батальон, авангард, гарнизон, лафет, атака, рекрут, десант, капитан, марш, мина, кавалерия, курьер, сапер, эскадра, генерал, лейтенант, блиндаж, сержант, брешь* и др.; из немецкого: *командир, штаб, ефрейтор, штурм, гауптвахта, патронташ, лафет, юнкер, лагерь* и др. В современном русском языке, как было выше сказано, большинство заимствований приходит из английского языка и особенно из его американского варианта. Нередко это названия военных профессий и военной техники, термины и определения которых нередко имеют аналоги в русском языке: *геликоптер — вертолет, снайпер — стрелок, субмарина — подводная лодка, авиатор — летчик* и др.

Далее, на наш взгляд, при рассмотрении заимствований следует провести границу между *заимствованиями* и *интернациональными словами*. Под интернационализмами понимаются «слова, имеющие одинаковую или схожую форму выражения и одинаковое или схожее значение, распространенное в различных языках (не меньше чем в трех) и в большинстве случаев понимаемые спонтанно без перевода» [Банман, 2015: 68].

В русском военном дискурсе также функционируют интернационализмы. Как пишут П.П. Банман и А.А. Леглер, интернационализмы чаще всего приходят из французского языка: *атака, бомба, батальон, артиллерия, дезертир, генерал, кабина, калибр, кавалерия, лейтенант, маневр, мина, офицер, патруль, рапорт* и т.д. Кроме того, наблюдаются интернационализмы из следующих языков: английский: *радар, лазер, GPS, базука, демилитаризация, джип, дислокация*; итальянский: *солдат, граната, шпион, эмбарго, компас, ракета*; немецкий: *акустика, баллистика, госпиталь, офицер*; чешский: *гаубица*; арабский: *адмирал* и т.д.

Многие интернационализмы содержат в себе греческие и латинские корни. Из греческих компонентов состоят следующие интернационализмы: *автомат, геноцид, гидролокация, динамит, изолиния, эмблема, оптика, перископ, пиротехника, скафандр* и т.д.

Корни латинского языка содержатся в следующих интернационализмах: *аннексия, адаптация, армия, антенна, ветеран, генерал, демаркация границы, диверсия, дивизия, диспозиция, интервенция, капитан, катапульта, прожектор, радиация, торпеда, тактика, эвакуация, ретранслятор, форма* и т.д.

Как мы видим, в качестве заимствований и интернационализмов могут выступать не только слова, но и аббревиатуры: *лазер* (от англ. *LASER* — *Light Amplification by Stimulated Emission of Radiation*) и *радар* (от англ. *radar, radio detecting and ranging*).

Заимствование как один из источников пополнения русской военной терминологии осуществляется следующими способами: **транслитерация:** *танкер (tanker), рейдер (raider), дрейф (drift), револьвер (revolver), антимилицаризм (antimilitarism)* и т.п.; **транскрипция:** *снайпер (sniper), дедвейт (deadweight), шквал (squall)* и т.п.; **калькирование:** *Холодная война (Cold war), миротворческие миссии ООН (United Nations peacekeeping missions), военные операции в условиях отсутствия войны (military operations other than war), концепция «господствующего маневра» (dominant maneuver)* и т.п.

Военная терминсистема русского языка характеризуется частотным употреблением аббревиатур. В некоторых случаях аббревиатуры иноязычного происхождения вошли в русский язык при помощи транслитерации (*АВАКС, Си-Эс, Би-Зет*): *Всевидящее око в поднебесье: русские «АВАКСы» могут работать по любым целям* (ТВ Звезда, 24.03.2017); *«Би-Зет» известен химикам как хинуклидил-3-бензилат. Это разработанное американцами химическое оружие, которое, по некоторым данным, до сих пор производится в одной из опытных лабораторий в США* (Спутник, 15.04.2018). В других случаях написание иностранными буквами сохраняется (*AWACS, BZ, GPS, CS*): *Основной авиабазой американских самолетов системы AWACS является Тинкер в Оклахоме* (Военное обозрение, 24.03.2017); *«Разрабатывалось в странах НАТО»: Лавров рассказал о возможном отравлении Скрипалей веществом BZ* (RT на русском, 14.04.2018); *Официально речь идет о навигационных спутниках, которые относятся к поколению GPS III* (Военное обозрение, 15.09.2018).

Мы считаем важным отдельно рассмотреть иностранные названия оружия, которые заимствуются из языков с латинским алфавитом (английский, французский, голландский и т.д.). При описании в русской литературе иностранных боевых машин и оружия такое наименование переводится частично русскими словами, частично — заимствованными. При этом, шифры

из букв и цифр остаются в латинском написании, например: *пистолет SIG Sauer P32, штурмовая винтовка SG 550, винтовка FN SCAR. Впервые пистолет SIG Sauer P320 был представлен на выставке в Париже летом 2014 года* (Военное обозрение, 22.08.2016); *Винтовки FN SCAR имеют автоматику с газоотводным двигателем, с коротким ходом отдельного от затворной рамы газового поршня, размещенного в газоотводном блоке на стволе* (Военное обозрение, 31.12.2011).

Аббревиатуры в иностранных названиях оружия не переводятся и остаются в латинском написании, как и шифры. В примере *винтовки FN SCAR*, не переводится аббревиатура SCAR (англ. *Special Operations Forces Combat Assault Rifle*) — *боевая штурмовая винтовка для сил специальных операций*. Аналогично, *пистолет-пулемет «Хеклер и Кох» MP7 PDW* (PDW — англ. *Personal defense weapon* — персональное оружие защиты); *полуавтоматическая снайперская винтовка Mk 14 EBR* (EBR — англ. *Enhanced Battle Rifle* — улучшенная боевая винтовка); *полуавтоматическая снайперская винтовка PSG1* (PSG — нем. *Präzisions Scharfschützen Gewehr* — точная снайперская винтовка) и т.д.

Отличительной чертой военной терминологии является наличие эпонимов, то есть терминов, которые содержат в своем составе имя собственное. Если в название оружия входит иностранное имя собственное, оно либо передается при помощи транслитерации: *пистолет-пулемет «Узи»* (от имени создателя — Узи Гал), либо сохраняет исходное написание: *гладкоствольное ружье Remington 870* (от имени создателя — Элифалет Ремингтон), *пистолет Walther Creed* (от имени создателя — Карл Вальтер). *Израильский пистолет-пулемет «Узи» является сегодня узнаваемым брендом на мировом рынке стрелкового оружия* (Армейский вестник, 24.04.2019); *Новый компактный 9-мм пистолет Walther Creed представляет собой модернизированный вариант популярного во всем мире пистолета Walther PPX* (Военное обозрение, 10.11.2016).

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать **вывод** о причинах заимствования и особенностях военных терминов иноязычного происхождения. Во-первых, в настоящее время развитие науки и применение новых технологий в разработке вооружений, в первую очередь в западных державах привели к тому, что большое количество названий видов оружия и венной техники англоязычного происхождения проникли в русскую военную терминологию. Во-вторых, глобализация и участие России в международных организациях приводят к появлению в русской военной терминсистеме заимствований, обозначающих новые военные операции, стратегии и тактики.

В-третьих, в русскую военную терминологию также входят термины из французского, немецкого, итальянского, голландского и др. языков, многие из которых все сильнее закрепляются и становятся интернационализмами. Иноязычные военные термины заимствуются в русский язык путем транскрипции, транслитерации или калькирования.

Результаты

проведенного анализа могут найти применение при изучении других терминосистем. Материал исследования может использоваться при составлении учебников, пособий по военной тематике и словарей военных терминов, в том числе и двуязычных или многоязычных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Теория языка. Вводный курс: учеб. пособие для студ. филол. спец. вузов. М.: Академия, 2007. — 368 с.
2. Банман П. П. Военная терминология и военный перевод [Электронный ресурс]. Ставрополь, 2015. URL: <http://www.iprbookshop.ru/63234.html> (дата обращения: 28.05.2019).
3. Бойков Л. Основы оперативного искусства вооруженных сил США // Зарубежное военное обозрение. 2014. № 7. — С. 3–12.
4. Военная энциклопедия: в 8-и т.: Т. 5: Маркировка — «Огай» / под гл. ред. П. С. Грачева. М.: Воениздат, 2001. — 575 с.
5. Гаврилов В. Эволюция взглядов экспертов США и Великобритании на проведение миротворческих операций // Зарубежное военное обозрение. 2002. № 8. — С. 2–11.
6. Нелюбин Л. Л. Учебник военного перевода. М.: Воениздат, 1984. — С. 24.
7. Рябинин А. Нетрадиционные военные операции ВС зарубежных государств // Зарубежное военное обозрение. 2005. № 6. — С. 2–9.
8. Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). М., 2009. — 384 с.
9. Халецкий Я. А. Психологические операции Вооруженных сил США в войнах и конфликтах XX века // Зарубежное военное обозрение. 1997. № 6. — С. 16–23.
10. Шагов А. Е., Богданов В. Н., Гаврилов В. А. и др. Актуальные проблемы военного искусства в войнах и вооруженных конфликтах конца XX — начала XXI века. М.: Научная библиотека, 2016. — 899 с.

© Ле Ань Ван (leanhvan88@gmail.com), Чан Май Тьи (tmchihanu@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет

ГЛАГОЛЫ, УКАЗЫВАЮЩИЕ НА НАИМЕНЬШУЮ ИНТЕНСИВНОСТЬ ОСМЕЯНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С КИТАЙСКИМ)

Ма Мэнфэй

Аспирант, Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова, Москва
mfeyfey@mail.ru

VERBS INDICATING THE LEAST INTENSITY OF DERISION IN THE RUSSIAN LANGUAGE (IN COMPARISON WITH CHINESE)

Ma Mengfei

Summary. The article discusses the semantic features of verbs indicating the least intensity of ridicule in the Russian language — the members of the synonymic series to joke, tease, laugh — in comparison with their equivalents in the Chinese language. The materials of the National corpus of the Russian language are used to analyze the distinctive features of verbs with the least intensity of ridicule from other verbs with the General idea of ridicule; the similarity and differences of the semantics of verbs with the least intensity of ridicule in both languages are described.

Keywords: synonymy; semantic analysis; verbs with the meaning of ridicule; semantics; semantic signs.

Аннотация. В статье рассматриваются семантические особенности глаголов, указывающих на наименьшую интенсивность осмеяния в русском языке — члены синонимического ряда подшучивать, подтрунивать, подсмеиваться — в сопоставлении с их эквивалентами в китайском языке. На материалах Национального корпуса русского языка анализируются отличительные признаки глаголов с наименьшей интенсивностью осмеяния от прочих глаголов с общей идеей осмеяния; описывается сходство и различия семантики глаголов со наименьшей интенсивностью осмеяния в обоих языках.

Ключевые слова: синонимия; семантический анализ; глаголы со значением осмеяния; семантика; семантические признаки.

Настоящая статья является продолжением темы, начатой в работах [Ма Мэнфэй, 2018: 398–400], [Ма Мэнфэй, 2018:67–77], [Ма Мэнфэй, 2018: 572–573]. В первой статье рассматриваются семантические отличия, противопоставляющих синонимический ряд *подтрунивать*, *подшучивать*, разг. *подсмеиваться* другим рядам глаголов со значением осмеяния, во второй статье описываются признаки, отличающих семантику отдельного глагола от других глаголов внутри данного ряда, в третьей статье выделяются 5 синонимических рядов русских глаголов со значением осмеяния по разной интенсивности действия в сопоставлении с их эквивалентами в китайском языке.

В каждом языке свое специфическое представление о мире, под влиянием которого формируются смысловые компоненты, входящие в значение слова. В связи с этим, данная статья ставит перед собой цель описать системные смыслы русских глаголов с наименьшей интенсивностью осмеяния на основе анализа их эквивалентов в китайском языке. Статья делится на две части: в первой части рассматриваются основные смыслы глаголов с наименьшей интенсивностью осмеяния как в русском, так и в китайском языке, во второй части речь идет о семантических особенностях данного ряда в отличие от прочих глаголов со значением осмеяния в обоих язы-

ках. Семантическое описание опирается на корпусные данные: русский примеры извлечены из *Национального корпуса русского языка*¹ и китайские — из *Beijing Language and Culture University Corpus Center* (сокращенно: ВСС)², последний корпус появлялся с 2012 г., он, в свою очередь, во многом базируется на материалах из корпуса “Жэньминь жибао” (Дневная Газета Народа), охватывающих период с 1946 г. до 2012 г. Сопоставление русского и китайского языкового материала позволяет получить более рельефного описания семантики рассматриваемых слов в русском языке и четче осознать особенности соответствующих фрагментов русской и китайской картины мира.

Переходим к рассмотрению основных смысловых компонентов глаголов с наименьшей интенсивностью осмеяния в русском — *подшучивать*¹, *подтрунивать*, разг. *подсмеиваться*, объединенных указанием на «меньшую интенсивность действия и мягкую, дружескую манеру речи» [Санников 2003: 4]. Синонимы этого ряда не только не предполагают желаний субъекта уязвить или унижить адресата, но, напротив, указывают на то, что в дружелюбном смехе проявляется доброе от-

¹ www.ruscorpora.ru

² http://bcc.blcu.edu.cn

ношение к адресату» [там же: 4]¹. Китайские эквиваленты данного ряда рассматриваются в Словаре синонимов современного китайского языка; это глаголы *kāi wán xiào*, *shuǐ xiào*, *tiáo xiào*, *xì nòng*, *tiáo xiào*, *xì xiè*, указывающие на самый мягкий способ выражения осмеяния [Лю Шусин 1987: 453].

Сформулируем общее толкование ряда *подшучивать*, *подтрунивать*, *подсмеиваться*: «Считая действия или свойства какого-то человека смешными, относясь с симпатией к этому человеку и имея целью получить удовольствие от сказанного и доставить удовольствие адресату, говорить об этих действиях или свойствах или о самом этом человеке так, чтобы адресат тоже считал его действия или свойства смешными и понимал, что говорящий относится к этому человеку с симпатией». Приведем общее толкование, предложенное для слов ряда *kāi wán xiào*, *shuǐ xiào*, *tiáo xiào*, *xì nòng*, *tiáo xiào*, *xì xiè*: «Считая действие или свойство кого-л. смешными, речевым (говорить) или неречевым актом (шутить/играть) делать того, чтобы получить удовольствие». Цель у всех действий, описываемых рядом *wán xiào*, та же, что и в русском языке: субъект не собирается уязвить или унижить адресата, но, напротив, проявляет в дружелюбном смехе свое доброе отношение к адресату. В рассматриваемом ряду глаголов обнаруживаются несколько дополнительных смыслов, сопровождающие смысл '*xiào/смех*', эти смыслы являются основными семантических дифференциальных признаков в русском и китайском языках.

1. СМЫСЛ «ИГРАТЬ»

В словообразовательных структурах глаголов *kāi wán xiào*, *shuǐ xiào*, *tiáo xiào*, *xì nòng*, *tiáo xiào*, *xì xiè* выделяются иероглифы с общим значением 'играть, развлекаться' — *shuǐ*, *xì*, *wán*, *tiáo*. Это связано с тем, что главным смыслом глаголов с наименьшей интенсивностью осмеяния в китайской картине мира является понятие '*wán*' ('играть'). Известно, что русский глагол *играть* многозначен. В первом своем значении он имеет в качестве прототипа представление о детской игре, предназначенной доставить играющему удовольствие. Представление о детской игре, согласно А.Д. Шмелеву, «связано с коннотациями чего-то легкого, несерьезного, необязательного, необременительного. Это дало начало таким выражениям, как *играючи* 'без видимых усилий, как бы шутя' или *поигрывать* 'без определенной цели и без особых усилий двигать туда-сюда предмет, находящийся в руках...' также употребление глагола *играть* в следующем примере: *Ребенок играет куклой, кошка мышью, а всяк любимую мечтою* (В.И. Даль)» [Шмелев

¹ Заметим, что эта семантическая особенность связана со значением приставки под-, указывающей на неполноту / неинтенсивность действия.

2012: 532]. Именно идеи удовольствия и несерьезности *игры* объединяют все глаголы данного ряда в китайском языке, о чем свидетельствует и толкование доминанты китайского ряда *kāi wán xiào* в Словаре лексики современного китайского языка под ред. Лю Шусин, в котором дается следующее толкование глагола *kāi wán xiào*:

kāi wán xiào 1 подшутить над кем-то (о речевом и неречевом действии). Ср: *В продаже менеджер часто подшучивает*: "я больше никогда не хочу с вами сотрудничать." Услышав эти слова, клиенты не только не рассердятся, но и думают, что они действительно получают большую выгоду от менеджера; *Громкая музыка звенела у него в ушах, но это была какофония. Он при этом забыл, что он жених, и не мог не выйти из себя, причая: "Зачем музыкальная команда надо мной так подшутила"*. (Чжан Хэншуй)

kāi wán xiào 2 Относиться к чему-то несерьезно; принимать какую-то деятельность как детскую игру. Ср: *Это касается безопасности многих людей, а не шуточное дело.* [Лю Шусин 2012:724]

В некоторых случаях *играть1* является непосредственным эквивалентом китайских глаголов со значением осмеяния⁴. Ср.: *Tā liǎng qīng méi zhū mǎ, cóng hái tóng shí jiù cháng cháng zài yī qǐ wán, zài shǎo nián shí qī jiù bǐ cǐ xì nòng.* = *Они дружили с детства, они часто играли вместе в раннем детстве и в подростковом возрасте* (Гау Вэй); *Tā bào zhe bīng bīng, zuǐ chún bú tíng dì zài ér zǐ de liǎn shàng, shǒu shàng, tóu fā shàng, pì gǔ dàn shàng, shǐ jìn dì qīn zhe, tā hé tā dòu zhe shuǐ xiào.* = *Она держала Биньбинь в руках, не переставая целовать сына в лицо, руки, волосы, она с ним так играла.* (Лю Яо).

Смысл 'играть' и 'несерьезность' проникает в семантику глаголов со значением осмеяния с древних времен, эволюционные корни смеха, как отмечено в работе А.Г. Козинцева, находятся в том, что «у высших приматов «протосмех» (т.н. «игровая мина») возникает в контексте игровой агрессии и представляет собой ритуализованный укус — знак несерьезности нападения. Бессознательное метакоммуникативное значение смеха осталось тем же: «Это шутка, не принимай ее всерьез». [Козинцев 2007: 249] Действие с наименьшей интенсивностью осмеяния в китайской языковой картине мира довольно сходно с игровой борьбой, практикуемой детьми, и даже с игровой агрессией животных, похожей на тип *кошка играет с мышью*. Это обнаруживается в сочетании глагола *xì nòng* с субъектом, указывающим на животных — мышь, муху и др. Ср.: *Bō lí gāng lǐ yī tiáo dà jīn yú zhāng kāi zuǐ bā, zhèng zài xì nòng yī tiáo xiàng tā yī yàng jù yǒu wǔ yán liù sè de xiǎo jīn yú.* = *В комнатном аквари-*

уме *большая золотая рыбка открыла рот и играет* с маленькой золотой рыбкой, такой же красочной, как и она (Шэн Лянтинь).

Для значения лексем из рассматриваемого глаголов ряда *подшучивать, подтрунивать, подсмеиваться* смысл 'играть' не так характерен, а смысл 'несерьезно' обнаруживается лишь в некоторых примерах. Ср.,— *Значит, могу быть абхазским зятем? — спросил Баграт, подшучивая над Хабугом, но тот этого не заметил* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема); *Ему показалось, что батарейный командир уже проник его тайну и подтрунивает над ним* (Л.Н. Толстой). [Санников 2003:5]

Таким образом, в то время как в русской языковой картине мира никакой «игровой агрессии» [Козинцев 2007: 250] в действии осмеяния не обнаруживается, ситуация с китайским языком совершенно иная: осмеяние тесно связано с понятием игры и доязыковой стадией.

2. Смысл «флирт»

В китайском языке глагол *tiáo xiào* (дословно: «подтрунивать» + «смех») описывает акт осмеяния с целью вызвать смех у адресата, часто противоположного пола. Он предполагает, что субъект, демонстрируя свой интерес к кому-л., говорит определенным образом, чтобы получить удовольствие и вызвать ответную реакцию у адресата. Ср.: *Yǐ wú wéi de nà xiē tiáo xiào, bú guò dōu shì àn shì, zhī kě yì huì, le wú hén jì, ér duì zhè yàng bīng xiě cōng míng, xīn yǒu líng xī de nǚ rén, yòu zú yǐ shuō míng xīn yì.* = Все *подтрунивание* с Ву Вэй является намеком, который можно понять без всяких объяснений, с такой умной и понятливой женщиной этого достаточно, чтобы выразить свою душу. (Zhang jie); *wǒ zhǔ yì dào xǔ lì yǔ duì cǐ de jīn chí yǔ chí zhòng, tā yě hé nà xiē gū niáng tiáo xiào, dàn shì zhōng bǎo chí jù lí, cóng mò hé qí zhōng yī gè nǚ pà dòng shǒu dòng jiǎo.* = Я заметил сдержанность и серьезность Сюй Ли Юй, он тоже *подтрунивал* над девушками, но держался от них на расстоянии, и даже не допрашивался ни до одной из них. (Ван Шуо). Для значения остальных глаголов из рассматриваемого ряда такой смысл менее характерен.

В русской картине мира субъект синонимического ряда *подшучивать* дружески или нежно относится к тому, над кем смеется, объектом высмеивания довольно часто являются близкий человек, с которым субъект находится в очень хороших отношениях, однако специальное слово, обозначающее речевое действие мужчины, флиртующего с женщиной, в русском языке не встречается. Стоит отметить, что в русском представлении о любовном флирте также связано с идеей несерьез-

ности и легкомысленности глагола *играть*. Ср.: *...Еще один лейтенант и Тамара играли в увлекательную игру: он брал ее сперва за один палец, потом еще за один, и так за всю кисть, она хлопала его другой рукой и вырывала кисть. И опять все шло сначала.* (А.И. Солженицын)

3. Смысл «дразнить»

В русском языке глагол *подтрунивать* так же, как и другие члены синонимического ряда, предполагает, что субъект получает удовольствие от обратной реакции адресата — вербальной или невербальной. В связи с этим *подтрунивать* сближается с глаголом *дразнить*. Ср. *В такси я немного подтруниваю над ним, но он молчит и как-то отчужденно улыбается* (В. Аксенов). Смысл 'дразнить' также существует для китайских эквивалентов *shuǎ xiào* (дословно: «играть» + «смех») *xì nòng* (дословно: «играть» + «дразнить»). Описываемые ими действия предполагают, что субъект хочет добиться от адресата определенной реакции: адресат должен быть слегка раздосадован или чуть-чуть задет его словами. Ср. примеры, описывающие недостижение цели вследствие отсутствия реакций со стороны объекта адресата. *tā duì láng tún hǔ yān de tù wá shuǎ xiào shuō: "tù wá, nǐ gēn rén jiā xiào yì pǎo nà me huān zuò shá? xiào yì shì xiǎng qǔ xí fù lǐ, nǐ bèng shá lǐ? tù wá míng bái zhè shì shuō shuǎ huà, bú zài yì dì xiào xiào.* = Она *shuǎ xiào* над Тувой, говоря: "Тува, зачем ты бегаешь за Сю Ю так часто, он хочет найти себе невесту, а ты зачем прыгаешь?" Зная, что это *подтрунивание*, Тува не обратил внимания и посмеялся. (Чжэн Шичжон).

Эта особенность отражается во многих переводах с русского на китайский язык: ср.: *Мы его Буонапартом дразнили (kāi wán xiào)...* Сердился... «Я, говорит, не Буонапарт... Я республик Франце»... (А.П. Чехов. переводчик Жу Лун. Забыл!!)

4. Мимическое движение, сопровождающее смех

Среди глаголов, обозначающих наименьшую интенсивность осмеяния, глаголы *подшучивать* и *подсмеиваться* семантически очень близки друг другу. Однако в отличие от *подшучивать*, глагол *подсмеиваться* имеет более тесную связь с мимикой и звуками, сопровождающими смех, и это находит отражение во внутренней форме данного глагола.

В китайской иероглифической письменности уникальные правила образования, одной из которых является изобразительный способ. Знак в системе является рисунком предмета, который он изображает, и обычно

его начертание соответствует форме предмета. К такому относится знак «xiào — 笑», изображающий мимику лица — прищуренные глаза и открытые губы. Таким образом, глаголы tiáo xiào, shuǐ xiào, kāi wán xiào, имеющие в своем составе иероглиф xiào часто указывают на мимическое выражение, соответствующее смеху, в виде улыбки и шутливый взгляд. Ср.: *wǒ kàn zhe tā de liǎn. zuǐ jiǎo suī rán guà zhe wēi xiào, dàn yǎn shén rèn zhēn. tā bú shì zài kāi wán xiào.* = Я смотрела на его лицо. Хотя улыбка играла около его рта, но глаза у него серьезные. Он не **подшучивал**. (Лин Шаухуа).

Хотя соотносительные синонимические ряды русских и китайских глаголов со значением осмеяния имеют много общих семантических особенностей, каждый язык обнаруживает и свою специфику. Сначала рассмотрим сходные семантические особенности выражения осмеяния в русском и китайском языке:

1. Русский синонимический ряд *подтрунивать*, так и китайский ряд *kāi wán xiào* предлагает наименьшую интенсивность действия из всех глаголов соответствующей семантики интенсивность действия. Ср.: слегка *подтрунивать* <*подшучивать*>, *чуть-чуть подсмеиваться* при невозможности, например, *Вовсю подтрунивать* <*подшучивать*, *подсмеиваться*>. Он как начал *подтрунивать* <*подшучивать*, *подсмеиваться*>. Небольшая интенсивность действия проявляется в отсутствии злого намерения субъекта в китайском языке; в сочетании с глаголами соответствующего ряда часто употребляются следующие обстоятельства: *qīng qīng* (слегка); *zhī shǐ* (только, просто). Ср.: *yī fú chuān dé zài xìng gǎn yě bú xiàng qí tā lǎo shī nà yàng hěn hěn dì zhēng tā, ér zhī shǐ kāi wán xiào shuō «kàn lái nǐ de dà tuǐ yòu cū le ya «rán hòu yī xiào ér guò.* = Несмотря на то, насколько сексуальна была ее одежда, он никогда не ругал ее, как другие учителя. Вместо этого он просто **подшучивал**, говоря: «похоже, твои ноги снова пополнели». (Жчэн Шудин. 2006)
2. С данной особенностью связана цель действия. Глаголы описываемых рядов в обоих языках отличаются от прочих глаголов со значением осмеяния целью действия — получить удовольствие, не вызвав обиды у того, над кем смеется субъект, и не нанеся этому человеку иного морального ущерба; ср: *беззлобно* <*с любовью, мягко, добродушно*> *подтрунивать* <*подшучивать, подсмеиваться*>; Он *привлекал их умением бесконечно над кем-нибудь подшучивать, причем совершенно добродушно и беззлобно, а также готовностью рисковать* (Р. Кинг). Китайские глаголы также сочетаются с наречиями, указывающие на положительную сторону субъек-

екта. Ср. *shàn yì* ('доброжелательно') *tiáo kān* <*kāi wán xiào, xì xuè*>; *yōu mò* ('с чувством юмора') *tiáo kān*; *jī zhì* ('умно') *tiáo kān*.

3. В обоих языках объект действия глаголов с наименьшей интенсивностью осмеяния включен в личную сферу говорящего, объекты описываемых действий осязаются говорящим как эмоционально близкие ему. Ср.: *Однажды я решил подшутить над моей младшей сестренкой* (И. Горюнова); *Коба любил подшучивать над этим нашим родственником, очень добрым человеком* (В. Горохов); *Shǎo ān yī biān zhào jìng zǐ, yī biān shuǐ xiào qī zǐ shuō: "nǐ bǎ wǒ dǎ bàn chéng gè xīn nǐ xù le!"* = Шау Эн смотрел в зеркало и **подтрунивал** над *женой*: «ты одела меня как нового зятя!» (Лу Яо); *Dān yú diào kān mǐ qīn shuō: "mā mā nǐ yī diǎn dōu bú lǎo, rén jiā dōu yǐ wéi nǐ shì wǒ dà jiě jiě."* = Тань Юй **подтрунивала** над ней и говорила «Мама ты еще молодая, так что незнакомые считают тебя моей старшей сестрой» (Ян Гэлинь).
4. В обеих картинах мира для обозначения осмеяния с наименьшей интенсивностью употребляются глаголы, указывающие на мимику.
5. Глаголы с наименьшей интенсивностью осмеяния в обоих языках, как правило (но не всегда — см. ниже), не могут указывать на действия, совершаемые в отсутствие объекта осмеяния. Ср. сомнительное.?? *подтрунивать* <*подшучивать, подсмеиваться*> *за спиной* <*за глаза*>; *qiè qiè shuō xiào* (*тайно подтрунивать*); *bèi hòu tiáo xiào* (*за спиной подтрунивать*).

Перечислим семантические различия между русским и китайским рядами глаголов, указывающих на незначительную интенсивность осмеяния.

В китайской картине мира наименьшая интенсивность осмеяния тесно связана с понятием 'играть', тогда как в русском языке семантика глаголов ряда *подтрунивать* не содержит этого смысла.

Второе отличие состоит в том, что русский ряд *подшучивать* выделяется на фоне других глаголов со значением осмеяния возможным отсутствием аудитории в момент речевого акта. *Подшучивать* и его синонимы допускают отсутствие посторонней аудитории, тогда как в случае синонимического ряда *высмеивать, осмеивать, вышучивать, засмеять*, субъект хочет представить его смешным в глазах других людей, в связи с чем всегда требуется присутствие аудитории.

Как и в случае *подшучивать*, китайский ряд также позволяет отсутствию посторонних в момент речевого

акта. Ср: *xiàn zài tā men dōu zuò le zhǔ rèn, yě shì xiàn chù jí gān bù le, xià miàn rén yī bān dāng miàn bú gǎn jiào, zhī yǒu tā men liǎng rén sī xià hù xiāng tiáo kǎn.* = Сейчас они стали заведующими и сотрудниками правительства уезда, их подчиненные обычно не смеют прямо так их называют, только когда они вдвоем так **подтрунивают** друг над другом. (Ши Чжан). Однако необходимо отметить, что наличие или отсутствие посторонней аудитории не является отличительным признаком для китайского ряда, так как в китайском языке отсутствуют глаголы, указывающие на цель представить кого-то смешным в глазах других людей.

Итак, при сопоставлении русского и китайского языкового материала наблюдаются одинаковые в обоих языках отличительные признаки обозначения осмеяния с наименьшей интенсивностью от прочих глаголов с общей идеей осмеяния. Этими признаками являются:

- ◆ указание на неинтенсивное действие
- ◆ получение удовольствия как цель действия;
- ◆ включенность в личную сферу говорящего;
- ◆ указание на мимику для обозначения осмеяния

Обратимся к отличительным признакам, которые уникальны в каждом языке:

- ◆ В китайской картине смысл 'играть' характерен для глаголов с наименьшей интенсивностью действия — *xì shuǎ, xì xuè, shuǎ xiào, kāi wán xiào, tiáo xiào, tiáo kǎn*, тогда как в русской картине мира данный смысл отсутствует у глаголов ряда *подшучивать*;
- ◆ Носители китайского и русского языка по-разному относятся к смыслу 'несерьезно', указание на смысл 'несерьезно' является одним из основных отличительных признаков китайских глаголов наименьшей интенсивности осмеяния от прочих глаголов со значением осмеяния, однако данный смысл не является отличительным признаком для русского ряда.
- ◆ Русский ряд *подтрунивать* выделяется на фоне других глаголов со значением осмеяния возможным отсутствием посторонних аудитории в момент речевого акта. Однако, наличие или отсутствие посторонней аудитории не является отличительным признаком для китайского ряда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козинцев А. Г. Юмор: до и после иронии // Логический анализ языка: языковые механизмы комизма. М., 2007.
2. Ма Мэнфэй Глаголы подтрунивать, подшучивать, подсмеиваться: краткий семантический анализ // Мир, науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68). 398–400 с.
3. Ма Мэнфэй Глаголы подтрунивать, подшучивать, подсмеиваться: семантические различия в современном русском языке // Вестник Московского университета. 2018. № 9(4). 67–77 с.
4. Ма Мэнфэй Глаголы со значением осмеяния в русской языковой картине мира в зеркале китайского языка // Мир, науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). 572–573 с.
5. Санников А. В. Словарная статья ВЫСМЕИВАТЬ. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. Вып. 2. М., 2004.
6. Санников А. В. Смех и насмешка в русской наивной этике // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Сборник трудов международной конференции «Диалог-2003». М., 2003.
7. Шмелев А. Д. Игра в русской языковой картине мира // Константы и переменные русской картины мира. М., 2012. 529с.
8. 现代汉语同义词词典 / 刘叔新 主编. — 天津: 天津人民出版社, 1, 1987, 765页 (Современный словарь синонимов китайского языка под / гл. ред. Лю Шусин. Первый выпуск. Тянь Цзин: Народ Тянь Цзин. 1987. 765с.
9. 现代汉语词典 / 吕叔湘, 丁声树主编 — 北京: 商务印刷出版, 6, 2012. 1760с. (Современный словарь лексики китайского языка под / гл. ред. Луй Шусиян, Динь Шэншу. Шестой выпуск. Пекин. 2012. С. 724)

© Ма Мэнфэй (mfeyfey@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ БЛОГОСФЕРЫ)

Макимова Ольга Борисовна

*К.ф.н., доцент, Российский университет дружбы
народов (г. Москва)
maximova_ob@pfur.ru*

MEANS OF CULTURAL SPECIFICITY CATEGORY REPRESENTATION IN INTERNET DISCOURSE (A CASE STUDY OF RUSSIAN BLOGOSPHERE)

O. Maximova

Summary. The article focuses on the means of cultural specificity category representation in the Internet discourse through the example of the Russian political blogosphere. To reveal their properties the analysis of Russian political blogs devoted to social and political events has been carried out. The author touches upon the hierarchic structure of cultural specific information organization. In the course of the study the semantic dominants of lexical items used by bloggers in the Internet discourse are examined.

Keywords: cultural specificity category, Internet discourse, blogs, levels of culturological context, semantic dominant, national and cultural specificity.

Аннотация. В фокусе внимания автора статьи находятся средств выражения категории культуроспецифичности в сетевом дискурсе на примере отечественной политической блогосферы. Для выявления их свойств был проведен анализ текстов русскоязычных политических блогов, освещающих события социально-политической и общественной жизни. Автор рассматривает иерархическую структуру организации культуроспецифичной информации. В результате проведенного исследования выделяются семантические доминанты единиц Интернет-дискурса, используемых авторами блогов.

Ключевые слова: категория культуроспецифичности, Интернет-дискурс, блоги, уровни культурологического контекста, семантическая доминанта, национально-культурная специфика.

Для выявления способов и особенностей актуализации категории культуроспецифичности в электронной коммуникации мы провели анализ текстов русскоязычных политических блогов, освещающих события социально-политической и общественной жизни. Выбор политических блогов в качестве материала для исследования обусловлен возрастающей значимостью коммуникации в блогах в плане формирования общественного мнения. Соответственно, мы сфокусировали внимание на тех элементах коммуникативного пространства блога, которые обладают высоким потенциалом воздействия на реципиента в интересах коммуникатора. Сюда относятся т.н. выделенные структуры, направленные на привлечение внимания реципиента [4, р.359–383]: заголовки, слоганы, метки-теги, а также лексические единицы, маркированные в плане категории культуроспецифичности. Включение в текст подобных «семантических указателей», играющих роль маркеров наиболее важной информации, позволяет эффективно структурировать информацию, способствует компрессии смысла высказывания, создает эффект «многоплановости».

Основной особенностью отечественной политической блогосферы можно считать чрезвычайно высокую насыщенность культуроспецифичными элементами, различающимся по степени их вовлеченности в культурологический контекст. В этой связи представляется целесообразным использовать многоуровневую схему, согласно которой те или иные элементы текста могут задействовать культурологический контекст на денотативном, коннотативном, ассоциативном и метафорическом уровнях [1, с. 234]. Денотативный уровень образован лексическими единицами, обозначающими реалии и артефакты; коннотативный уровень представлен словами и словосочетаниями с культуроспецифичными коннотациями; ассоциативный уровень — лексическими единицами с устойчивыми ассоциативными связями; метафорический уровень включает культурозначимые фрагменты текстов национальной культуры.

В рассмотренном нами материале единицы денотативного уровня представлены, преимущественно, именами собственными. В эту группу входят имена известных политиков (*Владимир Путин, Ангела Меркель*).

кель), наименования политических партий и движений (*Народный фронт, Справедливая Россия*), государственных учреждений (*Совет Федерации, мэрия*), памятников истории и культуры и т.п. Данные единицы нередко подвергаются компрессии (*Совбез, Госдеп, ЕБРР, ОМОН*). Их употребление может быть обусловлено реализацией информационной функции (например, упоминание имен действующих политиков). В некоторых случаях данные единицы отражают специфику национального менталитета. В частности, ориентировка на российский менталитет просматривается в ироническом именовании-величании американского президента: «*Барак Хуссейнович Шахерзадов ни одной ночи без разговора с Путиным прожить не может*» (блог Э. В. Лимонова), или же в своеобразной русификации/украинизации имени и образа представителя американского Государственного Департамента: «*Вика Нуланд висит у плеча “Ну Яць, та скинь ты геть этих нациков”!*» (Там же). (1)

В приведенных примерах употребляемые собственные имена, помимо денотативного значения, имеют отчетливо выраженные коннотации, выражают авторское мнение и оценку. Соответственно, они могут быть отнесены не к первому (денотативному), а ко второму (коннотативному) уровню культурологического контекста. К этому же уровню относятся и элементы общественно-политической лексики (преимущественно из области политической терминологии), обозначающие универсальные понятия, имеющие разные оценочные коннотации в различных культурах и отражающие специфику национального мировоззрения. Подобная лексика, относящаяся к «идеологической войне» терминов, позволяет авторам по-своему расставлять политические и идеологические ориентиры. Так, например, при освещении событий на Украине используются лексические единицы с позитивной, негативной и нейтральной коннотацией, причем спектр словоупотребления настолько насыщен, что зачастую бывает непросто определить, о какой группе населения идет речь в том или ином случае. Приведем примеры своеобразных синонимических рядов: с одной стороны — сторонники федерализации: *ополченцы, повстанцы, сторонники самопровозглашенной Донецкой Республики, сепаратисты, боевики, террористы, бандиты, диверсанты, ликующая гопота, колорадское быдло, колорадская чума*; с другой стороны — подконтрольные Киеву подразделения: *бойцы самообороны Майдана, украинские силовики, украинские военнослужащие, киевские власти, хунта, военщина, клика, узурпаторы, путчисты, бандерлоги, бандеровское подполье, укрупы, каратели*.

Манипуляцию идеологически модальной лексикой при освещении украинского кризиса достаточно верно оценивает в своем блоге публицист Д. В. Драгунский:

«Шпионы и разведчики, агрессоры и освободители, фанатики и энтузиасты... Вот и еще две такие же парочки появились: Незаконные вооруженные формирования — и отряды самообороны. Боевики — и ополченцы. <...> Кругом сплошная социолингвистика».

Помимо лексических единиц с политико-оценочной коннотацией, мы выявили единицы денотативного уровня, употребляемые авторами в коннотативном значении. Например, культуроспецифичная единица «опричники» придает приводимому ниже отрывку отчетливые негативные оценочные коннотации: *«Любимое развлечение откормленного белорусского спецназа — охота на человека. Толпой — на одного. Очень надеюсь, что Лукашенко и его **опричники** доживут до суда»* (блог И. В. Яшина).

Следующий — ассоциативный — уровень культурологического контекста представлен лексическими единицами и фразеологизмами, ассоциирующимися в сознании носителей культуры с определенным стилем и образом. Данные единицы используются в текстах блогов для выражения оценки, сравнения или описания, например: *«От США Украина получит только “майдановскую булочку”...»* (блог С. З. Умалатовой); *«... не успела я почувствовать себя Анной Чапман, как ко мне подлетела дама в коричневом деловом костюме»* (блог М. А. Литвинович); *«Пала наша “берлинская стена”»* (блог Е. С. Холмогорова). Кроме того, единицы ассоциативного уровня используются для создания наглядного, экспрессивного и зачастую ироничного образа с оценочными коннотациями, выражающими позицию автора. Например, в блоге В. В. Жириновского автор выражает свое отношение к деятельности Ю. В. Тимошенко следующим образом: *«То, что Юлия Тимошенко виновна перед украинским народом, не вызывает сомнений. Это аферистка, украинский Гайдар и Чубайс в одном коктейле».* Совершенно очевидно, что для адекватного понимания смысла вышеприведенного сравнения читателю необходимо не столько иметь точное представление об идеологической платформе и взглядах Е. Т. Гайдара и А. Б. Чубайса, сколько понимать, что символизируют «Чубайс» и «Гайдар» в сознании россиян, какие устойчивые ассоциации пробуждают эти имена.

Что касается четвертого, метафорического уровня культурологического контекста, то он оказался чрезвычайно активно задействован в текстах блогов (по сравнению, например, с новостными текстами). В отличие от элементов ассоциативного уровня, здесь для адекватной интерпретации недостаточно обладать фоновыми знаниями: помимо представления о том или ином событии или явлении, читатель должен обладать глубин-

ным пониманием смысла текстов, ставших достоянием национальной культуры. Именно этот факт, по нашему мнению, обуславливает высокую культурозначимость и культурообусловленность образных средств метафорического уровня.

Приведем несколько характерных примеров употребления единиц четвертого уровня. В отрывке из поста, название которого «*Силиконовые “плоды просвещения”*» обыгрывает заглавие романа Л.Н.Толстого, раскрывается отношение к реформе образования в современной России: «*Вот и получается, что плодами современного просвещения, привитого на “древо” ЕГЭ и “Бульонского процесса”, оказываются лишь силиконовые запчасти и убогость духовного мира*» (блог С.М. Миронова). В следующем отрывке автор удачно обыгрывает названия двух чеховских пьес, проводя параллели между конфликтом, связанным с подмосковным лесом, и ломкой привычного жизненного уклада поместного дворянства: «*А Химкинский лес давно срублен на дрова как Вишневы сад, и все дяди Вани Химок об этом знают*» (блог Э.В. Лимонова). Наконец, в записи, посвященной событиям на Украине, в метафорический контекст включаются мифологические персонажи: «*Ровно на том месте где на Украине должна была быть революция — получился хаос <...>. Из пены этого хаоса к нам вышла прекрасная Поклонская, Крым и много еще интересного*» (блог Е.С. Холмогорова).

Примечательно, что культурозначимые элементы ассоциативного и метафорического уровня, апеллирующие к «культурной памяти читателя» (часто их называют прецедентными текстами или прецедентными высказываниями [3, с. 107]) выполняют в блогерском дискурсе двоякую роль. С одной стороны, они позволяют высказать авторское отношение к тому или иному явлению в иносказательной или оценочно-экспрессивной форме. С другой стороны, их употребление предполагает не только наличие определенных фоновых знаний у аудитории, но и активную когнитивную деятельность читателя, восстанавливающего в памяти те источники, на которые ссылается текст.

В качестве наиболее часто используемых в политических блогах прецедентных высказываний можно выделить следующие:

1. тексты литературных произведений: «*Окаянные дни папы*» (блог М.Е. Гайдар); «*Война и мир в постсоветской России*» (блог И.М. Хакамады); «*Здравствуй, новый Химлес*» (блог Е.С. Чириковой);
2. фразеологизмы, пословицы и поговорки, крылатые слова, штампы, афоризмы: «*Я не я, и лошадь не моя, и я не извозчик. А просто во-*

дитель Шевроле Нива» (блог В.И. Алксниса); «*Слышу речь не мальчика, но мужа!*» (блог Д.А. Митиной);

3. тексты песен: «*Лучше гор могут быть только горы!*» (блог Р.А. Кадырова); «*Джигурда здесь, Джигурда там*» (блог М.А. Юденич); «*Спят курганы тёмные..., а Юльке не верьте*» (блог Э.В. Лимонова);
4. художественные фильмы и мультфильмы: «*А Баба-Яга против!!!!!!*» (блог Д.А. Митиной); «*Веселое лето 2014 года*» (блог В.Л. Тора); «*Вот такие вот, малытки, Звездные Войны...*» (блог Е.С. Холмогорова).

Проведенный нами анализ прецедентных высказываний выявил высокую степень интертекстуальности блогов, что сближает блогерскую коммуникацию с рекламным дискурсом и, в целом, является характерным признаком текстов массовой коммуникации. Отметим, что сочетание интертекстуальности с гипертекстуальностью, присущей блогерскому дискурсу как феномену Интернет-коммуникации, создает уникальное сочетание ретроспективы (использование культуроспецифичных единиц способствует закреплению уже имеющихся «старых» фоновых знаний) и перспективы (гиперссылки стимулируют накопление читателем нового культурного багажа и новых знаний).

Хотелось бы обратить внимание на еще одну особенность русскоязычного блогерского политического дискурса, а именно, на низкую степень этноцентризма, свойственную отечественным блогам по сравнению с их англоязычными аналогами. В большинстве проанализированных нами блогов, помимо рассмотрения различных аспектов внутривнутриполитической жизни страны, большое внимание уделяется освещению вопросов внешней политики. Это отражает тот факт, что российский читатель традиционно ориентирован на получение как можно более полной информационной картины мира, складывающейся из событий, происходящих как в России, так и за рубежом. При этом, освещение зарубежных реалий может вызывать совершенно искренний, неподдельный интерес, подчас не меньший, чем интерес к собственным проблемам. Как верно отметила в своем блоге И.М. Хакамада, «*Мы, будучи самыми терпеливыми по отношению к своим тараканам, яростно обсуждаем чужих*».

Необходимо отметить, что низкая степень этноцентризма проявляется в отечественных блогах не только в организации и структурировании информации, но и на всех уровнях культурологического контекста. В отличие, например, от англоязычных авторов блогов, традиционно использующих автохтонные культуроспецифичные единицы при расшифровке феноменов

и артефактов чужой культуры [2, с. 45–54], их российские коллеги уверенно оперируют реалиями чужих культур (хорошо знакомых массовому российскому читателю: цитатами из популярных произведений зарубежной литературы, фильмов, опер, крылатыми словами и выражениями и т.п.). Приведем соответствующие примеры. «*Жизненное пространство сужается как шагреновая кожа из-за избыточных желаний бюрократии и крупного бизнеса*» (блог И. М. Хакамады); «*Навалый <...> умело создает образ антикоррупционного Робин Гуда*» (там же); «*Донбасс о muerte*» (блог Д. А. Митиной); «*Современная, так сказать “Ярмарка тщеславия”*» (блог С. М. Миронова); «*Адвокаты дьявола*» (блог С. З. Умалатовой).

Поскольку выбор культуроспецифичных единиц обусловлен особенностями национального мировосприятия и, возможно, идеологическими установками, проведенный нами анализ позволяет прояснить российскую проекцию картины мира, как она видится авторам блогов. Наличие в текстах блогов сложных межтекстовых связей с текстами зарубежной культуры и, в целом, весьма широкий диапазон выстраиваемой авторами культурной шкалы, свидетельствует о предполагаемом авторами блогов высоком культурном потенциале аудитории.

Кроме того, обращает на себя внимание такая характерная черта текстов блогов, как насыщенность лексическими единицами, передающими (по мнению авторов) специфику современной сетевой культуры, ее колорит. Приведем характерные примеры: «*Несомненно, в мемориз*» (блог В. И. Алксниса); «*...и я даже не знаю, какой это уровень троллинга*» (блог М. А. Юденич); «*Журналистский мир колбасит нипадецуки*» (блог Д. А. Митиной).

В целом, можно отметить, что функционирующие в электронной среде тексты политических блогов оперативно и чутко реагируют на непосредственное лингвокультурное окружение. Авторы намеренно или непроизвольно «украшают» свои материалы лексикой, передающей специфику киберкультуры, перенимают неформальные паттерны молодежной Интернет-коммуникации. При этом наблюдается своеобразная интерференция культур (например, высказывания «*аффтэр жжот*», «*колбасит нипадецуки*» можно рассматривать в плане наложения молодежной субкультуры (выражения «жечь», «колбасить») на эрративную орфографию, свойственную компьютерному сленгу). Это наталкивает на мысль, что в исследовании сетевых текстов культуроспецифичность следует трактовать не только в смысле национальной специфики, но в более широком смысле этого слова, рассматривая

ее как совокупность факторов, определяющих специфику культуры того или иного социума: социального, профессионального, возрастного и т.п. Рассуждая подобным образом, можно выделить в блогерской коммуникации (конститулируемые языковыми средствами) элементы различных субкультур с присущими им ценностными ориентациями, стереотипами поведения, нормами. В частности, в Интернете представлена культура российской гуманитарной интеллигенции, киберкультура пользователей Интернета, а также молодежная субкультура.

В этой связи, представляет несомненный интерес рассмотрение специфики блогерского дискурса в свете взаимодействия указанных субкультур. Ориентируясь на перспективу возможного решения этой задачи, мы попытались систематизировать используемые отечественными блоггерами лексические единицы, маркированные в плане категории «Интернет-культуроспецифичности», и выделили следующие семантические доминанты: 1) слова и выражения, обозначающие участников компьютерной коммуникации (*боевые блогеры, френды, бригады троллей, ЖЖ-юзеры, сетевые хомячки*); 2) слова и выражения, обозначающие реалии «сетевой жизни» (*гугл, фейсбук, френдлента, блогосфера, твиттер*); 3) слова и выражения, обозначающие сетевое общение и взаимодействие человека с компьютером (*забанить, отфрендить, запостить, кликать мышкой, погуглить*); 4) слова и выражения, обозначающие формулы вежливости, принятые в сетевой коммуникации, стереотипные комментарии, стандартные обращения при общении в блогах (*ЗЫ (P.S., набранное кириллицей), ЕВПОЧЯ («если вы поняли о чем я»), ППСК («подписываюсь под каждым словом»), +1 («полностью согласен»)*); 5) так называемые «модные» словечки, которые могут быть отнесены к сфере молодежного Интернет-жаргона, зачастую написанные с осознанным отклонением от орфографической нормы (*«ржунимагу», «может и боян», «аццкий Госдеп», «зачотное», «в энторнетах», «многоабукф»*).

Представляется очевидным, что подобные «вкрапления» элементов компьютерного дискурса выполняют не только обозначающую, но и эмоционально-экспрессивную функцию, содержат оценочные компоненты; соответственно, можно говорить о многоуровневом характере «Интернет-культурного», «молодежно-культурного» и т.п. контекста, вовлекаемого в тексты политических блогов.

Примечания

(1) Здесь и далее мы придерживаемся авторской орфографии и пунктуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). — М.: Флинта: Наука, 2008. — 264 с.
2. Максимова О. Б. Россия в зеркале западных СМИ: культурологический контекст (на материале английской и американской прессы) // Вестник РУДН. — Серия «Теория языка. Семантика. Семиотика». — 2013. — № 1. — с. 45–54.
3. СЭС — Стилистический энциклопедический словарь русского языка /под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 695 с.
4. Van Dijk N. A. Discourse and Manipulation // Discourse and Society. — 2006. — № 17(2). — P. 359–383.

© Максимова Ольга Борисовна (maximova_ob@pfur.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА НОВЕЛЛЫ СТЕФАНА ЦВЕЙГА „АМОКЛÄUFER“

Омелаенко Наталия Викторовна

Доцент, Тюменский индустриальный университет
omnv2011@mail.ru

CONCEPTUAL ANALYSIS OF TEXT OF NOVELLA BY STEFAN ZWEIG "AMOKLÄUFER"

N. Omelaenko

Summary. This article is devoted to the question of the representation of the concept "obsessed" in a work of fiction, and its expressing of other similar concepts. The article discusses the core and periphery of this concept, and also analyzes similar concepts with it. The actual content of the concept and its content are shown by means of a conceptual analysis of the novella by S. Zweig "Amokläufer".

Keywords: concept, concept "obsessed", core, periphery, conceptual analysis, literary concept.

Аннотация. Данная статья посвящена вопросу репрезентации концепта «одержимый» в художественном произведении и способам его выражения с помощью других сходных концептов. В статье рассматривается ядро и периферия данного концепта, а также анализируются сходные с ним концепты. Актуальное содержание концепта и его содержание показаны посредством концептуального анализа новеллы С. Цвейга "Amokläufer".

Ключевые слова: концепт, концепт «одержимый», ядро, периферия, концептуальный анализ, художественный концепт.

Актуальность темы исследования

На протяжении многих столетий писатели проявляют интерес к теме одержимости, безумства, делая попытку описать мир человека, его эмоции, чувства и переживания. Эта тема нашла свое отражение как в произведениях зарубежных, так и отечественных писателей. Это чувство может быть выражено в художественном тексте с помощью разных языковых средств, а также концептов.

Цель исследования — выявить языковые репрезентации концепта Amokläufer / одержимый в художественном тексте.

Задачи исследования:

1. рассмотреть термины «концепт», «концептуальный анализ» как основные в современной лингвистике;
2. проанализировать содержание концепта «одержимый» с использованием материалов словарей;
3. выявить синонимы концепта «одержимый» и построить лексико-семантические поля с помощью метода концептуального анализа;
4. изучить особенности словесного воплощения этого концепта в авторском стиле писателя.

Теоретико-методологической базой исследования стали труды таких известных лингвистов С. А. Аскольдова, И. Р. Гальперина, Д. С. Лихачева, В. И. Карасика, В. А. Масловой, З. Д. Поповой и И. А. Стернина, М. В. Пименов и др. [1], [2], [3], [4], [5], [6].

Материал и методика исследований. В исследовании были использованы словари по немецкому и русскому языку, а также исследования отечественных ученых по теме концепт и слово, лингвокультурология, концептуальный анализ текста.

В ходе исследования применялись следующие методы: семантический анализ, концептуальный анализ.

Результаты исследований и их обсуждения

Впервые термин концепт был заимствован в нашей науке из математической логики Г. Фреге и А. Черча. В русском языке его впервые применил С. А. Аскольдов в 1928 году. Автор назвал главным свойством концептов функцию заместительства. С этого времени появился концептуально-культурологический подход в науке. Стоит отметить, что термин концепт очень долго не употреблялся в русском языкознании, и далее он появился в работах Р. И. Павиленис и М. А. Холодной, которые изучали подсистемы человеческого знания. Общепринятым он стал в начале 1990-х годов благодаря Д. С. Лихачеву и Ю. С. Степанову [7].

Д. С. Лихачев назвал концепт «алгебраическим» выражением значения, которым оперируют в письменной и устной речи, поскольку охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, а иногда и не может. Он по-своему интерпретирует его в зависимости от уровня своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.

Концепт является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Д. С. Лихачев полагал, что богатство и бедность значений слова, а также богатство концептов этих значений определяется индивидуальным культурным опытом человека, его знаниями и навыками.

У каждого человека есть свой круг ассоциаций, оттенков значения и свои особенности толкования концепта.

Чем меньше культурный опыт человека, тем беднее не только его язык, но и «концептосфера» его словарного запаса, как активного, так и пассивного. Большое значение имеет не только широкая осведомленность и богатство эмоционального опыта, но и способность быстро извлекать ассоциации из запаса этого опыта и осведомленности [3].

Подтверждая высказывания Д. С. Лихачева, М. В. Пименова считает, что концепт представляет собой некий фрагмент мира — образ, идею, символ и формируется общенациональными признаками. Они дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения [4].

Концепты исследуют разные направления науки. Представители культурологического направления (Степанов) рассматривает концепт как элемент культуры, а язык как средство вербализации концепта (Попова, Стернин). В лингвокультурологии концепт является элементом национальной лингвокультуры (Карасик, Воркачев). В логическом направлении концепт анализируется на основании принципов логики и способы языкового выражения не учитываются (Арутюнова, Павиленис). В семантико-когнитивном направлении концепт изучается на основе лексической и грамматической семантики языка (Кубрякова), при этом когнитивная лингвистика рассматривает концепт как механизм, который играет роль кодирования и изменения информации (Демьянков, Кубрякова, Попова, Стернин). Предметом философско-семиотического направления являются когнитивные основы знаковости (Попова, Стернин). Исходя из вышесказанного, М. Г. Павлова выдвигает предположение, что одно и то же средство языковой объективизации может представлять не один, а несколько концептов [8].

Современные лингвисты представляют структуру концепта в виде круга, который состоит из ядра, ядерной зоны и периферии. Носитель языка сам определяет принадлежность признака к той или иной зоне. Описание концепта происходит как перечисление признаков по мере уменьшения яркости от ядра к периферии.

Л. П. Грунина и И. А. Долбина выделяют следующие общепризнанные свойства концепта: концепт связан с опытом человека и культурой народа. Структура концепта включает ядро, базовые слои и интерпретационное поле — сферу оценок и эмоций. Содержательными компонентами концепта являются — понятие и предметное содержание, представление, ассоциации, эмоции и оценки. Структуру концепта ученые представляют в виде облака (З. Д. Попова и И. А. Стернин), снежного кома (Н. Н. Болдырев), плода (И. А. Стернин) [9].

Существуют различные критерии для классификации концептов. Так, например, Т. В. Гоннова предложила делить концепты по внутренней, либо внешней оценке. Такие концепты как *труд*, *подвиг*, *счастье* — выражают внутреннюю оценку. Параметрические связаны с культурными понятиями при помощи посредствующего звена — *возраст*, *статус*, *время*, *пространство*.

А. Я. Гуревич делит лингвокультурологические концепты на универсальные — *время*, *пространство*, *причина*, *изменение*, *движение*, и социальные — *свобода*, *право*, *справедливость*, *труд*, *богатство*.

Д. С. Лихачев предложил классификацию на основе социологических критерий. Исследователь разделил концепты на универсальные — *жизнь*, *смерть*; этнические — *отчизна*, *интеллигенция*; групповые — *цена*; индивидуальные, которые определяют уровень культуры и систему ценностей каждого человека.

Наиболее распространенной является классификация концептов на универсальные и национальные. Универсальные концепты представляют собой общечеловеческие знания и не имеют культурной специфики.

Концепты национальной культуры отражены в безэквивалентной лексике. Так, В. А. Маслова приводит следующие национальные концепты, которые отражены в русской культуре — *воля*, *доля*, *соборность*, *интеллигентность* [10].

Т. И. Васильева считает, что анализ художественных концептов предполагает исследование воплощения концепта в тексте и моделирование его содержания, а также выявление индивидуально-авторского его наполнения.

В современной лингвистике существует два подхода к исследованию концепта — логический — от концепта к изучению языковых средств его выражения. Лингвистический подход рассматривает ключевое слово и основные контексты его употребления, при этом основное внимание уделяется изучению ассоциативного поля концепта и его ключевых слов — номинантов концепта.

С.И. Дербенева главным в исследовании концепта считает изучение его образности, которая выражена эксплицитных и имплицитных экспрессивных средствах языка. Под эксплицитными средствами понимаются языковые единицы, которые имеют номинативное, предметно выраженное значение. Имплицитные языковые средства содержат дополнительный подразумеваемый смысл, который вытекает из соотношения единиц текста. Разрешение конфликта в пользу имплицитного значения проявляется в средствах художественной выразительности — метафоре, эпитете, гиперболе, иронии. Имплицитные смыслы существенно дополняют эксплицитные значения и взаимодействуют с ними, часто полностью их заменяют [11].

Номинативное поле концепта «одержимый» в произведении С.Цвейга „ Amokläufer“ представлено, по мнению автора этой работы, в заглавии самого произведения. З.Д. Попова и И.А. Стернин считают, что номинативное поле концепта неоднородно, поскольку оно может содержать как прямые номинации самого концепта — ядро номинативного поля, так и номинации отдельных когнитивных признаков концепта, которые помогают раскрыть содержание концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях, образуя его периферию [6].

В этой работе концепт Amokläufer /одержимый, безумный рассматривается в двух значениях. С одной стороны герой произведения был одержим идеей выполнить свой долг, с другой стороны, все его помыслы и действия можно назвать безумными. Интенсивность проявления данного признака проявляется через синонимичные или близкие по значению имена концептов, которые обозначают эмоциональные концепты с отрицательным значением [12].

Слово „Amokläufer“ представлено в немецко-русском словаре как совокупность четырех значений: *одержимый, буйный, одержимый убийца, преступник*.

Анализ словарных данных и выявление дополнительных концептуальных признаков при помощи дистрибутивного анализа сочетаемости данного слова показал следующую сочетаемость данного слова с другими лексическими единицами.

„Amok“ — сумеречное состояние эпилептического или психогенного происхождения, характеризующееся резким двигательным возбуждением с бегом или агрессивными действиями); безрассудство; буйное помешательство, связанное со стремлением убивать, одержимость, неистовство, безумство. „Amoklauf“ — одержимость, неистовство, безумие, ярость. „Amokschütze“ — стрелок — психопат; „Amok fahren“ — носиться как угорелый, мчаться как сумас-

шедший, ездить с бешеной скоростью; „Amoklauf in der Schule“ — нападение на учащихся школы.

Дополнительными концептуальными признаками являются значения — *безрассудство, неистовство и ярость* [13].

Согласно немецко-русскому словарю синонимами слова «одержимый» являются следующие лексические единицы — *besessen (чем-либо), veressen, geplagt (болезнью), der Rasender, der Versessener*.

Синонимы слова «безумный» — *sinnlos, wahnsinnig, irrsinnig, verrückt, wahnwitzig, hirnverletzt, aberwitzig* [13].

Согласно Толковому словарю русского языка концепт «одержимый» имеет следующие значения:

1) всецело охваченный каким-нибудь чувством, переживанием, мыслью; 2) безумный, бесноватый [14].

Значение «бесноватый» отсутствует при переводе слова „Amokläufer“ с немецкого языка на русский язык.

Одним из способов языковой объективизации концепта является выражение концепта, которое представляет собой всю совокупность языковых и неязыковых средств, которые прямо или косвенно иллюстрируют, уточняют и развивают содержание концепта „ Amokläufer“.

Автор использует синонимы, номинирующие те или иные признаки, которые характеризуют концепт «Amokläufer» — *irre Gewalt (безумная сила), für irr halten (считать сумасшедшим), toll machen (делать безумным), rasend machen (бесить), besessen von der Idee sein (быть одержимым идеей), einen Knacks haben (тронуться, свихнуться)*.

Поведение героя напоминает поведение безумного человека, поэтому лексико-семантическое поле концепта включает в себя такие единицы как *zittern (дрожать), grauen (страшиться, бояться), hassen (ненавидеть), wahnsinnig (безумный), besessen (одержимый, буйный), hastig (поспешно), unruhig (беспокойно), erbittert (озлобленно, яростно), zornig (гневный, яростный), schaurig (жутко, ужасно), unerträglich (невыносимо), nervös (нервный), erregt (взволнованный), Angst (страх), Ungeduld (нетерпение), Bitterkeit (горечь), Furcht (страх, тревога, опасение)*.

Отличительной чертой концепта «одержимый, безумный» является деятельностный характер проявления этого чувства, поэтому это приводит к образованию микрополя, составленного из глагольной лексики и отглагольных образований:

Ich war besessen von der Idee, sie zu erniedrigen, ... sie zu besitzen. (Я был одержим идеей её унижить, обладать ею). *Da faßt mich die Wut.* (Тут меня охватила ярость). ... *ich wußte nicht mehr, was ich tat... ich hatte nur einen Gedanken ihr nach, sie erreichen... und so lief ich wie ein Rasender die Landstraße entlang...* (Я больше не знал, что я делал... у меня была единственная мысль следовать за ней, догнать её... и я бежал за ней по улице, как безумный...).

Aber von da an begann es wie ein Fieber in mir... ich verlor die Herrschaft über mich... das heißt, ich wußte genau, wie sinnlos alles war, was ich tat; aber ich hatte keine Macht mehr über mich... ich verstand mich selbst nicht mehr. (С этого времени у меня началась лихорадка... я потерял власть над собой... это значит, что я точно знал, что все, что я делал было бессмысленно; но я не владел больше собой ... я себя больше не понимал).

В результате анализа новеллы была обнаружена связь семантического поля „Amokläufer“ (одержимый, безумный) с другими семантическими полями.

С семантическим полем „Hilfe“ (помощь):

Es blieben also nur drei Tage, drei knappe Tage für den Entschluß und für die Hilfe. (Остались только три дня, три коротких дня для решения и помощи). *Ich wollte ihr nur helfen, ihr nur dienen... einen Mord hätte ich getan, ein Verbrechen, um ihr zu helfen.* (Я хотел ей только помочь, служить ей, я бы совершил убийство, преступление, чтобы ей помочь).

С семантическим полем *Leben und Tod* (жизнь и смерть).

*Ich wußte um die Kostbarkeit jedes Augenblicks, ich wußte, daß es für sie um **Leben und Tod** ging.* (Я знал ценность каждого момента, я знал, что речь шла о жизни и смерти). ... *weil sie **den Tod** weniger fürchtete als mich...* (потому, что смерти она боялась больше, чем меня). *Ich spürte nicht mehr sie, sondern nur **das Leben**, das gegen **den Tod** wehrte...* (Я больше не чувствовал её, но только жизнь, которая боролась со смертью ...). ... *wie Diebe trugen wir sie hinein in ihr Zimmer und sperrten die Türen... und dann... dann begann der Kampf gegen den **Tod*** (Как воры, мы отнесли её в её комнату и заперли двери ... а потом ... потом началась борьба со смертью ...). *O diese Nacht, diese entsetzliche Nacht zwischen **Leben und Tod!*** (О эта ночь, эта ужасная ночь, между жизнью и смертью).

С семантическим полем *Liebe* (любовь):

Und doch ich spürte, wie wir beide zusammenhingen durch unsere Liebe zu ihr... durch das Geheimnis.

(И все же я чувствовал, как мы оба были связаны через нашу любовь к ней ... через тайну). *Jetzt... ich kann, ich kann Ihnen nicht schildern, wie es mich jagte, ihn zu sehen... ihn zu lieben, weil sie ihn liebte.* (Теперь ... я могу, я не могу сказать вам, как это преследовало меня, чтобы увидеть его ... любить его, потому что она любила его).

С семантическим полем *Pflicht* (долг, обязанность):

*Ich fühlte noch eine **Pflicht** in mir... ja jene **Pflicht** zu helfen, jene verfluchte **Pflicht**...* (Я все еще чувствовал, что должен ... да долг, помочь, тот проклятый долг).\... *und ich weiß, was sie von mir will. ich weiß es, ich habe noch eine **Pflicht**... noch ist ihr Geheimnis nicht gerettet... sie gibt mich noch nicht frei...* (и я знаю, что она хочет от меня... я знаю это, у меня еще одна обязанность ... её тайна еще не сохранена ... она меня не отпустит...).

С семантическим полем «болезнь», «боль», «страдания»:

Irgendetwas stöhnte darin... (Что-то там стонало). ... *dort lag auf einer schmutzigen Matte... verkrümmt vor **Schmerz*** (...там лежала она на грязном матрасе, сгорбившись от боли). ... *ein stöhnendes Stück Mensch... dort lag sie.* (стонущий человек ... там она лежала). ... *ich sah nur **das Leiden**...* (Я видел только страдания).

С семантическим полем «гибель»:

*... ich bin an einem Punkt, wo ich unbedingt mit jemandem sprechen muß... ich **gehe** sonst **zugrunde**.* (Я у той черты, когда я непременно должен с кем-то поговорить, иначе я погибну). *Ich bitte Sie, mit mir zu sprechen, weil ich **krepiere** an meinem Schweigen.* (Я прошу Вас со мной поговорить, иначе я сдохну от моего молчания)

Одним из способов вербализации концепта в данном произведении является употребление фразеологических единиц, а также метафор, которые характеризуют тяжелое душевное состояние героев произведения.

Личностная оценка автора, его индивидуальный неповторимый стиль нашли своё отражение в употреблении метафор и фразеологизмов.

Ich war eben getroffen, getroffen bis ins Mark hinein. (Я был тронут до глубины души). *Jeder hat seinen Knacks weg.* (Каждый сходит с ума по- своему). *Das Wort blieb ihm wieder stecken.* (У него слово застряло в горле).

Метафорический способ представления концепта занимает значительное место в рассматриваемом ас-

социативном поле. Наиболее устойчивым способом метафоризации оказывается сходство по восприятию, производимому впечатлению, уподобление чувства различным стихиям.

Wie ein Fallbeil zuckte das Wort. (Слово было сказано, как удар гильотины). Ihre Augen stießen wie ein grauer Stahl in mich hinein. (Её глаза пронзили меня как ужасная сталь). Er ging so wie einer gegen einen ungeheuren Sturm geht. (Он шел так, как будто навстречу огромному ветру).

...und dies Schweigen war schwül und drückend wie die tropische Luft. (Это молчание было давящим и удушливым, как тропический воздух). Sie wirft den Kopf hoch wie ein trotziges Pferd. (Она вскидывает голову как упрямая лошадь).

Особый авторский стиль писателя нашел свое отражение в лексически невыраженных концептах, которые представлены внутриязыковыми лакунами. Они существуют в национальном сознании и в национальной действительности. Любой концепт можно выразить развернутыми объяснениями и свободными сочетаниями.

Необходимость использования разных лексических средств для компенсации, является свидетельством того, что концепт богаче по содержанию, чем имеющиеся лексические средства для его передачи. Каждое из них раскрывает лишь какую-то его часть и только в совокупности они могут достаточно полно передать содержание концепта в речи [6].

... und sonderbare Menschen können mich durch ihre bloße Gegenwart zu einer Leidenschaft des Erkennenwollens entzünden, die nicht viel geringer ist als jene des Besitzenwollens bei einer Frau. (...и стран-

ные люди могут разжечь у меня своим простым присутствием страсть к познанию, которая не намного меньше, чем обладание женщиной).

Muß der ein Heiland, ein **Allerwelthelfer** sein, bloß weil er ein Diplom mit lateinischen Worten hat...? (Должен он быть спасителем, помощником всего мира, только потому, что у него диплом с латинскими словами?)

В немецко-русском словаре нет однозначного перевода существительного Erkennenwollen, которое состоит из двух глаголов — erkennen — познавать и wollen — хотеть, желать. Тоже касается и слова Besitzenwollen — „besitzen“ — владеть, обладать, „wollen“ — хотеть желать.

Таким образом, в результате проведенного исследования с использованием материалов словарей и художественного текста рассмотрен концепт «одержимый» в творчестве С. Цвейга. Установлено, что концепт «одержимый» представляет собой многогранную систему, которая включает как ядерные единицы, так и периферийные элементы.

В концепте «одержимый» отражено восприятие данного чувства, как писателем, так и героями произведения. С помощью концептуального анализа выявлены синонимы концепта «одержимый» и представлены лексико-семантические поля, связанные с ним. Концепт «одержимый» занимает важное место в языковой картине мира. Изучение реализации данного концепта в языке помогает лучше понять душевное состояние героя и мотивы его поведения и действий, которые были направлены на устранение своих ошибок, оказание помощи и выполнения своего долга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://scicenter.online/frazeologiya-leksikografiya-leksikologiya-scicenter/lihachev-kontseptosfera-russkogo>, свободный. — (дата обращения: 11.07.2019).
4. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.
5. Маслова В. А. Когнитивный и коммуникативный аспекты художественного текста: монография. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2014. 104 с.
6. Попова З.Д., И. А. Стернин. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. 250 с.
7. Самситова Л.Х., Байназарова Г. М. Понятие концепта в лингвокультурологии: история развития, структура, классификация // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 4. С. 1373–1378.
8. Павлова М. Г. Динамика формирования языковой репрезентации концепта торговли (trade) в англоязычной культуре.: дис. ... кан. фил. наук. 10.02.04. Пятигорск, 2017. 177 с.
9. Грунина Л.П., Долбина И. А. Художественный концепт как особая эстетическая категория // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. № 4. С. 132–135.
10. Соловьёва Т. В. Концепт «любовь» как отражение индивидуального образа мира (на материале творчества Константина Скворцова // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23. С. 121–125.

11. Васильева Т. И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18). С. 51–54.
12. Stefan Zweig. Novellen. Серия «Читаем в оригинале». Ростов-на-Дону: «Феникс, 2001. 320 с.
13. Словарь Мультитран. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.multitrans.com>, свободный. — (дата обращения: 4.07.2019).
14. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е доп. М.: «А ТЕМП», 2004. 944 с.

© Омелаенко Наталья Викторовна (omnv2011@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КУЛЬТУРООБУСЛОВЛЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН В УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЯХ КУБИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

CULTURE-BASED USE OF CERTAIN PRECEDENT NAMES IN SET EXPRESSIONS OF THE CUBAN NATIONAL VARIATION OF SPANISH

**E. Popova
Z. Ignashina**

Summary. The article deals with the semantics and actualization in speech of a number of set expressions of Cuban Spanish. These expressions include 4 precedent names that remain in memory of the Cuban people due to certain historical events. The article analyses dictionary meanings of the studied names in Cuban culture, reveals opposite connotations in the semantics of some expressions which include these names, and considers their connection with linguistic and extra-linguistic factors. A conclusion is made about the need for further, more detailed study of such vocabulary in order to understand Cuban history and culture reflected in the language.

Keywords: Spanish language, Cuban culture, anthroponym, precedent name, semantics, idiom.

Попова Евгения Андреевна

*К.филол.н., доцент, Институт иностранных языков
им. М. Тореза, ФГБОУ ВО «Московский государственный
лингвистический университет»
o-genia@yandex.ru*

Игнашина Зоя Николаевна

*Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Финансовый
университет при Правительстве РФ»
tirroleland@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются семантика и актуализация в речи ряда устойчивых выражений кубинского национального варианта испанского языка, в состав которых входят 4 прецедентных имени, оставшиеся в памяти кубинского народа в силу определенных исторических событий. Проводится анализ словарных значений исследуемых имен в кубинской культуре, в семантике некоторых выражений с данными именами выявляются противоположные коннотации, рассматривается их связь с языковыми и экстралингвистическими факторами. Делается вывод о необходимости дальнейшего, более детального изучения подобной лексики с целью понимания особенностей кубинской истории и культуры, находящих отражение в языке.

Ключевые слова: испанский язык, кубинская культура, антропоним, прецедентное имя, семантика, фразеологизм.

Одним из языковых средств в процессе фразеологического творчества выступают антропонимы или эпонимы, от которых образуются имена нарицательные или другие имена собственные. Как отмечает известный отечественный испанист Ю. А. Рылов, данная категория, выступая важнейшим компонентом лексической системы любого языка, в то же время представляет собой самый загадочный класс слов, поскольку «все аспекты их онтологии и функционирования представляют собой целый ряд особенностей, которые отражают всю сложность и противоречивость его носителя и создателя — человека» [Системные и дискурсивные свойства... 2010, с. 11].

В случае, если речь идет о полинациональном языке, антропонимы и эпонимы, будучи частью его системы в целом, обретают уникальную идеосемантику и коннотации в разных его национальных вариантах. Это связано с историей народа, его фольклором, традициями, культурой. Зачастую имена религиозных, исторических, фольклорных, библейских персонажей

в каждом конкретном национальном варианте испанского языка служат для обозначения разных состояний или ситуаций.

Целью настоящей статьи выступает анализ ряда устойчивых выражений кубинского национального варианта испанского языка, в основе которых лежат прецедентные имена, то есть имена реальных или вымышленных персонажей, известных большинству носителей указанного национального варианта. В некоторых случаях персонажами, которые стали частью кубинского лингвистического наследия, были настоящие люди, которые по определенной причине остались в коллективной памяти. Указанный пласт, на наш взгляд, интересен и актуален с точки зрения изучения особенностей кубинской культуры.

Для анализа мы выбрали четыре прецедентных имени, вошедших в кубинскую фразеологию из разных стран мира и ставших частью разговорной речи Острова в силу исторического фактора:

1. Феликс де ла Каридад Карвахаль и Сото, по прозвищу «Эль-Андарин Карвахаль» (букв. 'скороход Карвахаль') — известный кубинский марафонец, участвовавший в III Олимпийских играх в Сент-Луисе 1904 года в США;
2. Луис Маццантини, известный испанский тореадор конца XIX века, образец мужества и сильной личности;
3. Матиас Перес, портной португальского происхождения, основавший на Кубе бизнес по продаже навесов и пропавший без вести во время полета на воздушном шаре в 1856 году в Гаване.
4. Чин Лан Пин — аристократ, представитель китайского правительства, который посетил Кубу в 1874 году с целью изучения положения китайских подданных на острове (в связи с ненадлежащим отношением на Кубе к китайским рабочим, которое повлекло за собой бунты, жестокие наказания и многочисленные самоубийства).

Согласно «Большому словарю кубанизмов» (Diccionario mayor de cubanismos) [Sanchez-Boudy 1999], указанные персоналии выступают источником ряда частотно употребительных фразеологизмов кубинского национального варианта испанского языка. Обратимся к примерам их прагматических особенностей.

1. Выражение *ser un andarín carvajal* и его вариант — сравнение *como andarín carvajal* (букв. 'быть скороходом Карвахалем / как скороход Карвахаль') имеет два значения, первое из которых является нейтральным:

(1) *una persona aficionada a andar, quien siempre está de un lado para otro* ('человек, который любит ходить пешком и постоянно перемещается из одного места в другое').

Второе значение фразеологизма имеет негативную коннотацию и в качестве синонима к нему в словаре предлагается экспрессивный этноним *palestino*, используемый для уничижительного обозначения жителей восточных провинций, которые переезжают в более обеспеченные регионы Острова в поисках лучшей жизни:

(2) *quien no tiene un domicilio estable, quien siempre está cambiando de domicilio* (тот, у кого нет постоянного места жительства, кто все время меняет дом) — ср. рус. «перекатиполе».

Необходимо отметить, что лингвистический корпус www.corpusdelespanol.org для кубинского национального варианта испанского языка выдает сочетание *andarín carvajal* в его прямом значении в более чем 50% вхождений. При этом второе и первое деантропонимические значения встречаются в примерном соотношении 1/9. Следующий пример, на наш взгляд, выступает удачным сочетанием всех возможных способов актуализации данного выражения:

— *Son los historiadores mercenarios que tienen como mandato cambiar la historia. Esos panfletos contribuyen a hacer la niebla más espesa alrededor de nuestro personaje de hoy. Pero, a pesar de todo el tizne que tiene el cristal, vamos a mirar a través de él y acercarnos a la vida de el Andarín Carvajal (...) Un andarín carvajal, ustedes dirán, que es el que anda mucho y eso, técnicamente es cierto. Pero andarín se le decía en el siglo XIX y la primera parte de el siglo XX, a los corredores de fondo o distancias largas así como a personajes que hacían exhibiciones, generalmente en ferias que iban de pueblo en pueblo, dotados de habilidades y resistencia para cubrir grandes distancias a pie y en poco tiempo* [Corpus del español, <http://lagartoverde.com/2012/09/01/quien-esta-detras-de-yoani-sanchez-el-gobierno-cubano-u-otras-manos/>]. ('Это все продажные историки, получившие приказ изменить историю. Такие памфлеты вносят свой вклад в попытки напустить густой туман на образ «героя нашего времени». Однако, несмотря на всю копоть, которой покрыто зеркало [истории], давайте посмотрим в него на жизнь Скорохода Карвахалья (...) Вы скажете, что «скороход карвахаль» — это тот, кто много ходит, что технически является верным объяснением. Тем не менее «скороходом» в XIX и первой половине XX вв. называли не только бегунов на длинные дистанции, но и людей, которые устраивали выставки (в основном — на ярмарках) и ходили по городам и деревням, будучи очень выносливыми и способными преодолеть пешком длинные дистанции за короткое время.')

Несмотря на то, что, строго говоря, значение (2) в приведенном примере не представлено, можно предположить, что оно появилось в результате семантического сдвига в значении «ходоки по городам и весям», которое изначально являлось нейтральным. Данное предположение, однако, нуждается в дополнительном исследовании.

2. Имя *Masantín(i) el torero* и его орфографические варианты — *Mazantín* или *Mazzantín(i)* имеет словарное значение *cualquiera, cualquier persona, no importa quién* ('кто угодно, любой человек, неважно кто'), в связи с чем в кубинской речи можно встретить выражение *eso no hace ni Mazantín el torero* (букв. 'этого не может сделать даже Мацантин-тореадор') — 'с этим никто не справится'. Вот как трактуется это значение в одном из кубинских блогов:

— *Los cubanos cuando nos encontramos ante una tarea difícil de realizar solemos decir: «eso no lo hace ni Mazantín el torero» y muchos desconocen que este personaje fue muy famoso en pleno siglo XIX y que desde que estuvo de visita en nuestra isla, quedó para siempre en la memoria de sus habitantes* [¿Mazantín o Mazzantini el torero?, hablandocubano.blogspot.com/2010/11/]

mazzantin-o-mazzantini-el-torero.html]. ('Мы, кубинцы, сталкиваясь с трудной для выполнения задачей, обычно говорим: «**Этого не сделает даже Мацантин-тореадор**»,— однако немногие знают, что этот человек был очень знаменит в XIX веке и с тех пор, как посетил нашу страну, навсегда остался в памяти ее жителей.')

В комментариях к указанной статье выявляется еще один вариант использования данного антропонима, не представленный в словарях:

— *Mi mamá, que en paz descance, siempre decía «aquí viene Masantín el torero» referiéndose a un tipo que caminaba con mucha personalidad* [Ibid.]. ('Моя мама, Царствие ей Небесное, всегда говорила: «**Вот идет Мацантин-тореадор**»,— о человеке с большим самомнением.')

Комментарий позволяет сделать вывод о социолингвистической маркировке такой актуализации (возраст говорящего) и вероятности того, что она является устаревшей. Данное предположение подтверждается опросом информантов-кубинцев: среди опрошенных приведенное значение оказалось известно людям в возрасте 50+, при этом сами они его не используют, однако слышали от своих старших родственников (родителей, бабушек и др.)

3. Значение фразеологизма-сравнения *volar como Matías Pérez* — 'бесследно исчезнуть' (*desaparecer sin dejar rastro*) напоминает о трагическом исчезновении бизнесмена и аэронавта-любителя Матиаса Переса. Несмотря на то, что неудачный полет состоялся в 1856 году, указанное выражение до сих пор популярно на Кубе, о чем свидетельствуют многочисленные записи и дискуссии в кубинских блогах (*hablandocubano.blogspot.com*, *olcc81.blogspot.com*, *rincondeamoryvida.wordpress.com*, *olcc81.cubavacu* и др.). В современном дискурсе нами также были отмечены случаи его окказионального использования в игре слов, например — в комментарии к статье из блога *Hablando cubano*:

— *Perdon, permiteme presentarme soy Matías Pérez pero claro yo no vuelo* [Voló como Matías Pérez, <https://hablandocubano.blogspot.com/2010/11/volo-como-matias-perez.html>] ('Простите, разрешите представиться: **меня зовут Матиас Перес, но я, понятное дело, не летаю.**') или в подзаголовке статьи из журнала *La crisis de la historia*:

— *El infortunado segundo vuelo de Matías Pérez que le llevó al océano y la inmortalidad de la cultura popular cubana* [El infortunado vuelo de Matías Pérez, https://www.lacrisisdelahistoria.com/volo-como-matias-perez/#Volo_como_Matias_Perez]. ('Неудачный полет Матиаса Переса, который **поверг его в океан и в бессмертие** кубинской народной культуры.')

Возможно, популярность фразеологизма связана и с тем, что сочетание имени и фамилии Матиас Перес является распространенным на Кубе: Интернет-поисковики, помимо исторического героя, выдают на соответствующий запрос имена футболиста, певца, фотографа, а также профили в социальных сетях людей, родом с Острова.

4. Что касается китайского имени Чин Лан Пин, оно претерпело фонетическую трансформацию в существительное *chulampín* и по сходству звучания слилось в значении с прилагательным *chulo* в значениях *guapo* ('красавчик', разг. 'классный парень') и *hombre que se vale del afecto o amistad de alguien, especialmente una mujer, para obtener algún beneficio* ('человек, который пользуется любовью или дружбой со стороны других людей, особенно женщин, чтобы получить для себя какую-либо выгоду'). Стоит отметить, что «Словарь американизмов» Испанской королевской академии [Diccionario de americanismos: <http://lema.rae.es/damer/>] фиксирует лишь второе значение для данной лексемы с пометой «Куба», тогда как некоторые исследователи кубинского национального варианта испанского языка подчеркивают частотность его использования именно в первом значении [Tacoronte 2012, с. 134, 142–143].

На наш взгляд, семантика выражения *ser un chulampín* обусловлена слиянием двух факторов — экстралингвистического (наличие реального исторического персонажа и контекста, в котором китайский чиновник с соответствующим уровнем образования и воспитания прибыл на Кубу) и внутриязыкового (фонетическое сходство с определенным словом, уже существующим в языке). Такое предположение подтверждается кубинскими источниками. Приведем пример из статьи о китайском наследии в кубинском национальном варианте испанского языка, опубликованной на официальном сайте радиостанции *Radio Rebelde*:

— *Otro vocablo cuyo uso en el español de Cuba se debe a la presencia de chinos en nuestro país es chilampín, corrupción de Chin-Lam-Pim, mandarín de tercera clase que arribó a La Habana en 1874. Ese hombre era culto y refinado y causó muy buena impresión a las autoridades coloniales. Más tarde el significado de esa palabra varió al vincularse con la voz chulo, de donde surgió chulampín, que incluso se utiliza en la actualidad como el que explota o abusa del otro* [El legado asiático en Cuba, <http://www.radiorebelde.cu/de-cuba-y-de-los-cubanos/el-legado-asiatico-cuba-20171120/>]. ('Другим словом, появившимся на Кубе благодаря присутствию в нашей стране китайцев, является *chilampín* — искажение от Чин-Лам-Пин. Так звали чиновника третьего класса, который прибыл в Гавану в 1874 году. Это был образованный человек с утонченными манерами, который произвел очень приятное впечатление на колониальные власти. Позже написание данного

слова изменилось в результате слияния со словом **chulo**, в связи с чем возникла лексема **chulampín**, которая в современном языке также используется для обозначения человека, который эксплуатирует других, злоупотребляет какими-либо отношениями.)

Итак, можно утверждать, что первое значение исследуемого фразеологизма имеет положительную коннотацию, а второе носит ярко выраженную негативную окраску, что отслеживается и на уровне синонимов, предлагаемых словарями: *chulampín* — *chulapo* ('пижон'), *perdonavidas* ('фанфарон', 'хвастун'), *rufián* ('шут', 'сутенер') [Diccionario de americanismos, <http://lema.rae.es/damer/>].

С точки зрения изучения функционирования имен собственных как культуроразличительного признака, помимо выделенного направления, перспективным представляется исследование прагматической образований на базе личных имен политиков, популярных в газетной публицистике. В кубинском национальном варианте испанского языка к таким образованиям относятся, например, *fdelista* (1) 'приверженец идей Ф. Кастро'; 2) 'революционер'), *machadato* ('связанный с диктаторским режимом Х. Мачадо, существовавшим на Кубе

в 1925–1933 гг.), *martiano* ('связанный с идеями кубинского поэта-патриота Х. Марти') и др.

Еще одной малоизученной группой антропонимов выступают имена, с которыми у кубинцев ассоциируются жители других стран: *yoni* (от англ. *Johnny*) — 'американец', *Pepe* и *Pedro* — 'испанец', 'испанский турист' (*entrar como Pepe / Pedro por su casa* — 'бесцеремонно', 'как к себе домой'; *de a Pepe* — 'не считаясь ни с кем') и др. Такие имена являются экспрессивными этнонимами и отражают стереотипы, исторически сложившиеся в сознании кубинцев в ходе отношений с представителями других стран и ставшие определяющими для наличия положительных или отрицательных коннотаций в семантике.

В заключение подчеркнем, что проанализированные устойчивые выражения выступают маркерами разговорной речи. Поскольку не все из них зарегистрированы в словарях, в некоторых случаях мы можем опираться лишь на их актуализацию, найденную в кубинском дискурсе. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что подобные фразеологизмы представляют собой значительный культурный пласт, который может являться темой для отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус испанского языка. Corpus del Español. — URL: www.corpusdelespanol.org (дата обращения: 30.07.2019)
2. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов. Под ред. Ю. А. Рылова. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. — 390 с.
3. Diccionario de americanismos. Real Academia Española. URL: <http://lema.rae.es/damer/> (дата обращения: 30.07.2019)
4. El infortunado vuelo de Matías Pérez // LC Historia: revista digital de historia. — URL: https://www.lacrisisdelahistoria.com/volo-como-matias-perez/#Volo_como_Matias_Perez (дата обращения: 30.07.2019)
5. El legado asiático en Cuba // Radio Rebelde, 20.11.2017. — URL: <http://www.radiorebelde.cu/de-cuba-y-de-los-cubanos/el-legado-asiatico-cuba-20171120/> (дата обращения: 30.07.2019)
6. ¿Mazzantín o Mazzantini el torero? // Hablando Cubano, 24.11.2010. — URL: <http://hablandocubano.blogspot.com/2010/11/mazzantin-o-mazzantini-el-torero.html> (дата обращения: 30.07.2019)
7. Sánchez-Boudy J. Diccionario mayor de cubanismos. — Miami: Ediciones Universal, 1999. — 719 p.
8. Tacoronte A. L. Variación lingüística en el español de Cuba. — Praha: Univerzita Karlova v Praze, 2012. — 206 p.
9. Voló como Matías Pérez // Hablando Cubano, 02.11.2010. — URL: <https://hablandocubano.blogspot.com/2010/11/volo-como-matias-perez.html> (дата обращения: 30.07.2019)

АФРОАМЕРИКАНСКИЙ ДИАЛЕКТ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНВЕРСИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ТОНИ МОРРИСОН “THE BLUEST EYE”, “SONG OF SOLOMON”, “BELOVED”)

Смирнова Юлия Валентиновна

К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет промышленных
технологий и дизайна»
June06@mail.ru

**AFRICAN AMERICAN VERNACULAR
ENGLISH AND SEMANTIC INVERSION
(BASED ON TONI MORRISON'S
NOVELS “THE BLUEST EYE”, “SONG
OF SOLOMON”, “BELOVED”)**

Yu. Smirnova

Summary. The article is devoted to the African American Vernacular English and semantic inversion of the lexical items in the novels “The Bluest Eye”, “Song of Solomon”, “Beloved” by T. Morrison. An analysis of the speech behavior of dialect-speaking communicants shows their conscious choice of words and difference between meanings of the same words in standard English and African American Vernacular English. African Americans’ speech behavior is determined by the history and cultural traditions in the USA.

Keywords: dialect, Standard English, ethnic culture, phonetics, grammar, word meanings, semantic inversion.

Аннотация. Статья посвящена афроамериканскому диалекту английского языка и семантической инверсии лексических единиц в романах “The Bluest Eye”, “Song of Solomon”, “Beloved” Т. Моррисон. Анализ речевого поведения коммуникантов, говорящих на диалекте, показывает их осознанный выбор слов с использованием значений, которые отличаются от значений в стандартном английском языке при построении высказываний. Речевое поведение афроамериканцев определено историей и культурными традициями на территории США.

Ключевые слова: диалект, стандартный английский язык, фонетика, грамматика, этническая культура, значение слов, семантическая инверсия.

Язык — это система кодов с определенными смыслами, значениями, которая используется людьми для передачи важной информации, а также для выделения своих из окружающего мира [6, с. 344].

Одна из функций языка — идентификация. Необходимо, чтобы представители одного сообщества идентифицировали одни и те же коды с одними и теми же объектами, отношениями, фрагментами, иначе понимания не будет. Язык является важным компонентом духовной культуры этноса. По мнению В.Б. Касевича, «в языке — в его словаре и грамматике — нам явлена картина мира сообщества <...>» [4, с.1].

Словарный запас отражает и аккумулирует социально-исторический опыт, обращает внимание на те свойства, которые ускользают от внимания других. Грамматическая структура языка играет существенную роль в восприятии мира, организации социальной жизни. Грамматика — это понятийно-логическое устройство для описания отношений окружающего мира. Она раз-

личает, что рассматривать как главный предмет, что — как атрибут, свойство, что — как состояние, что — как производное [6, с. 346–347].

Этническая культура афроамериканцев, говорящих на американском варианте английского языка, сохраняется вне исконно родных африканских языков, а также сама оказывает влияние на английский язык, преобразуя его в самостоятельный афроамериканский этносоциокультурный диалект (афроамериканский диалект английского языка).

О.С. Ахманова определяет диалект следующим образом: «Диалект — это разновидность (вариант) данного языка, употребляемая более или менее ограниченным числом людей, связанных территорией, профессиональной, социальной или этнической общностью и находящихся в постоянном и непосредственном языковом контакте» [1, с.126]. Языковые контакты между разными этническими группами оказали значительное влияние на языковую ситуацию. США. Лишившись территориаль-

ной специфики, язык афроамериканцев утратил одну из дифференцирующих черт, стал не только разновидностью южной диалектной речи.

В романах "The Bluest Eye" (1970), "Song of Solomon" (1977), "Beloved" (1987) Т. Моррисон представлены наиболее значимые черты и особенности афроамериканского диалекта английского языка.

Чернокожие герои романов Т. Моррисон говорят на афроамериканском этносоциокультурном диалекте, который выделяется при сравнении со стандартным английским языком повествователя.

Для афроамериканского диалекта английского языка характерны фонетические явления, например, аферезис, когда наблюдается выпадение звуков в неударных слогах ('member/'remember): "When I had the second one, a girl, I ` member said I's love it no matter what it looked like" [TBE, p.122]; синкопа, если редуцируется согласный внутри слова (chil'ren/children).

В романах Т. Моррисон для речи героев характерно выпадение переднего звука в слове them. Пилат произносит "em" вместо "them": "You say 'Hi' to pigs and sheep when you want `em to move" [SoS, p, 46].

В системе вокализма в афроамериканском диалекте английского языка также можно наблюдать отличия от стандартного английского языка (heerd/heard): "He used to whistle, and when I heerd him shivers come on my skin" [TBE. P. 122].

При сравнительном анализе грамматической системы афроамериканского диалекта английского языка со стандартным английским языком выявлено: 1) ненормативное использование системы времен (you be walking down the road/Solomon done gone); 2) опущение вспомогательных глаголов (Lena, you been in the cherry?); 3) двойное отрицание (Don't nobody never want nothing till they see me at the sink); 4) несогласованность форм главных членов предложения (Even his balls was tasty) и др.

Лексика афроамериканского диалекта английского языка совпадает с лексикой стандартного английского языка, но его носители используют слова, которые имеют иное значение, отличающееся от их значения в общепринятом языке. Т. Моррисон искусно использует переходы от нормативной речи к диалектной, применяя особые приёмы «шифровки» в своих художественных произведениях.

"How come you always say Whoa Jesus and a number?" Pecola had long wanted to know. "Because my mama taught me never to cuss" [TBE, p. 22].

Цифры у афроамериканцев — это своеобразный код, который понятен только знающим людям.

По мнению О.С. Ахмановой, числительное — это часть речи, характеризующееся категориальным значением определенного числа, порядка и кратности, а также особенностями синтаксического функционирования и особыми моделями формо- и словообразования [Ахманова, с. 514].

Использование в речи числительных позволяет высказать мысль кратко и завуалированно. Мери на вопрос Пеколы объясняет, что она использует цифры вместо брани. Автор создаёт юмористический эффект данного положения, а также представляет культурную особенность языка.

Ссылаясь на работы (Н. Gates и др.), Н.А. Высоцкая утверждает, что двойная система общения — два языковых и поведенческих кода или регистра — складываются уже на раннем этапе пребывания чернокожих в Америке, как необходимая мера предосторожности при контакте с враждебным миром белых. «От умения скрывать свои истинные мысли и чувства порой зависела жизнь беспомощного раба; впоследствии это качество помогало свободному де-юре, но далеко не свободному де-факто чернокожему обрести относительную безопасность, стабильность и покой. Иначе говоря, американский опыт побуждал чёрных к овладению искусством иносказания, игры слов» [2].

Говоря о дуализме на уровне языка, Н.А. Высоцкая предлагает считать негритянский диалект вербальным эквивалентом маски. Она называет переход к нему от нормативной речи и обратно, «сознательным переключением лингвистических кодов» [8] сравнимым с процессом надевания и снятия маски. Применение особых приёмов «шифровки» можно в этом контексте рассматривать как «лингвистический процесс выживания» [13].

В качестве приёмов «шифровки» Н.А. Высоцкая рассматривает инверсию и сигнификацию. Центральное место среди них принадлежит инверсии, которую социолингвист Грейс Холт определяет как «защитный механизм», позволяющий чёрным бороться с языковым, а, следовательно, и с психологическим угнетением. Под инверсией здесь понимается прежде всего семантическая инверсия — употребление слова в противоположном значении, «переворачивании» общепринятых значений английских слов, в частности, унижительных для чернокожих в их внутреннем употреблении. В качестве примера Н.А. Высоцкая приводит пейоративное — уничижительное определение «nigger», приобретающее в общении между чёрными смысл «товарищ, свой»; или

«baad» — сказанное негром про негра, в своей эмфатической форме «bad», оно становится позитивной дефиницией заслуживающих восхищения качеств — гордости, непокорности, достоинства [3].

У афроамериканцев особое отношение к своему этнониму. М.Л. Завьялова обращает внимание на проблему названия людей с темной пигментацией в Северной Америке. «В эпоху рабства они, конечно, были негры (Negroes). Освободившись, стали на некоторое время цветными» (colored people). В эпоху движения за гражданские права появляется этноним «афроамериканец» (African American), затем в период «Чёрной силы» стали употреблять слово «чёрный» (black), которое, как отмечает М.Л. Завьялова, не очень референтно: «оттенки (цвета кожи) от сливового, медового или <...> старого лимона до менее престижных тёмно-шоколадного и кофейного не складываются в понятие чёрный даже обобщённо» [3].

Необходимо отметить, что в романе “Song of Solomon” автор использует словосочетания “colored boy, colored man, colored people”, когда афроамериканцы разговаривают друг с другом. Так, когда Милкмен рассказывает Гитаре о том, что у него произошло дома, то понимание, которое проявил его друг, вызвало в некотором роде стеснение и неловкость, поэтому главный герой начинает иронизировать “You are a very smart little colored boy. And I’m going to tell Oxford University about you” [SoS, p. 98].

Внешность обоих героев не соответствует представлениям цветных афроамериканцев, но Милкмен использует словосочетание “colored boy”, обращаясь к своему другу, для того чтобы показать, что проявление умственных способностей не свойственно неграм.

Слово “nigger” имеет также отрицательную коннотацию в ситуации, когда Милкмен, узнав от своего отца, что его дедушка не принял бы его из-за цвета кожи, задумывается: “What intelligence? That my grandfather was a high-yellow nigger who loved ether and hated black skin” [SoS, p. 87].

В романе “Beloved” Т. Моррисон делает акцент на семантической инверсии слова “bad”, когда Сети разговаривает с Полем Ди.

“You look good.

Devil’s confusion. He lets me look good long as I feel bad. He looked at her and the word “bad” took on another meaning” [B, p. 7].

В результате семантической инверсии референциальные и контекстуальные значения многих слов пере-

стали совпадать. Как и при создании любого «тайного языка», новые оттенки были понятны лишь посвященным, в данном случае, чернокожим.

Герои употребляют в своих диалогах особые слова для обозначения белых и чернокожих людей, для того чтобы завуалировать в некоторой степени тему своего разговора. В следующих примерах можно наблюдать «семантическую инверсию»: “What that means is that a black man is a victim of a crime only when a white man says he is. Only then. If there was anything like or near justice or courts when a cracker kills a Negro<...>” [SoS, p. 176].

Слово “cracker” имеет следующие значения «хлопушка, петарда, прозвище белых бедняков в южных штатах (амер.)»/ “a bragging liar, boaster, poor white person who is from the southwest US” согласно общезыковым толковым словарям [5, 9]. В этой фразе персонаж романа “Song of Solomon” Гитара употребляет это слово в значении “criminal, offender” (белые люди — преступники), чтобы рассказать о несправедливости, проявляемой белым населением Америки по отношению к чернокожим, и то, как он борется с ними. Милкмен, понимая суть и серьезность ситуации, пытается убедить своего друга, что этот метод восстановления справедливости неверный, и, несмотря на то что избегает называть вещи своими именами, смело высказывает другу своё совершенно противоположное мнение: “What you are doing is crazy. And something else: it’s a habit. If you do it enough, you can do it to anybody. <...>A torpedo is a torpedo <...> You can off me” [SoS, p. 177].

Главный герой употребляет слово “torpedo”, чтобы передать суть ситуации абстрактно, при этом не обидеть своего друга и не потерять его доверия. Слово “torpedo” имеет значения «торпеда, профессиональный убийца»/ “a weapon/bomb for destroying ships by rupturing their hulls bellow the waterline, any of various explosive devices”; “a professional gunman” [7, 9]. По мнению Милкмена, оно удачно называет действия, совершаемые тайно членами преступной организации «Семь дней».

Гитара приводит дополнительные доводы и старается провести черту, определить разницу между тем, как поступают «белые» и как на это отвечают «чёрные»: “We don’t off Negroes” [SoS, p. 177].

В ответе Милкмена на доводы Гитары можно наблюдать следующее: он также противопоставляет «белых» и «чёрных», но, используя слово dudes для обозначения чернокожих, тем самым приравнивает их к «белым».

“Any other young dudes in it? Are all the others older? You the only young one? <...> Cause young dudes are subject to change the rules” [SoS, p. 177].

Несмотря на то что слово “dudes” имеет следующие значения «хлыщ, пижон» /“a man extremely fastidious in dress and manner, a city dweller unfamiliar with life on the range, an “Easterner in the West” [5, 9] в общепринятом языке, оно приобретает другое значение в этом контексте (убийца/killer, a member of the criminal group), а также в афроамериканском диалекте английского языка.

Несмотря на то, что афроамериканцы могут говорить, как на афроамериканском диалекте, так и на стандартном английском языке, постоянное чередование двух языков символизирует двойственность положения и соответственно двойственность мышления. Специфи-

ка афроамериканского диалекта английского языка прослеживается на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях, а также в особенностях речевого поведения героев. Языковые особенности афроамериканского диалекта являются мотивированными и имеют системный характер.

Именно с помощью языка Т. Моррисон показывает, что афроамериканцам удается выжить в сложных жизненных ситуациях. Афроамериканский диалект английского языка имеет особое значение при передаче истории и традиций, так как в языке отражено особое видение окружающей действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов: около 7000 терминов / О. С. Ахманова. — 2-е изд. стер., — М.: Советская энциклопедия, 1996. — 608 с.
2. Высоцкая, Н. А. Деятельность афроамериканских драматургов в рамках федеральных театров: Социальный протест или игра «двойных смыслов»? [Электронный ресурс] / Н. А. Высоцкая // Новый курс Ф. Рузвельта: Значение для США и России: материалы III научной конференции. 1995. Режим доступа: www.amstud.msu.ru/full_text/texts/conf3/19_visoc.htm
3. Завьялова, М. Л. Новая женская литература чёрной Америки. Несколько общих замечаний. [Электронный ресурс] / М. Л. Завьялова. — СПб., 2004. Режим доступа: www.prof.msu.ru/publ/book3/zav.htm
4. Касевич В. Б. Язык и культура [Электронный ресурс] / В. Б. Касевич. Режим доступа: www.window.edu.ru/resource/481/38481/files...
5. Мультитран [Электронный ресурс] / Режим доступа: www.multitrans.com
6. Общая социология: учеб. пособие / под ред. А. Г. Эфендиева. — М.: ИН-ФА-М, 2002. — 654 с.
7. Cambridge Dictionaries Online [Electronic resource]. URL: www.dictionary.cambridge.org.
8. Gates, H. L. Figures in Blacks: Words, Signs and the “Racial” Self. N.Y. Oxford. 1987. P. 171.
9. Merriam-Webster [Electronic resource]. URL: www.merriam-webster.com
10. Morrison, Toni. Beloved / T. Morrison. — N.Y.: A Plume Book, New American Library, Published by Penguin Books Canada Limited, Markham, Ontario, 1988, — 275 p. (B)
11. Morrison, Toni. Song of Solomon/ T. Morrison. — N.Y.: Random House Inc., 1995. — 363 p. (SoS)
12. Morrison, Toni. The Bluest Eye/ T. Morrison. — London: Vintage Books 1999, — 212 p. (TBE)
13. Rappin’ and Stylin’ Out: Communication in Urban Black America. /Ed. Thomas Kochman. Urbana. 1972. P. 153.

© Смирнова Юлия Валентиновна (June06@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКИХ И РУССКИХ НАЗВАНИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

A COMPARATIVE STUDY OF CHINESE AND RUSSIAN NAMES OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS

*Guo Rui Hong
Chang Ying*

Summary. the Name of the organization is a combination of words, which is composed by different countries, organizations or groups for the purpose of cooperation and to achieve a certain goal. The name of the international organization emphasized the purpose of the institution, so it was important to pay due attention to its name. Since different nationalities use different languages, the vocabulary used to Express the same subject, as well as the meaning to be expressed, are different. This article is devoted to the comparison and analysis of Chinese and Russian names of international organizations. The purpose of this work is to improve the ability to translate the names of organizations through more efficient use of the dictionary.

Keywords: international organization, name, comparison, concept, word, meaning, synonym.

Сяо Юе

Харбинский научно-технический университет
824312978@qq.com

Чан Ин

К.филол.н., профессор, Харбинский научно-технический университет
247018572@qq.com

Аннотация. Название организации — это комбинация слов, которая составляется различными странами, организациями или группами с целью сотрудничества и для достижения определённой цели. Название международной организации подчеркивает цель учреждения, поэтому очень важно уделить должное внимание ее названию. Поскольку разные национальности используют разные языки, словарный запас, применяемый для выражения одного и того же предмета, а также значение, которое нужно выразить, различны. Данная статья посвящена сравнению и анализу китайских и русских названий международных организаций. Цель данной работы — улучшить возможности перевода названий организаций благодаря более эффективному использованию словаря.

Ключевые слова: международная организация, название, сравнение, понятие, слово, значение, синоним.

С развитием общества всё больше международных организаций стали строить свои отношения на сотрудничестве. Свои названия имеют как крупные организации, так и небольшие фирмы, и большинство этих наименований характеризуется лаконичностью. Это обстоятельство играет значительную роль в адекватном понимании деятельности различных организаций и их юрисдикций.

Сравнительная лингвистика — основной метод лингвистических исследований, задачей которых является синхроническое сравнительное изучение двух или более языков и описание сходства и различий между ними [1]. Чтобы лучше изучить китайские и русские названия международных организаций, все китайские названия взяты из Справочника международных организаций [2], а русские названия были переведены с английского и найдены на официальных сайтах.

Рассмотрим точки соприкосновения между китайскими и русскими названиями международных организаций.

1. Географическое соответствие

Ввиду социокультурной значимости международных организаций, необходимо, чтобы их названия были понятны и легки в восприятии. Таким образом, в процессе присвоения организации того или иного названия, приоритетным следует считать региональное наименование, т.е. в зависимости от местности, в которой находится организация. Например:

Союз арабского Магриба/阿拉伯马格里布联盟

В этом названии «арабский» означает «арабский мир», а Магриб — одну из стран арабского мира.

Союз южноамериканских наций/南美洲国家联盟

В этом названии Южная Америка является регионом, который относится к союзу между странами внутри него.

Шанхайская организация сотрудничества/上海合作组织

В этом названии Шанхай является топонимом, потому как данная организация была объявлена в Шанхае, поэтому она и называется «Шанхайская организация сотрудничества».

Африканский союз/非洲联盟

Под этим названием Африка является регионом, в который входят 55 африканских государств-членов.

Европейский союз/欧洲联盟

В этом названии Европа является регионом; предшественником же данного союза было Европейское Сообщество, учредителем которого являются шесть европейских стран.

Западноафриканский экономический и валютный союз/西非经济货币联盟

В этом наименовании подразумевается, что Западная Африка — это регион, созданный семью франкоязычными странами в Западной Африке.

Как видно из названий вышеперечисленных организаций, некоторые из них названы в честь месторасположения, что делает эти наименования понятными. Благодаря этому, найти данные организации не составляет труда.

2. Соответствие области

Названия некоторых организаций отсылают к той сфере, на которую ориентируется их деятельность. В результате возникает возможность быстрого нахождения необходимой организации по сфере деятельности. Таким образом, в процессе присвоения организации наименования, нередко применяется название области, относимой к юрисдикции той или иной организации. Например:

Всемирная торговая организация/世界贸易组织

В этом названии торговля является областью юрисдикции данной организации, и её основная задача состоит в том, чтобы управлять, организовывать, координировать, регулировать и решать проблемы, возникающие между странами-членами в области торговли.

Всемирная туристская организация/世界旅游组织

В этом названии туризм является юрисдикцией организации, а её главная задача — развивать туризм и одновременно способствовать экономическому росту и укреплению международных отношений.

Всемирная организация здравоохранения/世界卫生组织

В этом названии профилактика заболеваний и здравоохранение являются областями её юрисдикции, и её цель — сделать людей во всем мире как можно более здоровыми.

Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры/联合国教育、科学及文化组织

В этом названии образование, наука и культура являются областями юрисдикции данной организации, что необходимо для развития международного сотрудничества и налаживания контакта между людьми.

Международная организация по миграции/国际移民组织

В этом названии международная иммиграция является областью её юрисдикции, её цель состоит в том, чтобы организовать сотрудничество со странами в решении иммиграционных вопросов и обеспечение порядка и прав иммигрантов.

Международный союз охраны природы и природных ресурсов/国际自然及自然资源保护联盟

В этом названии охрана природы и природных ресурсов является юрисдикцией организации, и миссия её состоит в том, чтобы защитить окружающую среду и подготовить почву для будущего человечества.

Название организации — это не просто название, оно также служит для передачи информации. Как видно из вышеперечисленных названий, наименования некоторых организаций включают области, находящиеся под их юрисдикцией, чтобы люди могли лучше понять цель создания таких организаций.

Далее, предлагаем проанализировать различия между китайскими и русскими названиями международных организаций.

Поскольку в названиях организаций некоторые слова на китайском и русском языках не всегда соответствуют нормам, название международной организации должно быть точным и однозначным. Та часть, которая не соответствует нормам, может быть связана с личностью автора названия. Необходимо знать, что «не общность в личности, а личность является конкретным выражением общности» [3].

1. Название национальной организации в переводе с русского на китайский язык может привести к добавлению слов.

Помимо этого, из-за языкового различия существуют несоответствия и в национальных особенностях восприятия названий организаций. Чтобы максимально обеспечить сходство значений наименований организаций, которое было бы понятно в межкультурной среде, необходимо расширить словарный запас.

Международный валютный фонд/国际货币基金组织

Название этой организации является стандартным международным русским наименованием для данного учреждения, и его русское название полностью соответствует китайскому: 国际货币基金. Однако международное китайское название для этого учреждения звучит так: 国际货币基金组织. В «Толковом словаре» Ожегова значение фонда: 1. «Денежные средства, ассигнуемые для определённой цели». 2. «Ресурсы, запасы чего-либо». 3. *мн.* «Процентные ценные бумаги (спец.)». 4. *мн., перен.* «Положение в каком-либо деле, шансы на что-либо (устар.)». 5. «Общественная организация, которая ведает (принимает и распоряжается) средствами, поступающими к ней для каких-либо социально значимых целей» [4].

Как видно приведенного выше словарного определения, фонд не понимается как «организация». Интерпретация фонда в «Современном этимологическом словаре русского языка» такая же, как в «Толковом словаре». Тем не менее, через ряд запросов о фонде и вопросов к российским преподавателям, допускается замена слова «фонд» на «организация». Такая замена не часто используется и будет относиться к профессиональной лексике. В Китае фонды имеют непосредственное отношение к деньгам с конкретной целью и применением, и, соответственно, не могут именоваться «организациями». Именно поэтому после слова «фонд» обычно добавляется «учреждение» для подчеркивания его деятельности.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество/亚太经合组织

Такое наименование этого учреждения является его стандартным международным русским названием, т.е. его русское название полностью соответствует китайскому: 亚太经济合作. В то же время, стандартное международное китайское название для этого учреждения отличается: 亚太经济合作组织. В «Толковом словаре» Ожегова не дается полного объяснения понятию «сотрудничество». Для россиян это международная организация. «Экономическое сотрудничество» в названии уже говорит о том, что за это организация; если же добавить слова, которые имеют то же самое значение, то название будет нечетким и тавтологичным. В Китае «экономическое сотрудничество» означает «сотрудничество в определенной области», поэтому, чтобы адекватно отразить сущность организации, которая сотрудничает в опреде-

ленной области и в определенном районе, необходимо добавить слова, т.е. расширить определение.

2. В названиях российских международных организаций часто используются синонимы.

В китайском названии международных организаций зачастую используется одна и та же лексика, в то время как российский вариант наименований предполагает наличие синонимов. В следующих примерах отражается понимание слова «союз» и схожих с ним слов в «Толковом словаре»:

Союз: 1. «Тесное единение, связь классов, групп, отдельных лиц». 2. «Объединение, соглашение для каких-либо совместных целей». 3. «Государственное объединение». 4. «Общественное объединение, организация». 5. В грамматике: служебное слово, соединяющее предложения и словоформы внутри предложения.

Лига: 1. «Союз, объединение лиц, организаций, государств». 2. «В спорте: группа команд, примерно равных по мастерству и соревнующихся друг с другом».

Ассоциация: 1. «Объединение лиц или учреждений одного рода деятельности». 2. «Связь между отдельными представлениями, при которой одно из представлений вызывает другое». 3. «Соединение каких-либо единиц, элементов (*спец.*)» [4].

Интерпретация понятий Википедии: «союз» — это «Политическое, национальное, семейное или другое объединение»; «лига» — это «Общественное или политическое объединение, национальный, организационный, индивидуальный или групповой союз»; «ассоциация» — это «Одна из правовых форм некоммерческих организаций, которая является добровольным объединением юридических лиц» [5].

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что слово «союз» может применяться в политических и социологических терминах, а также может быть применено к названию органа. Когда данное понятие используется в политических терминах, то обычно относится к политически специализированному альянсу в определенной сфере деятельности; когда же оно используется в социологических терминах, то лига, ассоциация и союз имеют сходные значения.

Лиги арабских государств/阿拉伯国家联盟

В этом названии лига подразумевает под собой «союз». Слово «лига» имеет значение защиты, и цель союза заключается именно в этом: обеспечение более тесных отношений между государствами-членами лиги;

координация их политических действий; обеспечение их независимости и суверенитета. Можно отметить, что организация стремится защищать интересы внутри нее, поэтому использование слова «лига» здесь допустимо и уместно.

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии/东南亚国家联盟.

Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии/南亚区域合作联盟.

Европейская ассоциация свободной торговли/欧洲自由贸易联盟.

Слова Ассоциация используется в названиях трех вышеупомянутых международных организаций для выражения значения «союз». Ассоциация имеет подтекст: развитие как цель. Цель и задачи этих организаций подразумевают под собой развитие (например, объединения создаются с целью экономического роста, социального и культурного развития региона, расширения взаимовыгодного сотрудничества в торговой, экономической, образовательной, культурной сферах). Кроме того, цель создания объединений состоит также в содействии экономическому, социальному и культурному развитию жителей региона, поощрении политики опоры на собственные силы, укреплении сотрудничества с развивающимися странами, координации действий на международных форумах; предоставлении добросовестных условий конкуренции в торговле между государства-

ми-членами; содействию гармоничному развитию и росту мировой торговли путем постепенной ликвидации торговых барьеров. Поэтому использование слово «ассоциация» здесь целесообразно.

Европейский союз/欧洲联盟.

В этом названии организации для обозначения понятия «объединение» используется союз, поскольку он нередко встречается в названиях национальных ассоциаций, призванных помочь в решении общих проблем. Например, Европейский Союз, Советский Союз, Южно-Африканский Союз и т.д. были созданы для координации деятельности и взаимовыгодного сотрудничества в соответствующих областях. Таким образом, использование слово «союз» здесь вполне закономерно.

Таким образом, в результате сравнения и анализа китайских и российских названий международных организаций, приведенных в данной статье, можно заключить следующее:

1. Общность названий международных организаций такова: содержание понятий регионов и областей, используемых в названиях организаций Китая и России, должны полностью соответствовать исходному значению этих понятий;
2. В названиях некоторых международных организаций русское слово используется по-разному, но китайский смысл тот же;
3. Использование равных по смыслу слов зависит от исходного значения самого слова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сюй Юньлун. Определение и классификация сравнительной лингвистики. Журнал Шанхайского университета иностранных языков: 1992.
2. Ян Юнцюань, Ся Дэфу. Справочник международной организации. Китайская иностранная переводческая издательская компания: 1998.
3. Шэнь Цзясюань. Взгляд лингвистической типологии. Прикладная лингвистика, 2009.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 1960.
5. Википедия — свободная энциклопедия. [Электронный ресурс] https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница

© Сяо Юе (824312978@qq.com), Чан Ин (247018572@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СПЕЦИФИКА ВЫРАЖЕНИЯ СОГЛАСИЯ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

CHARACTERISTIC ASPECTS OF EXPRESSING AGREEMENT IN MULTIMODAL COMMUNICATION IN POLITICAL DEBATES

O. Tarasova

Summary. The article deals with the analysis of different ways of expressing agreement and its specific features in political discourse. Different kinds of agreement as well as verbal and nonverbal means of expressing it are described. Rendering of the concept "agreement" is given. Verbal markers and nonverbal means of communication common for expressing agreement have been analyzed.

Keywords: agreement, disagreement, political discourse, multimodal communication, communicant, political debates.

Тарасова Олеся Николаевна

*К.филол.наук, доцент, Ивановский государственный политехнический университет
olesyatarasova@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются способы выражения согласия в политическом дискурсе и его специфика. Рассматриваются различные виды согласия, а также вербальные и невербальные средства его выражения. Дается трактовка самого понятия «согласие». Анализируется, какие слова-маркеры характерны для выражения согласия, а также какие невербальные компоненты коммуникации используются.

Ключевые слова: согласие, несогласие, политический дискурс, коммуникант, мультимодальная коммуникация, политические дебаты.

Мультимодальность является ключевой составляющей любой коммуникации и включает в себя не только речь, но и невербальную составляющую: жесты, взгляд, позы, мимика.

Способность узнавать и интерпретировать сигналы, с помощью которых люди передают друг другу различную информацию, выражают собственное мнение, является жизненно важной и необходимой. Особым видом таких социальных сигналов является согласие и несогласие, благодаря которым участники коммуникативного процесса показывают, разделяют они или нет одни и те же мнения, принимают ли предложения друг от друга, имеют одинаковые или разные цели, чувства, суждения.

Во время обсуждения или спора, как для участников коммуникативного процесса, так и для наблюдателей, становится понятно, каковы отношения между коммуникантами: соглашаются они друг с другом или нет. Этому способствует умение участников и наблюдателей принимать и интерпретировать социальные сигналы согласия ли несогласия, которые могут выражаться в различных коммуникативных модальностях, таких как слова, жесты, интонация, мимика, взгляд, движения головой, позы. Зачастую, именно невербальные сигналы могут иметь ключевое значение для интерпретации согласия или несогласия. [4] Чтобы выразить согласие, человек может посмотреть на собеседника и с улыбкой, похлопать в ладоши, сказать «Молодец!» или просто кивнуть головой. Однако в некоторых случаях очевидное со-

гласие в действительности может скрывать некоторую враждебность, а формальная вежливость — лицемерие и притворство.

Целью данной работы является показать, с помощью каких вербальных и невербальных сигналов коммуникант может выразить согласие в процессе мультимодальной коммуникации на примере британского политического дискурса. В проанализированном нами видеоотрывке принимают участие 7 представителей различных партий (4 мужчин и 3 женщины) и взаимодействуют друг с другом, с ведущим и с аудиторией — зрителями, сидящими в зале и телезрителями. Отметим, что, если сравнивать количество случаев «согласия» и «несогласия» то, конечно, случаев «несогласия» значительно больше. Это можно объяснить самой природой дебатов, где целью участника является привлечение внимания и интереса аудитории к себе, противопоставление себя другим. Но, тем не менее, вполне естественным является то, что встречаются ситуации, в которых мнение некоторых участников совпадает. Такие примеры представляют особый интерес, поскольку они являются более редкими, но не менее важными по сравнению с выражением «несогласия». Не так много исследователей обращалось к комплексному изучению таких ситуаций, что говорит о новизне данного исследования.

В качестве метода был выбран видеоанализ, позволяющий рассмотреть коммуникацию со всех сторон и с точки зрения всех модальностей. Мы проанализировали отрывок из британских политических теледебатов

2014 года и далее рассмотрим наиболее яркие и характерные примеры выражения согласия участниками.

Итак, согласие — это положение вещей, когда коммуниканты имеют одинаковое или похожее чувство или мнение по отношению к какому-то вопросу, предмету. Так, например, Озаровский О. В. даёт следующее определение этому понятию: «Согласие — это констатация правильности и приемлемости мнения собеседника, оценка этого мнения как соответствующего действительности, выражение схождения позиций, взглядов коммуникантов» [3, с. 71].

Глагол “to agree” («соглашаться») имеет следующее толкование: “to have the same opinion” — «иметь одинаковое мнение» (перевод здесь и далее автора Тарасовой О. Н.). В основе любой коммуникации лежит цель, которая может выражаться вербально в форме речевого акта, во время которого говорящий предлагает слушающему совершить какие-то действия для достижения этой цели. Если цель говорящего получает одобрение у реципиента, то это значит, что цели у них общие или похожие, и в таком случае можно говорить о согласии (“agreement”) между коммуникантами.

Выделяют различные виды согласия, например, полное и неполное [2], добровольное и вынужденное, вербальное и невербальное, прямое и косвенное.

Прежде чем мы перейдём к анализу примеров выражения согласия, необходимо разобраться в оттенках значения некоторых, на первый взгляд похожих глаголов. Не следует путать глагол «соглашаться» (“agree”) с глаголами «подтверждать» (“confirm”) и «признавать» (“admit”). Подтверждение — это коммуникативный акт, с помощью которого коммуникант 1 информирует коммуниканта 2 о том, что он обладает такими же фактами, знаниями, представлениями о чём-то, и он считает их правильными и достоверными, таким образом, увеличивая степень уверенности коммуниканта 1 в сказанном. Схожесть представлений о чём-либо — это то, что объединяет глаголы «соглашаться» и «подтверждать». Разница состоит в том, что «подтверждает» коммуникант какую-то фактическую информацию, а «соглашается» с мнением. Словарь даёт следующее определение глаголу “confirm” — “to prove that a belief or an opinion that was previously not completely certain is true” («подтвердить верность мнения, которое ранее было не ясным, точно не известным») (<https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/confirm>).

Обратим внимание на глагол «признавать», который тоже имеет нечто общее с глаголом «соглашаться», но разница состоит в том, что «признавая что-то», человек подтверждает наличие такого же мнения, как у собе-

седника, но подтверждает это он исключительно по той причине, что у него нет другого выхода или выбора, он вынужден сделать это. Так, Кэбриджский онлайн-словарь, даёт следующее определение глаголу “admit” — “to agree that something is true, especially unwillingly” («неохотно соглашаться с тем, что что-то является верным») (<https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/admit>).

Во время дебатов коммуниканты могут выражать согласие следующими способами [5]: 1) с помощью специальных слов — «маркеров» согласия, например: «вы правы», «окей», «да», «хорошо», «я согласен» и др., это, так называемое «прямое» согласие /“direct agreement”/; 2) с помощью невербальных сигналов, таких как улыбка, взгляд, поза и др. («невербальное согласие» /“nonverbal agreement”/; 3) с помощью предложения или цепочки предложений (дискурса), которые выражают похожее мнение или конгруэнтны с мнением, которое ранее было озвучено («непрямое согласие» /“indirect agreement”/).

Таким образом, в случае вербальной реакции [1] согласие может быть выражено лексическими и/или грамматическими способами. Лексические способы подразумевают использование определённых слов-маркеров, о чём мы уже упоминали выше, или целостных лексических структур. Среди грамматических средств выражения согласия выделяют синтаксические (контекст, целостные предложения) и морфологические (аффиксы, выражающие одобрение).

Рассмотрим, какие слова-маркеры согласия являются наиболее характерными. Самым частым лексическим средством выражения согласия является словосочетание «to be absolutely right», которое состоит из прилагательного “right” с положительной семантикой и усиливающего экспрессию наречия-интенсива “absolutely”. Данное словосочетание одинаково часто используется в речи как коммуникантов-мужчин, так и коммуникантов-женщин, например, Натали Беннет говорит: “Now Leann *is absolutely right* that privatization is causing a huge damage.” («Сейчас Лиэнн абсолютно права в том, что приватизация наносит огромный вред»). Следует отметить, что вербальное согласие в данном примере сопровождается жестом — говорящий поднимает руку вверх, как бы подчёркивая слова “absolutely right” и подтверждая их правдивость, т.е. речь идёт о полном согласии.

В большинстве случаев в вербальной части говорящим используется имя того участника теледебатов, с которым он или она соглашается. Интересно отметить, что при выражении согласия с кем-то из зрителей, участники дебатов чаще обращаются к нему во 2 лице и используют местоимение “you” и его имя, например, Дэвид Кэме-

рон, отвечая на один из вопросов, говорит следующее: "Well, first of all thank you, Terry, for your incredible service to the NHS and *you are absolutely right* this is the most important national institution and national public service that we have" («Ну, во-первых, спасибо, Терри, за вашу великолепную службу в национальной службе здравоохранения, и вы абсолютно правы в том, что это самый важный национальный институт и общественная услуга, которую мы имеем»). Таким образом Кэмерон пытается установить более тесный контакт со зрителем и начинает своё высказывание с выражения благодарности, а затем выражает полное согласие с адресатом, при том обращаясь к нему лично и используя местоимение "you" и имя зрителя. Использование невербального канала усиливает эффект: Кэмерон протягивает руку к зрителю, как бы пытаясь ещё больше с ним сблизиться.

В некоторых случаях прилагательное "right" используется без усилительного наречия — интенсива "absolutely", что говорит о том, что говорящий, скорее всего, неохотно соглашается с оппонентом, например: "Yes, that's right. And we should take some refugees from Syria. I understand that." («Да, это правильно. Мы должны принять некоторых беженцев из Сирии. Я понимаю это»). Это слова Найджела Фэрреджа, который вынужден согласиться с одним из своих главных оппонентов — Ником Клеггом. Последнее предложение "I understand that" представляет особый интерес, т.к. говорящий с помощью него, с одной стороны, выражает согласие с оппонентом, хоть и неохотно, и предпочитает не называть имя оппонента и не использовать слова-маркеры согласия. Он выражает согласие не напрямую, а опосредованно, поскольку во время дебатов участники стремятся противопоставить себя друг другу, а не солидаризоваться друг с другом, такова «природа» дебатов. Но, произнося эти слова, Найджел Фэрредж показывает рукой на оппонента, с которым соглашается. Таким образом, невербальный канал, а именно жестовый НВК, компенсирует отсутствие слов-маркеров согласия в вербальной части, делая это согласие не таким явным.

Участники теледебатов также часто используют для выражения согласия глаголы такие, как "to agree" («соглашаться») и "to back" («поддерживать»), например, проанализируем слова Николы Стёрджен: "I back Kate on reason..." («Я поддерживаю Кейт по причине...»). В данном примере на слове "back" делается особый акцент — ударение, которое сопровождается использованием жестового и миремического невербальных компонентов коммуникации (НВК): Никола рукой показывает на участника, с которым выражает согласие, при этом смотрит на неё и называет её по имени для того, чтобы у зрителей не возникло никаких сомнений по поводу того, с чьим мнением она соглашается. В дальнейшем взгляд говорящего обращается уже на аудиторию.

Как мы уже говорили ранее, согласие с собеседником может быть полным или частичным, что представлено в следующем примере: "I would have partly agreed with Nicola" («Я могла бы частично согласиться с Николой»). Данные слова сказала Натали Беннет и опять использовала жестовый НВК, чтобы показать на человека, с которым она согласна, она смотрит на этого коммуниканта (миремический НВК), и более того, она даже повернулась в сторону Николы Стёрджен. Такое частичное согласие зачастую может быть прелюдией к выражению несогласия с оппонентом, что произошло и в рассматриваемом нами примере, т.к. далее очень подробно Натали Беннет начинает описывать те пункты, по которым она не согласна. Для выражения несогласия она использует тот же глагол, но с префиксом, выражающим отрицательное значение — "disagree" («не соглашаться»). Такой приём, когда говорящий использует однокоренные глаголы для выражения согласия и несогласия, способствует, на наш взгляд, более чёткому и понятному для зрителей изложению мыслей.

Чаще всего в политическом дискурсе встречаются случаи непрямого согласия ("indirect agreement"), т.к. участники стараются как можно больше подчеркнуть свою самобытность и исключительность. Неизбежно возникают ситуации, когда им приходится соглашаться с кем-то из участников, и они предпочитают делать это не совсем открыто.

Вот один из многочисленных примеров. В рассматриваемом нами отрывке Найджел Фэрредж говорит о том, что условия предоставления услуг в сфере здравоохранения должны быть разными для жителей Великобритании и для приезжих, иммигрантов. Лиэнн Вудс и Никола Стёрджен не согласны с Найджелом Фэрреджем, но согласны друг с другом. Так, они выражают одну и ту же точку зрения, но разными словами. Лиэнн Вудс говорит следующее: "This kind of statement is dangerous, it divides communities and it creates stigma to people who are ill and I think you will be ashamed of this!" («Такого рода заявления опасны, они разделяют общество и создают дискриминацию тех, кто болен. Я думаю, вам будет стыдно за это!»). Через 30 секунд после данного высказывания мы слышим слова Николы Стёрджен: "When somebody is diagnosed for a dreadful illness, my party sees him as a human being, not consider the country they come from" («Когда у кого-то обнаруживают ужасную болезнь, моя партия относится к нему как к человеку не зависимо от того, из какой он страны»). Мы видим, что выражено одно и то же мнение, но с помощью разных лексических единиц. Тем не менее, следует отметить использование коммуникантами однокоренных слов "ill" и "illness", которые указывают на то, что речь идёт об одном и том же вопросе, хоть и с промежутком в 30 секунд.

Итак, успешность коммуниканта в политическом дискурсе напрямую зависит от того, какие способы выражения согласия или несогласия с собеседником он использует. Очень важно суметь оказать желаемый эффект и воздействие на избирателей. В таких случаях, когда необходимо открыто согласиться с оппонентом говорящий использует слова-маркеры согласия, называет имя оппонента и сопровождает вербальную часть жестовым

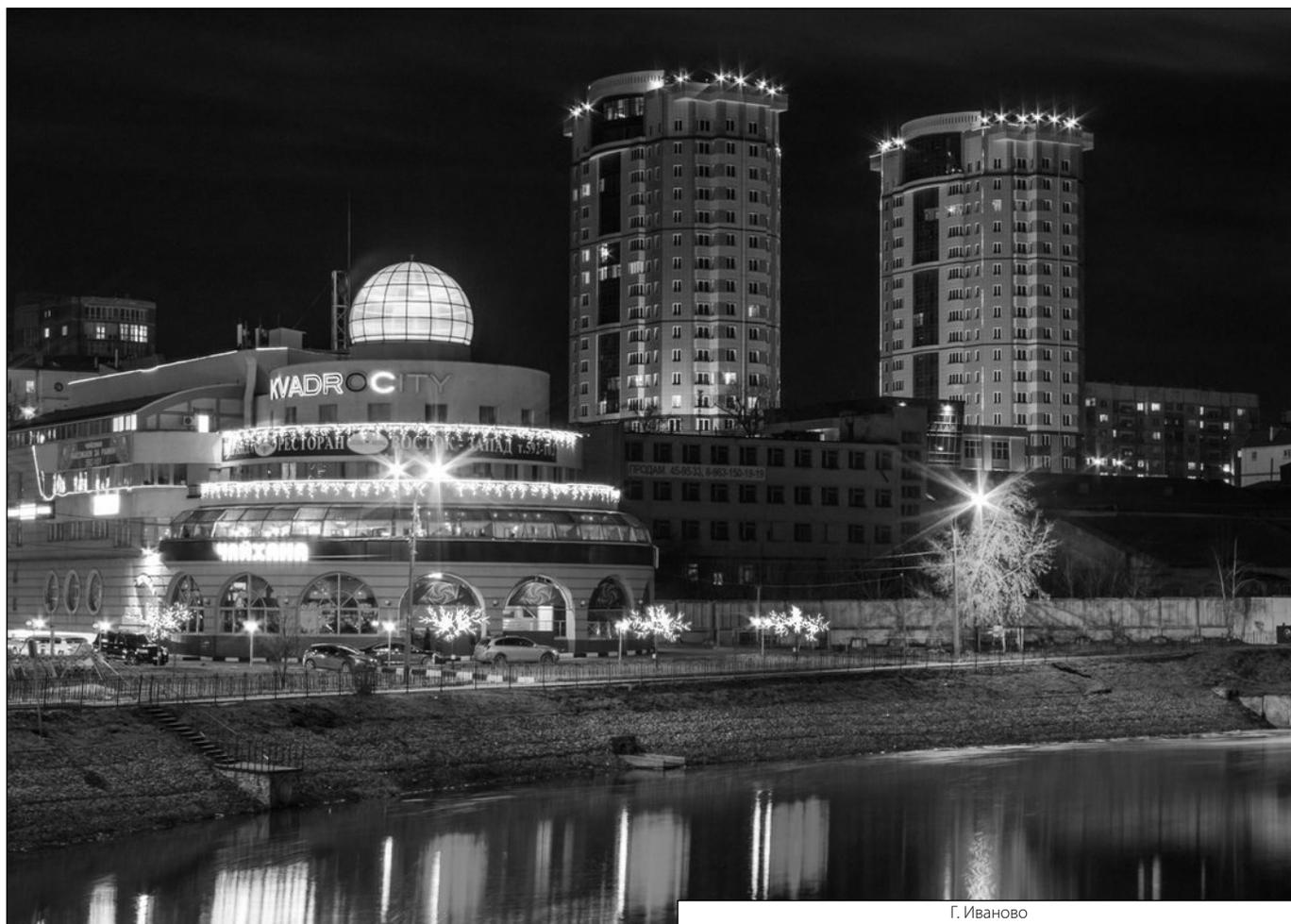
и миремическим НВК. В случаях же выражения согласия с кем-то из зрителей, мы чаще всего видим обращение к нему с использованием местоимения "you" и имени. В случаях непрямого согласия отсутствует обращение к оппоненту или даже его имя, но зачастую используются однокоренные слова и жестовые НВК (движения руками в сторону одного или нескольких коммуникантов), а также взгляд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дёмушкина Т. Н. Согласие и несогласие как типы речевых актов в английской диалогической речи // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. С. 218–225.
2. Любимова М. К. Реагирующие реплики согласия // Актуальные проблемы исследования языка: теория, методика, практика обучения: межвуз. науч. тр. — Курск, 2002. С. 54–55.
3. Озаровский О. В. Способы выражения согласия-несогласия в современном русском языке // РЯНШ. 1974. № 6. С. 70–75.
4. S. Cohen. A computerized scale for monitoring levels of agreement during a conversation. University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics, 8(1):57–70. 2003.
5. I. Poggi/ Mind, hands, face and body: Goal and Belief view of multimodal communication. Weidler, 2007.

© Тарасова Олеся Николаевна (olesyatarasova@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Г. Иваново

СИРЕНЕВЫЙ ЦВЕТ И ЕГО ОТТЕНКИ В ЛИРИКЕ В.В. НАБОКОВА

LILAC COLOR AND HIS SHADES IN LYRIC BY V.V. NABOKOVA

I. Trufanova

Summary. Objective: To identify the poems of the theme Vladimir Nabokov, in which is found the color purple and its analogues, to establish the meaning of the word purple in them, to compare them with the values of the word purple in the prose of Vladimir Nabokov.

Methods: the method of lexical paradigms developed by N. V. Pavlovich

Results. In verses Vladimir Nabokov the color purple is found about fifty times. Lilac and its shades: purple, lilac, purple, blueberry, violet — In U. V. Nabokov appear when it comes to something that represents, from the point of view of the writer, something especially valuable. In for Valuable. V. Nabokov are the faith of God, the Motherland (Russia), art, love, youth, science, movement.

Conclusions. In Relation to the lyrics V. Nabokov need to talk about the tightness of the verbal series of the poem. Infecting each other with their meanings of the word he does not necessarily in one line, the word lilac (purple, purple) is infected with the meanings of words from different lines and stanzas of the poem, the words that call perfect, or infects with its symbolic meaning the word that calls the theme of the poem; and what is meant in the poem, is estimated by V. Nabokov as perfection, as the highest value.

Keywords: Vladimir Nabokov; the myth of Dionysus; combinatorial increment value (artistic value); the adjective of the color purple; lyrics Vladimir Nabokov; the symbolic meaning of the word.

Труфанова Ирина Владимировна

*Д.филол.н., профессор, ГАОУ ДПО г. Москвы
Московский центр развития кадрового потенциала
образования
illokucia1@rambler.ru*

Аннотация. Цель: Выявить темы стихотворений В. В. Набокова, в которых встречается сиреневый цвет и его аналоги, установить значения слова сиреневый в них, сравнить их со значениями слова сиреневый в прозе В. В. Набокова.

Методы: метод лексических парадигм, разработанный Н. В. Павлович.

Результаты. В стихах В. В. Набокова сиреневый цвет встречается около пятидесяти раз. Сиреневый цвет и его оттенки: пурпурный, лиловый, фиолетовый, черничный, фиалковый — у В. В. Набокова появляются тогда, когда речь идёт о чём-то, представляющем, с точки зрения писателя, нечто особенно ценное. Ценными для В. В. Набокова оказываются вера в Бога, родина (Россия), художественное творчество, любовь, молодость, наука, движение.

Выводы. Применительно к лирике В. В. Набокова нужно говорить о тесноте словесного ряда всего стихотворения. Заражающие друг друга своими значениями слова у него необязательно в одной строке, слово сиреневый (лиловый, фиолетовый) заражается значениями слов из разных строк и строф стихотворения, слов, называющих совершенное, или заражает своим символическим значением слово, называющее тему стихотворения; и то, о чём в стихотворении идёт речь, оценивается В. В. Набоковым как совершенство, как высшая ценность.

Ключевые слова: В. В. Набоков; миф о Дионисе; комбинаторные приращения смысла (художественное значение); цветное прилагательное сиреневый; лирика В. В. Набокова; символическое значение слова.

Введение

Ю. Н. Тынянов писал о единстве и тесноте стихового ряда как причине заражения друг друга словами в стихотворной строке своими значениями, отчего и у слов возникают значения, присущие им только в контексте данного художественного произведения [38]. Б. А. Ларин обозначил такие значения термином «художественные значения» [14], В. В. Виноградов — «комбинаторные приращения смысла». Механизмы комбинаторного приращения смысла описаны Н. В. Павлович — как приобретение словом значений соседних слов [21: 5–8], С. Т. Золян — как приписывание словам-соседям или словам, занимающим сходные позиции в стихе, общих классификаторов [9: 401–408]. Две названных методики научного анализа не противоречат друг другу. Приращенные к слову значения — это или значения других слов из стиха, или значения слов,

называющих категорию, под которую подходят выражаемые словами-соседями в сумме смыслы. Общая категория, под которую мы подводим заражающие друг друга своими значениями слова, — это результат отгадки, чему дается определение совокупностью данных слов.

Н. В. Павлович описала виды синтаксических отношений между такими, заражающими друг друга своими значениями, словами. Слово, заражённое значениями слов-соседей по стихотворной строке, становится внутренней формой слов, заразивших его своими значениями, и наоборот; таким образом слова в художественном произведении приобретают мотивацию, несущую с собой дополнительные пласты содержания. Комбинаторные приращения смысла уплотняют информацию, передаваемую художественным произведением, создаётся ситуация, когда слов меньше, чем их значений. С. Т. Золян описал механизм возникновения у ключевых

слов стихотворения внутренней формы, мотивированности, представил семантику ключевых слов лирического стихотворения как семантику слов с подвижным лексическим значением и сделал вывод о том, что «Семантическая структура слова оказывается не просто суммой взаимодействующих значений,— отдельные лексико-семантические варианты образуют внутри слова структуру, изоморфную семантической структуре текста. Каждый лексико-семантический вариант соотносится с различными аспектами тематической структуры, вступая в сложные диалогические отношения подобия, дополнения, контраста и совмещения с другими. Каждое слово оказывается полифонической структурой взаимопроникающих смыслов, а не конгломератом значений (...) Анализ слова (...) оборачивается анализом текста. Значение выступает здесь как искомая величина, воссоздаваемая текстом. Поэтический текст не только отражает в себе семантическую систему языка, но и сам оказывается языком» [10: 519]. Под лексико-семантическим вариантом имеются в виду художественные значения одного и того же слова в разных местах художественного текста. Ю. М. Лотман, В. И. Тюпа тоже пишут, что художественный текст даётся читателю раньше, чем язык, и язык вычисляется из текста, язык предстоит реконструировать, основываясь на тексте. Художественное восприятие состоит не в освоении содержания высказывания на основе общего языка, но в освоении его уникального языка — на основе общего содержания; эстетический дискурс (отнюдь не только авангардистский) превращается в урок языка [39: 26]; не текст сообщается при помощи языка, а язык при помощи текста.

У В. В. Набокова такую тесноту стихового ряда мы наблюдаем в прозе, отчего в ней передаётся так же много смыслов, как это характерно для стихов. Применительно к лирике В. В. Набокова нужно говорить о тесноте словесного ряда всего стихотворения. Заражающие друг друга своими значениями слова у него необязательно в одной строке, слово *сиреневый* (*лиловый, фиолетовый*) заражается значениями слов, обозначающих, называющих совершенное, ценное, или заражает своим символическим значением слова в стихотворении; и то, о чём в стихотворении идёт речь, оценивается В. В. Набоковым как совершенство, как высшая ценность. В лирике В. В. Набокова слово *сиреневый* развивает символическое значение маркера совершенства. Символическое значение — это художественное значение, повторяющееся в нескольких произведениях писателя.

Литературный обзор

В. Г. Кульпина выделяет отдел лингвистики, названный ею «лингвистика цвета» [13] с подразделами: эволютивные аспекты цветоименований [об истории цве-

тообозначений см. работы: 2; 5], психолингвистические аспекты цветообозначений [41], когнитивные аспекты цвета, языковая картина мира; лингвокультурологические аспекты цвета (символика цвета) [см.: 8; 23]; номинационно-терминообразующие аспекты цветообозначений [см.: 5].

Из работ первого направления мы узнаём, что существует три оттенка пурпурного: два фиолетовых и один красный, разница в цвете определялась тем, из какого вида улиток его получили, первоначальное значение слова *пурпур* — улитка [5: 34–35]. В прозе В. В. Набокова, по нашим наблюдениям, пурпурный — оттенок фиолетового цвета. В русский язык слово *пурпурный* с его символическими значениями пришло при Петре I [5: 36], в русском языке улитки обозначались словом *багрянки*. В «Короле, даме, валете» улитки замещают сиреневый цвет. В лирике В. В. Набокова *пурпурный* используется и для наименования оттенков красного цвета.

Из перечисленных в работах третьего направления символических значений фиолетового, лилового, сиреневого цветов [8: 135, 137, 140, 142; 23: 154] для В. В. Набокова актуально, что фиолетовый символизирует творение нового, неожиданного, незнаемого, глубину, с помощью которой можно понять внутренние причины бытия. «С позиций хроматизма сублимат сиреневого цвета может являться указателем на сознательную доминанту интеллекта с его возможным переключением на подсознательные чувства и/или их опредмечивание в творчестве и/или катарсисе» [23: 160]. Синестезия, как отмечают исследователи, давала В. В. Набокову всеобъемлющее видение мира, писатель утверждал, что в художественном произведении реализуется наивысшая полнота жизни. Характерная для В. В. Набокова изобразительность заключается не в фотографическом воспроизведении бытия, но природное, растительное, зрительное ощущение мира, развиваясь, преобразуется; потому что поэт, сознательно отказываясь от автоматизма языкового обозначения мира, вносит свободу в процесс художественной номинации; делая акт поэтического называния сознательным и творческим, поэт значительно более глубоко проникает в сущность мира, чем тот, кто ограничивается раз и навсегда установленной системой названий [7: 18, 20]. По В. В. Набокову, искусство — не мимесис (подражание), а творческое пересоздание действительности, цель которого — «проникновение за видимую поверхность жизни в некое особое пространство, представляющее собой онтоэстетическую реальность, где нет времени в его привычном понимании. Эта реальность воплощается посредством текстовых структур и языковых средств» [11: 34–35].

Исследователи цвета в языке писателя или выявляют художественные значения цветových прилагательных

в художественных текстах, в том числе символические [см.: 40], или цветовую картину мира писателя [15, 20].

Особая роль цвета в произведениях В.В. Набокова отмечена множеством набоковедов.

Б. Бен пишет: «Если взять названия цветов стандартной пачки из 64 карандашей марки Crayola Cayon и поискать их в работах В.В. Набокова, то получится, что он использовал примерно 460 слов, обозначающих цвета, на каждые 100000 слов, и это поразительно много. Те же цвета в текстах Исторического корпуса американского английского встречаются всего 115 раз на каждые 100000 слов» [3: 191]. Б. Бен, используя новую методику статистического исследования языка писателя, приходит к выводу, что любимое слово В.В. Набокова — лиловый: оно встречается во всех его восьми романах, в сумме частота его использования у В.В. Набокова в 44 раза выше, чем оно встречается в Историческом корпусе американского английского языка, ни одно другое слово в сочинениях В.В. Набокова не имеет такой разницы в показателях по сравнению с текстами корпуса [3: 190].

В.Е. Александров заметил, что красный цвет в «Лолите» употребляется как знак близкого присутствия в описываемом Куильти [1: 118–119].

Л. Яновский сделал вывод, что в романе «Машенька» эмигрантское пространство, Берлин, отмечено жёлтым цветом, а Россия в воспоминаниях Ганина окрашена в лиловый [42: 842].

О.Ю. Сконечная утверждает, что у В.В. Набокова в «Даре», как у Н.В. Гоголя, герои возникают «из словесных оборотов», нагнетение слов с корнем *чёрный* оканчивается появлением Чернышевского, а имена его биографов и знакомых В.Г. Белинский, Максим Белинский, Беленький обнаруживают тайное присутствие Андрея Белого в Чернышевском [25: 668, 670]. Ещё одно наблюдение О. Сконечной сводится к тому, что сочетание чёрного и белого у В.В. Набокова приводит к возникновению нестойкого соединения: «чистой черноты» — опасной грани реальности, имеющей место в снах, бреде, художественных видениях, в которых человеческая мысль заглядывает за свой предел, обретает знак совершенства, автор начинает переименование мира, в котором должно быть отменено «обмелевшее», слепое, усреднённое восприятие бытия [25: 667, 687].

Б.В. Манджиева, исследовавшая творчество В.В. Набокова с точки зрения мифопоэтики, пришла к выводу, что чёрный и белый цвета появляются у В.В. Набокова как знаки начала творения, чёрный цвет — цвет бездны, хаоса, к которому творящий космос художественного произведения возвращается время от времени [16].

В.В. Набоков обладал цветным зрением. О синестезии В.В. Набокова писали Э.В. Комина, А.А. Забияко, Я.В. Погребная, Б. Бойд. Б. Бойд обратил внимание на изучение В.В. Набоковым цвета в русской художественной литературе: «Он подмечал использование цвета в литературе, высоко оценивая манеру Гоголя, который раздвинул границы расхожего представления о цвете: до него “небо было голубым, рассвет красным, листва зеленая, глаза красавицы черными, облака серыми и так далее. Именно Гоголь (а вслед за ним Лермонтов и Толстой) был первым, кто вообще обратил внимание на желтый и фиолетовый”» [4]. А также отметил, что современная художница Джин Холаберд (Jean Holabird), в своей книге «Цветной алфавит» с особой точностью, но не в ущерб творчеству, проиллюстрировала набоковское видение букв в цвете [4].

Микрополе номинаций красного тона в русском языке, а также анализ структурных особенностей микрополя красного тона в произведениях В.В. Набокова осуществила И.Н. Лукьяненко [15], микрополе зелёного у В.В. Набокова М.П. Котюрова, К.Д. Дмитриева [12].

С.Г. Носовец пришла к выводу, что излюбленными у В.В. Набокова являются красные, белые и чёрные тона; затем жёлтые и синие (в состав синих она включила фиолетовый), реже серые, меньше всего у писателя зелёных и коричневых [20: 108].

К.В. Дмитриева сравнила концепт цвет в романах В.В. Набокова «Лолита» и А.А. Фадеева «Разгром». Она сделала выводы, что функционально-семантическое поле субконцепта *фиолетовый* концепта *цвет* реализуется только в тексте романа В. Набокова; он используется как обозначение цвета одежды и «незрительных сенсорных ощущений», в контекстах, в которых эксплицируется эмоционально-эстетическая оценка (Лолиты, Гумбри, т.е. мира художественного творчества, художественного произведения — И.Т.); при описании природных явлений В. Набоков не употребляет колоратив *фиолетовый*, а использует цветообозначения *лиловый*, *лиловатый*, *сиреневый*, *лилово-палевый*, *сиренево-серый*, *чернильный* [6: 20–21].

П.А. Сулов пришёл к следующим выводам. Под многими из них мы готовы подписаться, поскольку тоже пришли к ним в другой связи. Цвет зачастую является в произведениях В.В. Набокова мотивом. Цветовой образ может воспроизводиться в сходных художественных ситуациях в разных текстах, тем самым связывая на поэтическом уровне тексты между собой и давая исследователю наиболее надёжный ориентир для определения семантики, скрытой за данным цветовым образом [26: 8]. Цвет для Набокова может быть не просто средством усиления эстетической выразительности, но и своеобраз-

ным средством интерпретации, толкования тех или иных явлений или событий. Семантика цвета в малой прозе писателя в большинстве случаев имеет закреплённый характер, т.е. за конкретным цветом скрываются устойчивые значения [26: 8]. У В.В. Набокова имеет место кочевание тех или иных мотивов (в том числе цветовых) по всем текстам писателя [26: 5–6].

Особенно важны два следующих вывода П.А. Сулова. Цвета у В.В. Набокова поливалентны, за одним цветом может скрываться колоссальный разброс значений, многие из которых противоположны друг другу; актуализация конкретного значения зависит от особенностей бытования данного цвета в конкретной художественной ситуации [26: 10]. М.П. Котюрова, К.Д. Дмитриева писали о том, что колоратив *зелёный* у В.В. Набокова имеет и нейтрально-сниженную, и положительную оценку [12: 422]. С.Г. Носовец выявила художественные значения колоратива *зелёный*, развившиеся в текстах В.В. Набокова, среди них видим слова и с положительными, и с отрицательными коннотациями: 1) домашний, уютный, старающийся радовать; 2) сторонящийся, избегающий, защищающийся; 3) скучный, недоразвитый, бессодержательный, ограниченный [31: 169]. В романе «Отчаяние» у слов *белый*, *чёрный*, *жёлтый*, *зелёный*, *красный*, *серый*, *фиолетовый* мы обнаружили все известные в языках мира их символические значения [20; 56].

К фиолетовым, лиловым цветам, пишет П.А. Сулов, В.В. Набоков прибегает, описывая людей, причастных к искусству, что представляется закономерным, если учесть, что художник традиционно воспринимается как человек, связанный с миром неземным, как человек, способный прозревать иные реальности. В случаях, когда в рассказе фигурирует художник, фиолетовый цвет может присутствовать в пространстве, окружающем героя, появляться в его творении, попадаться ему на глаза, или же указывать другим героям на присутствие поблизости одарённого человека. Это подтверждается особенностями употребления лилового и фиолетового цветов в рассказах «Бахман», «Благость» [26: 21]. Набоковская метафизика определяется в первую очередь отсутствием в художественном мире писателя непроницаемой границы между потусторонним миром и миром здешним; цвет входит в список наиболее значимых «проводников» метафизических представлений В.В. Набокова [26: 9–10]. К последнему выводу мы бы добавили: сиреневый цвет — цвет присутствия Бога в произведениях В.В. Набокова, цвет умирающего и возрождающегося Диониса, в его произведениях переживается миф о Дионисе [24; 27–31; 35; 37]. Художественный мир произведения у В.В. Набокова — один из видов потусторонности [см.: 7]. В прозе русского периода сиреневый ещё и знак авторского присутствия Сирина (псевдоним В.В. Набокова).

Сиреневому в прозе В.В. Набокова посвящены работы [31; 33; 36]. *Сиреневый*, *лиловый*, *фиолетовый* в лирике В.В. Набокова не были прежде предметом лингвистического исследования.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В стихах В.В. Набокова сиреневый цвет встречается около пятидесяти раз. Ценными для В.В. Набокова оказываются вера в Бога, родина (Россия), творчество, любовь, молодость, наука, движение.

Сиреневый цвет появляется, когда речь идёт о религиозных православных праздниках: Рождестве и Пасхе («Верб», «Волчонок»). «Верб», кроме того, стихотворение о начале писательского пути. «Волчонок», как и другие стихотворения В.В. Набокова на религиозные темы, содержит утверждение, что с христианством в мир пришло добро, проявляющееся в том числе в бережном отношении к животным, в помощи им. *Один, в рождественскую ночь, скулит / и ежится волчонок желтоглазый. / В седом лесу лиловый свет разлит, / на пухлых елочках алмазы. / Мерцают звезды на ковре небес, / мерцают, ангелам щекочут пятки. / Взъерошенный волчонок ждет чудес, / а лес молчит, седой и гладкий. / Но ангелы в обителях своих / все ходят и советуются тихо, / и вот один прикинулся из них / большой пушистой волчихой. / И к нежным волочащимся сосцам / зверек припал, пыхтя и жмурясь жадно. / Волчонку, елкам, звездным небесам — / всем было в эту ночь отрадно* [т. 1, с. 633–634]. *Ангел, небеса, алмазы, Рождество* — слова, объединяемые значениями совершенство, ценность. Этим значением они заражают слово *сиреневый*.

Сиреневый и его оттенки появляются в стихах о родине, России, Петербурге, Батове, Рождестве, все перечисленные стихотворения содержат воспоминания о России вдали от неё («Ты видишь перстень мой? За звёзды, за камень...», «Сон на акрополе», «Лес», «Домой», «Берёзы», «С серого севера», «Петербург», «Родина», «В поезде», «России», «Грибы»). Любовное описание грибов родины в стихотворении «Грибы» завершается упоминанием лилового цвета на корзине, из которой их достали: *А на скамейке белой — посмотри — / плетеная корзинка боком / лежит, и вся испачкана внутри / черничным лиловатым соком* [т. 1, с. 589–590]. Боровики сравниваются с пальчиками на детской ножке, о красных грибах говорится, что они *вознеслись*; на бурых слёзы леса. Сравнение, высокая лексика (вознеслись), метафора (слёзы леса) уменьшительно-ласкательные существительные (корешочки, малютки, шляпки, ёлочки, пальчики) создают оценку описываемого как ценности, этим значением заражается цветочное прилагательное *лиловый*.

На экскурсии в акрополе («Сон на акрополе») В. В. Набоков вспоминает Батово: (...) *Мы миновали желтые колонны / и с вышины увидели окрестность. / Взглянул я вниз, и чудо совершилось... / То южное ли солнце подиутило / над северной, тоскующей душой, / иль слишком жадные глаза поэта / мучительно и чудно обманулись, / не ведаю... Но вдруг исчезли горы, / гладь синяя мерцающего моря / в цветущую равнину превратилась: / ромашек золотистые сердца, / и вдовий цвет лиловый и пушистый, / и колокольчики — я различал / в траве густой, лоснящейся на солнце... / Преобразились белые Афины. / Передо мной — знакомое село: / все — сизые, полуслепые избы* (...) [т. 1, с. 527–528]. Слова, указывающие на совершенство, в стихотворении «Сон на акрополе», появляются только в описании Греции: *непостижимые предки; стройность дорических колонн; сны, как стая птиц роскошных*. Их нет в описании России, их роль маркёров совершенства выполняют названия русских реалий: *русский ветер, густая трава, лоснящаяся на солнце; ромашек золотистые сердца; лес, как молодость, весёлый; своенравные извивы тропинок; блеск песчинки на тропе, янтарный ствол берёзки; тень черёмухи на деревенском кладбище, цветущая равнина* и т.д. *Лиловый*, употреблённое как цветочное прилагательное и как слово с символическим значением, заражает названия реалий русской жизни значениями совершенства, ценность, которое у слова *лиловый* сформировалось в других произведениях поэта.

Родное село как красивый цветной камень с фиолетовой каймой предстаёт в стихотворении «С серого севера». (...) *Так, бывало, купальщикам / на приморском песке / приносится мальчиком / кое-что в кулачке. / Все, от камушка этого / с каймой фиолетовой / до стеклышка матово- / зеленоватого, / он приносит торжественно. / Вот это Батово. / Вот это Рожествено* [т. 5, с. 435]. Слово *фиолетовый* заражает своими значениями совершенство, ценность, которые развились у него в других произведениях В. В. Набокова, слова *Рожествено, Батово, Родина*.

Сиреневый цвет обнаруживается в стихах о творчестве («Художник», «Крым», «Снимок», «Слава», «На качелях», «*Viola tricolor*», «Кто выйдет поутру? Кто спелый плод подметит?»). В стихотворении «На качелях» природа в её расцвете, качание на качелях сравниваются В. В. Набоковым с художественным творчеством. Начало творения у В. В. Набокова сопровождается звоном, плеском [16], поэтому верёвки качелей названы звенящими, качельная доска плещет, как волны, как у В. В. Набокова плещут солнце, музыка, стихи. *В листву узорчатую зыбко / плеснула тонкая доска, / лазури брызнула улыбка, / и заблестали небеса. / И на мгновенье, над ветвями, / я замер в пламени весны, / держась простертыми*

руками / за две звенящие струны. / Но ослепительно метнулась / ликующая синева, / доска стремительно качнулась, / и снизу хлынула листва. / И лиловеющая зелень / вновь заслонила небосвод, / и очарованно-бесцелен / дугообразный стал полет. / Так реял я, то опускаясь, / мелькая тенью по листьям, / то на мгновенье приближаясь / к недостижимым облакам [т. 1, с. 488–489]. Эпитет *очарованно-бесцелен* — это определение красоты, прекрасного. Значением совершенство он заражает слово *лиловеющая*.

В стихотворении «Нас мало — юных, окрылённых» [т. 1, с. 467] появляется миндальный цвет. Общепринятое его толкование относит цвет к группе коричневых, бежевых, ориентируясь на цвет орехов, плодов растения. У В. В. Набокова — это цвет цветков миндаля, сиреневый или белый с фиолетовой серединкой. Таков цвет юных поэтов. О поэтах в стихотворении говорится: *мы живём / в очарованье пятен ярких, / в чередованье звуковом. / Мы только смутный цвет миндальный (...) / мы целомудренно бездомны, / и с нами звёзды, ветер, Бог*. Лексика, указывающая на совершенство в стихотворении: *Бог, детская улыбка земли, звёзды, очарованье, целомудренно* — сообщает значения совершенство, ценность слову *миндальный*, а последнее слову *поэты*.

В стихотворении «На чёрный бархат лист кленовый» [т. 1, с. 446–447] *лист золотой с пыльцой пунцовой / между лиловых тонких жил* — единственный слушатель старинных стихов, которые названы *радужным и нежным двойником* кленового листа. У В. В. Набокова лучший читатель — сам автор, лиловый цвет — цвет поэзии. Слово *лиловый* употреблено и в цветочном, и в символическом значении, его символическое значение поддерживается символическими значениями слов *свято, радужный*. Радуга — символ рая, совершенства, дороги в рай [34]. В стихотворении «Туман ночного сна, налёт истомы пыльной» [т. 1, с. 446] В. В. Набоков пишет: *Так мелочь каждую — мы, дети и поэты. / умеем в чудо превратить, / в обычном райские угадывать приметы, / и что ни тронем — расцветить*.

Сиреневый (фиолетовый) как знак ценности любви появляется в стихотворениях «Облака», «Отрывок», «Острова», «Как пахнет липой и сиренью», «Давно ль — по набережной звонкой». В любви присутствует вечность, обозначенная как место «на грани неба» или место, в котором «роняют слёзы рая соцветья вешние». Эта лексика объединяется значением совершенство и сообщает данное значение словам *лиловый, фиолетовый*, а они слову *любовь*, называющему тему стихотворений.

В «Университетской поэме» сиреневый цвет указывает на такую ценность, как молодость: (...) *фиолето-*

вым пожаром / от окон веяло цветных (...). / Не шло ей имя Виолета, / (вернее: Вийолет, но это / едва ли мы произнесем). / С фиалкой не было в ней сходства (...) [т. 2, с. 563; 565]. Слова *фиолетовый*, *фиалка* заражают своими значениями совершенство, ценность, которыми они обладают в контексте творчества В. В. Набокова, слово *молодость*, которое называет тему поэмы.

В «Ночных бабочках» [т. 1, с. 463] лиловый цвет символизирует ценность научных поисков энтомолога. О совершенстве движения «Как часто, как часто в поезде скором».

Выводы

Слово, заражённое значениями слов-соседей по стихотворению, становится внутренней формой слов, разивших его своими значениями, и наоборот; таким образом слова в художественном произведении приоб-

ретают мотивацию, несущую с собой дополнительные пласты содержания.

Семантический объем слова *сиреневый* в лирике В. В. Набокова и в одном стихотворении подвижен и имеет сложную структуру, включая: 1) исходное значение, закрепленное за словом в словарной дефиниции (значение цвета), 2) метафорическое значение (о фиолетовом цвете земли); 3) приобретенное, контекстное значение (комбинаторное приращение смысла) (совершенство, ценность), 3) символические значения, свойственные слову в разных культурах.

Значение слова *сиреневый* (*лиловый*, *фиолетовый*) рождается из целостного контекста произведения (творчества) В. В. Набокова или, в свою очередь, появляясь в тексте, подчиняет и преобразует его; то, о чём идёт речь в тексте, фрагменте текста оценивается благодаря присутствию слова *сиреневый* (*лиловый*, *фиолетовый*) как совершенство, высшая ценность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В. Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. — СПб.: Алетейя, 1999. — С. 218–219.
2. Бахилина Н. Б. История цветообозначений. — М.: Наука, 1975. — 292 с.
3. Бен Б. Любимое слово Набокова — лиловый. Что может рассказать статистика о наших любимых авторах / пер. с англ. Нестеркиной Н. С. — М.: Эксмо, 2019. — 288 с.
4. Бойд Б. Голубянки Набокова и его шнурково-потертый коричневый и древесно-обветренный черный. Предисловие к книге Джин Холабёрд «Владимир Набоков: Алфавит в Цвете» // [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.synaesthesia.ru/boyd.html>
5. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке / под общей ред. А. П. Василевича. — М.: Изд-во ЛКИ, 2011. — 216 с.
6. Дмитриева К. В. Концепт цвет в когнитивно-функционально-стилистическом аспекте (на материале романов В. Набокова «Лолита» и А. Фадеева «Разгром»): Автореферат дис. ... канд. филол. наук по специальности: 10.02.01 — русский язык. — Кемерово, 2012. — 25 с.
7. Забияко А. А. Синестезия: метаморфозы художественной образности. — Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2004. — 215 с.
8. Забозлаева Т. Б. Символика цвета. — СПб.: Невский ракурс, 2011. — 176 с.
9. Золян С. Т. Поэтическая семантика и семантико-композиционная организация поэтического текста: Дис. ... д-ра филол. наук по специальности: 10.02.19 — общая лингвистика, социолингвистика, психолингвистика. — Ереван, 1986. — С. 401–408.
10. Золян С. Т. Семантическая структура слова в поэтической речи // ИАН СССР. СЛЯ. — 1981. — № 6. — С. 509–520.
11. Комина Э. В. Синестезийные опыты в творчестве В. Набокова: Дис. ... канд. филос. наук по специальности: 09.00.04 — эстетика. — М., 2006. — 142 с.
12. Котюрова М. П., Дмитриева К. Д. Колоратив зеленый в функционально-семантическом отношении (на материале романа В. Набокова «Лолита») // Образ мира в зеркале языка: сб. науч. статей / отв. соред. В. В. Колесов, М. В. Пименова, В. И. Теркулов. — М.: Флинта, 2011. — С. 420–427.
13. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках. — М.: Московский Лицей, 2001. — 470 с.
14. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. — М.: Художественная литература, 1974. — 288 с.
15. Лукьяненко И. Н. Семантика и специфика функционирования цветообозначений красного тона в произведениях В. Набокова: Автореферат дис. ... канд. филол. наук по специальности: 10.02.01 — русский язык. — Калининград, 2004. — 24 с.
16. Манджиева Б. В. Космогонический миф и его компоненты в индивидуальной мифологии В. В. Набокова: Дис. ... канд. филол. наук. — Ставрополь, 2009. — 223 с.
17. Набоков В. В. Стихотворения // Набоков В. В. Русский период. Собр. соч.: В 5 т.: Т. 1. — СПб.: Симпозиум, 2004. — С. 437–640.
18. Набоков В. В. Стихотворения // Набоков В. В. Русский период. Собр. соч.: В 5 т.: Т. 2. — СПб.: Симпозиум, 2004. — С. 539–601.
19. Набоков В. В. Стихотворения // Набоков В. В. Русский период. Собр. соч.: В 5 т.: Т. 5. — СПб.: Симпозиум, 2003. — С. 419–439.
20. Носовец С. Г. Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте (цикл рассказов «Весна в Фиальте»): Дис. ... канд. филол. наук по специальности: 10.02.01 — русский язык. — Омск, 2002. — 249 с.
21. Павлович Н. В. Семантика оксюморона: Автореф. дис. ... канд. филол. наук по специальности: 10.02.01 — русский язык. — М., 1982. — 21 с.
22. Погребная Я. В. «Плоть поэзии и призрак прозрачной прозы. ...» Лирика В. В. Набокова. — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. — 337 с.

23. Серов Н. В. Символика цвета. — СПб.: Страта, 2015. — 204 с.
24. Силард Л. Орфей растерзанный и наследие орфизма. К проблеме «теургического постулата// Герметизм и герменевтика. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. — С. 54–101 // [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2011/04/silard_germetizm_i_germenevtika_2000_text.pdf
25. Скопечная О. Ю. Черно-белый калейдоскоп: Андрей Белый в отражениях В. В. Набокова // В. В. Набоков: pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. — Т. 1. — Кн. 2. — СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. — С. 667–696.
26. Сулов П. А. Цветопоэтика рассказов В. В. Набокова: семантика, функциональная значимость, роль в структуре текста: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук по специальности: 10.01.01 — русская литература. — Иваново, 2014. — 24 с.
27. Труфанова И. В. Миф о Дионисе в романе В. В. Набокова «Дар» // European Social Science Journal. — 2014. — № 7. — Т. 2. — С. 215–227.
28. Труфанова И. В. Миф о Дионисе в романе В. В. Набокова «Король, дама, валет» // European Social Science Journal. — 2012. — № 1. — С. 245–256.
29. Труфанова И. В. Миф о Дионисе в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // Десятые Поливановские чтения: Сб. ст.: Ч. I. — Смоленск: Маджента, 2011. — С. 254–259.
30. Труфанова И. В. Миф об Икаре и Дионисе в романе В. В. Набокова «Камера обскура» // European Social Science Journal. — 2012. — № 2. — С. 221–229.
31. Труфанова И. В. Северянинские реминисценции в повести В. В. Набокова «Волшебник» // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XV-й Междунар. науч. конф. / Отв. ред. А. В. Пузырёв. — М. — Орехово-Зуево: ИЯЗ РАН, ИРЯ РАН, МГОУИ, 2015. — С. 151–157.
32. Труфанова И. В. Символика зелёного и красного цвета в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // Язык и культура: Материалы междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч.: Ч. 2. — Борисоглебск: БГПИ, 2010. — С. 199–208.
33. Труфанова И. В. Символика лилового цвета в романах В. В. Набокова «Отчаяние» и «Лолита» // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XI-й Междунар. науч. конф. / Отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. — М.: ИЯЗ РАН; Ульяновск: УГУ, 2011. — С. 208–216.
34. Труфанова И. В. Символика радуги в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // V Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: сб. науч. ст. — Севастополь: Гит пак, 2011. — С. 111–120.
35. Труфанова И. В. Символика серого, чёрного и жёлтого цветов в романе В. В. Набокова «Отчаяние» // Образование. Книга, Чтение: текст и формирование читательской культуры в современной образовательной среде. Сб. тр. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. — М.: Русская школа, 2010. — С. 137–146.
36. Труфанова И. В. Сиреневый цвет в автобиографиях В. В. Набокова // Текст, интертекст, гипертекст: актуальные проблемы. — Волгоград, 2015 // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». — 2015. — № 5 (39). — С. 33–37 // www.grani.vspu.ru
37. Труфанова И. В. Тип повествования в рассказе В. В. Набокова «Весна в Фиальте» // European Social Science Journal. — 2013. — № 3. — С. 173–185.
38. Тынянов Ю. Н. Проблемы стихотворного языка. — М.: Советский писатель, 1965. — С. 77–194.
39. Тюпа В. И. Аналитика художественного (введение в литературоведческий анализ). — М.: Лабиринт, РГГУ, 2001. — 192 с.
40. Фарино Е. Введение в литературоведение. — СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — С. 316–333.
41. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. — М.: Наука, 1984. — 175 с.
42. Яновский Л. О романе Набокова «Машенька» // В. В. Набоков: pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. — Т. 1. — Кн. 2. — СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. — С. 842–850.

© Труфанова Ирина Владимировна (illokucia1@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИИ И ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В КОНСТРУКЦИЯХ С КАУЗАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)¹

FUNCTIONS AND FORMS OF EXPRESSION OF THE SEMANTIC SUBJECT IN CONSTRUCTIONS WITH CAUSATIVE MEANING (THE EVIDENCE OF FRENCH AND RUSSIAN)

**A. Chervony
A. Pavlenko**

Summary. The article considers the functions of the semantic subject and its forms of expression in the causative constructions in the French and Russian languages. The evidence of the languages in question is analysed by means of the comparative-typological, component and lexico-semantic methods. The functions of the causer and the real doer both can be accumulated in one person and can be distributed among the participants of the situation. The functions of the semantic subject are represented in the causative constructions of the French and Russian languages by syncretic or discrete forms of expression. The real doer in the causative constructions of the said languages and the reflexive-causative constructions of the French language can be expressed with varying degrees of certainty: from specific forms of expression up to its full formal reduction.

Keywords: semantic subject, causative construction, reflexive-causative construction, function, form of expression, syncretic, discrete, implicit.

Червоный Александр Михайлович

*Д.филол.н., доцент Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)»
ckutrik@yandex.ru*

Павленко Александр Евгеньевич

*Д.филол.н., доцент, Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)»
alex_pavlenko@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению функций семантического субъекта и его форм выражения в каузативных конструкциях французского и русского языков. В работе используются сравнительно-типологический метод, компонентный и лексико-семантический методы анализа фактического материала. Функции каузатора и реального деятеля могут быть аккумулярованы как в одном лице, так и могут быть распределены между участниками ситуации. Функции семантического субъекта представлены в каузативных конструкциях французского и русского языков синкретичными или дискретными формами выражения. Реальный деятель в каузативных конструкциях французского и русского языков и возвратно-каузативных конструкциях французского языка может быть выражен с разной степенью определенности: от конкретных форм выражения вплоть до полной его формальной редукции.

Ключевые слова: семантический субъект, каузативная конструкция, возвратно-каузативная конструкция, функция, форма выражения, синкретичный, дискретный, имплицитный.

Основным каузатором и движителем имеющих место реальных и виртуальных действий, происходящих процессов и событий, бесспорно, является субъект. В нашем понимании субъект — разумное, мыслящее, планирующее, активное, обладающее речью, каузирующее причину некоего действия и выполняющее его в реальном мире существо, живая субстанция — человек. Все

указанные выше характеристики составляют субъектность человека, являются содержанием категории «субъект».

Онтологически семантический субъект позиционирует себя на фоне других одушевленных и неодушевленных субстанций и реализует свои потенции в первую очередь по отношению к объекту.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-012-00062 «Полифония семантического субъекта (на материале русского, французского, английского и немецкого языков)», проводимого в ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»; руководитель — доктор филол. наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого и французского языков А.М. Червоный

В лингвистике субъектно-объектные отношения находят свое выражение в грамматической категории глагола — залоге (греч. διίθεσις).

Среди имеющихся в лингвистике определений залога нам ближе те, в которых отражен семантический подход, раскрывающий отношения действия к субъекту (А. М. Пешковский, А. А. Шахматов и др.) [5, 9].

Одной из производных форм залога, как известно, является побудительный (понудительный) залог (каузатив), указывающий, что действие наряду с реальным субъектом имеет и так называемый каузирующий субъект, т.е. лицо, которое побуждает реального субъекта к выполнению действия [7, с.160].

Действие и побуждение к его выполнению в языке выражаются каузативными глаголами и каузативными конструкциями.

В данной статье каузативные конструкции рассматриваются с позиции семантического субъекта и реализации его функций.

Семантический субъект полифункционален, однако, ввиду разнообразия ситуаций и в зависимости от их композиционной сложности он не может одновременно проявить все свойственные ему функции.

В процессе коммуникативного и иного взаимодействия функции субъекта в зависимости от характера реальной ситуации могут распределяться и реализовываться сразу несколькими действующими лицами, роль которых существенна, но неоднородна и различна.

Как известно, одной из основных функций языка является референтная (отражательная) функция. Поскольку выражение каузации какого-либо действия и его реализация представляет собой в определенной мере действие совместное, значение, по нашему мнению, выражаемое фактивным (побудительным) залогом, переключается со значением, выражаемым совместным залогом, который обозначает общее действие двух (или более) субъектов.

Цель данной статьи — рассмотреть функции семантического субъекта и формы его выражения в каузативных конструкциях французского и русского языков.

В работе используются сравнительно-типологический метод исследования, компонентный и лексико-семантический методы анализа фактического материала.

В русском и французском языках *каузация* может быть выражена как отдельными глаголами *напоить*,

ввести кого-л., накормить, научить, рассмешить, conduire, pourrir, apprendre и т.д., так и глагольными словосочетаниями (перифразами) — синтаксическими каузативными конструкциями. Например: *позволить войти, разрешить выйти, велеть принести багаж, принуждать к труду, заставить рыдать, приказывать вымыть полы, contraindre un enfant à obéir, prier de s'asseoir, ordonner de sortir, recommander de lire ce roman, conseiller de lui écrire, obliger à agir ainsi, forcer à se taire* и т.д.

Следует отметить: субъект в функции каузатора может не только способствовать проявлению активности агенса, т.е. *позволить, разрешить делать что-л, permettre de faire qch, autoriser de faire qch*, но и вербальным и невербальным способом воздействовать на недопущение продуцирования реальным деятелем того или иного действия — *запретить, помешать, не позволить, не разрешит делать что-л, défendre de faire qch, interdire de faire qch, ne pas permettre de faire qch, ne pas autoriser de faire qch*. Первый тип каузации Е.Е Корди наименовала каузацией *положительной*, второй — каузацией *отрицательной* [4].

Именно в конструкциях с глаголами данной семантики в полной мере проявляется значение каузации.

Во французском языке лексико-грамматическими средствами выражения каузативности являются в большинстве случаев синтаксические конструкции, образованные глаголами *faire, laisser* в сочетании с инфинитивом.

Сочетания *faire + Infinitif* выражают фактивную функцию каузации, а комбинация *laisser + Infinitif* — пермиссивную [4].

Например: *faire monter ses bagages par l'ascenseur* — *поднять вещи на лифте; faire virer une voiture* — *развернуть машину; faire venir le docteur* — *вызвать врача; faire réfléchir qn* — *навести кого-л. на размышление; faire repentir* — *заставить раскаяться; laisser partir les élèves* — *отпустить учеников; laisser aller sa fille au cinéma* — *отпустить дочь в кино; laisser passer une femme* — *пропустить женщину; laisser pousser sa barbe* — *оставить бороду.*

Каузативные конструкции *faire + инфинитив* могут переводиться на русский язык как отдельным словом, так и словосочетанием, при этом детерминация значения и, следовательно, функции семантического субъекта происходит с учетом складывающейся ситуации или контекста. Например, французские каузативы могут передавать близкие, но не идентичные значения: *faire*

asseoir — усадить, заставить сесть; *laisser entrer* — впустить, позволить войти; *faire sortir* — вывести, велеть выйти и т. д.

Особенностью французского языка является возможное синонимичное выражение каузации отдельной лексической единицей и каузативной конструкцией.

Например: *ввести* — *introduire, faire entrer*; *кормить* — *nourrir, faire manger*; *выпустить книгу* и т. д. — *publier, faire paraître un livre*; *заявить о чем-л.* — *annoncer, faire connaître*; *мучить кого-л.* — *tourmenter (faire souffrir) qn*; *навязать свое мнение кому-л.* — *imposer (faire accepter) son opinion à qn*.

Рассмотрим в сопоставительном плане функции, которые свойственны семантическому субъекту в каузативных конструкциях французского и русского языков.

В роли каузатора (причины) какого-л действия реального контрсубъекта или определенного психоэмоционального состояния могут выступать как семантический субъект — активно действующее лицо, так и неодушевленные субстанции, природные явления и процессы.

Например:

1. 1) *Cette étudiante m'a fait perdre patience* — эта студентка вывела меня из терпения.
2. 2) *Il m'a fait trembler* — он заставил меня вздрогнуть.
3. 3) *La tonnerre m'a fait trembler* — гром заставил меня вздрогнуть.

Маркером семантического субъекта могут стать также выраженные в языке его атрибуты: следы ног человека на земле, орудия труда, элементы одежды, голос, манера передвигаться, знаки, символы, оставленные человеком на камне, деревьях и т. д.

Sa voix m'a fait trembler — его голос заставил меня вздрогнуть.

Cette nouvelle l'a fait pleurer toute la nuit — из-за этой новости она проплакала всю ночь.

Le bruit des pas faisaient claquer ses dents — он стучал зубами от шума шагов.

Во французской каузативной конструкции семантический субъект может совмещать в себе функции каузатора и реального деятеля при выражении некоего целенаправленного действия с целью получения конкретного результата.

Например: *faire cuire la soupe dans une casserole* — варить суп в кастрюле; *faire reluire les meubles* — навести лоск на мебель; *faire tourner un*

disque — проиграть пластинку; *faire tirer la copie d'un article* — снять копию статьи.

В данных перифразах не содержится намерения каузатора влиять на контрсубъекта с целью совершения каких-л действий. Русские эквиваленты данных французских конструкций не выражают каузативного значения. Подобного рода каузативные конструкции описывают моносубъектные ситуации.

Например: *faire descendre un enfant du lit* — снять ребенка с кровати; *laisser tomber qch* — ронять что-л; *faire passer le courant* — пропустить ток т. д.

Как показал анализ выражения интерсубъектных каузативных ситуаций, при реализации каузативно-совместного залога распределение ролей может быть двояким.

I. Каузатор и реальный деятель имеют дискретную форму выражения.

Например: *Он заставил больного выпить лечебный отвар*, т.е. некто X оказывает влияние на Y с тем, чтобы последний совершил определенное действие, каузатор и деятель лица разные. Например: *faire partir les enfants en promenade* — отправить детей гулять; *faire subir (passer) un examen (un interrogatoire) à qn* — подвергнуть экзамену (допросу) кого-л; *proposer d'aller voir qn* — предложить навестить кого-л и т. д.

Пропозиция каузативных конструкций может иметь как полное лексическое выражение (А), так и редуцированное (В).

А

1) — *Je ne vous cacherai pas que je pensais lui faire épouser le jeune duc Philippe de Mastrough* [10, p. 26].
Не могу от вас скрыть, у меня был план выдать ее за молодого герцога Мэстроу [6].

2) — *Et que si vous continuez à me faire galoper tout le jour derrière un renard, il faudra vous trouver un jardinier comme... euh... Emmy? ... Sophie...?* [10, p. 37].

И если вы будете заставлять меня скакать целый день за каким-нибудь лисом, вам придется обзавестись садовником, как это сделала... Эмми?. Софи?. [6].

3) — *Je vous laisse, mon cher gendre, je vous laisse contempler le décor où se déroulera votre existence conjugale* [10, p. 31].

Я оставляю вас, дорогой зять, созерцать обстановку, в которой сбудется ваше супружеское счастье [6].

В. Следует отметить, что довольно часто в фактивных конструкциях позиция агентивного дополнения не занята, реальный деятель, таким образом, формально не выражен. Он имплицитен, хотя и мыслится, действие же передано инфинитивом.

Например:

1) — *Henry-James: Voulez-vous que je fasse couper les arbres?* [10, p. 11].— *Генри-Джеймс. Не угодно ли вам, дорогая, чтобы я приказал срубить деревья?* [6].

2) — *N'est-ce pas? Mon grand-père faisait jouer cet hymne à chaque invité de passage, lors de son départ* [10, p. 95].

Правда? При моем дедушке всегда играли этот гимн, когда провожали гостя [6].

II. При выражении совместного действия имеет место синкретичное выражение каузатора и деятеля. В этом случае функции каузатора и деятеля выполняются одним и тем же лицом, которое инициирует и осуществляет определенное действие совместно со своим контр-субъектом.

Например: *Он напоил больного теплым отваром*, т.е. некто *X* решил и осуществил свою интенцию: напоил больного *Y* отваром, больной *Y* выполнил свое действие — выпил отвар. В описываемой ситуации intersубъектные действия взаимонаправлены и выражаются конверсивными глаголами.

Каузативно-совместное действие проявляется в лексемах и конструкциях со значением *вводить, кормить, учить* и др. *conduire (guider) un aveugle — вести слепого; mener les soldats au combat — вести войска в бой; faire passer la rivière à des franc-tireurs — перевести партизан через реку; faire traverser le pont à qn — перевести кого-л через мост и т. д.*

Спровоцированное активностью синкретично выраженного субъекта действие/процесс находит выражение в следующих каузативных конструкциях: *faire courir un bruit (des cancans) — пустить слух, сплетню; faire répondre qn de ses actes — привлечь кого-л к ответственности и т. д.*

Во всех приведенных примерах находят выражение совместные действия, которые передают конверсивный характер intersубъектных взаимодействий.

Французский язык обладает также весьма специфичными возвратно-каузативными конструкциями «*se faire + Infinitif*», «*se laisser + Infinitif*», «*se voir + Infinitif*».

Эта конструкция рассматривается во французском языке как определенный технический прием выражения залоговых отношений, позволяющий не менять подлежащее при изменении реальных производителей действия [2, с. 59].

Возвратно-каузативная конструкция, писал Л. Теньер, подверглась значительной грамматикализации, вследствие чего подлежащее выражает реальный объект действия, которое от него не зависит [11, с. 265].

Однако, как показал семантический анализ значительного количества указанных конструкций, пациенс не полностью пассивен, он выступает в определенной мере каузатором действия, поскольку предоставляет или не предоставляет некую возможность для осуществления действия [8, с. 230].

Использование данных конструкций позволяет поместить в позицию подлежащего имя, исполняющее семантическую роль как пациенса, так и каузатора / прецедентного деятеля.

а) Возвратно-каузативные конструкции, в которых подлежащее выступает в роли пациенса/каузатора. В этих конструкциях с помощью *se faire* подчеркивается выраженное инфинитивом действие, направленное на каузатора. Таким образом, направление действия в данного типа возвратно-каузативных конструкциях стало противоположным. Оно идет не от каузатора, а наоборот направлено на него. Провоцируя действие, но не производя его, каузатор становится пациенсом.

Например: *se faire poser une prothèse dentaire (de fausses dents) — вставить себе зубы; se faire immatriculer (enregistrer) — встать на учет; se faire emmener à l'hôpital, se faire hospitaliser — лечь в больницу; se voir refuser l'aide (l'assistance) de qn — лишиться чьей-л. помощи; se faire embaucher dans une usine — наняться, поступить на работу и т. д.* Значение, выражаемое возвратно-каузативными конструкциями, может быть представлено конверсивно, с позиции реального деятеля. Например: *вставить себе зубы — вставить кому-л зубы — faire poser une prothèse dentaire à qn; встать на учет — поставить кого-л на учет — enregistrer qn; лечь в больницу — положить кого-л в больницу — hospitaliser qn; лишиться чьей-л. помощи — лишить кого-л помощи — refuser l'aide à qn; поступить на работу — взять кого-л на работу — embaucher qn и т. д.*

б) Возвратно-каузативные конструкции, в которых подлежащее выступает в роли каузатора/прецедентного деятеля.

Возвратно-каузативными конструкциями этого типа передается некая активная деятельность лица, которое совершает нечто, что является результатом / причиной для последующей физической или психологической реакции контрsubjектов. Действия каузатора обязательны, они адресованы участникам и предваряют их ответные действия. Ввиду выражения в рассматриваемых конструкциях причинно-следственных связей актуализируется сема результативности.

Например: *se faire passer pour un savant* — выдать себя за ученого; *se faire obéir* — заставить себя слушаться; *se faire connaître* — проявить себя; *se faire attendre* — заставить себя ждать; *se faire prier* — заставить просить себя; *se faire valoir* — хвастаться, выставлять себя в выгодном свете и т. д.

Возвратно-каузативные конструкции французского языка в отличие от конструкций русского языка в полной мере позволяют дифференцировать функции каузатора и совмещенной функции каузатора + реального деятеля.

Например: французские конструкции *se faire un costume* — *se faire faire un costume* переводятся на русский язык *сшить себе костюм*. Однако, первое словосочетание выражает действие, произведенное семантическим субъектом — он шьет костюм сам, возвратно-каузативная конструкция передает каузацию, т.е. костюм — заказан, он шит портным, субъект — лишь каузатор.

Se raser — обозначает *бриться самому*, что предполагает действие субъекта, тогда как *se faire raser* — *бриться (в парикмахерской)*, субъект — каузатор действия.

Реальный деятель может быть формально конкретизирован субстантивом в позиции дополнения:

— **Il s'est fait agraffer par un poulet** alors qu'il quittait la banque (A. Simonin, Touchez pas au grisbi) — **Он был схвачен полицейским**, когда выходил из банка [3, с. 19].

Синтаксическая позиция дополнения может быть не занятой именем, обозначающего реального деятеля. Отсутствие формального выражения реального деятеля может быть объяснено его неизвестностью или, наоборот, очевидностью для коммуникантов.

Например:

1) — Quand les copains verront que tu les as caftés, tu va **te faire appeler Arthur**. — Когда твои приятели поймут, что ты их выдал, ты получишь такую взбучку [3, с. 33]. Данная возвратно-каузативная конструкция представлена во фразеологической форме выражения.

2) — Tu ne comprends donc pas que ce garnement a mené sa mère par le bout du nez. Qu'elle **s'est laissée rouler** comme une andouille! — Ты не понимаешь, что этот сорванец водит свою мать за нос. Она как дурочка позволяет себя обманывать (B. Clavel. L'espagnol) [3, с. 28].

3) — Le réalisateur américain Blake Edwards **s'est vu décerner** cette année un Oscar d'honneur pour la célèbre série de la Panthère rose — Американский режиссер Блэк Эдвардс в этом году получил почетного Оскара за знаменитый сериал *Розовая пантера*.

4) — Je ne vais plus dans ce restaurant, **je m'y suis fait assasiner** trop souvent! — Я больше не хожу в этот ресторан, меня там часто обдирали как липку [3, с. 35].

В приведенных выше конструкциях внимание на реального деятеля не обращается. Действие и его результат описываются с позиции пациенса [1].

В данных конструкциях подразумевается, хотя он и не выражен, тот, кто совершил действие, — реальный деятель — семантический субъект.

В случае невыраженности семантического субъекта, возвратно-каузативная конструкция по значению приравнивается к пассивной или неопределенно — личной формам.

Таким образом, каузативные конструкции французского и русского языков выражают моносубъектную или интерсубъектную ситуацию, предполагающую возникновение причины к осуществлению действия или возникновению чувства/состояния.

Функции каузатора и реального деятеля могут быть аккумулярованы как в одном лице, так и могут быть распределены между участниками ситуации. Функции семантического субъекта представлены в каузативных конструкциях французского и русского языков синкретичными или дискретными формами выражения.

Компонентный и лексико-семантический анализ возвратно-каузативных конструкций французского языка позволил дифференцировать степень деятельного участия, активности и самостоятельности лица, выраженной лексической единицей, занимающей позицию подлежащего.

Реальный деятель в каузативных конструкциях французского и русского языков и возвратно-каузативных конструкциях французского языка может быть выражен с разной степенью определенности: от конкретных форм выражения вплоть до полной его формальной редукции. Тем не менее, реальный субъект, несмотря на свою имплицитность всегда присутствует в сознании коммуникантов. Проведенный компаративный анализ французских и русских фактитивных конструкций позволил также выявить определенную межъязыковую асимметрию их формы и содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. — 175 с.
2. Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М.: Высшая школа, 1965. — 378 с.
3. Гринева Е. Ф., Громова Т. Н. Словарь разговорной лексики французского языка (на материале современной художественной литературы и прессы): около 9 тыс. слов, — 2-е изд. стер. — М.: Рус. яз., 1988. — 640 с.
4. Корди Е. Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке: автореферат дис. . . . доктора филологических наук: 10.02.05 / АН СССР. Ин-т языкознания. — Л., 1989. — 39 с.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. — М.: Учпедгиз, 1956. — 512 с.
6. Сagan Ф. Загнанная лошадь. Пьеса в двух действиях. Перевод с французского Н. Новожилова. [Электронный ресурс] URL: <https://yandex.ru/search/?l=r=39&text=%D1%81%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%BD%20%20%D0> (дата обращения: 28.07.2019)
7. Храковский В. С. Залог // Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
8. Червонный А. М. Функциональная динамика категории «языковой субъект» (на материале французского языка). Монография. — Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. — 368 с.
9. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 624 с.
10. Sagan F. Le cheval évanoui suivi de L'écarde, théâtre. — René Juilliard, 1966. — 192 p.
11. Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*, p. Klincksieck 1959. — 670 p.

© Червонный Александр Михайлович (skutrik@yandex.ru), Павленко Александр Евгеньевич (alex_pavlenko@inbox.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Таганрогский институт им. А. П. Чехова

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ АМЕРИКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

LINGUISTIC MEANS OF EVALUATION IN AMERICAN POLITICIANS' PUBLIC SPEECHES

I. Shcherbak

Summary. The article is devoted to the research of linguistic means of evaluation in USA politicians' speeches. The analysis of texts of American politicians' public speeches allowed to reveal such linguistic methods as the use of words and phrases with positive or negative connotations, manipulations of ideologically-modal lexicon and phraseology, the use of stylistic means of expression (metaphors, comparisons, allusions, etc.), special syntactic construction of phrases (word order, question constructions, etc.), which not only express the opinion and attitude of the addressee, but also have an impact on the audience by the hidden imposition of a system of values.

Keywords: evaluation, ideological modality, political discourse, public speech, influence, manipulation.

Щербак Иван Владимирович

Соискатель, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (Москва)
sherbak91@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковых средств выражения оценки в речах политических деятелей США. Анализ текстов публичных выступлений американских политиков позволил выявить такие лингвистические приемы, как использование слов и словосочетаний с положительной или отрицательной коннотацией, манипуляции идеологически-модальной лексикой и фразеологией, применение стилистических средств выразительности (метафор, сравнений, аллюзий и т.д.), особое синтаксическое построение фраз (порядок слов, вопросительные конструкции и т.д.), которые не только выражают мнение и отношение адресанта, но и оказывают на аудиторию воздействие скрытым навязыванием системы ценностей.

Ключевые слова: оценка, идеологическая модальность, политический дискурс, публичное выступление, воздействие, манипуляция.

Достижение прагматических целей публичных выступлений политических деятелей осуществляется путем оказания речевого воздействия на массового адресата, которое реализуется явным или скрытым навязыванием своей системы ценностей и отношения к определенной ситуации.

Адресант, опираясь на сложившееся в обществе стандартизированные представления, формирует образ и транслирует его с помощью языковых средств получателю, картина мира которого претерпевает определенные изменения. Отталкиваясь от положения Е. М. Вольф о социально обусловленном и отраженном в языковых структурах членении говорящим объективного мира с точки зрения его ценностного характера — добра и зла, пользы и вреда и т.д. [3, с. 5], мы склонны полагать, что все явления и процессы получают положительную или отрицательную оценку, исходя из аксиологических установок, морально-этических норм и национально-культурной принадлежности адресанта.

Любая оценка требует интерпретации, зависящей от ценностных установок и личного опыта человека. И оценка, и ее интерпретация проводится на основании ряда выработанных социумом критериев: «природа и структура оценочных категорий в большей степени определяется системой коллективных и индивидуальных ценностей человека, его восприятием мира» [2, с. 105].

Таким образом, оценка имеет аксиологический и культурно-специфический характер: одному набору понятий традиционно свойственна положительная или отрицательная оценка, связанная с ценностными ориентирами общества в определенный исторический период.

Оценка представляет собой разновидность модальности. Под категорией модальности в лингвистике понимаются различные виды отношений к действительности (объективная модальность) и говорящего к сообщаемому (субъективная модальность). В основе субъективной модальности заложено понятие оценки в широком смысле слова, включая как логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, так и эмоциональную (иррациональную) реакцию [6, с. 303]. Общеязыковая универсальная модальность (от лат. *modus* 'мера, способ') порождает категорию идеологической модальности, с помощью которой из широкого спектра оценочных отношений выделяются те, которые строятся в зависимости от политических взглядов и идеологических ценностей [4, с. 773–774].

Реализация идеологической модальности происходит путем применения ряда лингвистических приемов, направленных на выражения мнений, оценок и отношения, которые варьируются от эксплицитных (прямых) до имплицитных (скрытых). К языковым средствам выражения идеологической модальности Т.Г. Добросклонская относит:

1. использование слов и словосочетаний с оценочным значением, то есть с положительной или отрицательной коннотацией;
2. манипуляции идеологически-модальной лексикой и фразеологией;
3. применение стилистических средств выразительности (метафор, сравнений, аллюзий и т.д.);
4. особое синтаксическое построение фраз (порядок слов, вопросительные конструкции и т.д.) [4, с. 774].

Употребление слов и словосочетаний, обладающих оценочным значением, положительными или отрицательными коннотациями распространено в текстах публичных выступлений американских политических деятелей, поскольку они дают адресанту возможность выразить свое отношение к обозначаемому явлению или процессу. Приведем в качестве примера цитату из обращения к американской нации Д. Трампа: «*We need look no further than last week's vile, vicious attack in Barcelona to understand that terror groups will stop at nothing to commit the mass murder of innocent men, women, and children. You saw it for yourself. Horrible*» [12] («Нам не нужно далеко ходить за примерами: вспомним жестокий теракт в Барселоне на прошлой неделе. Мы должны понимать, что террористические группы не остановятся ни перед чем, чтобы совершить массовое убийство невинных мужчин, женщин и детей. Вы сами все видели. Ужасно» — здесь и далее перевод наш. — И.Щ.). Президент США использует слова с явно негативным значением *vile, vicious attack; terror groups; commit the mass murder; horrible*, позволяющие выразить его позицию по поводу произошедшего 17 августа 2017 г. террористического акта — намеренного наезда на пешеходов в Барселоне, жертвами которого стали 13 человек, и пострадали сотни людей.

Наибольшим оценочным потенциалом в любом языке обладают фразеологические единицы. В устойчивых словосочетаниях, предназначенных облекать содержательный инвариант в образную и запоминающуюся форму на основании различных типов семантического переноса, нравственно-ценностные установки этнической общности приобретают языковую форму [5, с. 258]. Так, фразеологизм *have the guts to do smth.*, имеющий значение 'иметь мужество, силу воли сделать что-л.', отражает национальный миропорядок американского этноса и особенности языковой картины мира представителей США: в семантике устойчивого оборота заложена высокая оценка стойкости духа и силы человеческого характера. Данный фразеологизм использует в своей речи на Национальном съезде ветеранов 24 июля 2018 г. член Республиканской партии, самый молодой в истории США сенатор от штата Миссури Д. Хоули: «*You know, when I think about President Trump, there's one word that comes to*

mind. That word is "courage." Do you agree? How many people over the years have said that they'll do this, or they'll do that? But there's one guy who had the guts to actually fulfill his promises, the guts to move our embassy to Jerusalem, the guts to actually stand up against our enemies overseas, the guts to put conservatives on the Supreme Court of the United States — and that's Donald Trump» [16] («Знаете, когда я думаю о президенте Трампе, на ум приходит одно слово. Это слово — мужество. Вы согласны? Сколько людей за эти годы говорили, что сделают это или это? Но только у одного парня хватило смелости выполнить все свои обещания, хватило мужества открыть посольство в Иерусалиме, выступить против наших врагов за рубежом, поставить консерваторов на должности в Верховном суде Соединенных Штатов — и это Дональд Трамп»). Использование в речи фразеологизма позволяет Д. Хоули не только подчеркнуть собственное положительное отношение к президенту США, но и дать высокую оценку проводимой действующим лидером американского государства политике, вызывая у аудитории позитивную эмоциональную реакцию и, тем самым, оказывая воздействие на ее сознание.

Важное значение для выражения мнений и оценок в публичных выступлениях американских политических деятелей имеет идеологически-модальная лексика, под которой понимаются слова и словосочетания, ингерентно обладающие определёнными политико-оценочными коннотациями, например: *terrorist, rebel, freedom fighter, bandit* и т.д. [4, с. 776]. Приведем в качестве примера цитату из выступления Д. Трампа 18 декабря 2018 г., посвященного стратегии национальной безопасности США: «*They neglected a nuclear menace in North Korea; made a disastrous, weak, and incomprehensibly bad deal with Iran; and allowed terrorists such as ISIS to gain control of vast parts of territory all across the Middle East*» [14] («Они пренебрегли ядерной угрозой, исходящей от Северной Кореи; заключили катастрофическую, слабую и невыгодную сделки с Ираном; и позволили таким террористам, как ИГИЛ, получить контроль над обширными территориями на всем Ближнем Востоке»).

Идеологическая модальность свойственна лексико-фразеологическим единицам сферы политической терминологии, играющим ключевую роль в политическом дискурсе. Манипуляции идеологически-модальной лексикой служат одним из наиболее эффективных приемов ведения современных информационных войн. Для иллюстрации приведем высказывание из выступления президента Д. Трампа перед представителями Венесуэльской общины США 18 февраля 2019 г.: «*The tyrannical socialist government nationalized private industries and took over private businesses*» («Тираническое социалистическое правительство национализировало частные предприятия и взяло под контроль частный бизнес») [9].

Расхождения в идеологии США и латиноамериканских стран социалистического блока отражены в использовании президентом США Д. Трампом идеологически-модальной лексики *socialists, communists, socialist government, socialism*. По природе эмоционально-нейтральные слова употребляются президентом США в контексте с обладающими яркой негативной окраской лексемами *tyrannical, totalitarians, tyranny*.

Другим примером манипуляций идеологически-модальной лексикой служит цитата из выступления Б. Обамы 28 апреля 2010 г., посвященного реформированию Уолл-Стрит и защите потребителей Додда — Франка — законодательного акта, направленного на снижение рисков финансовой системы, наиболее масштабного изменения в финансовом регулировании США со времен Великой депрессии: «*But this is why we need a system to shut these firms down with the least amount of collateral damage to innocent people and innocent businesses*» [15] («Но именно поэтому нам нужна система, чтобы закрыть эти фирмы с наименьшим побочным ущербом для невинных людей и предприятий»).

По утверждению Р. М. Блакара, сообщение отправителя, мысль, которую он хочет передать, может быть закодирована несколькими альтернативными, но функционально эквивалентными средствами, при этом эмоциональная реакция адресата будет существенно различаться в зависимости от коннотации используемых лексем [1, с. 93]. Употребляемое в речи Б. Обамой устойчивое словосочетание *collateral damage*, имеющее значение 'сопутствующий ущерб', обладает свойственным идеологически-модальной лексике манипулятивным потенциалом: фразеологизм вызывает в сознании представление о сопутствующем ведению боевых действий ущербе и отражает присущее лексико-фразеологическим единицам профессионального языка военнослужащих стремление замаскировать жестокость, насильственный характер описываемого явления шутилкой номинацией объекта [7, с. 723]. Юмор, таким образом, способствует изменению восприятия шокирующего события, связанного с гибелью невинных людей. Опрос «A March 25 Times Mirror poll», проведенный газетой «Los Angeles Times», показал, что использование эвфемизма *collateral damage* 'сопутствующий ущерб' вместо выражения 'жертвы среди гражданского населения' служит эффективным средством смягчения общественных настроений в отношении погибших мирных жителей Ирака: количеством «сопутствующего ущерба» (*collateral damage*), вызванного войной, были обеспокоены 21% респондентов, а числом «жертв среди гражданского населения и другого непреднамеренного ущерба» (*the number of civilian casualties and other unintended damage*) в Ираке — 49% опрошенных [17].

Эффективным приемом выражения идеологической модальности выступает использование различных стилистических средств. Сравнения, метафоры, эпитеты и аллюзии, к которым прибегают в своих выступлениях американские политические деятели, содержат оценочный компонент, который не только добавляет речи выразительности, но и позволяет оказывать мощное воздействие на сознание аудитории.

Приведем пример использования эпитетов в публичных выступлениях политиков США: «*Failure at some point in your life is inevitable, but giving up is unforgivable*» [8] («Неудача в какой-то момент вашей жизни неизбежна, но сдаваться непростительно»).

Яркие эпитеты, употребляемые в своей речи Д. Байденом, усиливают эмоциональность выступления, помогают акцентировать внимание на обеспокоенности политиков проблемами, происходящими в стране и в мире, помогают им выразить искреннее сочувствие людям.

Одним из универсальных стилистических приемов, основанном на употреблении слов и словосочетаний в непрямом значении, служит метафора, которая позволяет разнообразить содержание текста политического выступления яркими образами, часто имеющими национально-культурную обусловленность.

Метафора в политическом дискурсе выполняет две основные функции: представления политической реальности и убеждения. Так, например, в высказывании М. Пенса на собрании представителей группы Лимы — наднациональной организации, созданной с целью разрешения политического кризиса в Венесуэле, содержится высокая оценка вице-президента США необходимости сотрудничества и взаимопомощи между членами организации: «*It's been my honor to travel to Latin America five times, on the President's behalf, to strengthen the coalition of support for a free Venezuela, to strengthen the ties that bind freedom-loving people all across this hemisphere*» [13] («Для меня большая честь пять раз от имени Президента посетить Латинскую Америку, чтобы укрепить коалицию в поддержку свободной Венесуэлы, укрепить связи свободолюбивых людей во всем полушарии»).

Еще одним эффективным средством выражения мнения и оценки в публичных выступлениях американских политических деятелей выступает использование таких стилистических приемов, как повторы, употребление вопросительных конструкций, инверсия.

Реализуя функцию воздействия, повторы в речи Х. Клинтон на съезде Демократической партии одновременно передают имплицитно выраженное оценочное

отношение адресанта к экономической и политической ситуации в стране: «*Too many people haven't had a pay raise since the crash. There's too much inequality. Too little social mobility. Too much paralysis in Washington. Too many threats at home and abroad*» [10] («Слишком много людей не получали прибавки к зарплате после кризиса. Слишком много неравенства. Слишком мало социальной мобильности. Слишком много проблем в Вашингтоне. Слишком много угроз внутри страны и за ее пределами»).

Вопросительные предложения в текстах публичных выступлений американских политических деятелей усиливают эффект воздействия и способствуют выражению мнения и оценки:

«*Together, we represent the most extraordinary Nation in all of history. What will we do with this moment? How will we be remembered?*» [11] («Вместе мы представляем

самый выдающийся народ в истории. Как мы поступим сейчас, в этот момент? Какими мы запомнимся?»).

Подводя итог, следует отметить, что политический деятель в своем публичном выступлении, опираясь на сложившееся в обществе стандартизированные представления, формирует образ и транслирует его с помощью языковых средств получателю, картина мира которого претерпевает определенные изменения. Такие лингвистические приемы, как использование слов и словосочетаний с положительной или отрицательной коннотацией, манипуляции идеологически-модальной лексикой и фразеологией, применение стилистических средств выразительности (метафор, сравнений, аллюзий и т.д.), особое синтаксическое построение фраз (порядок слов, вопросительные конструкции и т.д.), не только выражают мнение и отношение адресанта к описываемому явлению, но и оказывают на аудиторию воздействие скрытым навязыванием своей системы ценностей и морально-этических установок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти (теоретикоэмпирические исследования языка и его использования в социальном контексте) // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М.: Прогресс, 1987. — 464 с.
2. Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // Сборник научных трудов. — Москва-Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. — 492 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд. 4-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 280 с.
4. Добросклонская Т. Г. Язык британской качественной прессы: новости, комментарии, публицистика // Язык СМИ и политика: сб. статей / сост. Г. Я. Солганик. — М.: Издательство Московского университета; факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012. — 952 с.
5. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: ЧеРо, 2003. — 349 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990. — С. 303.
7. Лупанова Е. В. Мировосприятие представителя англо-американского армейского социума в зеркале фразеологизмов военной тематики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. № 3. Т. 8. С. 714–723.
8. Democratic Vice Presidential Nomination Acceptance Speech [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/convention2008/joebiden2008dnc.htm>.
9. Donald Trump Addresses the Venezuelan-American Community in Miami — February 18, 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://factba.se/transcript/donald-trump-remarks-venezuela-miami-february-18-2019>.
10. Hillary Clinton's Speech at the Democratic Convention [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2016/07/29/us/politics/hillary-clinton-dnc-transcript.html>.
11. President Donald Trump State of the Union address [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2019/02/05/politics/donald-trump-state-of-the-union-2019-transcript>.
12. Remarks by President Trump on the Strategy in Afghanistan and South Asia [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-strategy-afghanistan-south-asia/>.
13. Remarks by Vice President Pence to the Lima Group [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-vice-president-pence-lima-group-bogota-colombia/>.
14. Remarks on National Security Strategy [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/december-18-2017-remarks-national-security-strategy>.
15. Remarks on Wall Street Reform [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/april-28-2010-remarks-wall-street-reform>.
16. Speech at the Veterans of Foreign Wars National Convention [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/july-24-2018-speech-veterans-foreign-wars-national-convention>.
17. Wilson A. Military Terminology and the English Language [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://homes.chass.utoronto.ca/~cpercycourses/6362-WilsonAdele.htm>.

НАШИ АВТОРЫ

Abaeva E. — K. Phil.n., associate Professor, Moscow city pedagogical University
abaevaes@bk.ru

Altukhova O. — Tutor, Lomonosov Moscow State University
olga.altukhova@gmail.com

Borisevich S. — Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Branch of Sochi State University in Anapa
borisevich555@mail.ru

Burdina G. — Candidate of historical sciences, Elabuga Institute (branch)Kazan (Volga) Federal University
burdinagm@yandex.ru

Chang Ying — Candidate of philological Sciences, Professor, Harbin University of science and technology
247018572@qq.com

Chervony A. — Doctor of Letters, Associate professor, A.P. Chekhov Institute of Taganrog (branch of) Rostov State University of Economics (RSUE)
ckutrik@yandex.ru

Davydenko V. — Doctor of medical Sciences, Professor, First St. Petersburg state medical University named after Akad. I. P. Pavlov
kuzet@mail.ru

Edlichko A. — Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University
ang299@yandex.ru

Garipova Y. — Post-graduate student, FSBEI of HE «Naberezhnye Chelny State Pedagogical University»
ulyaamirova@mail.ru

Gazieva I. — Associated professor, Russian State University for the Humanities
indira@rggu.ru

Goncharova A. — Candidate philological science, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation
litera2306@mail.ru

Grigorieva Y. — Associate professor, MAI (Moscow Aviation Institute)
rivju@yandex.ru

Gugova M. — FGBI «Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies» KBSC RAS (Nalchik)
gugowa@mail.ru

OUR AUTHORS

Guo Rui Hong — Harbin University of science and technology
824312978@qq.com

Huseynova E. — Baku Slavic University
bitkovskayay@inbox.ru

Ignashina Z. — Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation
tirroleland@mail.ru

Ilakavichus M. — Doctor of pedagogical science, professor, St. Petersburg Academy of inservice teachers training
rim_9921@rambler.ru

Ishbuldina K. — Post Graduate Student, Moscow State Institute of International Relations
kseniya.ishbuldina@mail.ru

Khvostova I. — Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
iri-khv@mail.ru

Kozydub O. — Post-Graduate Student, Yugra State University
olgakozydub@mail.ru

Le Anh Van — Graduate student, State Institute of the Russian Language A.S. Pushkin
leanhvan88@gmail.com

Malova E. — Assistant, Ulyanovsk State Pedagogical University. I.N. Ulyanova
belovaen86@mail.ru

Ma Mengfei — Postgraduate, Lomonosov Moscow state University
mfeyfey@mail.ru

Maximova O. — Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)
maximova_ob@pfur.ru

Mets M. — Senior lecturer, MAI (Moscow Aviation Institute)
maxapost@yandex.ru

Mizerov I. — Post-graduate student of the Peoples' Friendship University of Russia
mizerchuk@mail.ru

Mulyavina E. — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Tyumen State Institute of Culture
emulyavina@rambler.ru

Nalchikova E. — Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov (Nalchik)
elenalchik@yandex.ru

Nikolaev D. — Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky
dmnikolaeff@mail.ru

Omelaenko N. — Associate Professor, Tyumen industrial University
omnv2011@mail.ru

Ovsyanitskaya S. — Postgraduate student, Moscow state regional University; teacher of msou GBOU «School № 1285»
tim-sweta@yandex.ru

Pavlenko A. — Doctor of Letters, Associate professor, A.P. Chekhov Institute of Taganrog (branch of) Rostov State University of Economics (RSUE)
alex_pavlenko@inbox.ru

Pokrovskaya E. — PhD, Associate professor, TUSUR
pemod@yandex.ru

Polupan E. — Candidate of Science, associate Professor, Sakhalin state University
elebor59@yandex.ru

Popova E. — PhD (Linguistics), Assistant Professor, Institute of Foreign Languages of M.Tores; Moscow State Linguistic University
o-genia@yandex.ru

Prihodkina N. — TUSUR
greta@mail2000.ru

Raitina M. — PhD, Associate professor, TUSUR
raitina@mail.ru

Reitel R. — Surgeon, Director of «Center for innovative methods of medical education», St. Petersburg

Romanova O. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Nizhny Tagil branch of the State Autonomous Educational Institution of Continuing Professional Education of the Sverdlovsk Region «Institute for the Development of Education»
rom.oksana2010@yandex.ru

Senognoeva N. — Doctor of pedagogical sciences, associate professor, The Russian State Vocational Pedagogical University
sennataliya2005@yandex.ru

Shcherbak I. — Applicant, Military University of the Russian Defense Ministry (Moscow)

Shi Hui — Teacher, Shandong Vocational and Technical University of International Studies
shihui880316@163.com

Shubovich V. — Professor, Ulyanovsk State Pedagogical University. I.N. Ulyanova
shubvg@mail.ru

Simonov M. — Researcher of Institute of History and Archeology Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)
m.a.simonov1@yandex.ru

Smirnova Y. — St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design
June06@mail.ru

Tarasova O. — PhD in Philology, Associate Professor, Ivanovo State Polytechnical University
olesyatarasova@rambler.ru

Tekueva M. — Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov (Nalchik)
tekmad@rambler.ru

Tran Mai Chi — Graduate student, Moscow State Pedagogical University
tmchihanu@gmail.com

Trufanova I. — Doctor filol. Sciences, Professor, State autonomous educational institution additional professional education of Moscow Moscow Center for the Development of Human Resource Education
illokucia1@rambler.ru

Vasina I. — Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of Yekaterinburg Institute of Physical Culture (branch) FSBEI HE «Ural State University of Physical Education» (Ekaterinburg)
vasina_irina@mail.ru

Volkova I. — Teacher, Institute of transport, service and tourism, Nizhegorodskaya oblast, R. p. Vorotynets
volkova10011985@mail.ru

Yashin S. — Doctor of medical Sciences, Professor, First St. Petersburg state medical University named after Akad. I. P. Pavlov

Zapariy V. — Candidate of Historical Sciences, Researcher of Institute of History and Archeology Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)
pantera.zap@gmail.com

Zhirkov D. — Senior lecturer, NORTH-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov
sparks220@mail.ru

Zinyatov A. — Postgraduate, Pacific national University
Zinyatov-aleksei82@mail.ru

Zyryanova S. — Candidate of Philological Sciences, senior lecturer, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow)
sv.minakova@yandex.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).